

СТИВЕН

КИНГ

ПОЧТИ
КАК «БЬЮИК»

СТИВЕН
КИНГ

ПОЧТИ
КАК «БЬЮИК»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
FROM A BUICK 8

Перевод с английского *В. Вебера*
Серийное оформление *А. Кудрявцева*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lots Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Почти как «бьюик» [роман] / Стивен Кинг ;
[пер. с англ. В. Вебера]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 448 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-093037-1

...Это началось почти двадцать лет назад, когда в полицейском
участке маленького городка появился конфискованный «при зага-
дочных обстоятельствах» черный «бьюик»...

...Это продолжалось долгие годы — потому что почти все копы,
связанные с историей «бьюинка», погибли — и погибли скверно.

Теперь в полицейский участок городка приезжает новый ста-
жер — мальчишка, готовый на все, чтобы разгадать тайну смерти сво-
его отца — и черного «бьюинка»...

Помочь ему способен только последний из оставшихся в жиз-
ных...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093037-1

© Stephen King, 2002

© Перевод. В. Вебер, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Сурендре и Гите Патель

ТЕПЕРЬ: Сэнди

В тот год после смерти Керта Уилкокса его сын частенько приходил к нам, действительно часто, но никто не говорил ему «Не мешайся под ногами» и не спрашивал, что он тут делает. Мы понимали, что он делает: пытаются удержать память об отце. Копы много чего знают о психологии горя; большинство из нас знает больше, чем хотелось бы.

Нед Уилкокс учился в выпускном классе средней школы Стэтлера. Должно быть, ушел из футбольной команды; когда пришла пора выбирать, отдал предпочтение патрульному взводу Д. Трудно представить себе, что молодой здоровый парень может предпочтеть неоплачиваемую работу по уборке территории играм по пятницам и вечеринкам по субботам, но именно так он и поступил. Не думаю, что кто-нибудь из нас говорил с ним о таком выборе, но за это-то мы его и уважали. Он решил, что пришло время покончить с играми, вот и все. Взрослые зачастую не способны на такие скорые решения; Нед принял свое, когда по закону еще не мог купить спиртное. Или, раз уж такой пошел разговор, пачку сигарет. Я думаю, отец гордился бы им. Более того, не думаю — знаю.

Судя по времени, что паренек проводил с нами, он не мог не увидеть некоего объекта, который стоял в гараже Б, и не спросить, откуда он взялся и почему находится там. Наверное, он спросил бы меня, потому что я был самым близким другом его отца. Самым близким из тех, кто еще служил в дорожной полиции. Да я и сам хотел, чтобы это случилось. Как говаривали старики, это средство или убьет, или излечит. Любопытство до добра не доводит, но все-таки это не порок. И я не имел ничего против того, чтобы ввести Неда в курс дела.

В случившемся с Кертиком Уилкоксом не было ничего загадочного. Известный в округе пьяница, которого Керт прекрасно знал и арестовывал шесть или восемь раз, отправил его в мир иной. Пьяница Брэдли Роуч никому не хотел причинить вреда; за пьяницами такого не водится. Но от этого желания гнать их пинками до самого Роксбурга не убывает.

В конце жаркого июльского дня две тысячи первого года Кертис остановил один из больших восемнадцатиколесников, этих сухопутных дредноутов, водитель которого покинул четырехполосную автостраду в надежде на обед в семейном кафе. Не хотелось ему в очередной раз травить организм в «Бургер кинг» или «Тако белл». Керт припарковался на заброшенной автозаправочной станции «Дженни» на пересечении шоссе 32 и Гумбольдт-роуд, другими словами, в том самом месте, где много лет назад и появился в нашей части вселенной этот чертов «бьюик-роудмастер»*. Вы

* «Бьюик-роудмастер» — первая двухдверная с открытым верхом модель с таким названием появилась в 1949 г. и сразу привлекла внимание запоминающимся внешним видом. Характерная особенность — «зубастая» радиаторная решетка от крыла до крыла. Модификации под этим названием продолжают выпускаться и ныне. — Здесь и далее примеч. пер.

можете назвать сие совпадением, но я — коп и в совпадения не верю, только в цепочки событий, которые удлиняются, утончаются, пока несчастье или человеческая злоба не рвет их.

Отец Неда поехал за этим трейлером, потому что с колеса сорвало протектор. Когда трейлер проезжал мимо, Нед увидел, что он крутится на одном из задних колес, словно большой черный обруч. Многие владельцы большегрузных грузовиков используют резину с восстановленным протектором, уж приходится: слишком дорого дизельное топливо, вот иногда протектор и срывает. Куски его частенько лежат на автострадах, на обочинах, у разделительного ограждения, напоминая шкуры гигантских черных змей. Ехать за грузовиком, с одного из задних колес которого сорвало протектор, опасно, особенно на двухполосной дороге вроде шоссе 32, соединяющего Роксбург и Стэтлер. Достаточно большой отлетевший кусок может разбить ветровое стекло. Если и не разобьет, так напугает водителя, что тот непроизвольно вывернет руль, угодит в канаву, в дерево, а то и слетит с насыпи в Редферн-стрим: на отрезке почти в шесть миль шоссе проложено аккурат по берегу реки.

Керт включил маячки, и водитель, как послужный мальчик, свернулся на обочину. Керт пристроился ему в затылок, первым делом связался с диспетчером, доложил о причине остановки и дождался ответа Ширли. Потом вылез из патрульной машины и направился к грузовику.

Если бы он сразу подошел к кабине, откуда уже высунулся водитель, скорее всего и сейчас топтал бы ногами планету Земля. Но задержался у заднего колеса, с которого сорвало протектор, даже дернул его, чтобы посмотреть, хватит ли сил разорвать. Водитель

все это видел и дал соответствующие показания в суде. Задержка Керта у задних колес и стала предпоследним звеном в цепи событий, которые привели его сына в патрульный взвод Д, и он стал одним из нас. А замкнул цепочку, как я и говорил, Брэдли Роуч, наклонившийся, чтобы достать банку пива из упаковки на полу у пассажирского сиденья его старого «бьюик-регал» (не тот «бьюик», о котором пойдет речь дальше, но тоже «бьюик», все так. Забавно, знаете ли: когда речь идет о несчастьях и любовных делах, вещи выстраиваются, как планеты в астрологическом гороскопе). Меньше чем через минуту Нед Уилкокс и его две сестры остались без отца, а Мишель Уилкокс — без мужа.

Вскоре после похорон сын Керта начал захаживать в расположение патрульного взвода Д. Той осенью я работал с трех дня до одиннадцати вечера (скоро контролировал, как идут дела, такая у меня теперь была работа) и, приезжая, первым делом видел парня, нравилось мне это или нет. Пока все его друзья носились по полю имени Флойда Б. Клоуза, разыгрывали комбинации, укладывали на землю манекены и отрабатывали удары по мячу, Нед сам по себе, в зеленом с золотом пиджаке школьной формы собирал в большие кучи опавшие листья. Он махал мне рукой, я отвечал тем же: ты, мол, все делаешь правильно, парень. Иногда, поставив автомобиль на стоянку, я выходил на лужайку, чтобы поболтать с ним. Он рассказывал о последних глупых выходках сестер, смеялся, но, несмотря на смех, чувствовалось, что он их очень любит. Иногда я сразу входил в здание через дверь черного хода и спрашивал Ширли, как идут дела. Служба охраны правопорядка на дорогах Западной

Пенсильвании без Ширли Пастернак развалилась бы, как карточный домик, и, заверяю вас, это не пустые слова.

Зимой Нед обретался на стоянке, где патрульные оставляли свои автомобили, убирали снег. За уборку нашей стоянки деньги получают братья Дафферы, из местных, но взвод Д базируется в стране амишей*, у подножия Низких холмов, и частенько случается, что ветер наметает сугробы сразу после отъезда снегоуборочной техники. Мне они напоминали огромные белые ребра. С этими сугробами и разбирался Нед. Даже если температура опускалась до восьми градусов**, а с холмов дул ураганный ветер, он убирал снег — в комбинезоне (в таких ездят на снегоходах), с надетым поверх зеленом с золотым пиджаке школьной формы, кожаных перчатках патрульного и горнолыжной маске-шлеме. Я махал ему рукой, он вскидывал в ответ правую, затем продолжал атаковать сугробы на снегоочистителе. Потом заходил, чтобы выпить кофе или чашку горячего шоколада. Патрульные спрашивали его, как дела в школе, слушаются ли его близняшки (в две тысячи первом его сестрам вроде бы ис-

* Амиши — консервативная секта меннонитов. Названа по имени основателя, Якоба Аммана. Основана в Швейцарии в 1690 г. В 1714 г. члены секты переселились на территорию современного штата Пенсильвания (сейчас проживают во многих других штатах, в частности в Айове, Мичигане, Небраске). Живут в сельских общинках. Буквальное толкование Библии запрещает им пользоваться электричеством, автомобилями и т. д. Амиши носят бороду (без усов), старомодную одежду с крючками вместо пуговиц, пользуются плугом в земледелии, строго соблюдают день отдохновения.

** 8 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют минус 13,3 градуса по шкале Цельсия. Поскольку температуры в романе будут приводиться часто, далее в сносках будет указываться только значение температуры по шкале Цельсия.

полнилось по десять). Спрашивали, ничего ли не нужно матери. Иногда подходил к нему и я, если какой-нибудь разгневанный налогоплательщик не возмущался работой полиции и удавалось справиться с бумажным потоком. Никто не упоминал его отца, но во всех разговорах он незримо присутствовал. Вы понимаете.

Вообще-то обязанность сгребать листья и убирать сугробы на стоянке лежала на Арки Арканяне, стороже. Он был одним из нас и никогда не злился и не ругался, если кто-то брался выполнять его работу. Черт, да когда начинал валить снег, готов спорить, Арки мог бы встать на колени и поблагодарить Бога, что тот послал нам этого парня. Арки уже перевалило за шестьдесят, так что для него дни, когда он играл в футбол, остались в далеком прошлом. Как и времена, когда он мог быть на улице полтора часа при температуре в десять градусов* (на двадцать пять** ниже, если учсть ветер), не испытывая никаких неудобств.

А потом парень связался с Ширли, на работе — полицейским оператором средств коммуникации Пастернак. К весне Нед все больше и больше времени проводил в ее маленьком закутке со всеми телефонами, ТУГ (телефонное устройство для глухих), картой местонахождения патрульных (так называемой Д-картои) и компьютером, мозговым центром этого маленького, но живущего очень напряженной жизнью мира. Она объяснила ему назначение всех телефонов (самый важный — красный, наш конец линии 911). Рассказала, что все оборудование должно проверяться раз в неделю, и показала, как это делается. Показала, как проводится ежедневная перекличка, чтобы

* Минус 12,2.

** Минус 26.

диспетчер точно знал, кто патрулирует дороги Стэтлера, Лассбурга и Погус-Сити, кто дает показания в суде, а у кого выходной.

— Самый мой кошмарный сон — потерять патрульного, не зная, что я потеряла его, — как-то раз услышал я слова, обращенные к Неду.

— Такое случалось? — спросил Нед. — Вы... теряли парня?

— Однажды, — ответила она. — До того, как начала здесь работать. Нед, я сделала тебе копию перечня всех кодов. Мы больше не должны ими пользоваться, но у патрульных они в ходу. Чтобы работать в коммуникационном центре, их надо знать.

Потом она вернулась к четырем основным принципам, на которых строилась ее работа: знать место, знать характер происшествия, знать, есть ли пострадавшие, и знать, где находится ближайшая патрульная машина. Место, происшествие, пострадавшие, БПМ — такова была ее мантра.

Я подумал: Он скоро сядет за диспетчерский пульт. Она хочет, чтобы он сел. И пусть она потеряет работу, если полковник Тегью или кто-то из Скрантона приедет и увидит, что она делает. Она хочет, чтобы он научился ее работе.

Когда я первый раз застал его одного в коммуникационном центре, он аж подпрыгнул и виновато улыбнулся, совсем как мальчишка, которого мать застукала в тот самый момент, когда он залез в лифчик подружки. Я лишь кивнул ему и пошел дальше, благо дел хватало. И никаких опасений у меня не возникло. Ширли оставила коммуникационный центр стэтлеровского взвода Д на попечение мальчишки, который брился лишь три раза в неделю, почти дюжина патрульных находились на связи, но я даже не замед-

лил шага. Мы же все держали в голове его отца, понимаете. Ширли, Арки, я и другие патрульные, с которыми Кертис Уилкокс прослужил более двадцати лет. Говорить можно не только вслух. Иногда это никакого значения и не имеет. Человек просто должен отличать главное от второстепенного.

Скрывшись из его поля зрения, я, впрочем, остановился. Постоял. Послушал. В той же комнате Ширли стояла у окна с чашкой кофе в руке. Смотрела на меня. Как и Фил Кандлтон, недавно закончивший смену и уже переодевшийся в гражданское.

В коммуникационном центре затрещало радио.

— Стэтлер, это двенадцатый, — произнес мужской голос. Радио искаляет голоса, но своих я по-прежнему узнавал. На связь вышел Эдди Джейкобю.

— Стэтлер слушает, говорите, — ответил Нед. Совершенно спокойно. Если и боялся ответственности, которая легла на его плечи, то голосом себя не выдал.

— Стэтлер, у меня «фольксваген-джетта», номер 14—0—7—3—9 Фокстрот, это Пенсильвания. Стоим на дороге 99. Мне нужен 10—28, прием.

Ширли рванулась через комнату. Кофе выплеснулся из чашки ей на руку. Я взял ее за локоть, остановил. Эдди Джейкобю находился на сельской дороге, он только что остановил водителя «джетты» за какое-то правонарушение, скорее всего за превышение скорости, и ему хотелось знать, что известно как об автомобиле, так и о его владельце. Хотелось знать, потому что он собирался покинуть патрульную машину и подойти к «джетте». Хотелось знать, потому что он мог подставитьсь под пулю — сегодня, как и в любой другой день. Не в угоне ли «джетта»? Не попадала ли в аварию в последние шесть месяцев? Есть ли у водителя судимости? Убил он кого-нибудь? Ограбил? Из-

насиловал? Не числятся ли за ним неоплаченные штрафы за неправильную парковку?

Эдди имел право все это знать, и необходимая информация хранилась в банках памяти. Но Эдди имел также право знать, почему ученик средней школы только что сказал ему: «Это Стэтлер, говорите». Я подумал — решать Эдди. Если сейчас он скажет: «Где, черт побери, Ширли?» — я отпущу ее локоть. А вот если Эдди этого вопроса не задаст, тогда мне хотелось бы посмотреть, что сделает наш герой. И как он это сделает.

— Двенадцатый, подождите. — Если Неда и прошиб пот, на голосе это никак не отразилось. Он повернулся к дисплею компьютера, включил «Uniscope», поисковую программу, которая используется полицией штата Пенсильвания. Ввел исходные данные, потом решительно нажал на клавишу «ENTER».

Последовала пауза, во время которой мы с Ширли стояли бок о бок и вместе надеялись. Надеялись, что парень вдруг не обратится в статую. Надеялись, что не отодвинет стул и не выбежит из коммуникационного центра. Надеялись, что он послал правильный запрос и получит нужный ответ. Пауза затянулась на целую вечность. Я слышал, как зачирикала какая-то птица. Издалека доносилось мерное гудение самолета. Мне хватило времени подумать о цепочках событий, которые люди зачастую предпочитали называть совпадениями. Одна из таких цепочек разорвалась, когда отец Неда погиб на шоссе 32; здесь и сейчас начинала формироваться другая. Эдди Джейкобю, надо честно признать, не семи пядей во лбу, подсоединялся к Неду Уилкоксу. А следующим звеном становился «фольксваген-джетта». И водитель, кем бы он ни был.

Наконец:

- Двенадцатый, это Стэтлер.
- Двенадцатый слушает.
- «Джетта» зарегистрирована на Уильяма Керка Фрейди из Питтсбурга. Ранее он... э... подождите...

То была его первая заминка, и я мог слышать торопливое шуршание бумаг: он искал листок с кодами правонарушений, полученный от Ширли. Нашел, что-то недовольно буркнул себе под нос. Все это время Эдди терпеливо ждал за рулем своей патрульной машины в двенадцати милях к западу. Возможно, смотрел на повозки амишей, возможно, на фермерский дом, на одном из окон которого отодвинули занавеску, демонстрируя, что в проживающей в нем семье амишей есть дочь на выданье, возможно, на далекие холмы Огайо. Только всего этого он в тот момент не видел. Потому что полностью сосредоточил внимание на стоящей на обочине «джетте». Водителя он тоже не видел — только силуэт за стеклом. И кто он, этот водитель? Богач? Бедняк? Нищий? Вор?

На этот вопрос ответил Нед:

- Двенадцатый, Фрейди трижды наказывался за УТСНВ, вы поняли?

Итак, водитель «джетты» — пьяница, которого трижды наказывали за управление транспортным средством в нетрезвом виде. Может, сейчас он и был трезвым, но если превысил скорость, почти наверняка выпил.

- Понял, Стэтлер, — лаконично, как и положено. — Сейчас у него все в порядке? — Эдди хотел знать, имел ли право водитель «джетты» садиться за руль, закончился ли срок последнего наложенного на него взыскания.

- Э... — Нед вглядывался в белые буквы на синем экране.

Ответ перед тобой, парень, неужто ты не видишь? — Я затаил дыхание.

— Да, Двенадцатый. Водительское удостоверение возвращено ему три месяца назад.

Я выдохнул. Рядом со мной выдохнула Ширли. И Эдди получил хорошие новости. Фрейди имел право управлять автомобилем, следовательно, не проявил особой агрессивности. За это говорила наша многолетняя практика.

— Двенадцатый идет на контакт, принято?

— Принято, Двенадцатый идет на контакт, оставь на связи, — ответил Нед. Я услышал щелчок и глубокий выдох облегчения. Кивнул Ширли, которая подошла ближе к коммуникационному центру. А сам поднял руку и вытер лоб, не удивившись, что он мокрый от пота.

— Как идут дела? — спросила Ширли. Ровным, спокойным голосом, всем своим видом показывая, что, по ее разумению, на западном фронте тишина и благодать.

— На связь вышел Эдди Джейкобю, — ответил Нед. — У него 10-27. — В переводе на язык штатских это означало — проверка документов. Но патрульному говорило, что водитель в девяти случаях из десяти нарушил правила. В голосе Неда прорывалось волнение, но что с того? Теперь он имел полное право дать волю чувствам. — Он остановил «джетту» на дороге 99. Я передал запрошенную информацию.

— Расскажи подробнее, — попросила Ширли. — Что ты делал, по этапам, Нед. И побыстрее.

Я сдвинулся с места. У двери в мой кабинет меня перехватил Фил Кандлон. Кивнул головой в сторону коммуникационного центра.

— Как малец справился?

— Все сделал правильно, — ответил я и прошел к себе. Только сев за стол, почувствовал, как дрожат ноги — прямо как ватные.

Его сестры, Джоан и Джанет, были похожи как две капли воды. Они были неразлучными, а мать видела в них лишь самую малость от погибшего мужа: синие глаза, светлые волосы, пухлые губы (не зря же к Керту прилепилось прозвище Элвис). Мишель видела своего мужа в сынке, который взял от отца практически все. Добавить несколько морщинок у глаз, и Нед выглядел бы точь-в-точь как Кертис в тот год, когда он поступил на службу в полицию.

Им Кертиса заменял он. Неду — мы.

Как-то в апреле он появился в расположении роты, сияя, как медный таз. Улыбаясь, Нед еще больше молодел, становился еще красивее. Но я, помнится, подумал, что мы все становимся моложе и красивее, если улыбаемся от души и действительно счастливы, а не пытаемся под учтивой маской скрывать истинные чувства. Улыбка Неда тогда просто поразила меня: я вдруг понял, что до этого он практически не улыбался. А так широко — уж точно. Не думаю, что такая мысль приходила мне в голову раньше, верно потому, что он всегда был вежливым, ответственным, сообразительным. То есть человеком, с которым приятно иметь дело. И его серьезность как-то не замечалась, пока он не позволил себе улыбнуться.

Он вышел на середину комнаты, и все разговоры стихли. В руке он держал бумагу. С золотым гербом наверху.

— Питсбург! — Обеими руками он поднял бумагу над головой, словно олимпийскую медаль. — Меня

приняли в Питсбургский университет! И дали мне стипендию! Практически полностью покрывающую оплату обучения!

Все зааплодировали. Ширли чмокнула его прямо в губы, отчего парнишка залился краской. Хадди Ройер, который, несмотря на выходной, болтался в расположении взвода, ворча по поводу судебного процесса, где ему предстояло давать показания, вышел и вернулся с пакетом пирожков. Арки своим ключом открыл автомат с баночками прохладительных напитков, и мы устроили пир. Уложились где-то в полчаса, не больше, и разошлись в прекрасном настроении. Все пожимали руку Неду, письмо из Питсбургского университета обошло комнату (я думаю, дважды), два копа, которые в этот день не работали, специально приехали из дому, чтобы перекинуться с Недом парой слов и поздравить его.

А потом, конечно, пришлось спускаться с облаков на грешную землю. Западная Пенсильвания — место спокойное, но все же не кладбище. Загорелся дом в Погус-Сити (этот городишко такой же Сити, как я — эрц-герцог Фердинанд), на дороге 20 перевернулась повозка амишей. Амиши держатся обособленно, но в таких случаях от помощи не отказываются. Лошадь не пострадала, а это главное. Основные происшествия с повозками приходятся на вечера пятницы и субботы, когда молодые ребята в черном отдают должное спиртному. Иной раз какой-нибудь доброхот покупает им бутылку или ящик пива «Айрон-Сити», иногда они пьют пойло собственного приготовления, убойный самогон, который не поднесешь и заклятому врагу. Таковы реалии жизни. Это наш мир, и мы по большей части его любим, включая амишей с их богатыми фермами и оран-

жевыми треугольниками на задках маленьких аккуратных тележек.

И конечно, на мне лежала работа с документацией, с бумагами, которых с каждым годом становилось все больше. Теперь я уже не понимаю, почему хотел стать начальником. Я сдал экзамен на звание сержанта, когда Тони Скундиш обратился ко мне с таким предложением, следовательно, тогда видел в этом какой-то смысл, но нынче точно не вижу.

Где-то в шесть вечера я вышел покурить. Для этого у нас есть специальная скамья у автомобильной стоянки. С нее открывается совсем неплохой вид. Нед Уилкокс сидел на скамье с письмом из Питсбургского университета в одной руке, а по его лицу катились слезы. Посмотрел на меня, отвернулся, вытер глаза ладонью свободной руки.

Я сел рядом, хотел обнять за плечо, но не стал этого делать. Обычно такое сочувствие выглядит фальшиво. По моему разумению. Я — холостяк, все мои знания об отцовстве могут уместиться на булавочной головке, где еще останется место для молитвы «Отче наш». Поэтому я закурил и какое-то время вдыхал и выдыхал дым.

— Все нормально, Нед, — наконец выдавил я из себя. Все, что смог придумать, хотя так и не понял, что могли означать мои слова.

— Я знаю, — ответил он сдавленным, пытающимся сдержать слезы голосом и тут же добавил, словно продолжил предложение, мысль: — Нет, не нормально.

И по интонации я понял, что он очень обижен. Что-то его крепко мучило, не давало покоя.

Я курил и молчал. На дальней стороне автостоянки стояли деревянные постройки, которые давно сле-

довало или подновить, или снести. Раньше в них хранилась разнообразная дорожная техника округа Стэтлер, грейдеры, бульдозеры, асфальтоукладчики, но десять лет назад для них построили новый большой каменный ангар, очень напоминающий тюрьму. От всего дорожного хозяйства осталась огромная куча соли (солью мы пользовались, отщипывали помаленьку, но куча, можно сказать, гора, не убывала). Среди этих построек находился и гараж Б. Черные буквы на раздвигаемых воротах заметно выцвели, но еще читались. Думал ли я о «бьюике-роудмастере», который стоял за этими воротами, когда сидел рядом с плачущим парнишкой и неловко хотел обнять его? Не знаю. Может, и думал, но не уверен, что нам самим известны все наши мысли. Фрейд, конечно, напридумывал много всякой чуши, но в этом, пожалуй, не ошибался. Я ничего не знаю о подсознании, но в голове каждого из нас есть свой пульс, это точно так же, как и в груди, и пульс этот несет в себе бесформенные, не выражаемые словами мысли, которые по большей части мы не можем даже понять, хотя обычно это важные мысли.

— Что сказала твоя мать, когда ты показал ей это письмо?

Он рассмеялся.

— Не сказала. Закричала, словно только что выиграла в телевикторине поездку на Бермуды. А потом заплакала. — Нед повернулся ко мне. Слезы на щеках высохли, но глаза заметно покраснели. И выглядел он куда моложе своих восемнадцати. На лице сверкнула короткая улыбка. — Конечно, она очень обрадовалась. Как и маленькие Джи. Как и вы. Ширли поцеловала меня... у меня по коже пробежали мурашки.

Я рассмеялся, подумав, что мурашки пробежали и по коже Ширли. Он ей, конечно, нравился, па-

рень-то симпатичный, и мысль сыграть роль миссис Робинсон вполне могла прийти ей в голову. Неизбательно приходила, но могла. Ее муж уже двадцать лет как пропал из виду.

Улыбка Неда поблекла. Он посмотрел на письмо из университета.

— Я знал, что ответ положительный, как только достал письмо из почтового ящика. Каким-то образом мог это знать. И мне снова стало недоставать его. Совсем как раньше.

— Я знаю. — Но, разумеется, я не знал. Мой отец жив и сейчас — крепкий, энергичный, любящий крепкое словцо семидесятичетырехлетний мужчина. И моя мать в свои семьдесят особо не жалуется на здоровье.

Нед вздохнул, посмотрел на холмы.

— Он так глупо погиб. Я даже не смогу сказать своим детям, если они у меня будут, что их дедушка пал под градом пуль, преследуя грабителей банка или террористов, пытавшихся заложить бомбу под здание окружного суда. Ничего такого не было.

— Да, — согласился я, — не было.

— Я даже не смогу сказать, что он потерял бдительность. Он просто... мимо проезжал пьяница, и он просто...

Нед наклонился вперед, словно старик, у которого скрутило живот, и тут я положил руку ему на спину. Он очень старался не расплакаться, это было видно. Старался выглядеть настоящим мужчиной, уж не знаю, что это означало для восемнадцатилетнего парнишки.

— Нед. Не надо.

Он яростно замотал головой.

— Если есть Бог, тогда должна быть причина. — Он смотрел в землю. Моя рука все еще лежала у него

на спине, и я чувствовал, как она поднимается и опускается, словно он только что пробежал длинную дистанцию. — Если есть Бог, должна быть какая-то логика событий. Но ее нет. Во всяком случае, я ее не вижу.

— Если у тебя будут дети, Нед, ты сможешь сказать, что их дедушка умер, выполняя свой долг. Потом приведи их сюда, покажи им его фамилию на доске павших, рядом с другими.

Он вроде бы меня не слышал.

— Мне снится сон. Плохой сон. — Он замолчал, словно задумался, как выразить свою мысль словами, потом продолжил: — Мне снится, что все это сон. Вы понимаете, о чем я?

Я кивнул.

— Я просыпаюсь в слезах, оглядываю комнату. Она залита солнечным светом. Поют птицы. Утро. Снизу доносится запах кофе, и я думаю: «Он в порядке. Слава тебе, Господи, мой отец жив и здоров». Я не слышу его голоса, просто знаю. И думаю: что за глупость, конечно же, он не мог идти вдоль трейлера, чтобы сказать водителю, что у него с заднего колеса сорвало протектор, и попасть под автомобиль, за рулем которого сидел пьяница. Такую глупость можно увидеть только в глупом сне, где все может показаться таким реальным... и я начинаю перекидывать ноги через край кровати... иногда я вижу, как мои лодыжки попадают в полосу солнечного света... даже чувствую его тепло... а потом просыпаюсь, еще ночь, я укрыт одеялом, но мне очень холодно, я просто дрожу от холода и знаю, что это всего лишь сон.

— Ужасно, — ответил я, вспомнив, что в детстве мне снился точно такой же сон. Только про мою собаку. Собрался уже сказать ему, но передумал. Горе, оно всегда горе, но собака — не отец.

— Все было бы не так плохо, если б я видел этот сон каждую ночь. Тогда, думаю, я бы понял, даже в сне, что не пахнет никаким кофе и до утра еще далеко. Но каждую ночь он не приходит... не приходит... а когда я его вижу, он опять обманывает меня. Я такой радостный, такой счастливый, думаю, что чем-нибудь порадую его, скажем, куплю на день рождения армейский нож, который ему так нравился... и просыпаюсь. Вновь чувствую себя обманутым. — Может, мысли о дне рождения отца, который в этом году не праздновали, вызвали новый поток слез. — Это так ужасно, быть обманутым. Совсем как в тот день, когда мистер Джонс вызвал меня с урока всемирной истории, чтобы сообщить, что случилось, только хуже. Потому что я один, когда просыпаюсь в темноте. Мистер Гренвиль, наш школьный психолог, говорит, что время лечит раны, но прошел почти год, а я все вижу этот сон.

Я кивнул. Я помнил Десять Фунтов, застреленного охотником как-то в ноябре, уже остывшего в луже собственной крови, под белым небом, когда я его нашел. Белое небо обещало снежную зиму. В моем сне я всегда находил другую собаку, не Десять Фунтов, и всякий раз испытывал безмерное облегчение. До той секунды, как просыпался. Подумав о Десяти Фунтах, я вспомнил нашего пса-талисмана давних времен. Его называли Мистер Диллон, в честь шерифа из телесериала, сыгранного Джеймсом Арнессом. Хороший был пес.

— Мне знакомо это чувство, Нед.
— Правда? — Он с надеждой посмотрел на меня.
— Да. И со временем оно уходит. Поверь мне, уходит. Но он был твоим отцом, не одноклассником или соседом. Возможно, этот сон будет тебе сниться

и следующий год. Возможно, и десять лет ты будешь, хоть и реже, видеть его.

— Это кошмар.

— Нет. — Я покачал головой. — Это память.

— Если бы была причина. — Он впился в меня взглядом. — Чертова причина. Вы понимаете?

— Конечно.

— Думаете, она есть?

Я уже хотел сказать ему, что ничего не знаю насчет причин, только насчет цепочек событий... как они формируются, звено за звеном, из ничего, как вплетаются в уже существующий мир. Иногда можно ухватиться за такую вот цепь и, воспользовавшись ею, вытянуть себя из темноты. Но по большей части в них запутываются. Если просто запутываются, считай, что повезло. Если же цепи становятся удавками — то нет.

И тут я заметил, что опять смотрю через автостоянку на гараж Б. Смотрю и думаю: если с умом воспользоваться тем, что стоит под его крышей, Нед Уиллокс, возможно, привыкнет жить без отца. Люди привыкают практически ко всему. Полагаю, это главный закон нашей жизни. И конечно же, главный кошмар.

— Сэнди? О чём вы думаете?

— Я думаю, ты обратился не по адресу. Я многое знаю насчет работы, надежды. Как отправить какого-нибудь психа на встречу с ЗПД.

Он улыбнулся. В патрульном взводе Д о ЗПД все говорили очень серьезно, словно речь шла об одном из подразделений сил охраны правопорядка. На самом деле эта аббревиатура расшифровывалась как «золотые пенсионные денечки». Я думаю, ЗПД ввел в наш лексикон Хадди Ройер.

— Я также знаю, как сохранять вещественные доказательства, чтобы ни один шустрый адвокат не вы-

шиб из-под тебя стул во время судебного процесса, выставив на посмешище. А в остальном я обычный, мало что понимающий в этой жизни американский мужчина.

— По крайней мере вы — честный.

Но был ли я честен? Или ждал этого чертова вопроса? Честным я себя тогда не чувствовал. Скорее ощущал себя человеком, который, не умея плавать, смотрит на ребенка, барахтающегося на глубокой воде. И вновь мой взгляд вернулся к гаражу Б. «Здесь холодно? — в стародавние времена спросил отец этого мальчика. — Здесь холодно или мне кажется?»

Нет, ничего ему не казалось.

— О чем вы задумались, Сэнди?

— Ничего особенного, — ответил я. — Как ты собираешься провести это лето?

— А?

— Что ты собираешься делать этим летом? — Уж точно не играть в гольф в Мэнне или ходить под парусом на озере Тахо. Стипендия или нет, Неду требовались зелененькие бумажки.

— Наверное, пойду в департамент парков и организации отдыха, — ответил он. — Я работал там прошлым летом, до того как... вы знаете.

До того, как погиб его отец. Я кивнул.

— Я получил письмо от Тома Маккланнахэна. Пишет, что держит для меня место. Упомянул о тренировке детской бейсбольной команды, но, думаю, это всего лишь приманка. В основном придется махать лопатой и устанавливать распылители для полива, как в прошлом году. Я могу махать лопатой и не боюсь испачкать руки. Но Том... — Он пожал плечами, вместо того чтобы закончить фразу.

Я знал, о чем умолчал Нед. Есть два вида алкоголиков, которые еще способны работать. Одни такие крепкие, что им удается и пить, и работать, другие такие милые, что люди покрывают их промашки, пока они не переходят черту безумия. Том относился к крепким — последний побег семейного дерева, укоренившегося в плодородной почве округа в начале девятнадцатого столетия. Маккланнахэны подарили обществу сенатора, двух членов палаты представителей, полдесятка членов законодательного собрания Пенсильвании и множество чиновников округа Стэтлер. Том, по всем меркам, был строгим боссом, лишенным, правда, политического честолюбия. И ему нравилось учить подростков вроде Неда, тихих и хорошо воспитанных, добиваться своего и толкаться локтями. И разумеется, по мнению Тома, им никогда не хватало ни настырности, ни силы в локтях.

— Пока не пиши ответа, — сказал я. — Сначала я хочу кое с кем переговорить.

Я думал, он проявит любопытство, но Нед только кивнул. Я смотрел на него, сидящего на скамье, с письмом на колене, и думал, что он больше похож на юношу, которому отказали в приеме в колледж, чем на получившего сообщение, что его не только приняли, но и положили большую стипендию.

Потом пришла другая мысль. Отказали не в приеме в колледж, а в месте в жизни. Конечно, действительности это не соответствовало, письмо из Питтсбурга — тому свидетельство, но в тот момент у меня сложилось такое вот впечатление. Не знаю, почему успех иной раз повергает нас в большее уныние, чем неудача, но это так. И помните, ему было лишь восемнадцать, возраст Гамлета, если таковой реально существовал.

В какой уж раз я посмотрел на гараж Б, думая о том, что в нем стоит. Никто из нас этого не знал.

Наутро я позвонил полковнику Тегью в Батлер, где располагалось наше региональное управление. Объяснил ситуацию, подождал, пока он свяжется с большими шишками в Скрантоне. Много времени Тегью не потребовалось, и вернулся он с хорошими новостями. Потом я переговорил с Ширли, очень порадовав ее: она благоволила и к отцу, а уж сына просто обожала.

И когда Нед во второй половине дня пришел на нашу базу, я спросил, не хотел бы он провести лето, обучаясь работе диспетчера и получая за это приличные деньги, вместо того чтобы слушать стоны и вопли Тома Маккланнахэна в департаменте парков и организации отдыха. На мгновение он остался застыл, как статуя. А потом его лицо осветила широченная улыбка. Я думал, он бросится мне на шею. Если бы я прошлым вечером обнял его, точно бы бросился. Но я не обнял, вот и он ограничился тем, что сжал кулаки и победно их вскинул, крикнул: «Да-а-а-а!»

— Ширли согласилась взять тебя в ученики, и ты получил официальное разрешение из Батлера. Махать лопатой, как для Маккланнахэна, тебе не придется, но...

На этот раз он бросился мне на шею, радостно смеясь, и, должен отметить, мне понравилось. К такому я мог бы и привыкнуть.

Обернувшись, он увидел Ширли, которая стояла между двумя патрульными, Хадди Ройером и Джорджем Станковски. В серой форме все трое выглядели очень уж серьезными. Хадди и Джордж еще и надели форменные шляпы, отчего их рост увеличился чуть ли не до девяти футов.

— Вы не возражаете? — спросил Нед Ширли. — Правда?

— Я научу тебя всему, что знаю, — ответила Ширли.

— Да? — спросил Хадди. — И что он будет делать после первой недели?

Ширли ткнула его локтем. Удар пришелся чуть повыше рукоятки «беретты» и достиг цели. Хадди картинно воскликнул: «О-о-ох!» — и пошатнулся.

— Я тут для тебя кое-что подготовил, — сказал Джордж очень спокойно, с добродушной улыбкой. Одну руку он держал за спиной.

— Что? — чуть нервно спросил Нед, хотя на лице по-прежнему сияла радостная улыбка. За спиной Джорджа, Ширли и Хадди начали собираться другие патрульные.

— Только терять это нельзя, — добавил Хадди наизнительным тоном, очень серьезно.

— Что это, что? — В голосе Неда добавилось нервозности.

Рука Джорджа появилась из-за спины с маленькой белой коробочкой. Он протянул ее юноше. Нед посмотрел на коробочку, на патрульных, взял ее, открыл. Внутри лежала большая пластиковая звезда с выбитыми на ней словами «ПОМОЩНИК ШЕРИФА».

— Добро пожаловать в патрульный взвод Д, Нед. — Джордж пытался сохранять серьезность, но ему это не удалось. Он загоготал, а вскоре смеялись и все остальные, окружив Неда, пожимая ему руку.

— Ну вы и весельчаки, — говорил он, — вот уж шутка так шутка. — Он улыбался, но я подумал, что он вот-вот расплачется. Внешне это ничем не проявлялось, но слезы могли политься в любой момент. Думаю, Ширли Пастернак тоже это почувствовала. И ко-

гда парнишка извинился, сказав, что ему надо в туалет, я догадался: ему нужно время прийти в себя, убедиться, что происходящее с ним — не очередной сон. Иногда, когда все идет наперекосяк, мы получаем больше помощи, чем надеялись. Но случается, что и ее не хватает.

Благодаря Неду о том лете у нас остались наилучшие воспоминания. Он нам нравился, и ему нравилось быть с нами. А особенно часы, проводимые в коммуникационном центре. Какое-то время он изучал коды, но в основном учился правильно реагировать на запросы и осваивал методику ответа на одновременные звонки. Он быстро набирался опыта, выдавал патрульным запрошенную информацию, пальцы его бегали по клавиатуре, словно по клавишам пианино, при необходимости связывался с другими патрульными подразделениями, как это случилось после сильных гроз, обрушившихся на Западную Пенсильванию в конце июня. Слава Богу, обошлось без торнадо, но уж на дождь, ветер, громы и молнии природа не поскупилась.

Единственный раз он едва не запаниковал днем или двумя позже, когда какой-то мужчина, представший перед мировым судьей округа Стэтлер, вдруг тронулся умом и начал бегать кругами, срывая с себя одежду и что-то крича про Иисуса Пениса. Именно так и кричал, у меня где-то даже рапорт сохранился. С коммуникационным центром сразу связались четверо патрульных. Двое уже находились на месте, двое мчались туда на полной скорости. Пока Нед пытался разобраться с ними, на связь вышел патрульный из Батлера, сказал, что он на дороге 99, преследует нарушителя скоростного режима... баах! Связь обо-

рвалась. Нед предположил, что патрульная машина слетела с дороги и перевернулась, и предположил правильно (водитель остался цел и невредим, но по-гоня для него закончилась и нарушитель вышел сухим из воды). Вот тут Нед принял звать Ширли, отпрянул от компьютера, телефонов, микрофона, словно они раскалились добела. Она быстро перехватила бразды правления, но успела обнять его и поцеловать, прежде чем занять покинутое им кресло. Никто не погиб, никто не получил серьезных травм, а мистер Иисус Пенис отправился в психиатрическое отделение Стэтлеровской мемориальной больницы для освидетельствования. То был единственный раз, когда Нед дал маху, но он не стал заикливаться на случившемся, наоборот, сделал соответствующие выводы.

А в целом его прогресс впечатлял.

Ширли с удовольствием учila его. Удивляться не приходилось; она и раньше проявляла желание поделиться с ним премудростями своей работы, рискуя вылететь со службы, потому что официального разрешения ей никто не давал. Она знала, мы все знали, что Нед не собирается работать в полиции, во всяком случае, он об этом даже не заикался, но Ширли это не волновало. Тем более что ему нравился ритм нашей жизни. Нравилось не спадающее напряжение, он от него как бы подзаряжался. О его единственном промахе я уже написал, и, по-моему, это только пошло Неду на пользу. Он окончательно уразумел, что работа — не компьютерная игра, что по его электронной доске движутся реальные люди. И если бы с Питсбургским университетом не сложилось, кто знает? Он ведь уже превзошел Мэтта Бабицки, предшественника Ширли.

В начале июля (прошел год со смерти его отца) парнишка подошел ко мне, чтобы спросить о гараже Б. О дверной косяк постучали (дверь-то я практически всегда оставляю открытой), я поднял голову и увидел его, в футболке и вылинявших синих джинсах, из задних карманов которых торчали красные тряпки для протирания стекол. Я сразу понял, с чем он ко мне пожаловал. Может, из-за тряпок, может, что-то прочитал во взгляде.

— Я думал, у тебя сегодня выходной, Нед.

— Да. — Он пожал плечами. — Мне нужно было кое-что сделать. И... э... когда выйдете покурить, я бы хотел кое о чем спросить. — В голосе прорывалось волнение.

— Зачем откладывать на потом то, что можно сделать сейчас. — Я поднялся.

— Правда? Если вы заняты...

— Я не занят, — ответил я, хотя дел хватало. — Пошли.

Только-только началась вторая половина обычного для Низких холмов страны амишей летнего дня: небо в облаках, от жары и сильной влажности горизонт в дымке, и наш мир, всегда такой огромный и яркий, кажется маленьким и тусклым, как старая поблекшая фотография. С запада доносились глухие раскаты грома. К вечеру могла разразиться гроза, с середины июня грозы случались у нас не реже трех раз в неделю, но пока жара и влажность вышибали из тебя пот, как только ты выходил из помещения, где прохладу поддерживал кондиционер.

Два резиновых ведра стояли перед воротами гаража Б, одно — с мыльным раствором, второе — с чистой водой. Из одного торчала ручка швабры. Фил

Кандлтон, сидевший на скамье для курильщиков, понимающе глянул на меня, когда мы проходили мимо.

— Я мыл окна, — объяснял Нед, — а когда закончил, решил вылить воду на свалку. — Он показал на пустое пространство между гаражами Б и В, где лежали пара ржавеющих ножей бульдозера, несколько старых тракторных покрышек да росли сорняки. — Потом решил протереть окна гаражей, прежде чем выливать воду. В гараже В окна были очень грязные, а вот в гараже Б — практически чистые.

Меня это не удивило. В маленькие окошки, которые тянулись вдоль фронтона гаража Б, заглядывали два, а то и три поколения патрульных, от Джекки О'Хара до Эдди Джейкобю. Я помнил, как они стояли у сдвижных ворот, будто дети на выставке возле какого-то особо интересного экспоната. Ширли тоже стояла, как и ее предшественник, Мэтт Бабицки; подойдите ближе, дорогие, и увидите живого крокодила. Обратите внимание на его зубы, какие они блестящие.

Отец Неда однажды вошел внутрь с веревкой, завязанной на поясе. Я тоже бывал в гараже. Хадди, разумеется, и Тони Скундист, наш прежний сержант. К тому времени, когда Нед получил официальное разрешение на работу в патрульном взводе Д, Тони уже четыре года жил в заведении, где о старицах заботились, как о малых детях. Многие из нас побывали в гараже Б. Не потому, что хотели, — просто время от времени приходилось. Кертис Уилкокс и Тони Скундист стали главными исследователями «роудмастера», и именно Керт повесил в гараже термометр с большими числами, чтобы мы могли видеть его показания снаружи. Для этого следовало лишь прижаться лбом к одной из стеклянных панелей, которые тянулись на высоте пяти с половиной футов, и с двух сторон при-

ложить к вискам руки, чтобы отсечь дневной свет. До появления сына Кертиса другим способом окна гара-жа Б не чистили. Хватало лбов тех, кто прижимался к стеклам, чтобы посмотреть на живого крокодила. Или, если ближе к делу, на укрытый брезентом объ-ект, который выглядел почти как восьмицилиндровый «бьюик». Брезентом укрыли его мы, как накрывают простыней труп. Только иной раз брезент сползал. Не-понятно почему, но сползал. И трупа под ним не было.

— Посмотрите! — Глаза у Неда горели, как у ма-ленького мальчишки, увидевшего что-то удивитель-ное. — Какой отличный старый автомобиль! Даже луч-ше отцовского «белэра»*. Это «бьюик», судя по радиа-торной решетке и форме воздухозаборников. Должно быть, модель середины пятидесятых.

Согласно Тони Скундисту, Кертису Уиллоксусу и Эннису Рафферти, это была модель 1954 года**. По-чи 54-го. Потому что при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это не модель 1954 года. И не «бьюик». И вообще не автомобиль. А что-то еще, как мы говорили в дни моей далекой юности.

А Нед все трещал, как пулемет.

— И он в прекрасном состоянии, это видно даже отсюда. Все так странно, Сэнди! Я заглянул внутрь и увидел что-то укрытое брезентом. Начал мыть окна. Потом раздался какой-то звук. Вернее, два звука. Сначала что-то зашуршало, потом упало. Брезент со-скользнул с автомобиля, пока я мыл окна! Словно ав-томобиль хотел повидаться со мной! И это тоже более чем странно.

* «Белэр» — одна из основных моделей «шевроле», выпускав-
мая с 1949 г. В 1965—1969 и 1971—1974 гг. принадлежала к числу ав-
томобилей самого массового спроса.

** С этой модели «срисован советский «ЗИМ».

— Странно, согласен с тобой. — Я прислонился лбом к стеклу (как прислонялся десятки раз), ладонями прикрыв глаза от дневного света. Да, стоявший внутри объект выглядел почти как «бьюик», это точно, и находился в прекрасном состоянии, как и отметил парнишка. Эта знаменитая радиаторная решетка смотрела на меня, как пасть хромированного крокодила. Шины с белыми боковинами. Выступающие из корпуса крылья задних колес. «Ты, крошка, слишком крут для школы», — помнится, говорили мы. В полу-мраке гаража он выглядел черным. На самом деле был темно-синим.

«Бьюики» модели «роудмастер» 1954 года красились в том числе и в темно-синий цвет, скундист проверял, но при этом определенно использовалась другая краска. Эта на ощупь казалась чешуйчатой.

Там сейсмоопасная зона, раздался голос Кертиса Уилкокса.

Я подпрыгнул. Уж год как мертвый или нет, говорил он мне прямо в ухо.

— Что с вами? — спросил Нед. — Вы словно увидели призрака.

Услышал, едва не ответил я, но с языка слетело другое слово:

- Ничего.
- Вы уверены? Вы подпрыгнули.
- Наверное, гусь прошел по моей могиле. Я в порядке.

— Так откуда взялся этот автомобиль? Кому он принадлежит?

Ну и вопросик он задал.

- Не знаю, — честно ответил я.
- А почему он стоит в темном гараже? Черт, если бы у меня был такой красавец, да еще на ходу, я бы

никогда не держал его в грязном, старом сарае. — Тут его осенило. — Это автомобиль преступника? Вещественное доказательство по какому-то делу?

— Считай, что так. Задержан за кражу. — Так мы, во всяком случае, говорили между собой. Не слишком убедительное объяснение, но, как однажды заметил Кертис, чтобы повесить шляпу, нужен всего один гвоздь.

— Кражу чего?

— Бензина на сумму в семь долларов. — Я не мог заставить себя сказать, кто закачивал в бак этот бензин.

— Семь долларов? Всего-то?

— Ну, — ответил я, — чтобы повесить шляпу, нужен всего один гвоздь.

Он в недоумении смотрел на меня. Я, молча, на него.

— А можно войти? — спросил он. — Взглянуть поближе?

Я снова прижался лбом к стеклу, увидел показания термометра, висевшего на потолочной балке, круглого и бесстрастного, как лик луны. Тони Скундист купил его в магазине «Реальная цена» в Стэтлере, заплатив из собственного кармана, а не из расходного фонда патрульного взвода Д. И отец Неда повесил его на балку. Как шляпу на гвоздь.

И хотя там, где мы стояли, температура зашкаливала за восемьдесят пять* и все знают, что в непропретиваемых сараях в жаркий день она всегда выше, чем на улице, большая красная стрелка термометра расположилась аккурат между пятерками числа 55**.

— Не сейчас, — ответил я.

* 29,5 градуса.

** 12,8 градуса.

— Почему? — Потом, словно поняв, что он слишком уж нетерпелив, даже назойлив, Нед спросил уже мягче: — Почему мы не можем войти в гараж прямо сейчас?

— Потому что это опасно.

Он несколько секунд смотрел на меня. Любопытство сошло с его лица, вновь я увидел того же мальчишку, что и в день, когда он получил письмо из Питсбургского университета. Мальчишку, сидевшего на скамье для курильщиков с катящимися по щекам слезами, хотевшего знать то же, что и каждый мальчишка, когда у него внезапно отнимают самое дорогое: почему это происходит, почему это происходит со мной, есть для этого причина или все решает некое рулеточное колесо? Если в этом есть какой-то смысл, что я должен делать? Если смысла нет, как мне это вынести?

— Это связано с моим отцом? — спросил он. — Это автомобиль моего отца?

Его интуиция пугала. Нет, он видел не автомобиль своего отца... как такое могло быть, если в гараже Б стоял совсем не автомобиль. И все же это был автомобиль его отца. И мой... Хадди Ройера... Тони Скундиста... Энниса Рафферти... Возможно, прежде всего Энниса Рафферти. С Эннисом в этом смысли мы сравняться не могли. Да и не хотели. Нед спросил, кому принадлежал этот автомобиль, и я полагаю, правильный ответ тут один: патрульному взводу Д дорожной полиции штата Пенсильвания. Он принадлежал всем патрульным, бывшим и нынешним, которые знали, что находится в гараже Б. Но большую часть тех лет, что «бьюик»остоял в гараже, им занимались Тони и отец Неда. Они были его кураторами, главными исследователями «роудмастера».

— Нельзя сказать, что он принадлежал твоему отцу. — Похоже, я слишком долго колебался. — Но он о нем знал.

— А что тут можно знать? Мама тоже знала?

— Об этом не знал никто, кроме нас.

— Вы хотите сказать, патрульного взвода Д.

— Да. И так должно быть и дальше. — Сигарета по-прежнему дымилась в моей руке. Я и не помнил, когда успел закурить. Бросил на асфальт, растоптав. — Это наше внутреннее дело. — Я глубоко вдохнул. — Но, если ты хочешь об этом знать, я тебе расскажу. Ты теперь один из нас... можно сказать, почти на службе. Ты даже сможешь войти в гараж и посмотреть.

— Когда?

— Когда поднимется температура.

— Я не понимаю. При чем здесь температура?

— Сегодня я заканчиваю в три, — ответил я и указал на скамью для курильщиков. — Встретимся там, если не начнется дождь. Если начнется, сможем поговорить наверху или в закусочной «Кантри уэй», на случай, что ты проголодаешься. Думаю, твой отец согласился бы со мной, что ты должен все знать.

Хотел бы он этого? Тогда я не имел ни малейшего понятия. Однако меня так и распирало от желания рассказать, что указывало то ли на интуицию, то ли на приказ свыше. Я не религиозный человек, но верю, что такое возможно, и я подумал о стариках, которые говорили: или умрет, или вылечится, любопытство до добра не доведет, но все-таки это не порок, а потому его надо удовлетворять.

Знание приносило удовлетворенность? По моему личному опыту, редко. Но я не хотел, чтобы в сентябре Нед уезжал в Питсбург в таком же настроении, как в июле, когда свойственная ему солнечная улыб-

ка вспыхивала лишь изредка, словно не до конца вкрученная лампочка. Я подумал, что он имеет право знать о некоторых вещах. Я понимал, что всех ответов у меня нет, но какими-то мог с ним поделиться. И хотел поделиться, несмотря на риск.

Сейсмоопасная зона, — сказал мне в ухо Кертис Уилкокс. *Там сейсмоопасная зона, так что будь осторожен.*

— Гусь опять прошел по вашей могиле, Сэнди? — спросил меня Нед.

— Если и прошел, то не гусь, теперь я это понял, — ответил я. — Но кто-то прошел.

Дождь так и не пошел. Когда я вышел из здания, чтобы присоединиться к Неду на скамье для курильщиков, стоявшей напротив гаража Б, там сидел Арки Арканян, курил и говорил с юношой о шансах «пиратов» в национальном первенстве по бейсболу. Арки собрался уйти, увидев меня, но я предложил ему остаться.

— Я собираюсь рассказать Неду о «бьюике», который мы держим в том гараже. — Я глянул на гараж Б по другую сторону автостоянки. — Если он решит позвонить людям в белых халатах, потому что у сержанта патрульного взвода Д съехала крыша, ты сможешь подтвердить мои слова. В конце концов ты при этом присутствовал.

Улыбка сползла с лица Арки. Его вьющиеся седые волосы поднимающимся ветром разметало во все стороны.

— Думаешь, это хорошая идея, сержант?
— Любопытство до добра не доведет, — ответил я, — но...

— ...все-таки это не порок, — закончила за меня фразу подошедшая Ширли. — В разумных пределах, как говорил патрульный Кертис Уилкокс. Могу я составить вам компанию? Или у нас сегодня мужской клуб?

— Никакой половой дискриминации на скамье для курильщиков, — ответил я. — Пожалуйста, присоединяйся.

Как и я, Ширли закончила смену и в коммуникационном центре ее сменила Стефф Колуччи.

Она села рядом с Недом, улыбнулась ему, достала из сумки пачку «Парламента». Вроде бы с пониженным содержанием никотина и смол, с угольным фильтром, но мы знали, что все это пустые слова, знали многие годы, но все равно продолжали убивать себя. Удивительно. А может, учитывая, что мы жили в мире, где пьяницы размазывали патрульных дорожной полиции о борта восемнадцатиколесников, где «бьюики» неведомо чьей сборки объявлялись на реальных автозаправочных станциях, не столь уж и удивительно. Так или иначе, в тот момент мне было не до этого.

В тот момент я начинал долгий рассказ.

ТОГДА

В 1979 году автозаправочная станция «Дженни» на перекрестке шоссе 32 и Гумбольдт-роуд еще работала, но уже дышала на ладан: стараниями ОПЕК маленькие сети и независимые владельцы автозаправочных станций вытеснялись с рынка, не выдерживая конкуренции. Владелец и механик автозаправочной станции Херберт «Хью» Босси в тот день уехал в Лассбург к зубному врачу: приходилось расплачиваться за любовь

к шоколадным батончикам и RC-коле. К окну мастерской Хью прилепил лист бумаги с надписью: «МЕХАНИКА НЕТ ИЗ-ЗА ЗУБНОЙ БОЛИ». За заправщика остался Брэдли Роуч, так и не окончивший среднюю школу, ему тогда только-только перевалило за двадцать. Этот самый парень двадцать два года спустя, пропустив через себя бесчисленное количество кружек, банок и бутылок пива, убьет отца еще не родившегося в тот момент юноши, размажет по борту большегрузного грузовика, оставив на асфальте груду окровавленной одежды. Но все это еще в далеком будущем. А пока мы в прошлом, в волшебной стране Тогда.

В десять часов июльским утром Брэд Роуч сидел в кабине автозаправочной станции «Дженни», положив ноги на стол, и читал «Инсайд вью». На обложке летающая тарелка угрожающе зависла над Белым домом.

Звонок в кабине звякнул, когда колеса автомобиля перекатились через воздушный шланг, лежащий на асфальте. Брэд выглянул из окна и увидел, как автомобиль, тот самый, что потом много лет простоял в гараже Б, подкатывает ко второй из двух бензоколонок. С бензином высшего качества марки «хай тест». Прекрасный темно-синий «бьюик», старый (с большой хромированной радиаторной решеткой и воздухозаборниками на передних крыльях), но в идеальном состоянии. Краска сверкала, ветровое стекло сверкало, хромированная полоса, тянущаяся вдоль борта, сверкала, но даже до того, как водитель открыл дверцу и вылез из кабины, Брэдли Роуч почувствовал: что-то не так. Просто поначалу не мог понять, что именно.

Он бросил таблоид на стол (если бы босс не уехал лечить зубы, никогда не посмел бы достать газету из

ящика стола) и встал в тот самый момент, когда водитель «роудмастера» открыл дверцу (автомобиль и конторку разделяли колонки) и ступил на асфальт.

Прошлой ночью прошел сильный дождь, дороги еще не просохли (черт, в некоторых низинах к западу от Стэтлера стояла вода), но в восемь утра выглянуло солнце, а к десяти небо очистилось от облаков и воздух заметно прогрелся. Тем не менее мужчина был в длинном черном пальто и черной широкополой шляпе. «Выглядел он как шпион из какого-то старого фильма», — часом или чуть больше спустя сказал Брэд Эннису Рафферти, дав разыграться фантазии. Пальто, больше напоминавшее шинель, мело асфальт и развеивалось за спиной водителя «бьюика», когда тот шел к боковой стене автозаправочной станции и Редферн-стрим — речке, которая протекала за ней. Обычно смирная, после ночного ливня она вздулась и грозно ревела.

Брэдли, предположив, что мужчина в черном пальто и широкополой шляпе хочет справить нужду, крикнул:

— Дверь туалета открыта, мистер... сколько залить бензина?

— Залей доверху, — ответил водитель. Голос его Брэду Роучу не понравился. Как он потом сказал допрашивавшим его патрульным, говорил он так, словно набил рот желе. Брэд точно пребывал в поэтическом настроении. Может, потому, что Хью уехал и он чувствовал себя королем.

— Проверить масло? — спросил Брэд.

К тому времени клиент уже добрался до угла маленького здания. Судя по скорости передвижения, Брэд решил, что ему нужно срочно разгрузиться.

Но мужчина остановился и чуть повернулся к Брэду. Тот увидел бледную, чуть ли не восковую щеку, темный миндалевидный глаз и завитушку черных волос около странной формы уха. Лучше всего Брэд запомнил ухо, оно просто впечаталось в его память. Ухо это необъяснимым образом тревожило его, но он так и не смог понять, чем именно. На ухе его метафоры иссякли. «Какое-то оно было растаявшее. Словно его вылепили из снега, а потом сунули в огонь». Больше он ничего сказать не смог.

— С маслом порядок, — ответил мужчина и скрылся за углом в мельтешении черной материи. Кроме неприятного тембра, мужчина говорил еще и с акцентом, который напомнил Брэду старое телешоу «Рокки и Буддинкл», в котором Борис Бадинофф говорил Наташе: «Мы должны перештатить играть в кошки-мышки».

Брэд направился к «бьюику», держась между ним и бензоколонками (водитель припарковался небрежно, оставив много места между бортом и бетонным возвышением, на котором стояли колонки), ведя рукой по хромированной полосе и краске. Жест этот символизировал восхищение. Конечно, он не имел права прикасаться к чужому автомобилю, но Брэдли тогда был совсем молод и пребывал в прекрасном настроении. Добравшись до топливного лючка, замер. Лючок был на месте, а вот номерной знак над задним бампером отсутствовал. Как и пластина под номерной знак с отверстиями для болтов, которыми он к ней крепился.

Вот тут до Брэдли дошло, что именно показалось ему не так, когда он услышал звяканье колокольчика, поднял голову и первый раз увидел автомобиль. На

переднем стекле не было наклейки на инспектора, свидетельствующей о прохождении техосмотра. Конечно, наличие или отсутствие этой наклейки на ветровом стекле или заднего номерного знака его не касалось. Если кто и мог остановить водителя «бьюика» за это правонарушение, так это патрульные взвода Дорожной полиции штата... а могли и не остановить. В любом случае Брэду Роучу платили за другое — за правлять автомобили бензином.

Он крутанул ручку на колонке бензина «хай-тест», чтобы обнулить счетчик, сунул «пистолет» в горловину, включил автоматическую заправку. Зазвенел колокольчик внутри колонки, и Брэд обошел «бьюик» со стороны дверцы водителя, замкнув круг. По ходу заглядывал в окна, поражаясь салону одного из самых роскошных автомобилей пятидесятых годов. Коричневая кожа обивки сидений, стенки и крыша того же цвета. Заднее сиденье пустовало, переднее — тоже, на полу — никакого мусора: ни оберток от жвачки, ни карты, ни даже смятой пачки из-под сигарет. Рулевое колесо инкрустировано деревом. Брэдли еще задался вопросом: входит ли такое в стандартную комплектацию или его делали по заказу? Выглядел руль классно. Но почему такой большой? Если его еще снабдить спицами, он бы превратился в штурвал яхты какого-нибудь миллионера. Чтобы ухватиться за него, требовалось развести руки на ширину груди. Руль наверняка делался на заказ, и Брэд предположил, что управлять им в дальней поездке — маленькое удовольствие. Очень неудобный руль.

Удивил его и приборный щиток. Вроде бы из орехового дерева, с хромированными приборами и приспособлениями, прикуривателем, радио, часами. Все выглядело нормально... то есть располагалось на по-

ложенным месте... как и замок зажигания, справа от руля, даже с ключом (*Доверчивая душа, этот водитель, еще подумал Брэд*), однако что-то все-таки было не так. Что именно, он сказать не мог.

Брэд вернулся к переднему бамперу, полюбовался осколом хромированной радиаторной решетки (решетка точь-в-точь как у «бьюика», на все сто процентов) и убедился в цепкости своего зрения: на ветровом стекле не было наклейки о прохождении техосмотра, ни в Пенсильвании, ни еще где-либо. На ветровом стекле наклейки отсутствовали вовсе. Владелец «бьюика», судя по всему, не состоял в престижных клубах «Тройном А»*, «Элкс», «Лайонс» или «Киванис». Не поддерживал Питсбург или штат Пенсильванию (во всяком случае, до такой степени, чтобы сообщить об этом наклейкой на одном из окон), его автомобиль не защищала охранная система «Морар» или хотя бы проверенная годами «Расти Джонс».

Но автомобиль все равно клевый... хотя босс и говорил, что его работа не восхищаться подъезжающими автомобилями, а побыстрее наполнять бак.

Первосортного бензина «бьюик» засосал на семь долларов, после чего насос автоматически отключился. По тем временам — большая заправка, поскольку галлон бензина «хай-тест» стоил семьдесят центов. То ли бак был практически пуст, когда мужчина в черном пальто выехал из гаража, то ли ехал он издалека.

Потом Брэдли решил, что второй вариант — чушь собачья. Дороги по-прежнему мокрые, кое-где лужи,

* «Тройное А» — Американская автомобильная ассоциация. Крупнейшая организация, объединяющая более 30 миллионов членов. Выступает в качестве спонсора работ по улучшению дорог и дорожного обслуживания машин, созданию более безопасных автомобилей, экономии топлива и др.

а на сверкающих синих бортах «бьюика» ни пятнышка, ни капли грязи. Белые боковины шин — и то чистые. А уж такого, по мнению Брэдли Роуча, просто не могло быть.

Конечно, ему все это было до лампочки, но он мог обратить внимание водителя на отсутствие наклейки о прохождении техосмотра. Мог даже получить за это чаевые. Которых, возможно, хватило бы на упаковку с шестью банками пива. Он еще шесть или восемь месяцев не мог покупать спиртное сам, но, если хочется, всегда можно найти выход, а Брэдли даже тогда, в молодости, уже хотелось.

Он прошел в contadorку, сел, взял в руки «Инсайдью» и начал дожидаться возвращения мужчины в черном пальто. Денек выдался жарковатым для такого теплого пальто, но Брэд подумал, что эту часть загадки он как раз разгадал. Мужчина был из СГ, только из других, отличных от тех, что обретались около Стэтлера. Из секты, которая разрешала ездить на автомобилях. СГ Брэдли и его друзья называли амишем. Смердящие говнюки, так расшифровывались эти две буквы.

Через пятнадцать минут Брэд дочитал статью «Нас посещали» эксперта по НЛО Ричарда Т. Рамсфельда (ветерана американской армии) и обратил свое внимание на блондинку на четвертой странице, которая в трусиках и лифчике ловила рыбу в горной речке. И уже вдоволь насладившись на красотку, Брэд понял, что все еще ждет. Этот парень, похоже, не разменивался на мелочи.

Посмеиваясь, представляя себе, как он устроился на унитазе под ржавыми трубами и сидит в темноте (единственная лампочка перегорела месяц назад, но ни Брэдли, ни Хью не удосужились ее заменить), разложив вокруг себя черное пальто и собирая им мы-

шинный помет, Брэд вновь взялся за газету. Раскрыл на странице анекдотов, которой хватило ему еще на десять минут (некоторые анекдоты были такими смешными, что Брэд перечитывал их по три, а то и по четыре раза). Снова положил газету на стол, посмотрел на часы над дверью. За ней, у бензоколонки, поблескивал на солнце «бьюик-роудмастер». Прошло почти полчаса, как его водитель через плечо крикнул: «С маслом порядок», — и скрылся за углом, махнув на прощание черной полой. Был ли он СГ? Некоторые из них водят автомобили? Брэд в этом сильно сомневался. СГ пребывали в уверенности, что любой агрегат с двигателем — творение Сатаны, не так ли?

Ладно, может, он и не из СГ. Но кем бы он ни был, почему не возвращается?

И разом образ этого типа, восседающего в сортире неподалеку от колонки дизельного топлива, перестал вызывать улыбку. Мысленным взором Брэд все еще видел его, сидящего на унитазе, со спущенными до лодыжек брюками, в черном пальто, подметающем грязный линолеум, но теперь Брэду открылось и другое: голова опущена, подбородок уткнулся в грудь, большая черная широкополая шляпа (которая и не выглядела как шляпа амишей) надвинута на глаза. Он не шевелится. Не дышит. И не срет, потому что умер. Инфаркт, или инсульт, или что-то подобное. Возможный вариант. Если гребаный король рок-н-ролла мог окочуриться за этим занятием, любой другой может и подавно.

— Нет, — прошептал Брэдли Роуч. — Только не это... он не мог... нет!

Он вновь взялся за газету, попытался прочесть другую статью о летающих тарелках, которые постоянно за нами приглядывают, но никак не воспри-

нимал написанное. Положил газету и повернулся к двери. «Бьюик» никуда не делся, поблескивал на солнце.

Водитель не появился.

Прошло уже полчаса... нет, тридцать пять минут. Черт знает что. Пять минут спустя он обнаружил, что отрывает от газеты узкие полоски и бросает их в корзинку для мусора, где уже образовалась горка конфетти.

— Хрен собачий. — Он поднялся. Вышел из двери, обогнул угол кубика, сложенного из шлакоблоков и выкрашенного белой краской, где работал с того самого дня, как ушел из школы. Туалеты занимали заднюю часть кубика. Брэд еще не решил, то ли ему сразу выражать тревогу («Эй, мистер, вы в порядке?»), то ли пытаться обратить все в шутку («Эй, мистер, у меня есть шутиха, если вам нужно»). Так уж вышло, что заготовленные фразы не потребовались.

В мужском туалете разболталась задвижка, и при достаточно сильном порыве ветра дверь, не заперта изнутри, открывалась, поэтому Брэд или Хью всегда вставляли в зазор между дверью и косяком кусок картона, который удерживал дверь на месте, когда туалетом не пользовались. Если бы водитель «бьюика» вошел в туалет, он бы взял кусок картона с собой (и положил на раковину рядом с кранами, пока справлял нужду) или бросил бы на маленькую бетонную ступеньку перед дверью. Так обычно и бывало, позже сказал Брэдли Эннису Рафферти. После ухода клиента он или Хью возвращали картонную «зашелку» на место. Им следовало и спускать воду, но многие обходились без этого. Выходя из дома, люди сразу становились грязнулями. Выходя из дома, только и думали, как бы где напакостить.

Но на этот раз кусок картона торчал из щели между дверью и косяком, повыше задвижки, там, где наилучшим образом выполнял свои функции. И все-таки Брэд дверь открыл, ловко поймав падающий кусочек картона, так же ловко, как в последние годы научился открывать бутылки пива о ручку водительской дверцы своего «бьюика». Кабинка пустовала, как он и предполагал. И определенно не использовалась по назначению. Брэд не слышал звука спускаемой воды, когда сидел в конторке и читал газету. Не блестели капельки воды и на тронутой ржавчиной эмали раковины.

Брэд подумал, что водитель «бьюика» обогнул заправочную станцию не для того, чтобы воспользоваться сортиром. Ему захотелось посмотреть на Редферн-стрим. Речка заслуживала не только взгляда, но и, пожалуй, кадра на пленке в «Кодаке». Она бежала по северной части Стэтлер-Блаффс в обрамлении ив, ветви которых напоминали зеленые волосы русалок (в этом юноше жил поэт, это точно, местный Дилан Макейтс). Но водитель «бьюика» не любовался Редферн-стрим — за зданием станции валялись лишь использованные покрышки, да из сорняков, как ржавые кости, торчали две оси древних тракторов.

Речка бурлила, она разлилась, покрылась пеной. Конечно, временно — паводки в Западной Пенсильвании случались только по весне, но в этот день мирная, сонная речушка превратилась в ревущий поток.

И стоило Брэду глянуть на поднявшийся уровень воды, как в голове сверкнула страшная мысль. Он оценивающе посмотрел на крутой склон, спускающийся к реке. Трава мокрая, а потому скользкая, особенно для кожаных подошв дорогих туфель этого СГ, если тот, ничего не подозревая, решил подойти к краю,

чтобы получше рассмотреть реку. С каждой секундой у Брэда крепла уверенность, что это не предположение, что так все и вышло. Об этом свидетельствовали закрытый сортир, в который до него в это утро никто не заходил, и «бьюик», застывший у бензоколонки с залитым доверху баком, готовый снова тронуться в путь, с ключом, вставленным в замок зажигания. Мистер Бьюик Роудмастер обошел здание заправочной станции, чтобы взглянуть на Редферн, по неосторожности слишком приблизился к краю склона, чтобы лучше рассмотреть бурлящий поток... и аля-улю, я вас люблю.

Брэдли осторожно спустился к кромке воды, дважды поскользнувшись, хотя и был в кроссовках, но не упал, держась рядом с железяками, за которые мог бы схватиться, теряя равновесие. Не было водителя «бьюика» и на берегу, но в двухстах ярдах ниже по течению он увидел что-то черное, зацепившееся за ветви свалившейся березы. Вода трепала это черное из стороны в сторону. И вполне возможно, он видел перед собой именно пальто мистера Бьюика Роудмастера.

— О дерньмо, — пробормотал Брэдли и поспешил в contadorку, чтобы связаться с базой патрульного взвода Д дорожной полиции, которая находилась как минимум на две мили ближе к заправочной станции, чем местный полицейский участок. Вот так и получилось...

ТЕПЕРЬ: Сэнди

— ...что мы впутались в эту историю, — продолжил я. — До Ширли в коммуникационном центре сидел Мэтт Бабицки. Он позвонил Эннису Рафферти...

— Почему Эннису, Нед? — спросила Ширли. — Только быстро.

— БПМ, — без запинки ответил он. — Ближайшая патрульная машина, — но ответил автоматически, даже не посмотрев на нее. Его взгляд не отрывался от меня.

— Эннису было пятьдесят пять, и он уже думал о том, как хорошо будет отдыхать после выхода в отставку, но не сложилось.

— А мой отец был с ним, да? Они же работали в паре.

— Да, — кивнул я.

Мог бы сразу продолжить, но ему требовалось время, чтобы переварить первую часть. Я молчал; дабы он свыкся с мыслями, что его отец и Брэдли Роуч, пьяница, убивший его, когда-то давно стояли лицом к лицу и спокойно разговаривали. К этому времени Нед уже изучил инструкции, знал, с чего начинается новое расследование.

У меня сложилось впечатление, что вот эта первая часть западет ему в память, что бы я ни рассказывал потом, какими бы фантастическими ни казались подробности. Образ убийцы и его жертвы, стоящих вместе рядом с тем местом (четыре минуты быстрым шагом), где судьба сведет их вновь, на этот раз для того, чтобы один отобрал жизнь у другого, двадцать два года спустя.

— Сколько ему было лет? — прошептал Нед. — Моему отцу в тот день, о котором вы рассказываете?

Он, полагаю, мог подсчитать и сам, но мои слова так потрясли его, что вся арифметика вылетела из головы.

— Двадцать четыре, — ответил я. Если жизнь короткая, подсчеты много времени не занимают. — Па-

трульным он прослужил уже с год. Тогда действовали те же правила. С одиннадцати до семи утра в паре ездили только патрульные, никаких новобранцев. А твой отец еще был новобранцем. Поэтому он становился напарником Энниса только в дневные смены.

— Нед, ты в порядке? — спросила Ширли. И не зря. Парнишка побледнел как полотно, кровь отхлынула от лица.

— Да, мэм. — Он посмотрел на нее, потом на Арки, на Фила Кандлтона. Во взгляде читались недоумение и укор. — Вы все это знали?

— Да, — ответил Арки с легким нордическим акцентом, который всегда слышался мне в голосе Лоренса Уэлка и сестер Леннон, хотя они и не шведки*. — Никакой это не секрет. Твой отец и Брэдли Роуч тогда прекрасно ладили. И позже тоже. В восьмидесятые годы Кертис арестовывал его три или четыре раза...

— Черт, пять или шесть, — вмешался Фил. — Почему-то ему нравилось выпивать в смену Кертиса. Один раз он отвез этого недоумка на собрание «Анонимных алкоголиков» и заставил остаться там, но ничего путного из этого не вышло.

— К середине восьмидесятых твой отец уже был патрульным, — продолжил Арки, — тогда как Брэд в основном тратил время на выпивку. А выпив, гонял по сельским дорогам. Нравилось ему это. Многим нравится. — Арки вздохнул. — Если у одного работа — охрана порядка, а у другого — выпивка, понятное дело, что время от времени их пути пересекались.

* Почему Стивен Кинг решил, что Арканян — шведская фамилия, известно одному Кингу.

— Время от времени, — как зачарованный повторил Нед. Словно само понятие времени приобрело новое измерение.

— Но встречался Кертис с ним лишь по долгу службы. Исключение составлял вот этот «бьюик». — Он глянул на гараж Б. — Оставался между ними все эти годы. Висел между ними, как выстиранное белье на веревке. Никто из них открыто не говорил, что существование «бьюика» — секрет, но, наверное, оба это понимали.

Ширли покивала. Взяла Неда за руку, тот не возражал.

— Люди чаще всего его игнорировали, — сказала она, — как игнорируют все, чего не понимают... во всяком случае, пока могут.

— Иногда игнорировать просто невозможно, — вставил Фил. — Мы это поняли, когда... лучше послушай Сэнди. — Он посмотрел на меня. Остальные — тоже. У Неда ярко сверкали глаза.

Я закурил и продолжил.

ТОГДА

В багажнике Эннис Рафферти нашел бинокль, который повсюду ездил с ним в сезон рыбалки. А потом он и Керт Уилкокс спустились на берег Редферн-стрим по той же причине, которая заставляет медведя подняться на гору: чтобы посмотреть, а что оттуда можно увидеть.

— А мне что делать? — спросил Брэд, когда они направились к углу здания заправочной станции,

— Охраняй автомобиль и придумывай легенду, — ответил Эннис.

— Легенду? Зачем мне легенда?

Вопрос повис в воздухе. Ни Кертис, ни Эннис не сочли нужным разлепить губы.

Первым заговорил Эннис, когда они, помогая друг другу, спустились с откоса на заросший травой берег.

— С автомобилем что-то не так. Даже Брэдли Роуч это понял, а с ай-кью у него не густо.

Керт начал кивать еще до того, как его куда более опытный пожилой напарник закончил фразу.

— Он напоминает развивающие книжки, которые мне давали в детстве. «НАЙДИТЕ НА КАРТИНКЕ ДЕСЯТЬ ОШИБОК».

— Клянусь Богом, так и есть! — Эннису нравился молодой напарник, и он не сомневался, что Керт, поднабравшись опыта, станет отличным патрульным.

Они подошли к самому краю воды, и Эннис взялся за бинокль, висевший у него на шее на кожаном ремешке.

— Нет наклейки техосмотра. Нет номерных знаков. А рулевое колесо! Кертис, ты хоть раз видел такой величины руль?

Кертис покачал головой.

— Нет антенны для радио, — продолжал Эннис. — Нет грязи на бортах. Как можно ехать по шоссе 32 и не заляться? Там же одни лужи, брызги — во все стороны. И ветровое стекло совершенно чистое.

— Не знаю. Ты обратил внимание на воздухозаборники?

— Что? Конечно, но у всех старых «бьюиков» есть воздухозаборники на передних крыльях.

— Да, но эти — не такие, как все. Со стороны пассажирского сиденья их четыре, а вот со стороны водительского — три. Разве могли выпускать «бьюик»

с разным числом воздухозаборников справа и слева? Сильно в этом сомневаюсь.

Эннис растерянно посмотрел на партнера, поднес бинокль к глазам. Быстро обнаружил черный предмет, заставивший Брэда броситься к телефонному аппарату, навел на резкость.

— Что это? Пальто? — Керт прикрыл ладонью глаза, куда более острые, чем у Брэдли Роуча. — Пожалуй, что нет.

— Нет. — Эннис все не отрывался от бинокля. — Скорее... мусорный контейнер. Большой черный пластиковый контейнер для мусора, какие продают в городе, в магазине «Реальная цена». Или меня подводят глаза? Взгляни сам.

Он протянул бинокль Кертису. Нет, глаза Энниса не подвели. Кертис увидел застрявший в ветвях берескы черный пластиковый контейнер для мусора, должно быть, смытый ночным ливнем из трейлерного парка на Блаффс. Не черное пальто. Черного пальто так и не нашли, как и черной широкополой шляпы, как и самого мужчины с бледным лицом, завитком волос, торчащим из-под шляпы, и странным ухом. Патрульные могли поставить под сомнение существование этого мужчины, Эннис Рафферти не преминул заметить на столе экземпляр «Инсайд выю», когда вместе с Брэдли Роучем прошел в конторку, чтобы допросить последнего, да только «бьюик» говорил об обратном. «Бьюик»-то никуда не делся. Стоял себе и стоял рядом с бензоколонками. Только когда прибыл тягач, чтобы увезти его, ни Эннис Рафферти, ни Кертис Уилкокс уже не верили, что это «бьюик».

К тому времени они даже не знали, что видят перед собой.

* * *

Опытные, прослужившие много лет копы доверяют своим интуитивным догадкам; одна из них посетила Энниса, когда он и его молодой напарник возвращались на автозаправочную станцию. Брэдли Роуч стоял около «роудмастера» с тремя хромированными воздухозаборниками на одном переднем крыле и четырьмя — на втором. Догадка Энниса состояла в следующем: несуразности, с которыми они уже успели столкнуться, — лишь взбитые сливки на сандеев*. А если так, чем меньше увидит сейчас мистер Роуч, тем меньше сможет рассказать потом. Вот почему, хотя Энниса безмерно заинтересовал брошенный водителем автомобиль, он подавил собственное любопытство, оставил «бьюик» Керту и увел Брэдли в конторку. Оттуда сразу вызвал тягач, чтобы отвезти «бьюик» на базу взвода Д, где они могли поставить его в дальний угол стоянки, пусть на какое-то время. Он также хотел допросить Брэдли, пока тот еще ничего не успел забыть, можно сказать, по горячим следам. Эннис рассчитывал, что успеет пообщаться с находкой уже на автостоянке, где его никто не будет отвлекать.

— Кто-то его немного модифицировал, думаю, ничего больше, — небрежно бросил он Керту перед тем, как увести Брэдли в конторку.

На лице Керта отразилось сомнение. Автомобили, конечно, модифицировали, но ведь не так. Убрать один из воздухозаборников, потом выпрямить крыло, чтобы не осталось и малейшего следа? Заменить обычный руль «бьюика» рулевым колесом с океанской яхты? Модификацией такое не назовешь.

* Сандей — популярный десерт, мягкий пломбир, который сверху поливается сиропом или взбитыми сливками.

— Осмотря автомобиль, пока я задам несколько вопросов нашему приятелю, — добавил Эннис.

— Могу я проверить километраж?

— Конечно. Только не прикасайся к рулевому колесу, чтобы потом мы могли снять отпечатки пальцев. И вообще руководствуясь здравым смыслом. Не суси, куда не следует.

Когда они вернулись к бензоколонкам, Брэд Роуч сразу накинулся с вопросами на двух копов: которого он убьет в двадцать первом веке и который исчезнет в тот же вечер.

— Что скажете? Его труп в реке? Он утонул? Это же он, правда?

— Нет, если только он не забрался в мусорный контейнер, зацепившийся за ветви упавшего дерева, — ответил Эннис.

У Брэда вытянулось лицо.

— О черт. Значит, там контейнер?

— Боюсь, что да. И пожалуй, для взрослого мужчины он маловат. Патрульный Уилкокс? Есть у вас вопросы к этому молодому человеку?

Поскольку он только учился, а Эннис учил, Кертиз задал несколько вопросов, главным образом, чтобы убедиться, что Брэдли не пил и находится в здоровом уме. Потом кивнул Эннису, который шлепнул Брэдли по плечу как давнего друга.

— Как насчет того, чтобы пройти со мной в конторку? — предложил Эннис. — Нальешь мне чашку отравы, которую у вас называют кофе, и посмотрим, удастся ли нам разобраться в происшедшем, — и повел Брэдли к двери, обняв за плечи. Рука у патрульного Рафферти была крепкая, так что Брэдли не смог даже обернуться.

Что же касается патрульного Уилкокса, он получил три четверти часа на осмотр «бьюика». Столько времени понадобилось тягачу с оранжевым маячком на крыше кабины, чтобы добраться до автозаправочной станции «Дженни». Сорок пять минут — не так уж и много, но их хватило, чтобы превратить Кертиса в пожизненного исследователя «роудмастера». Не зря говорят, что истинная любовь поражает, как молния.

Эннис сидел за рулем патрульной машины, когда они возвращались в расположение взвода Д, следуя за тягачом и «бьюиком», передние колеса которого стояли на кузове тягача, а задний бампер едва не касался земли. Керт от волнения аж подпрыгивал на пассажирском сиденье, напоминая маленького мальчика, которому не терпелось пописать. Между ними потрескивало полицейское радио, сработанное компанией «Моторола», несчетное число раз облитое кофе и колой, однако работавшее как часы. На 23-м канале Мэтт Бабицки и патрульные, находящиеся на выезде, обменивались интересующей их информацией. Этот нескончаемый саундтрек являлся неотъемлемой частью их жизни. Он звучал и теперь, да только Эннис и Керт могли бы услышать хоть слово лишь в одном случае: если бы Мэтт Бабицки обратился непосредственно к ним.

— Прежде всего двигатель, — говорил Керт. — Нет, полагаю, прежде всего защелка капота. Рычаг со стороны водителя, и на него надо нажать, а не потянуть на себя.

— Никогда о таком не слышал, — буркнул Эннис.

— Подожди, подожди, — не унимался его молодой напарник. — Я понял, как им пользоваться, и поднял капот. Двигатель... о, этот двигатель...

Эннис глянул на него. По лицу чувствовалось, что ответ он знает, и ответ этот невероятный. Оранжевый свет маячка на крыше кабины тягача делал его кожу желтой, как у больного желтухой.

— Только не говори мне, что двигателя нет. Не говори, что под капотом радиоактивный кристалл или еще какая-нибудь муть с летающих тарелок.

Кертис рассмеялся, весело и нервно.

— Нет, нет, там двигатель, но не такой, как все. С обеих сторон блока цилиндров большие хромированные буквы «БЫЮИК 8», на тот случай, коли механик забудет, с чем имеет дело. Восемь свечей, по четыре с каждой стороны, как и положено, восемь цилиндров — восемь свечей, но нет крышки распределителя зажигания и самого распределителя, во всяком случае, я их не увидел. Нет генератора и альтернатора.

— Да перестань!

— Эннис, чтоб мне сдохнуть, если я вру.

— А куда идут провода от свечей?

— Каждый образует кольцо и уходит в блок цилиндров.

— Бред какой-то!

— Да! Но ты послушай, Эннис, послушай! Короче, не прерывай меня своими репликами и дай рассказать. — Кертис Уилкокс вертелся на сиденье, но не отрывал глаз от «бьюика», который буксировали впереди.

— Хорошо, Керт, я слушаю.

— Радиатор есть, но, насколько я могу судить, в него ничего не залито, ни вода, ни антифриз. Приводного вентиляторного ремня нет, и это логично, потому что нет и вентилятора.

— Масло?

— Есть картер и измерительный стержень, но на стержне нет делений. Есть аккумулятор «Делко», но, Эннис, он ни к чему не подключен. Проводов нет.

— Ты описываешь автомобиль, который не может ездить, — прокомментировал Эннис.

— Сам знаю. Я вытащил ключ из замка зажигания. Он на обычной цепочке. Но цепочкой все и заканчивается. Брелка нет.

— Другие ключи?

— Тоже нет. И ключ зажигания — вовсе не ключ. Полоска металла вот такой длины. — Кертис развел большой и указательный пальцы на пару дюймов.

— Болванка, правильно я тебя понял? Болванка, какими пользуются при изготовлении дубликатов ключей?

— Нет. Никакого намека на ключ. Просто полоска металла.

— Ты попробовал завести двигатель?

Керт, до того трещавший без остановки, ответил не сразу.

— Говори, — продолжил Эннис. — Я же твой напарник. И не собираюсь тебя укусить.

— Конечно, попробовал. Хотел посмотреть, как работает двигатель.

— Разумеется, он работает. Кто-то ведь приехал на этом «бьюике», не правда ли?

— Роуч так говорит, но, заглянув под капот, я задался вопросом, лжет он или его загипнотизировали. И знаешь, ответа на этот вопрос у нас пока нет. Ключ не поворачивался. Словно замок зажигания заблокировали.

— И где сейчас ключ?

— Я его вставил в замок.

Эннис кивнул.

— Правильно. Когда ты открыл дверцу, лампочка под крышей загорелась? Или ее тоже нет?

Кертич помолчал, задумавшись.

— Да. Лампочка есть и она загорелась. Мне следовало это отметить. Но как она могла загореться? Как могла, если аккумулятор не подключен?

— Возможно, питание лампочки осуществляется от специальных конденсаторов. Такое возможно. — Но по голосу чувствовалось, что Эннис и сам не очень-то верит в свои слова. — Что еще?

— Лучшее я оставил на закуску. Мне пришлось кое к чему прикоснуться, но я пользовался носовым платком и помню, к чему прикасался, так что не напускайся на меня.

Вслух Эннис ничего не сказал, но одарил молодого напарника взглядом, который ясно говорил: если потребуется оторвать ему яйца, он, Эннис, их оторвет.

— Весь приборный щиток — туфта, одна видимость. Верньеры радиоприемника не поворачиваются, клавиши не нажимаются, ручка реостата нагревателя не двигается. Не нажимается и кнопка включения обогрева ветрового стекла. Такое ощущение, словно все залили цементом.

Эннис следом за тягачом свернул на подъездную дорожку к автостоянке патрульного взвода Д.

— Что еще? Есть что-нибудь еще?

— Более чем. До хера. — Последнее слово произвело впечатление на Энниса, потому что обычно Кертич не ругался. — Ты помнишь большущее рулевое колесо? Я думаю, оно тоже ложное. Я его покрутил, не волнуйся, только ладонями, и оно действительно вращается, по и против часовой стрелки, но только чуть-чуть. Может, оно заблокировано, как и замок зажигания, но...

— Но ты так не думаешь.

— Совершенно верно. Я так не думаю.

Тягач остановился перед гаражом Б. Заработал гидроподъемник, передние колеса «бьюика» покинули кузов, плавно опустились на землю. Водитель, Джонни Паркер, вышел из кабины, чтобы отцепить «бьюик», как всегда дымя сигаретой. Эннис и Керт сидели в патрульной машине «Д-19», глядя друг на друга.

— Так что же мы сюда привезли? — спросил Эннис. — Автомобиль, который не может ездить сам и не может свернуть с шоссе 32 на автозаправочную станцию «Дженни». Без номеров. Без наклейки техосмотра... Тут его осенило. — Регистрационные документы? Ты проверял?

— На рулевой стойке их нет. — Керт открыл дверцу, ему не терпелось вылезти. — Молодые, они такие нетерпеливые. И в бардачке тоже, потому что нет там никакого бардачка. Ручка есть, кнопка-зашелка тоже, но кнопка не нажимается, ручка не дергается, маленькая дверца не открывается. Все декоративное, как и приборный щиток. Приборный щиток — макет. В пятидесятых автомобили не изготавливались с деревянными приборными щитками. Во всяком случае, американские автомобили.

Они вылезли из патрульной машины, постояли, глядя на заднюю часть «бьюика».

— Багажник? — спросил Эннис. — Он открывается?

— Да. Не заперт. Нажимаешь кнопку, и крышка поднимается, как у любого автомобиля. Но запах отвратительный.

— Запах?

— Как на болоте.

— Трупы?

— Трупов нет, ничего нет.

— Даже запаски? Домкрата?

Кертис покачал головой. Подошел Джонни Паркер, снимая рукавицы.

— Что-нибудь еще, парни?

Эннис и Керт покачали головами.

Джонни уже повернулся, чтобы уйти, но остановился.

— Что это значит? Кто-то решил пошутить?

— Мы еще не знаем, — ответил Эннис.

Джонни кивнул.

— Когда выясните, дайте мне знать. Любопытство до добра не доведет, но все-таки это не порок. Вы понимаете?

— Еще как понимаем, — ответил Кертис. Любопытствовать, но в меру — этот принцип стал для ввода Д образом жизни, а не просто поговоркой, без этого служба не ладилась.

Эннис и Керт наблюдали, как старик идет к кабине.

— Хочешь сказать что-то еще, прежде чем мы поговорим с сержантом Скундистом? — спросил Эннис.

— Да, — кивнул Кертис. — Там сейсмоопасная зона.

— Сейсмоопасная зона? И что это, черт побери, означает?

Вот тут Кертис и рассказал Эннису о передаче по образовательному каналу, которую он видел неделю назад. К тому времени к ним подошли несколько человек: Фил Кандлтон, Арки Арканян, Сэнди Диаборн и сержант Скундист.

В передаче речь шла о предсказании землетрясений. Надежного метода еще не разработали, но уч-

ные в большинстве своем полагали, что в конце концов он обязательно появится. Потому что предвестники землетрясения имели место быть. Животные чувствовали его приближение, да и многие люди тоже. Собаки становились беспокойными, лаяли, требуя, чтобы их выпустили из дома. Лошади и коровы метались в стойлах, ломали изгороди загонов. Курицы в клетках вдруг начинали беспокойно летать по ним, ломая крылья. Некоторые люди заявляли, что слышали высокий гудящий звук, идущий из земли, за пятнадцать или двадцать минут до сильного толчка (и если некоторые люди могли его слышать, вполне вероятно, что животные слышали этот звук куда как лучше). Опять же, падала температура. Не все чувствовали ее понижение перед землетрясением, но многие говорили об этом. Их слова иногда подтверждались данными синоптиков.

— Ты пудришь мне мозги? — спросил Тони Скундист.

Конечно же, нет, ответил Кертис. За два часа до великого землетрясения 1906 года температура в Сан-Франциско упала на целых семь градусов, это зарегистрированный факт. Хотя в остальном погодные условия оставались неизменными.

— Удивительно, — признал Эннис, — но при чем тут «бьюик»?

Вокруг уже собралась небольшая толпа патрульных. Кертис оглядел их, предполагая, что, возможно, на следующие шесть месяцев у него появится радиопозывной Сейсмолог, но все же ответил на вопрос. Пока Эннис находился в конторке заправочной станции и допрашивал Брэдли Роуча, он сидел за большим рулевым колесом, помня, что прикасаться к нему можно только ладонями. И сидя в кабине, услышал

высокий гудящий звук. Не только услышал, но и почувствовал.

— Оно шло ниоткуда, это высокое, устойчивое гудение. Я чувствовал, как от него вибрируют пломбы в зубах. Думаю, будь оно чуть сильнее, в карманах задребезжал бы мелочь. Есть слово, объясняющее это явление, мы изучали его на физике, да вот вылетело из памяти.

— Гармоника, — подсказал Тони. — Когда две вещи начинают вибировать вместе, как камертоны или бокалы для вина.

Кертис кивнул.

— Да, гармоника. Я не знаю, что вызывало это гудение, но оно было очень сильным и расположилось прямо по центру моей головы. Знаете, как бывает, когда встанешь под линией высокого напряжения на Блаффс. И пусть это покажется безумием, но через какое-то время мне начало казаться, что это не просто звук, кто-то пытается разговаривать со мной.

— Я однажды трахнул девушку на Блаффс, под этой самой линией, — сказал Арки точь-в-точь, как Лоренс Уэлк. — Получилось очень гармонично, все так.

— Прибереги это для своих мемуаров, — осадил его Тони. — Продолжай, Кертис.

— Да, сэр. К тому времени, когда я попытался нажать на клавиши радиоприемника, до меня дошло, что в кабине холодно. День теплый, автомобиль стоит на солнцепеке, а в кабине холодно. И еще этот гул. Вот тогда я и вспомнил передачу о землетрясениях. — Кертис медленно покачал головой. — У меня возникло ощущение, что я должен вылезти из кабины, и побыстрее. Гудение, однако, ослабело, зато стало еще холоднее. Как в леднике.

Тони Скундист, сержант, командовавший патрульным взводом Д, подошел к «бьюику». Не прикоснулся, лишь всунулся в окно. С полминуты простоял, всматриваясь, вслушиваясь в интерьер кабинки темно-синего автомобиля, заложив руки за спину. Остальные патрульные сгрудились вокруг Кертиса, дожидаясь, пока Тони закончит осмотр. С тех пор как они надели серую форму дорожной полиции Пенсильвании, лучшего командира у них не было. Смелого, решительного, справедливого, а когда надо, то и хитрого. Командир патрульного взвода уже становился политической фигурой. Ежемесячные совещания в управлении. Звонки из Скрантона. Конечно, до вершины служебной лестницы путь еще предстоял не близкий, но и Тони уже приходилось играть в бюрократические игры. С этим он справлялся неплохо, оберегал свою задницу, хотя точно знал, да и его подчиненные знали, что высоко не поднимется. Да он этого и не хотел. Потому что Тони прежде всего заботился о своих мужиках... а после того, как Ширли заменила Мэтта Бабицки, о своих мужиках и женщинах. Другими словами, о своем взводе. Взводе Д. Патрульные знали об этом не по его словам, а по делам.

Наконец Тони вернулся. Снял шляпу, провел рукой по коротко стриженным волосам, надел. Штрипкой назад, как, согласно инструкции, полагалось носить ее летом. Зимой штрипка располагалась под подбородком. Такова традиция, а как и в любой организации, существующей долгое время, в полиции штата Пенсильвания традиций хватало. До 1962 года патрульным, чтобы жениться, требовалось получить разрешение сержанта (и сержанты частенько этим пользовались, чтобы отсечь новичков и непригодных к работе).

— Никакого гудения, — поделился Тони своими впечатлениями. — И температура внутри, мне показалось, какая и должна быть. Может, чуть прохладнее, чем снаружи, но... — Он пожал плечами.

Кертис порозовел.

— Сержант, я клянусь...

— Я не ставлю под сомнения твои слова, — остановил его Тони. — Если ты говоришь, что эта штуковина гудела, как камертон, я тебе верю. Откуда, по-твоему, исходил звук? Из двигателя?

Кертис покачал головой.

— Из багажника?

Та же реакция.

— Из-под днища?

Третий раз Кертис покачал головой, только лицо его стало пунцовым.

— Тогда откуда?

— Из воздуха, — с неохотой ответил Кертис. — Я знаю, это похоже на бред, но... да. Из воздуха. — Он огляделся, ожидая, что вокруг все загогочут. Никто даже не улыбнулся.

В этот самый момент к компании присоединился Орвиль Гарретт. Он выезжал на строительство новой дороги, где прошлой ночью раскурочили несколько единиц тяжелой строительной техники. Вместе с ним пришел и Мистер Диллон, талисман взвода Д. Немецкая овчарка с небольшой примесью колли. Орвиль и Хадди Ройер нашли его щенком, барахтающимся в колодце заброшенной фермы на Соумилл-роуд. Пес мог упасть в него случайно, но, возможно, его туда и бросили.

Мистер Диллон не был полицейской собакой в полном смысле этого слова, но только потому, что никто его не тренировал. Ума ему хватало, как и зу-

бов. И какой-нибудь плохиш, повысивший голос и начавший тыкать пальцем в патрульного взвода Д в присутствии Мистера Диллона, рисковал до конца дней своих ковырять в носу кончиком карандаша.

— Что происходит, парни? — спросил Орвиль, но, прежде чем кто-то успел ответить, Мистер Диллон завыл. Сэнди Диаборн, оказавшийся рядом с собакой, никогда в жизни не слышал такого воя. Мистер Д развернулся мордой к «бьюику». Задрал голову, подогнул задние лапы. Словно собрался наложить кучку, если б не шерсть. Все до единого волоски встали дыбом. По спине Сэнди пробежал холодок.

— Святой Боже, что это с ним? — в изумлении прошептал Фил, и тут же вой повторился. Мистер Д сделал три или четыре шажка к «бьюику», не меняя позы, с задранной к небу головой и поджатыми задними лапами. Раскрытым пастью. Зрелище было жуткое. Потом улегся на асфальт, тяжело дыша и подывая.

— Что за черт? — вырвалось у Орва.

— Возьми его на поводок и отведи в дом, — распорядился Тони.

Орв все сделал, как велено, чуть ли не бегом пропустился за поводком. Фил Кандлтон, особо благоволивший к псу, пошел вместе с Орвом, как только на Мистера Диллона надели ошейник; он иногда наклонялся — погладить собаку по голове, сказать ей ласковое слово. Потом рассказывал: пес дрожал всем телом.

Никто ничего не сказал. Надобности не было. Все думали о том, что Мистер Диллон наглядно подтвердил правоту Кертиса. Землю не тряслось, и Тони ничего не услышал, когда сунул голову в окно «бьюика», но что-то с автомобилем было не так. И большим ру-

левым колесом и странным ключом зажигания дело не ограничивалось. От автомобиля следовало ожидать куда более худшего.

В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века эксперты полиции штата Пенсильвания, приписанные к региональным управлениям, напоминали перекати-поле, мотаясь по вызовам различных подразделений. Если говорить о взводе Д, то его региональное управление находилось в Батлере. Тогда у экспертов не было мини-вэнов, оборудованных по последнему слову техники. О такой роскоши больших мегаполисов даже не мечтали. Собственно, появились они в сельских районах Пенсильвании только в самом конце столетия. Эксперты ездили на патрульных машинах, правда, без сирен, маячков и соответствующей маркировки, все свое добро возили в багажниках и на задних сиденьях, а несли на место преступления в больших парусиновых баулах с логотипом ПШП* на боках. Обычно экспертная бригада состояла из трех человек: шефа и двух техников. Иногда среди них встречались и практиканты. В большинстве своем они выглядели так молодо, что, пожалуй, в баре им бы не продали пива без предъявления документов.

Одна из таких бригад и прибыла во второй половине дня на базу патрульного взвода Д. Приехали они из Шиппенвиля, по личной просьбе Тони Скундиста. Визит был неформальный, не отмеченный в рапорте. Возглавлял бригаду Биби Рот, один из ветеранов полиции (шутники говорили, что Биби учился ремеслу, сидя на коленях Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Он и Тони Скундист отлично ладили, и Биби не воз-

* ПШП — полиция штата Пенсильвания.

ражал против того, чтобы откликнуться на просьбу сержанта. При условии, что начальство останется в неведении.

ТЕПЕРЬ: Сэнди

Нед прервал меня, спросив, почему осмотр «бьюика» экспертами проводился по личной договоренности, без официального оформления документов. Он не понимал причины.

— Потому что, — ответил я, — единственным правонарушением, которое мы могли усмотреть, была кража бензина «хай-тест» на семь долларов. По такой мелочовке бригаду экспертов не вызывают.

— Почти столько же бензина они сожгли, добираясь до нас из Шиппенвилля, — подсказал Арки.

— Не говоря уже об оплате затраченного на поездку времени, — добавил Фил.

— Тони не хотел начинать бумажную волокиту, — пояснил я. — Не забывай, дела не заводили. У нас был лишь автомобиль. Очень странный автомобиль, все так, без номерных знаков, без регистрации и, Биби Рот это подтвердил, без заводского идентификационного номера.

— Но у Роуча были основания предполагать, что водитель «бьюика» утонул в реке, протекавшей за заправочной станцией!

— Какие основания? — усмехнулся Сэнди. — Пальто водителя обернулось пластиковым контейнером для мусора. Мало ли какие бредовые идеи могли возникнуть у Брэдли Роуча.

— Плюс, — вставил Фил, — Эннис и твой отец не нашли на склоне никаких следов, а трава остава-

лась влажной. Если бы этот парень действительно скатился по склону, что-нибудь он бы после себя оставил.

— А главное, Тони хотел, чтобы информация о «бьюике» не распространялась дальше нашего ввода, — добавила Ширли. — Правильно я излагаю, Сэнди?

— Да. Таких «бьюиков» нам видеть, конечно, не доводилось, но в принципе мы вели себя точно как в случаях, когда сталкиваемся с чем-то неординарным: с гибелью патрульного, к примеру, твоего отца в прошлом году, с применением патрульным оружия, с несчастным случаем вроде того, что произошел по вине Джорджа Моргана, преследовавшего психа, что увез собственных детей.

Какое-то время мы молчали. Копам сняться кошмары, жена любого патрульного это подтвердит, но вот по этой части Джорджу Моргану, должно быть, пришлось едва ли не хуже всех. Джордж разогнался до девяноста миль, догоняя этого психа, который колотил детей, когда увозил их, заявляя, что в этом проявляется его любовь. И тут случилось непоправимое.

Джордж практически догнал автомобиль психа и уже собрался прижать его к обочине, когда семидесятилетней старушке, уступающей в скорости черепахе, да еще и слепой, вздумалось перейти дорогу. Ее сшиб бы псих, сойди она с тротуара на тридцать секунд раньше, но она не сошла. Так что псих проскочил правее, едва нешибанув ее по носу правосторонним зеркалом. Следом мчался Джордж, и от старушки осталось мокрое место. Он прослужил в полиции двенадцать лет, не получил ни одного взыскания, дважды поощрялся за храбрость, несчетное число раз отмечался в приказах. Был прекрасным отцом, верным

мужем, и все это закончилось, когда старушка из Лассбурга выбрала неудачный момент, чтобы перейти улицу, и в результате нашла смерть под колесами патрульной машины Д-27. Специальная комиссия при администрации штата оправдала Джорджа, и он вернулся во взвод Д, хотя от работы на патрульной машине был отстранен, по своей же просьбе. То есть комиссия не возражала, чтобы он в полном объеме выполнял обязанности, но возникла проблема: Джордж Морган больше не мог сесть за руль. Даже если жена просила отвезти ее в торговый центр. Его начинало трясти, а из глаз текли слезы. В то лето он работал ночами, в коммуникационном центре, а днем тренировал спонсируемую взводом Д детскую команду бейсбольной Малой лиги, готовя ее к первенству штата. Когда соревнования закончились, он отдал детям за воеванный кубок и медали, сказал, что очень ими гордится, приехал домой (его подвезла мать одного из игроков), выпил две бутылки пива, а потом в гараже вышиб себе мозги. Записки не оставил, копам это не свойственно. Я написал по этому поводу пресс-релиз. Читая его, вы бы и не поняли, что писал я с катящимися по щекам слезами. А теперь вдруг понял, как это важно — объяснить сыну Кертиса Уилкокса, почему я плакал.

— Мы — семья, — сказал я. — Я знаю, звучит высокопарно, но это правда. Даже Мистер Диллон это знал, да и ты, полагаю, тоже. Не так ли?

Парнишка кивнул. Естественно. Через год после смерти отца мы действительно стали для него семьей, которую он очень ценил, которую сам нашел и которая помогала ему пережить боль, вызванную уходом дорогого ему человека. Мать и сестры любили его, и он их любил, но они как-то сумели приспособить-

ся, а вот Нед — нет... во всяком случае пока. И потому, что был мужчиной, а не женщиной. И потому, что ему было восемнадцать. И потому, что не находил ответа на многие мучившие его вопросы.

— Разговоры и поведение членов семьи за закрытыми дверями и их поведение и разговоры на лужайке или когда двери открыты — большая разница. Эннис знал, что «бьюик» не такой, как все, твой отец знал, Тони, я. Мистер Диллон точно знал. Как он выл... — Я на мгновение замолчал. Вой этот я не раз слышал в кошмарных снах. — Но по закону это всего лишь предмет, *res*^{*}, как говорят адвокаты, за которым нет никакой вины. Не могли же мы задерживать «бьюик» за кражу бензина, правда? А мужчина, который попросил наполнить бак, исчез и найти его не представлялось возможным. В крайнем случае мы могли рассматривать «бьюик» как конфискат.

Нед хмурился, как человек, не понимающий того, что слышит. Я его не винил. Объяснял не так ясно, как самому хотелось. А может, играл в давнишнюю знаменитую игру, название которой «Это не наша вина».

— Послушай, — вмешалась Ширли. — Допустим, женщина решила воспользоваться туалетом на заправочной станции и забыла на раковине обручальное кольцо с бриллиантом, где его и нашел Брэдли Роуч. Сечешь?

— Секу... — Нед все хмурился.

— И давай представим себе, что Роуч принес его к нам, вместо того чтобы положить в карман, а потом сдать в ломбард в Батлере. Мы все документально оформили, даже сообщили патрульным марку и мо-

* *Res* — вещь, предмет (*лат.*).

день автомобиля женщины, если бы Роуч назвал их нам... но кольцо мы бы не взяли. Так, Сэнди?

— Так, — кивнул я. — Мы бы посоветовали Роучу дать объявление в газету. «Найдено женское кольцо. Если вы думаете, что оно ваше, позвоните по этому номеру и опишите его». На что Роуч мог бы резонно указать нам, что такое объявление стоит добрых три доллара.

— А мы бы напомнили ему, — добавил Фил, — что люди, которые находят что-то ценное, часто получают вознаграждение, так что в конце концов можно и раскошелиться на три доллара.

— Но если бы женщина так и не позвонила, — я взял инициативу в свои руки, — то кольцо стало бы собственностью Роуча. Это древнейший закон в истории человечества: кто нашел, тот и хозяин.

— Поэтому Эннис и мой отец присвоили «бьюик»?

— Нет, — возразил я. — «Бьюик» присвоил взвод Д.

— А как же кража? Вы ее документально оформили?

— Знаешь, — я усмехнулся, — семь долларов — не такие деньги, ради которых стоит переводить бумагу. Правда, Фил?

— Конечно, — подтвердил Фил. — Но с Хью Босси мы все уладили.

Неда осенило.

— Вы заплатили за бензин из расходного фонда.

На лице Фила отразился притворный ужас.

— Господь с тобой, юноша. Расходный фонд — тоже деньги налогоплательщиков.

— Мы пустили шляпу по кругу. — Я прояснил ситуацию. — Каждый дал, сколько мог. Набрать семь долларов — не большая проблема.

— Если бы Роуч нашел кольцо, на которое никто не заявил права, оно отшло бы ему, — повторил Нед наши рассуждения. — Тогда почему он не получил «бьюик»?

— Может, и получил, если бы сразу оставил себе. Но он передал его нам, так ведь? Не хотел иметь с ним ничего общего.

Арки постучал себя по лбу, подмигнул Неду.

— В голове у него не мозги, а опилки.

На мгновение я подумал, что Нед повернет разговор на молодого человека, который, повзрослев, убил его отца, но он отбросил эту идею. Я буквально прочитал его мысли.

— Продолжайте. — Он посмотрел на меня. — Что было дальше?

Кто мог устоять перед таким искушением?

ТОГДА

Биби Роту и его детям (так он называл своих помощников) потребовалось сорок пять минут, чтобы осмотреть «бьюик» от бампера до бампера. Молодые люди снимали отпечатки пальцев и фотографировали, Биби ходил вокруг, что-то записывал, иногда молча на что-то указывал шариковой ручкой.

Где-то через двадцать минут Орв Гарретт вывел из здания Мистера Диллона. Собака была на поводке, что в расположении взвода случалось крайне редко. К ним подошел Сэнди. Мистер Диллон не скулил, перестал дрожать, но хвост спрятался между задних лап, а взгляд темно-карих глаз не отрывался от «бьюика». Откуда-то из глубины его груди, на пределе слыши-

мости, доносилось глухое мерное рычание, словно там работал мощный двигатель.

— Ради Бога, Орви, уведи его в дом. — Сэнди Диаборн погладил пса по голове.

— Хорошо. Я просто подумал, что все уже закончилось. — Гарретт помолчал, потом добавил: — Я слышал, ищечки ведут себя так, когда находят тело. Я знаю, никакого тела нет, но, может, в машине кто-то умер.

— Мы этого не знаем. — Сэнди смотрел на Тони Скундиста, направляющегося к Биби Роту. Его сопровождал Эннис Рафферти. Керт Уилкокс уехал на патрулирование, против своей воли. И Сэнди сомневался, что в этот день даже первой красавице Америки удалось бы уговорить его не выписывать штраф за нарушение правил дорожного движения. Керт хотел остаться на базе взвода Д, наблюдать за работой Биби Рота и его команды, а не колесить по окрестным дорогам. Не вышло — вот лихачи Западной Пенсильвании за это и ответят.

Мистер Диллон открыл пасть и завыл, словно у него что-то заболело. Сэнди предположил, что так оно и было. Орв увел собаку в дом. Пять минут спустя Сэнди тоже покинул базу вместе со Стивом Дево: на автостраде 6 столкнулись два автомобиля.

Биби Рот докладывал Тони и Эннису о проделанной работе, пока члены его команды (в тот день — трое) сидели за пластиковым столиком, поставленным в тени гаража Б, ели сандвичи и пили ледяной чай, принесенные Мэттом Бабицки.

— Я очень признателен тебе, что ты смог выкроить на это время, — начал Тони.

— Рад, что ты ценишь мое время, — ответил Биби, — и надеюсь, что больше к этому делу возвра-

щаться не будем. Я не хочу писать отчет, Тони. После него мне никто никогда ни в чем не поверит. — Он посмотрел на свою команду и хлопнул в ладоши, как мисс Френсис в «Школе Динг-Донг». — Хотим мы писать отчет, дети? — Один из детей, помогавших ему в тот день, в 1993 году стал главным медицинским экспертом Пенсильвании.

Они посмотрели на него, двое молодых людей и удивительно красивая молодая женщина. Сандви-чи застыли в руках, брови изогнулись. Никто не знал, какой требуется ответ.

— Нет, Биби, — подсказал он.
— Нет, Биби, — в унисон ответили они.
— Нет что?
— Никаких отчетов, — ответил первый молодой человек.

— Никаких копий, — добавил второй молодой человек.
— Никаких вторых и третьих экземпляров, — вос-
клинула молодая женщина удивительной красоты. —
Никакого первого экземпляра!

— Хорошо! — кивнул он. — И с кем мы собира-
емся обсудить увиденное сегодня, Kinder*?

На этот раз подсказка им не потребовалась.
— Ни с кем, Биби!
— Именно так, — согласился Биби. — Я вами гор-
жусь.

— И потом, это наверняка чья-то шутка, — заме-
тил один из молодых людей. — Кто-то решил вас ра-
зыграть, сержант.

— Я не исключаю и такой вариант, — ответил Тони, подумав, повернулся ли чей-нибудь язык это сказать, если б кто-нибудь видел, как выл Мистер

* Kinder — дети (нем.).

Диллон и приседал на задние лапы. Мистера Д ведь определенно никто не разыгрывал.

Дети вернулись к сандвичам, чаю и своим разговорам. Биби тем временем улыбался, глядя на Тони и Энниса Рафферти.

— Они видят все, на что смотрят, с беззаботностью юности, а потому ничего не видят. Молодые — такие милые идиоты. Что ты нам показал, Тони? Есть идеи? Может, из показаний свидетелей?

Биби повернулся к Эннису, который, возможно, и подумал, а не рассказать ли Биби все, что знал, но решил промолчать. Биби, конечно, хороший человек... но не носил серую форму.

— Это не автомобиль, двух мнений тут быть не может, — продолжил Биби. — Но чья-то шутка? Нет, по-моему, исключено.

— Есть где-нибудь кровь? — спросил Тони, не зная, какой ответ ему хочется услышать, положительный или нет.

— Для этого придется сделать микроскопический анализ взятых нами образцов, но я думаю, что нет. А если все-таки есть — только следы.

— Что вы нашли?

— По большому счету ничего. Мы не брали образцов с протекторов, потому что там нет ни пыли, ни грязи, ни камешков, ни осколков стекла, ни травы. Я бы сказал, что такое невозможно. Генри, — он указал на первого молодого человека, — пытался вставить камешек в прорезь протектора, но он постоянно выпадал. Как? Почему? Можно это запатентовать? Если тебе удастся, Тони, на пенсию ты сможешь уйти гораздо раньше положенного срока.

Тони потирал щеку подушечками пальцев, показывая тем самым, что ситуация его вконец запутала.

— Слушай дальше. Возьмем коврики на полу. Обычно они служат для сбора грязи. По каждому можно написать целый геологический трактат. Обычно. Но не в нашем случае. Да, комки земли есть. Даже смятый стебель одуванчика. И все. — Он посмотрел на Энниса. — Я думаю, это — с подошв твоего напарника. Говоришь, он садился за руль?

— Да.

— А я имею в виду коврик под ногами водителя. Там мы это все и обнаружили. — Биби потер ладони.

— Отпечатки пальцев? — спросил Тони.

— Трех человек. Я бы хотел получить отпечатки пальцев твоих патрульных и этого заправщика. Отпечатки пальцев, которые мы нашли на лючке над горловиной бака, наверняка принадлежат этому парню с заправочной станции. Согласен?

— Скорее всего, — кивнул Тони. — Сравнить отпечатки пальцев ты сможешь?

— Конечно. И проверю образцы материалов. Только не прося меня посыпать что-нибудь для анализа на газовый хроматограф в Питсбург, будь хорошим мальчиком. Все оборудование, которое стоит в моей лаборатории, я использую. А это немало.

— Ты славный человек, Биби.

— Да, но даже самый лучший принимает приглашение на обед, если оно исходит от друга.

— Ты его уже получил. А пока, что еще интересного?

— Стекло — это стекло. Дерево — дерево... но деревянного приборного щитка в этой модели... в модели, о которой мы говорим, нет. У моего старшего брата был «бьюик» конца пятидесятых. «Лимитед». Я учился на нем ездить, так что помню достаточно хорошо. Со страхом и любовью. Приборный щиток

был из винила. Я бы сказал, что чехлы на сиденьях этого автомобиля — тоже винил, что в принципе соответствует модели. Но проверю в «Дженерал моторс». Одометр... очень любопытный. Вы обратили внимание на одометр?

Эннис покачал головой. Его словно загипнотизировали.

— Сплошные нули. Что соответствует действительности. Этот автомобиль, этот вроде бы автомобиль, не проехал и одного фута. — Он перевел взгляд на Тони, вновь посмотрел на Энниса. — Скажите мне, что вы не видели, как он ехал. Что не видели, как он сам по себе сдвигался с места.

— Я не видел, — ответил Эннис. Не кривя душой. Но не стал добавлять, что Брэдли Роуч заявил, что видел, как «бьюик» сам подкатил к бензоколонкам, а Эннис, который провел множество допросов, ему поверил.

— Хорошо. — На лице Биби отразилось облегчение. Он вновь хлопнул в ладоши, как миссис Фрэнсис. — Пора ехать, дети! Поблагодарите нашего хозяина за радушный прием!

— Спасибо, сержант, — хором отозвались помощники Биби. Молодая женщина удивительной красоты допила чай, рыгнула и вслед за своими коллегами в белых халатах направилась к автомобилю, на котором они приехали. Тони не без удивления отметил, что ни один из них не удостоил «бьюик» и взглядом. Для них это дело закрылось, а впереди ждало много новых. Для них «бьюик» представлял собой старый автомобиль, который становился еще дряхлее с каждой минутой, проведенной под летним солнцем. Даже если камешки выпадали из протектора в верхней части колеса, где их должна была удерживать сила тя-

жести. Даже если по одному борту было три воздухозаборника вместо четырех.

Они видят и не видят одновременно, — сказал Биби. *Молодые — такие милые идиоты.*

Биби, убедившись, что его милые идиоты уже готовы к отъезду, двинулся к собственному автомобилю (Биби любил, когда была возможность, приезжать на место преступления в гордом одиночестве), остановился.

— Я сказал, что дерево — это дерево, пластмасса — пластмасса, стекло — стекло. Вы меня слышали?

Тони и Эннис кивнули.

— Мне кажется, что выхлопная система этого вроде бы автомобиля также изготовлена из стекла. Разумеется, под линице я не забирался, только заглянул со стороны. Но у меня был фонарик. И очень мощный. — Он несколько минут постоял, глядя на «бьюик», застывший перед гаражом Б, засунув руки в карманы, перекатываясь с носков на пятки и обратно. — Никогда не слышал об автомобиле со стеклянной выхлопной системой, — изрек он и зашагал к своей машине. Минутой позже он и его «дети» отбыли.

Тони не нравилось, что автомобиль стоит на автостоянке. Тревожили его не превратности погоды, а люди, которые могли зайти в расположение взвода и увидеть «бьюик». Думал он, естественно, о мистере и миссис Джон Кью. Паблик. Другими словами, о налогоплательщиках. Полиция служила семье Джона Кью как могла, порой не щадя жизней собственных сотрудников. Но при этом полного доверия к ней не испытывала. Семья Джона Кью не была семьей взвода Д. И сержанту Скундисту не хотелось даже

думать, что будет, если пойдут разговоры о «бьюике», даже если только поползут слухи.

В тот же день, где-то без четверти три, он прогулялся в маленький кабинетик Джонни Паркера (в те дни дорожная служба располагалась рядом) и уговорил Джонни убрать одну из снегоуборочных машин из гаража Б, чтобы поставить туда «бьюик». Пинта виски поспособствовала принятию решения, и «бьюик» завезли в пропахшую маслом темноту, которая и стала его домом. В гараже Б ворота были на каждом торце. Джонни завез автомобиль через задние ворота, в результате «бьюик» встал на многолетнюю стоянку, нацелившись зубастой радиаторной решеткой на автостоянку и расположенные за ним здание, где базировался взвод Д. И патрульные никогда не забывали об этом, не обсуждали, но помнили, что хромированная улыбка направлена на них.

В 1979 году во взводе Д служили восемнадцать патрульных, которые, как и везде, работали в три смены: с семи до трех, с трех до одиннадцати и в ночь, эта смена называлась замогильной, в каждом автомобиле сидели по двое патрульных. По пятницам и субботам к замогильной смене больше подходило другое название: блевотная.

В день прибытия «бьюика», к четырем дня, большинство патрульных узнали про это неординарное событие и заглянули в расположение взвода. Сэнди Диаборн, вернувшийся с места столкновения двух автомобилей на автостраде 6 и печатавший рапорт, видел, как они собирались по трое-четверо и шли к «бьюику», словно туристы, осматривающие местную достопримечательность. Керт Уилкокс уже закончил смену и водил многих, как профессиональный

гид, указывая на несоответствие числа воздухозаборников и слишком уж большое рулевое колесо, поднимая капот, чтобы они могли полюбоваться нерабочающим блоком цилиндров с закольцованными проводами и надписью «БЬЮИК 8» с обоих боков.

Другие экскурсии проводил Орв Гарретт, вновь и вновь рассказывая о странном поведении Мистера Д. Сержант Скундист, уже зачарованный этим вроде бы автомобилем (он оставался под влиянием этих чар, пока болезнь Альцгеймера не лишила его памяти), то и дело подходил к «бьюику». Сэнди помнил, как в какой-то момент он встал у открытых ворот гаража Б, сложив руки на груди, и смотрел на «бьюику». Компанию ему составлял Эннис — он курил маленькую сигару «Типарильо», которые ему так нравились, и что-то говорил. Тони кивал. Шел четвертый час, Тони, как и Кертис, закончил смену и уже успел переодеться в джинсы и белую рубашку. После трех, точнее Сэнди установить время не мог. Хотел бы, но увы.

Потом Тони и Эннис вошли в гараж, посмотрели на двигатель, капот как подняли, так и не опускали, присели на корточки — взглянуть на экзотическую стеклянную выхлопную систему. Только смотрели, ни к чему не прикасаясь. Джон Кью и его семейство не удержались бы от того, чтобы все полапать, но эти двое служили в полиции. Они понимали: пусть сейчас «бьюику» и не является вещественной уликой, в будущем ситуация может измениться. Особенно если мужчину, который так внезапно исчез с заправочной станции «Дженни», вдруг найдут мертвым.

— Если этого не произойдет и не случится чего-то еще, я намерен держать автомобиль здесь, — сказал Тони Мэтту Бабицки и Филу Кандлону. Где-то в пять дня, через два часа после окончания

смены у всех троих, они решили, что пора домой. Сэнди уехал чуть позже четырех, хотел перед обедом покосить лужайку.

— Почему он должен стоять здесь? — спросил Мэтт. — В чем смысл?

Тони спросил Мэтта и Фила, знают ли они что-нибудь о Кардиффском гиганте. Получив отрицательный ответ, рассказал эту историю. Гиганта нашли в расположенной в штате Нью-Йорк Онандага-Вэлью. Были гипотезы, что это окаменевший труп гигантского гуманоида, то ли пришельца из другого мира, то ли недостающее связующее звено между обезьяной и человеком. И лишь потом выяснилось, что это подделка, сработанная неким Джорджем Халлом, который изготавливал сигары в Бингхэмтоне.

— Но до того как Халл сознался, — продолжил Тони, — весь мир, включая Ф. Т. Барнума*, сбежался взглянуть на находку. Поля соседних фермеров вытоптали. В дома вламывались. Какие-то идиоты, заочевавшие в лесу, устроили пожар. Даже после того как Халл во всем сознался и рассказал, как «окаменелого человека» вытесали в Чикаго и на поезде привезли в штат Нью-Йорк, люди продолжали приезжать. Они отказывались верить, что это подделка. Вы же знаете поговорку: «На наш век простаков хватит». Она появилась в 1869 году и относилась к тем, кто уверовал в подлинность Кардиффского гиганта.

— И что ты хочешь этим сказать? — спросил Фил.
Тони коротко глянул на него.

* Барнум, Финиас Тейлор (1810–1891) — знаменитый импресарио, создатель цирка. В 1882 г. приобрел огромного слона по кличке Джамбо и выдавал за последнего оставшегося в живых мистодонта. В 1865 г. опубликовал откровенную книгу «Пройдохи мира». Ему принадлежит фраза: «На наш век простаков хватит».

— Что я хочу этим сказать? Все просто, новый Кардиффский гигант на вверенной мне территории не появится. Я приложу к этому все силы. Или, если уж говорить о наших делах, Туринский «бьюик».

Когда они пересекли автостоянку, к ним присоединился Хадди Ройер (Мистер Диллон трусил рядом). Хадди услышал последнюю фразу про Туинский «бьюик» и загоготал. Тони одарил его мрачным взглядом.

— Никаких Кардиффских гигантов в Западной Пенсильвании. Зарубите это себе на носу, парни, и передайте другим. Потому что это устный приказ. Никаких бумаг на доске объявлений я вывешивать не буду. Я понимаю, какие-то разговоры пойдут, но они быстро улянутся. Я не допущу, чтобы поля дюжины ферм амишей затоптали зеваки, особенно в период созревания урожая, понятно?

Его поняли.

К семи вечера жизнь возвратилась в привычное русло. Сэнди Диаборн убедился в этом сам, когда вернулся после обеда, чтобы еще раз взглянуть на «бьюик». Около него отирались лишь трое патрульных: двое в штатском, один в форме. Бак Фландерс, один из патрульных, чья смена закончилась, щелкал «Кодаком». Сэнди забеспокоился, но потом подумал: а что, собственно, будет на фотографиях? «Бьюик», ничего больше, модель, которая давно уже стала раритетом».

Сэнди присел на четвереньки, заглянул под днище, воспользовавшись ручным фонариком, который, должно быть, оставили рядом с автомобилем аккурат для любопытствующих. Внимательно осмотрел выхлопную систему. Решил, что изготовили ее из «пайрекса». Какое-то время постоял, всунувшись в окно

водителя. Гудения не услышал, холода не почувствовал, потом прошел в здание, чтобы перекинуться парой слов с Брайаном Коулом, выполнявшим обязанности сержанта в этой смене. Разговор начался с «бьюика», перешел на семьи, и они уже добрались до бейсбола, когда в кабинет заглянул Орвиль Гарретт.

— Кто-нибудь видел Энниса? Драконша на телефоне, и она недовольна.

Драконшой прозвали Эдит Хаймс, сестру Энниса. Она была на восемь или девять лет старше брата и давно уже овдовела. Многие во взводе Д нисколько не сомневались, что она убила своего мужа, просто свела в могилу. «У нее во рту не язык, а обоюдоострый нож», — как-то заметил Дикки-Дак Элиот. Керт, который виделся с дамой чаще других патрульных (обычно его напарником был Эннис, и они прекрасно ладили, несмотря на разницу в возрасте), пришел к выводу, что патрульный Рафферти так и не женился исключительно благодаря своей сестричке. «Я думаю, в душе он боялся, что они все ничем от нее не отличаются», — как-то поделился он своими мыслями с Сэнди.

Возвращаться на работу после смены — идея не из лучших, подумал Сэнди, проговорив с Драконшой долгих десять минут. «Где он, он обещал вернуться домой не позже половины седьмого, я приготовила мясо, как он хотел, покупала его по восемьдесят девять центов за фунт, а теперь оно пережарилось, превратилось в подошву, стало серым, как грязная вода в посудомоечной машине. Если он завернул в «Кантри уэй» или «Тэп», вы лучше сразу скажите мне, я ему позвоню и объясню, что к чему». Она также сказала Сэнди, что у нее закончились таблетки для очистки воды и Эннис обещал привезти упаковку. Так где же он, черт по-

бери? Остался на вторую смену? Она бы не возражала, видит Бог, лишних денег не бывает, только он мог бы и позвонить. Или он где-нибудь пьет? И хотя Драконша прямо так не сказала, по интонации Сэнди понял, что она ставит на второй вариант.

Сэнди сидел за диспетчерским пультом, одной рукой прикрыв глаза, пытаясь вставить в монолог Драконши хоть слово, когда появился Кертис Уилкокс, в штатском, юный и веселый. Как и Сэнди, он приехал из дома, чтобы еще раз взглянуть на «роудмастер».

— Подождите, Эдит, одну секунду. — Сэнди закрыл микрофон рукой. — Помоги мне, новобранец. Ты знаешь, куда поехал Эннис?

— Уехал?

— Да, причем не домой. — Свободной рукой Сэнди указал на телефонную трубку. — Звонит его сестра.

— Если он уехал, почему его машина до сих пор здесь? — спросил Керт.

Сэнди вскинул глаза на Кертиса. Их взгляды встретились. Они не произнесли ни слова, но в голове каждого сверкнула одна и та же мысль.

Сэнди быстренько избавился от Эдит: обещал перезвонить ей или найти Энниса, чтобы тот позвонил ей сам, если он еще на территории базы. Потом вышел из здания вместе с Кертисом.

Насчет автомобиля Кертис не ошибся, не мог ошибиться, потому что над «гремлином» Энниса производства «Американ моторс»* потешались все, кто только мог. Он стоял неподалеку от снегоуборочной

* «Американ моторс» — автомобильная компания, созданная в 1954 г. и в 1986-м купленная «Крайслером». Первой представила на рынок компактный автомобиль («компакт»). «Гремлин» — экономичный двухдверный автомобиль, выпускался в 1975—1980 гг.

машины, которую Джонни Паркер выкатил из гаража Б, чтобы освободить место для «бьюика». Солнце клонилось к горизонту, так что оба автомобиля отбрасывали длинные тени.

Сэнди и Керт заглянули в кабину «гремлина», но увидели лишь обычный хлам: обертки от гамбургеров, банки из-под газировки, коробочки «Типарильо», пара карт, запасная форменная рубашка, висевшая на плечиках у заднего сиденья, рыболовные снасти. Эта кабина просто радовала глаз в сравнении со стерильно чистой пустотой кабинки «бьюика». И уж совсем они растаяли, если б увидели Энниса, похрапывающего за рулем в надвинутой на глаза бейсболке. Но вот Энниса-то в кабине и не было.

Керт повернулся, зашагал обратно. Сэнди бросился следом, схватил за руку.

— Куда ты идешь?

— Надо позвонить Тони.

— Вот это ни к чему, — возразил Сэнди. — Пусть пообедает. Позвоним позже, если понадобится. Но я очень надеюсь, что мы сможем без этого обойтись.

Прежде чем проверять что-то еще, даже комнату отдыха наверху, Керт и Сэнди завернули в гараж Б. Обошли автомобиль, сунулись в кабину, заглянули под днище. Никаких следов Энниса Рафферти не нашли. В непосредственной близости от «бьюика» в этот момент вообще никого не было.

— Здесь холодно или мне кажется? — спросил Кертис, когда они уже собрались вернуться в здание. Опустился на колени, еще раз заглянул под днище. Поднялся, отряхнул брюки. — Я понимаю, здесь не холодильник, но вроде бы куда как прохладнее, чем должно быть, не правда?

Сэнди, наоборот, изнывал от жары, пот так и струился по лицу, но, возможно, причину следовало искать в нервах, а не в температуре воздуха в гараже. Он подумал, что холод, о котором говорит Керт, — отголосок того, что он чувствовал или думал, что чувствует, на автозаправочной станции «Дженни».

Керт без труда прочитал его мысли.

— Может, и так. Может, мне это только кажется. Черт, не знаю. Давай проверим всю базу. Может, он внизу, в каптерке, решил поспать. Не впервой.

Они вошли в гараж Б не через большие сдвигаемые ворота, а через обычную дверь, открываемую поворотом ручки, в правой стене. Керт остановился на пороге и, вместо того чтобы выйти из гаража, обернулся и еще раз посмотрел на «бьюик». Тот стоял у стены, где висели молотки, ножницы для резки металла, грабли, лопаты и даже один ручной бур (красные буквы «АА» на рукоятке расшифровывались не как «Анонимные алкоголики», но как Арки Арканян), и зло смотрел на вроде бы автомобиль. Почти с ненавистью.

— Это не мое подсознание, — говорил он скорее себе, чем Сэнди. — Я действительно почувствовал холод. Если не сейчас, то тогда уж точно.

Сэнди промолчал.

— И вот что я тебе скажу, — продолжал Керт. — Если этот чертов автомобиль останется здесь надолго, я повешу в гараже термометр. Заплачу за него из собственного кармана, если надо. И посмотри! Кто-то оставил открытым чертов багажник. Интересно, кто...

Он замолчал. Их взгляды встретились, в головах мелькнула одна и та же мысль: *Хорошие же мы копы*.

Они заглянули в кабину «бьюика», под днище, но проигнорировали место, которое, по крайней мере

в фильмах, убийцы, как профессионалы, так и любители, часто использовали для временного хранения трупа.

Вновь подошли к «бьюику», постояли у заднего бампера, вглядываясь в черную щель под приподнятой крышкой багажника.

— Подними крышку, Сэнди, — прошептал Керт. Сэнди не хотелось, но он понимал, что придется: Керт в конце концов новобранец. Глубоко вдохнул и поднял крышку. Она просто взлетела. Когда открылась до отказа, раздался громкий стук, от которого мужчины подпрыгнули. Керт схватил Сэнди за руку. Такими холодными пальцами, что Сэнди чуть не вскрикнул.

Мозг — мощный, но зачастую ненадежный механизм. Сэнди настолько уверовал, что они найдут Рафферти в багажнике, что на мгновение даже увидел его тело: в позе зародыша, в джинсах и белой рубашке, покойник, каких оставляют киллеры мафии в багажниках украденных «линкольнов».

Но на самом деле патрульные увидели лишь перекрещивающиеся тени. Багажник «бьюика» пустовал. И на коричневой обшивке не было ни единого инструмента или масляного пятна. Какое-то время они постояли, наконец Керт то ли хмыкнул, то ли нервно хохотнул.

— Пошли, — бросил он. — Нечего нам тут больше делать. И захлопни на этот раз эту чертову крышку. Перепугала меня до смерти.

— Меня тоже, — ответил Сэнди и с грохотом захлопнул крышку. Потом пошел за Кертом к двери в стене, увешанной инструментами.

Кертис вновь оглянулся.

— Чертова штуковина, — вырвалось у него.

- Да уж, — согласился Сэнди.
- От нее мураски по коже бегут, правда?
- Это точно, новобранец, но твоего напарника в ней нет. И в гараже тоже. В этом можно не сомневаться.

Слово новобранец Кертиса не покоробило. Они оба знали, что очень скоро он уже станет полноправным патрульным. Он смотрел на автомобиль, поблескивающий краской, с плавными обводами, — такой красивый. Смотрел прищурившись, так, что между веками синели лишь две полоски.

- Такое ощущение, что он разговаривает. Я уверен, это всего лишь мое воображение, но...
- Именно так.
- ...я буквально слышу его. Он что-то бормочет, бормочет и бормочет.
- Замолчи, а не то у меня кожа пойдет мурасками.
- Ты хочешь сказать, что пока еще не пошла?

Сэнди предпочел не отвечать.

— Валим отсюда, хорошо?

Они переступили порог, но, прежде чем закрылась дверь, Кертис еще раз успел посмотреть на «бьюик».

Они обследовали все здание, начали с верхнего этажа, где находилась комната отдыха и отделенная от нее синей занавеской спальня с четырьмя койками. Энди Колуччи смотрел телевизор, двое патрульных, которым предстояло заступить в замогильную смену, спали; Сэнди слышал их храп. Тем не менее заглянул за занавеску. Все так, спящих двое, один мягко посапывает носом, другой, громко храпя, спит с открытым ртом. Энниса нет. Сэнди и не ожидал найти его там.

Если Эннису хотелось поспать, он обычно шел в подвал и устраивался на большом вращающемся стуле, который хорошо смотрелся с металлическим столом времен Второй мировой войны и старым ламповым радиоприемником на полке, играющим легкую музыку. Однако они не нашли Энниса и в подвале. Радиоприемник молчал, вращающийся стул пустовал. Не удалось его обнаружить и в кладовых, маленьких, плохо освещенных, похожих на камеры в подземелье.

В здании было четыре туалета, считая стальной, без крышки унитаз в «Уголке плохшей». Эннис не прятался ни в одном из трех с дверьми. Не было его ни на кухне, ни в коммуникационном центре, ни в кабинете сержанта, который в это время пустовал, хотя дверь оставалась открытой.

Теперь к ним уже присоединился и Хадди Ройер. Орвиль Гарретт уехал домой (возможно, боялся, что сестра Энниса самолично заявится в расположение взвода) и оставил Мистера Диллона на попечение Хадди, так что собака тоже составила им компанию. Кертис объяснил, что они делают и почему. Хадди сразу все понял. У него было простецкое, открытое крестьянское лицо, но на отсутствие ума жаловаться не приходилось. Сразу подвел Мистера Д к шкафчику Энниса, приказал принюхаться, что Мистер Д и проделал с неподдельным интересом. К ним подошел Энди Колуччи и еще двое свободных от смены патрульных, которые приехали на базу, чтобы поглязеть на «бьюик». Они вышли из здания, разделились на две группы и обошли территорию, зовя Энниса. Дневного света еще хватало, хотя солнце уже закатывалось за горизонт, окрашивая небо в красные тона.

Керт, Хадди, Мистер Д и Сэнди составили одну группу. Мистер Диллон шел медленно, нюхал все под-

ряд, но лишь один раз оживился, около «гремлина» Энниса. Да только они уже знали, что в автомобиле никого нет.

Поначалу имя Энниса они выкрикивали, чувствуя себя полными идиотами, им казалось, узнай кто об этом, над ними начали бы смеяться, но когда они сдались и вернулись к зданию, настроение изменилось. Теперь они уже поняли, что ситуация более чем серьезная.

— Давай отведем Мистера Д в гараж и посмотрим, что он там унюхает, — предложил Керт.

— Ни в коем разе, — ответил Хадди. — Не нравится ему этот автомобиль.

— Да перестань, Эннис — мой напарник. А кроме того, возможно, отношение старины Д к автомобилю изменится.

Но отношение старины Д не изменилось. То есть вне гаража он вел себя нормально, но начал натягивать поводок, когда патрульные подходили к боковой двери. Голову опустил, носом буквально терся об асфальт. Еще большую активность он проявил, когда они добрались до двери. Патрульные не сомневались, что пес уловил сильный запах Энниса.

Потом Кертис открыл дверь, и Мистер Диллон забыл про запахи. Тут же начал выть, подогнул задние лапы, будто их свело судорогой. Шерсть встала дыбом, он обмочился, оросив порог и бетонный пол гаража. А мгновением позже начал рваться с поводка, который держал Хадди, не переставая выть, пытаясь, пусть и с неохотой, войти в гараж. Ненавидел то, что стояло там, боялся, но тем не менее старался приблизиться.

— Ладно! Уведи его! — крикнул Керт. До этого он держался очень хорошо, но долгий и нервный день

дал о себе знать, так что до срыва оставалось совсем ничего.

— Это не его вина, — начал Хадди, но, прежде чем продолжил, Мистер Диллон поднял голову и зевыл... только Сэнди показалось, что это не зев, а крик. Собака вновь рванулась вперед, таща за собой Хадди. Она уже вошла в гараж, не переставая выть, рваться с поводка, ссаться, как щенок. Ссаться от ужаса.

— Я знаю, что не его, — кивнул Кертис. — Ты был прав с самого начала, я письменно извинюсь, если хочешь, но сейчас убери его отсюда!

Хадди попытался вытащить Мистера Диллона из гаража, но пес был крупный, под девяносто фунтов, и не хотел уходить. Керту тоже пришлось взяться за поводок, чтобы сдвинуть Мистера Д в нужном направлении. Дело дошло до того, что они завалили собаку на бок и волоком вытащили из гаража (как мешок с хорьками, говорил потом Сэнди), хотя Мистер Д сопротивлялся отчаянно, выл и злобно скалил зубы.

Как только пса оттащили от двери, Керт захлопнул ее. В ту же секунду Мистер Диллон расслабился и перестал бороться. Словно в его голове щелкнул выключатель. Пару минут полежал на боку, приходя в себя, потом вскочил. Недоуменно посмотрел на патрульных, как бы говоря: *«Что случилось, парни? Вроде бы все шло хорошо, а потом я ничего не помню»*.

— Срань господня, — просипел Хадди.

— Отведи его в дом, — попросил Керт. — Не следовало мне уговаривать тебя идти с ним в гараж, но я очень волнуюсь из-за Энниса.

Хадди увел пса, к Мистеру Д вновь вернулось спокойствие и хладнокровие, он задержался лишь затем, чтобы обнюхать башмаки других патрульных, которые обходили базу по периметру в поисках Энниса

Рафферти. И поспешили к гаражу, услышав вой Мистера Д., узнать, что там происходит.

— Расходитесь, парни. — Так Сэнди всегда обращался к зевакам, собиравшимся на месте аварии. — Шоу закончено.

Они разошлись. Сэнди и Керт проводили их взглядами, стоя у закрытой двери гаража Б. Вскоре Хадди вернулся уже без Мистера Диллона. Сэнди наблюдал за Кертом, который вновь взялся за ручку двери, и вдруг ощутил, как изнутри поднимается волна ужаса и напряженности. Чувство это в отношении гаража Б у него возникло впервые, но далеко не в последний раз. За последние двадцать с небольшим лет он входил в гараж Б многократно, но всегда в нем поднималась темная волна, пугая ужасами, которые маячили на границе зоны видимости, недоступные даже периферийному зрению.

Впрочем, не все эти ужасы оставались недоступными. Некоторые удалось и увидеть.

Они вошли втроем, шурша подошвами по грязному бетону. Сэнди повернул выключатели у двери, и в свете вспыхнувших ламп они увидели «бьюик» — единственную декорацию на совершенно пустой сцене, единственное произведение искусства, выставленное в галерее, стилизованной под гараж. *И как бы они назвали этот экспонат?* — подумал Сэнди. В голове сверкнуло: *Почти как «бьюик»*, возможно потому, что внезапно вспомнился когда-то прочитанный фантастический роман Клиффорда Саймака. И тут же, наверное, из-за охватившего его ужаса, в ушах зазвучали строки песни Боба Дилана: *Что ж, если я там умру, ты знаешь, она должна накрыть одеялом постель.*

Почти как «бьюик» стоял перед ними, поблескивая бьюикскими фарами, лыбясь бьюикской радиаторной решеткой. Стоял на широких, дорогих покрышках с белыми боковинами, с деревянным приборным щитком-макетом внутри, с рулевым колесом, более уместным на большой яхте. И в нем таилось нечто такое, что заставляло взводного пса одновременно выть от ужаса и рваться вперед, будто его что-то притягивало, как магнит — железную стружку. Если раньше в гараже и было холодно, то теперь — нет. Сэнди видел пот, блестевший на лицах Керта и Хадди, и чувствовал его на своем.

Их общую мысль озвучил Хадди, чему Сэнди только порадовался. У него просто не повернулся бы язык, слишком невероятным казалось это предположение.

— Гребаная хреновина сожрала его. — Сомнения в голосе Хадди отсутствовали напрочь. — Я не знаю, как такое могло быть, но думаю, что он пришел сюда один, чтобы без помех все осмотреть... и эта хреновина... уж не знаю как... сожрала его.

— Она наблюдает за нами, — прошептал Керт. — Вы это чувствуете?

Сэнди посмотрел в поблескивающие стеклянные фары-глаза. На ухмыляющийся рот, полный хромированных зубов. Декоративная отделка фар напоминала ресницы. Он *что-то* чувствовал, это точно. Возможно, всего лишь детский трепет перед неведомым, ужас, который испытывают дети перед домом, в котором, как им сказали, обитают привидения. А может, прав Керт — за ними наблюдали. Почти как «бьюик» наблюдал за ними. Оценивая дистанцию, примериваясь к прыжку.

Они смотрели на него, тяжело дыша. А почти как «бьюик» стоял, как будет стоять все грядущие годы,

пока президенты приходили и уходили, пока пластинки уступали место лазерным дискам, пока акции росли в цене, а небоскребы падали, пока звезды кино жили и умирали, пока патрульные поступали на службу и увольнялись. Он стоял, реальный, как скалы и розы. И в какой-то степени они ощущали то же, что и Мистер Диллон: его *притяжение*. В последующие месяцы полицейские, стоящие бок о бок перед гаражом Б, уже ни у кого не вызывали удивления, это стало обычным делом. Они стояли, приложив руки к вискам, чтобы отсечь дневной свет, всматриваясь сквозь окна на больших гаражных воротах. Они напоминали зевак, которые сквозь щели в заборе смотрят на развернувшееся за ним строительство. Бывало, заходили в гараж (в одиночку — никогда, только вдвоем или втроем) и, заходя, вдруг сразу молодели, превращаясь в мальчишес, на спор прокрадывающихся на местное кладбище.

Керт откашлялся. От этого нарушившего мертвую тишину звука Хадди и Сэнди подпрыгнули, потом нервно рассмеялись.

— Пошли отсюда и позвоним сержанту, — сказал он, и на этот раз...

ТЕПЕРЬ: Сэнди

— ...и на этот раз я возражать не стал. Пошел с ними как послушный мальчик.

В горле у меня пересохло. Я взглянул на часы и особо не удивился, увидев, что прошел целый час. Почему нет, смена-то у меня закончилась. Серые облака все теснее прижимались к земле, но отдаленные раскаты грома проползали южнее.

— В те давние дни, — раздался чей-то голос, грустный и веселый одновременно (этим фокусом, похоже, владеют только евреи и ирландцы), — мы думали, что будем жить вечно, не так ли?

Я повернул голову и увидел Хадди Ройера, уже переодевшегося в гражданское и сидевшего слева от Неда. Не заметил, когда он к нам подошел. У него было все то же открытое, честное крестьянское лицо, что и в 1979 году, но от уголков рта тянулись глубокие морщины, волосы поседели и заметно поредели. По моим прикидкам, теперь он был в том же возрасте, что и Эннис Рафферти в год своего загадочного исчезновения. Выйдя в отставку, Хадди намеревался купить «Уиннибаго»* и навещать многочисленных детей и внуков. Они расселились по всей Америке, включая, если мне не изменяет память, канадскую провинцию Манитоба. Если бы вы попросили и даже не попросили, он обязательно показал вам карту США с красными линиями намеченных маршрутов.

— Да, — вздохнул я, — должно быть, думали. Когда ты подошел, Хадди?

— Я проходил мимо и услышал, как ты рассказываешь о Мистере Диллоне. Хороший был пес, правда? Помнишь, как он укладывался на спину, когда кто-то говорил: «Ты арестован»?

— Да, — кивнул я, и мы улыбнулись друг другу, как улыбаются мужчины, когда говорят о любви или истории.

— Что с ним случилось? — спросил Нед.

— Умер, — ответил Хадди. — Я и Эдди Джейкобю похоронили его вон там. — Он показал на поле,

* «Уиннибаго» — дома на колесах и трейлеры производства одноименной компании.

которое заканчивалось холмом к северу от нас. — Лет пятнадцать назад. Так, Сэнди?

Я кивнул. На самом деле Мистер Диллон умер четырнадцать лет назад, чуть ли не в этот самый день.

— Как я понимаю, от старости? — спросил Нед.

— Он, конечно, был уже немолод, — кивнул Фил Кандлтон, — это точно, но...

— Его отравили, — яростно оборвал Фила Хадди и замолчал.

— Если ты хочешь услышать продолжение... — начал я.

— Конечно, — воскликнул Нед.

— ...тогда мне надо промочить горло.

Я уже поднялся, когда Ширли подошла с подносом в руках. На нем стояла тарелка с толстыми сандвичами — с ветчиной и сыром, копченым мясом, курицей и большой графин с ледяным чаем «Ред Зингер».

— Садись, Сэнди. Я обо всем позаботилась.

— Ты что, читашь мысли?

Она улыбнулась, ставя поднос на скамью.

— Нет. Просто я знаю, что от разговоров у мужчин разыгрывается жажда, а уж голодны они всегда. Даже дамам иногда хочется есть и пить, не знаю, поверите вы мне или нет. Так что принимайтесь за еду, и я рассчитываю, что ты, Нед Уилкокс, съешь как минимум два сандвича. Больно уж ты худой.

Сандвичи и ледяной чай вызвали в памяти Биби Рота: он рассказывает Тони и Эннису о результатах осмотра «бьюика», а его дети, ненамного старше Неда, пьют ледяной чай и уплетают сандвичи, приготовленные на той же кухне. Там только поменяли линолеум да поставили микроволновую печь. *Время тоже сковано цепями*, подумал я.

— Да, мэм, хорошо.

Нед ей улыбнулся, как мне показалось, из вежливости, не от души; его взгляд не отрывался от гара-жа Б. История эта зачаровала его, за прошедшие годы такое случалось со многими людьми. Не говоря уже про одну хорошую собаку. Пока я пил первый стакан ледяного чая, смачивавшего пересохшее горло, как бальзам, с настоящим сахаром, а не искусственными заменителями, мне представилась возможность подумать, оказываю ли я Неду Уилкоксу услугу. И поверит ли он в остальное. Он мог подняться, повернуться и уйти, в полной уверенности, что я насмехаюсь над ним и его горем. Такое могло случиться. Конечно, Хадди, Арки и Фил поддержали бы меня. Как, разумеется, и Ширли. Когда появился «бьюик», она у нас еще не работала, но многое и повидала, и сделала с середины восьмидесятых, когда воцарилась в коммуникационном центре. Но парень все равно мог не поверить. Больно уж фантастической выглядела вся эта история.

Однако отступать было поздно.

— Что случилось с патрульным Рафферти? — спросил Нед.

— Ничего, — ответил Хадди. — Его отвратительная рожа даже не появилась на боковине пакетов с молоком*.

Нед в недоумении уставился на него, не зная, шутит Хадди или нет.

— Ничего не случилось, — повторил Хадди, уже более ровно и спокойно. — В этом и коварство исчезновения, сынок. Происшедшее с твоим отцом ужасно, я не буду пытаться убедить тебя в обратном. Но по крайней мере ты все знаешь. Это уже что-то, не

* В Америке практикуется печатать на пакетах с молоком фотографии пропавших без вести.

так ли? Есть место, куда ты можешь прийти, положить цветы. Или отнести письмо о том, что ты принят в колледж.

— Вы говорите о могиле, — ответил Нед. От тона его голоса мне стало как-то не по себе. — Участке земли, с зарытым на нем ящиком, где лежит что-то, одетое в форму моего отца, но это не мой отец.

— Но ты знаешь, что с ним произошло, — настаивал Хадди. — С Эннисом... — Он развел руки, ладонями вниз, потом перевернул ладонями вверху, как иллюзионист после завершения очередного фокуса.

Арки чуть раньше ушел в дом, возможно, чтобы отлить. Теперь вернулся, сел.

— Все спокойно? — спросил я.

— Да и нет, сержант. Стефф просила передать, что с радиосвязью проблемы. Сильные помехи. Ты знаешь, о чем я. И DSS капут. На экране телевизора надпись «НЕТ СИГНАЛА».

Стефф, Стефани Колуччи, племянница Энди Колуччи, работала в коммуникационном центре во вторую смену. DSS, маленькую спутниковую антенну, мы приобрели на собственные деньги, как и тренажеры, которые стояли в углу комнаты отдыха (год или два назад кто-то повесил рядом постер с качками, занимающимися на примерно таких же тренажерах в тюремном дворе Шейбена с надписью: «ОНИ НЕ ПРОПУСКАЮТ НИ ДНЯ»).

Арки и я переглянулись, посмотрели на гараж Б. Вероятно, микроволновка на кухне уже не работала. Мы могли остаться без света и телефонной связи, хотя такого давно уже не случалось.

— Мы собрали денег этой старой грымзе, на которой он был женат, — пробурчал Хадди. — По-моему, для взвода Д это большое дело.

— Я думал, мы собирали деньги, чтобы заткнуть ей рот, — вставил Фил.

— Этой рот бы ничто не заткнуло, — покачал головой Хадди. — Если она хотела что-то сказать, ее бы никто не остановил. Это знали все, кто с ней встречался.

— Мы, конечно, собрали ей денег, но она не была его женой, — уточнил я. — Сестрой — да, вроде бы я об этом говорил.

— Женой, — настаивал Хадди. — Они вели себя как старая супружеская пара, разве что не занимались этим делом, да и то, кто может это утверждать...

— Тебе бы лучше замолчать, — подала голос Ширли.

— Да, пожалуй, — вздохнул Хадди.

— Тони пустил шляпу по кругу, и мы скинулись, кто сколько мог, — объяснил я Неду. — А потом брат Бака Фландерса, он брокер в Питсбурге, инвестировал для нее эти деньги. Тони решил, что так будет лучше, чем просто отдать ей чек.

Хадди покивал.

— Он собрал нас всех в одном из банкетных залов в «Кантри уэй». Вопрос о Драконше был почти что последним в повестке дня. — Тут Хадди повернулся к Неду. — К этому времени мы уже знали, что Энниса никто не найдет, что Эннис не войдет в полицейский участок где-нибудь в Бейкерс菲尔де, штат Калифорния, или в Номе, на Аляске, чтобы сказать, что после удара по голове у него отшибло память. Он ушел. Может, в то место, откуда прибыл тот мужчина в черном пальто, может, в другое, но ушел. Ни тела, ни следов борьбы, ни даже одежды не нашли, но мы точно знали, что он ушел. — Хадди невесело рассме-

ялся. — А эта злобная сука, с которой он жил, просто обезумела. Конечно, она и без этого была ку-ку...

— Это точно, — поддакнул Арки и взял сандвич с ветчиной и сыром. — Звонила постоянно, три-четыре раза в день, Мэтт Бабицки чуть ли не рвал на себе волосы. Ты должна благодарить Бога, Ширли, что она умерла до того, как ты пришла к нам. Эдит Хаймс! Та еще штучка!

— А что, она думала, случилось? — спросил Нед.

— Кто знает? — Я пожал плечами. — Может, считала, что мы убили его за карточные долги и закопали в подвале.

— Вы тогда играли в карты на базе? — с ужасом и удивлением спросил Нед. — Мой отец тоже играл?

— Да перестань, — отмахнулся я. — Тони снял бы скальп с каждого, кого поймал за картами в расположении взвода, даже если играли на спички. И я сделал бы то же самое. Это шутка.

— Мы не пожарные, парень. — В голосе Хадди слышалось столько презрения, что я рассмеялся. Потом он вернулся к теме: — Старуха считала, что мы причастны к смерти Энниса, потому что ненавидела нас. Она ненавидела любого, кто мешал Эннису постоянно находиться рядом с ней. Или ненависть — слишком сильное слово, сержант?

— Нет.

Хадди вновь повернулся к Неду.

— Мы забирали его время и силы. Но, думаю, лучшей частью жизни Энниса все же была та, которую он проводил с нами, то ли на базе, то ли в патрульной машине. Она это знала, вот и ненавидела нас... «Работа, работа, работа, — говорила она. — Это все, что его интересует, чертова работа». Так что, с ее

точки зрения, мы должны были забрать его жизнь. Потому что забрали все остальное.

На лице Неда отражалось недоумение. Возможно, потому, что ненависти к работе отца в его доме никто не питал. Во всяком случае, он такого не видел. Ширли мягко положила руку ему на колено.

— Она должна была кого-то ненавидеть, понимаешь? Должна была кого-то винить.

— Эдит звонила, — продолжил я, — Эдит доставала нас, Эдит писала письма своему конгрессмену и генеральному прокурору штата, требуя провести полномасштабное расследование. Я думаю, Тони все это знал, но через несколько дней, на том совещании, все равно предложил позаботиться о ней. Если мы не позаботимся, то кто, спросил он. Эннис не оставил много денег, поэтому без нашей помощи ее ждала нищета. Эннис застраховал свою жизнь, и ему полагалась пенсия, тогда где-то восемьдесят процентов от жалованья, но она еще очень долгое время не могла получить ни цента. Потому что...

— ...он исчез, — договорил за меня Нед.

— Правильно. Вот мы и собрали деньги Драконше. Порядка двух тысяч долларов, помогли патрульные Лоренса, Бивера и Мерсера. Брат Бака Фландерса вложил эти деньги в акции компьютерных фирм, тогда они только появились на бирже, и в итоге она получила кругленькую сумму.

Что же касается Энниса, то по подразделениям дорожной полиции Западной Калифорнии поползли слухи, что он удрал в Мексику. И очень скоро слух этот воспринимали, как святое писание: Эннис удрал от своей сестры, прежде чем она успела дорезать его своим языком-ножом. Даже кто знал, что случилось, или мог знать, начали говорить то же самое, даже кто

сидел в банкетном зале «Кантри уэй» и собственными ушами слышал слова Тони Скундиста, что, по его твердому убеждению, «бьюик», стоящий в гараже Б, имеет непосредственное отношение к исчезновению Энниса Рафферти.

— Он разве что не сказал, что этот «бьюик» — телепортационная кабина для переноса на планету Х, — ввернул Хадди.

— В тот вечер сержант говорил очень убедительно. — Как обычно, голос Арки ни на йоту не отличался от голоса Лоренса Уэлка, и мне пришлось поднять руку, чтобы скрыть улыбку.

— Как я понимаю, в письме конгрессмену она не упомянула о том, что у вас образовался филиал «Сумеречной зоны»? — спросил Нед.

— Каким образом? — удивился я. — Она же ничего не знала. Именно для этого сержант Скундист и собрал то совещание. Чтобы напомнить нам, что рот надо держать на замке, а болтовня...

— Что это? — Нед привстал со скамьи. Я мог бы и не смотреть, и так знал, что он видит, но все-таки посмотрел. Как и Ширли, Арки и Хадди. Нельзя на это не смотреть, зрелище так и притягивает взгляд. Никто из нас не мочился и не выл, как бедный Мистер Диллон, но как минимум в двух случаях я кричал. Да, да. Кричал во весь голос. А потом мне снились кошмары.

Гроза смешалась к югу от нас. Природная гроза, но не другая. Та, что разразилась в гараже Б. Со скамьи для курильщиков мы видели яркие вспышки, освещавшие окна изнутри. Те самые окна на воротах. Чернильно-черные, они вдруг становились ослепительно белыми. И с каждой вспышкой, я знал, радио в коммуникационном центре накрывала волна помех.

И на микроволновке часы уже не показывали время, а высвечивали слово «ERROR».

Но в принципе «гроза» разразилась не такая уж и сильная. После вспышек перед глазами плавали зеленые квадраты, но зрение сохранялось. А вот в самом начале, когда вспышки только заполыхали в гараже Б, смотреть на них было невозможно. Они будто выжигали глаза.

— Святой Боже, — прошептал Нед. На лице отразилось изумление.

Нет, изумление — это мягко сказано. Увиденное потрясло его. Но чуть позже, когда он начал приходить в себя, я увидел тот же зачарованный взгляд, каким взирал на «бьюик», да и на гараж Б, его отец. Или Тони. Хадди. Мэтт Бабицки и Фил Кандлтон. Да разве я сам смотрел по-другому? Наверное, это обычное дело при столкновении с совершенно неведомым... когда мы заглядываем туда, где заканчивается привычный нам мир и начинается истинная тьма.

Нед повернулся ко мне:

— Сэнди, Господи Иисусе, что это? Что?

— Если тебе нужен термин, считай, что это светотрясение. Довольно-таки слабое. В наши дни оно всегда такое. Хочешь взглянуть поближе?

Он не стал спрашивать, не опасно ли сейчас подходить к гаражу, не разлетятся ли окна дождем осколов, не выйдет ли из строя фабрика спермы между ног. Ответил коротко: «Да-а-а!» И меня это не удивило.

Мы направились к гаражу Б. Нед и я — впереди, остальные — следом. Неравномерные вспышки резко выделялись на фоне уходящего дня, но вообще-то глаз регистрировал их и при ярком солнечном свете. И когда мы впервые удостоились этого зрелища (примерно, когда едва не взорвалась атомная станция на

Три-Майл Айленде*), «бьюик-роудмастер» одной из своих вспышек практически затмил солнце.

— Нам нужны темные очки? — спросил Нед, когда мы подходили к воротам гаража. Я слышал доносящееся изнутри гудение, то самое, на которое обратил внимание отец Неда, когда сидел за большущим рулевым колесом «бьюика» на автозаправочной станции «Дженни».

— Нет, достаточно прищуриться, — ответил Хадди. — В семьдесят девятом без темных очков ты бы, безусловно, не обошелся.

— Это точно, — поддакнул Арки, когда Нед прижался лбом к одному из окон, прищурился и заглянул в гараж.

Я встал рядом с ним, зачарованный как всегда. Смотрите внимательно, увидите живого крокодила.

«Роудмастер» предстал передо мной во всей красе, брезент, сползший с него, лежал на бетоне со стороны водителя. Я, само собой, видел в нем *objet d'art***, большой старый автомобильный динозавр с округлыми линиями, здоровенными колесами, ухмыляющейся радиаторной решеткой. Добро пожаловать, дамы и господа! Добро пожаловать на вечернее представление. На сцене «бьюик 8». Не обычный, конечно, «бьюик», так что попрошу сохранять дистанцию. Это произведение искусства может и кусануть.

Он стоял посреди гаража, неподвижный и мертвый... неподвижный и мертвый... а потом кабина осветилась яркой вспышкой. Большое рулевое колесо

* Три-Майл — остров на реке Сасскуэханна близ г. Харрисберга, штат Пенсильвания, на котором расположена атомная электростанция, где в 1979 г. произошла первая в истории ядерной энергетики крупная авария.

** *Objet d'art* — произведение искусства (фр.).

и зеркало заднего обзора с удивительной четкостью вырвало из темноты, совсем как некие объекты на горизонте, подсвеченные при артобстреле. Нед ахнул и рукой прикрыл лицо.

Вспышки продолжились, бесшумные, отбрасывающие тени на бетонный пол и стену, где еще висели какие-то инструменты. Гудение слышалось очень отчетливо. Я нацелился взглядом на круглый термометр, свешивающийся с потолочной балки над капотом «бьюика», и при следующей вспышке без труда узнал температуру воздуха в гараже: пятьдесят четыре градуса по Фаренгейту. Низковато, но не очень: тревожиться следовало, когда температура падала ниже пятидесяти градусов*, а вот пятьдесят четыре считалось у нас еще не самым плохим вариантом. Однако все же не следовало искушать судьбу. За годы, проведенные рядом с «бьюиком», мы, конечно, установили кое-какие закономерности, но прекрасно понимали, что нельзя принимать их за аксиомы.

В очередной раз кабина «бьюика» полыхнула белым светом, потом больше минуты в гараже царила темнота. Нед застыл как изваяние. Не знаю, дышал ли он эту минуту.

— Это все? — наконец спросил он.

— Подождем, — ответил я.

Мы прождали еще две минуты, новых вспышек не было, я уже открыл рот, чтобы сказать, что мы можем вернуться на скамью, поскольку на сегодня фейерверк закончен, но тут «бьюик» одарил нас последней вспышкой. Куда более мощной, напоминающей огненное шупальце, вырвавшееся из гигантского циклотрона. Шупальце это из заднего окна со стороны пассажирского сиденья протянулось к полке, где стоя-

* 12,2 градуса.

ли старые коробки с крепежом. Коробки эти выствились светло-желтым светом, словно заполняли их не болты, гайки, шпильки и шайбы, а зажженные свечи. Гудение усилилось, от него заныли зубы, завибрировали глаза, — и сошло на нет. Как и свет. Гараж заполнила чернильная тьма. Выделялся в ней лишь силуэт «бьюика», поблескивающий хромированными частями.

Ширли шумно выдохнула и отошла от окна, у которого наблюдала за происходящим внутри. Она дрожала всем телом. Арки подошел к ней, успокаивающе обнял за плечи.

Фил, стоявший у окна справа от меня: «Сколько бы раз я этого ни видел, босс, привыкнуть не могу».

— Что это? — спросил Нед. От восторга он помолодел лет на десять, разом став младше сестер. — Почему это происходит?

— Мы не знаем, — ответил я.

— А кто еще об этом знает?

— Все патрульные, служившие во взводе Д за двадцать с небольшим лет. Кое-кто из Дорожной службы. Окружной комиссар дорожной полиции...

— Джеймисон? — уточнил Хадди. — Да, он знает.

— ...и начальник полиции Стэтлера Сид Броунелл. Кроме них, практически никто.

Когда мы возвращались к скамье, все закурили. Нед, похоже, тоже не отказался бы от сигареты. Или чего-то другого. Скажем, глотка виски. На базе ситуация возвращалась к норме. Стефф Колуччи уже заметила, что статические помехи сходят на нет, еще немного, и DSS на крыше начнет принимать все каналы, сообщающие нам результаты спортивных соревнований, рассказывающие о событиях на фронтах, радующие сериалами. И если все это не заставит

vas забыть о дыре в озоновом слое, тогда, клянусь Богом, ничто не заставит.

— Как вышло, что остальные об этом ничего не знают? — спросил Нед. — Событие неординарное, как удалось сохранить все в тайне?

— Да что тут неординарного, — улыбнулся Фил. — Это всего лишь «бьюик». Был бы «кадиллак», тогда, конечно... не сохранили бы.

— Некоторые семьи не могут хранить секреты, а некоторые могут, — ответил я. — Наша смогла. Тони Скундист собрал совещание в «Кантри уэй» через два дня после появления «бьюика» и исчезновения Энниса, именно убедиться, что нам это удастся. Тони проинструктировал нас по многим вопросам. Разумеется, коснулся и сестры Энниса... как нам позаботиться о ней, как реагировать на нее, пока она не остынет.

— Если она и остыла, я об этом ничего не знаю, — прокомментировал Хадди.

— ...и как нам вести себя с репортерами, если она обратится в газеты.

В тот вечер в банкетном зале «Кантри уэй» собралась дюжина патрульных, с помощью Хадди и Арки я смог перечислить их всех. Со многими из них Нед не встречался, но фамилии наверняка слышал за обеденным столом, если его отец иногда говорил о работе. Большинство патрульных обычно говорят. Не о самых жутких происшествиях, разумеется, размазанные по асфальту трупы — это не для жены и детей, а о каких-то забавных случаях. О том, как паренек из амшей катался на роликовых коньках по центру Стэтлера, держась за хвост мчащейся галопом лошади и хохоча, как безумный. Или о том, как нам пришлось беседовать с одним парнем на Калвертон-роуд, вылезшим из снега обнаженных мужчину и женщину,

занимающихся сексом. «Но это же искусство!» — кричал он. Мы пытались объяснить ему, что соседи его творение искусством не считают. И эта скульптура для них — верх непристойности. Если бы не внезапное потепление и дождь, наверное, нам бы не осталось ничего другого, как передавать дело в суд.

Я рассказал Неду, как мы сами перенесли столы в пустующий банкетный зал, как Брайан Коул и Дики-Дак Элиот выпроводили официанток и мы закрыли дверь. Обслуживали себя сами, благо закуски уже стояли на сервировочном столике. Потом все, кто не был при исполнении, выпили пива, к потолку потянулся сигаретный дым. Питер Куинленд, ресторан тогда принадлежал ему, обожал Фрэнка Синатру, так что его песни лились из динамиков громкой связи, пока мы пили, курили, разговаривали: «Как хорошо быть женщиной», «Осенний ветер», «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и, конечно, «Мой путь», может, самая тупая попсовая песня двадцатого столетия. Теперь, услышав Фрэнка Синатру, я сразу же вспоминаю банкетный зал «Кантри уэй» и «бьюик» в гараже Б.

Про исчезнувшего водителя «бьюика» мы могли сказать следующее: имя и фамилия неизвестны, примет нет, как и оснований предполагать, что он нарушил закон. Вопросы об Эннисе следовало воспринимать серьезно и отвечать на них честно... прежде всего потому, что лгать и не требовалось. Да, мы все в недоумении. Да, мы все встревожены. Да, мы дали соответствующую информацию куда только можно. Да, вполне возможно, что Эннис просто решил сменить место жительства и работу (нам даже рекомендовали говорить: «Все возможно»), но патрульные взвода Д сделают все возможное, чтобы позаботиться о сестре Энниса Рафферти, очень милой dame, кото-

рая так расстроена исчезновением брата, что может многое наговорить. «Что же касается самого «бьюинка», если кто-то будет задавать вопросы насчет него, отвечайте, что он конфискован, — сказал нам Тони. — И больше ни слова. Если кто-то сболтнет лишнее, я выясню, кто это сделал, и выкурою его, как сигару. — Он оглядел зал: подчиненные смотрели на него, но ни один не позволил себе улыбнуться. Они достаточно долго прослужили под его началом, чтобы знать: когда у него такое лицо, он не шутит. — С этим ясно? Задачу все поняли?»

На мгновение согласный гул заглушил Фрэнка, поющего «Это был очень хороший год». Задачу мы поняли, это точно.

Нед поднял руку, и я замолчал, радуясь возможности перевести дух. Да и вообще не хотелось мне возвращаться к воспоминаниям о том давнем собрании.

— А как насчет анализов, которые провел Биби Рот?

— Они нас не порадовали. Вещество, которое выглядело как винил, на самом деле таковым не являлось. Близким по составу, но не более того. Краска не соответствовала краскам, применяемым в автомобильной промышленности. Дерево, правда, оказалось деревом. «Похоже на дуб», — сказал Биби, но больше ничего не сказал, как ни напирал на него Тони. Что-то его тревожило, но что именно, он говорить не захотел.

— Может, не мог, — предположила Ширли. — Может, и сам не знал.

Я кивнул.

— Стекло — обычный триплекс, но без маркировки фирмы-производителя. Другими словами, устанавливалось оно не на сборочном конвейере Детройта.

— Отпечатки пальцев?

Я начал загибать свои пальцы.

— Энниса. Твоего отца. Брэдли Роуча. Точка.

Мужчина в черном пальто своих пальчиков не оставил.

— Должно быть, был в перчатках, — сказал Нед.

— Мы об этом, конечно, думали. Брэд точно не помнил, но вроде бы видел руки того парня, такие же белые, как лицо.

— Иногда люди потом просто придумывают такие подробности, — вмешался Хадди. — Показания очевидцев обычно не так надежны, как хотелось бы.

— Пофилософствовал? — осведомился я.

Хадди великолепно махнул рукой.

— Продолжай.

— Биби не нашел в автомобиле следов крови, но образцы, взятые из багажника, показали наличие микроскопических следов органической материи. Биби не смог их идентифицировать, потому что разложились. За неделю на предметных стеклах ничего не осталось. Только использованный закрепляющий раствор.

Хадди поднял руку, как ученик в классе. Я кивнул.

— Через неделю мы не нашли тех мест, где эксперты делали соскобы, на приборном щитке и рулевом колесе. Дерево как бы затянулось. То же самое произошло и с обивкой багажника. Если поцарапать крыло перочинным ножом или ключом, через шесть или семь часов царапина исчезает.

— Он восстанавливает себя? — спросил Нед. — Он это может?

— Да, — кивнула Ширли, достала из пачки «Парламента» новую сигарету, закурила, быстро и нервно затягиваясь. — Твой отец уговорил меня принять участие в одном из его экспериментов: я держала видеокамеру. Он прочертил длинную царапину на дверце

водителя, под хромированной полосой, и мы навели на нее видеокамеру и оставили включенной, возвращаясь через каждые пятнадцать минут. Ничего драматического не произошло, но было интересно, прямо-таки как в кино. Царапина становилась все мельче, темнела по краям, словно подстраивалась под остальную краску. И наконец, исчезла. Бесследно.

— А шины, — внес свою лепту Кандлтон. — Стоило проткнуть одну отверткой, как из дырки начинал с шумом вырываться воздух. Но шум постепенно переходил в свист, который скоро замолкал. А потом отвертка падала на бетон. Шина выталкивала ее, как тыквенное семечко.

— Он живой? — спросил меня Нед. Так тихо, что я едва расслышал вопрос. — Я хочу сказать, если он может восстанавливаться...

— Тони всегда говорил, что нет, — ответил я. — Стоял на этом. «Это всего лишь механизм, — бывало объяснял он. — Какой-то механизм, принцип действия которого мы не понимаем». Твой отец придерживался прямо противоположного мнения и всегда защищал его так же истово, как Тони — свое. Если бы Кертис был жив...

— Тогда что? Что бы произошло, если б он был жив?

— Не знаю, — ответил я. Вдруг навалилась тоска. Я еще многое мог сказать, да только расхотелось. Не лежала к этому душа, не было желания, как не бывает его, когда перед тобой маячит необходимость сделать что-то нужное, но тяжелое и тягомотное: выкорчевать пень до заката солнца, убрать сено под крышу до послеполуденного дождя... — Я не знаю, что бы произошло, будь он жив, и это чистая правда.

Хадди пришел мне на помощь.

— Твой отец помешался на этом автомобиле, Нед. В том смысле, что проводил с ним каждую свободную минуту, ходил вокруг, фотографировал... трогал. В основном трогал. Постоянно, словно убеждал себя в его реальности.

— И сержант тоже, — вставил Арки.

Не совсем, подумал я, но ничего не сказал. С Кертом все обстояло иначе. В конце концов автомобиль стал вотчиной его, а не Тони. И Тони это знал.

— Но что произошло с патрульным Рафферти, Сэнди? Вы думаете, что «бьюик»...

— Сожрал его, — безапелляционно заявил Хадди. — Так я думал тогда, так думаю и теперь. Так думал и твой отец.

— Правда? — спросил меня Нед.

— Да. Съел его или перенес в какое-то другое место. — Я вдруг опять подумал о тягомотной работе: застилать кровати, мыть горы грязной посуды, косить траву и ворошить сено.

— Вы хотите сказать, что ни одному ученому не позволили изучить эту штуковину после того, как патрульный Рафферти и мой отец увидели его на заправочной станции? — спросил Нед. — Никто и никогда? Ни физики, ни химики? И никто не делал спектрографического анализа?

— Кажется, Биби приезжал еще раз, — ответил ему Фил, словно чуть-чуть оправдываясь. — Сам, без «деток», с которыми обычно работал. Он, Тони и твой отец закатали в гараж какой-то большой прибор... может, и спектрограф, но я не знаю, что он показал. А ты, Сэнди?

Я покачал головой. Из тех, кто мог ответить на этот вопрос, никого не осталось. Или на многие другие. Биби Рот умер от рака в 1998-м. Кертис Уилкокс,

который так часто бродил вокруг «бьюика» с блокнотом в руке, что-то записывая и зарисовывая, трагически погиб. Тони Скундист, бывший сержант, еще жил, но ему давно перевалило за семьдесят и болезнь Альцгеймера начисто лишила его памяти. Я помню, как поехал навестить его вместе с Арки Арканяном в доме престарелых, где он теперь живет. Аккурат перед Рождеством. Мы с Арки купили ему золотой медальон святого Христофора, на который скинулись все ветераны, служившие под его началом. Вроде бы мы попали в удачный день. Сержант без проблем открыл коробочку, достал медальон, порадовался подарку. Даже раскрыл замочек. Правда, закрывать его, уже на шее Тони, пришлось Арки. А потом Тони пристально, сдвинув брови, посмотрел на меня. Я увидел прежний, так хорошо знакомый мне взгляд, Тони вроде бы стал самим собой. Но глаза наполнились слезами, и иллюзия исчезла. *Кто вы, парни?* — спросил он. *Я почти что вспомнил*, а потом добавил, буднично так, словно говорил о погоде: *Я в аду, знаете ли. Это ад.*

— Послушай, Нед, — сказал я. — Совещание в «Кантри уэй» служило одной-единственной цели. Копы Калифорнии пишут эти слова на борту своих патрульных машин, может, потому, что память у них не очень и им надо постоянно их видеть. Мы не пишем. Ты знаешь, о чем я говорю?

— Служить и защищать, — ответил Нед.

— Точно. Тони думал, что этот вроде бы автомобиль попал в наши руки по воле Божьей. Он не произнес этих слов, но мы поняли. И твой отец чувствовал то же самое.

Я сказал Неду Уиллоксу лишь то, что, по моему мнению, ему следовало услышать. Но не стал гово-

рить об огне, который горел в глазах Тони и его отца. Тони мог читать проповедь, что наш долг — служить и защищать; мог говорить, что патрульные взвода Д, как никто другой, позаботятся об этом загадочном «бьюике»; мог даже позволить себе порассуждать, что когда-нибудь мы даже отдадим свою находку тщательно отобранный команде ученых, которую, возможно, возглавит Биби Рот. Он мог рассказывать эти байки и рассказывал. Но его слова ничего не значили. Тони и Керт хотели спрятать «бьюик», потому что не жела ли с ним расставаться. В этом и состояла главная причина, а все остальное служило ширмой, ее скрывающей. Этот загадочный, экзотичный, уникальный «родмастер» принадлежал им, и они ни с кем не хотели делиться своим сокровищем.

— Нед, — спросил я, — ты не знаешь, остались ли после отца записные книжки, блокноты? Листы которых держались на спирали. Такие предпочитают школьники.

Нед сжал губы. Опустил голову, уставился в землю.

— Да, записные книжки и блокноты были. Мама говорила, что это, наверное, дневники. В своем завещании он просил маму сжечь все его личные бумаги, и она сожгла.

— Думаю, это логично, — кивнул Хадди. — Во всяком случае, соответствует тому, что я знаю о Керте и прежнем сержанте.

Нед вскинул на него глаза.

Хадди уточнил:

— Они оба не доверяли ученым. Ты знаешь, как называл их Тони? Несущие смерть. Он говорил, что их главная цель — отправлять все и вся, говорить людям, чтобы те ни в чем себе не отказывали, что зна-

ния никому не вредят, наоборот, несут свободу. — Он помолчал. — Была и другая причина.

— Какая? — спросил Нед.

— Секретность, — ответил Хадди. — Копы умеют держать язык за зубами, но Керт и Тони не верили, что ученые на это способны. «Посмотрите, как быстро стараниями этих идиотов атомные бомбы распространились по всему миру, — как-то сказал Тони. — Мы вот поджарили Розенбергов, но даже недоумки знают, что и без них русские через пару лет получили бы атомную бомбу. Почему? Потому что ученые любят болтать. Та штуковина, что стоит в гараже Б, возможно, не эквивалент атомной бомбы, но кто знает, как все может обернуться. В одном можно быть уверенными: она не станет чьей-то еще атомной бомбой, пока стоит здесь, укрытая брезентом».

Но я думаю, что это лишь часть правды. Время от времени я задавался вопросом, а приходилось ли Тони и отцу Неда говорить об этом... я про долгие вечера по будням, когда на дорогах более или менее спокойно, патрульные кучкуются наверху — кто спит, кто смотрит кино по видику или жует приготовленный в микроволновке попкорн, а внизу только двое, Тони и Керт, сидят в кабинете первого, за закрытой дверью. И вопрос мой в следующем: хоть раз заходила у них речь о главном, докапывались они до сути — *У нас есть что-то такое, чего нет нигде, и мы держим его при себе?* Полагаю, нет. Потому что они все понимали без слов, достаточно было посмотреть друг другу в глаза. И видели в них одно и то же: желание прикоснуться к чему-то, заглянуть в него. Черт, да хоть просто ходить вокруг. Это же загадка, тайна, чудо. Но я не знал, сможет ли этот мальчик принять мои сло-

ва на веру. Теперь я понимал, что он не просто скорбит об отце — злится на него за безвременный уход. В таком настроении он мог воспринять их поведение как воровство, а вот этого я бы утверждать не стал. Может, толика правды в этом и была, но далеко не полная правда.

— К тому времени мы уже знали о светотрясениях, — сказал я. — Тони называл их «явлениями рассеивания». Он думал, что «бьюик» от чего-то избавляется, сбрасывает это что-то, как статическое электричество. Помимо секретности и желания оставить у себя удивительную находку, в конце семидесятых у жителей Пенсильвании, не только у копов — у всех, был очень серьезный повод не доверять ученым и инженерам.

— Три-Майл, — кивнул Нед.

— Да. Кроме того, этот автомобиль не только заличивал царапины и отбрасывал пыль. Он мог еще много чего.

Я замолчал. Слишком уж длинным получался рассказ.

— Давай расскажи ему. — В голосе Арки слышалась злость. — Ты же сказал ему, что это не пустая болтовня, так давай рассказывай остальное. — Он посмотрел на Хадди, на Ширли. — Даже о 1988 году. Да, даже об этом. — Он замолчал, вздохнул, посмотрел на гараж Б. — Останавливаться слишком поздно, сержант.

Я поднялся, через автостоянку направился к гаражу Б. За спиной услышал голос Фила: «Нет, не надо. Не ходи за ним, парень, он вернется».

И это характерная особенность тех, кто сидит высоко, — люди могут так о них говорить и практически

никогда не ошибаются. За исключением случаев, связанных с инфарктами, инсультами, пьяными водителями. За исключением случаев, в которых мы, смертные, усматриваем волю Божью. Люди, которые сидят высоко, которые работали, чтобы усесться на это место, и работают, чтобы усидеть, никогда не говорят: да пошли вы, — чтобы потом отправиться на рыбалку. Нет. Мы, эти люди, продолжаем застилать постели, мыть посуду, скирдовать сено и при этом стараемся изо всех сил. *Aх, что бы мы делали без тебя*, говорят про таких. Ответ прост: большинство тех, кто говорит, делали бы то же, что и всегда. Чтобы потом отправиться в ад в деревянном ящике.

Я постоял у ворот гаража Б, глядя через окно на термометр. Температура упала до пятидесяти двух градусов*. Все еще не так плохо, во всяком случае, не ужасно, но достаточно прохладно, чтобы вызвать у меня догадку: «бьюик» выдаст еще одну или две вспышки, прежде чем угомонится. Так что сейчас нет смысла накрывать его брезентом. Скорее всего операцию эту придется повторять.

Он сдыхает, вот какой вывод успели сделать Скундист и Уилкокс на основе многолетних наблюдений за «бьюиком». Сбавляет ход, как плохо заведенные часы, замедляет скорость, как лошадь, тянувшая в гору тяжелый воз, пикает, как детектор дыма, который уже не может определить изменение задымленности. Возможно, так оно и было. Возможно — нет. Мы же ничего об этом не знали на самом-то деле. А говорить себе, что знали, — это всего лишь стратегия, выработанная, чтобы мы могли жить рядом с неведомым, вызвавшим слишком много кошмаров.

* 10 градусов.

ТОГДА

Сэнди находился там, когда все началось, только он один. И в последующие годы говорил, скорее в шутку, что вся слава первооткрывателя должна принадлежать ему. Остальные тут же сбежались, но начало видел только Сэндер Фримонт Диаборн, стоявший у бензоколонки с отвисшей челюстью и плотно закрытыми глазами, в полной уверенности, что через несколько секунд они все, не говоря уже об окрестных фермерах, в основном амишей и нескольких неамишей, превратятся в радиоактивную пыль на ветру.

Произошло это через несколько недель после того, как «бьюик» привезли в расположение патрульного взвода Д и поставили в гараж Б, — в первых числах августа 1979 года. К тому времени газетная шумиха, связанная с исчезновением Энниса Рафферти, начала стихать. Большинство статей об исчезнувшем патрульном опубликовала «Американ», газета округа Стэтлер, но в конце июля большой материал на первой полосе воскресного выпуска дала и «Питсбург пост-газетт». Заголовок гласил: **«У СЕСТРЫ ПРОПАВШЕГО ПАТРУЛЬНОГО ОСТАЛОСЬ МНОГО ВОПРОСОВ»**, и ниже: **«ЭДИТ ХАЙМС ТРЕБУЕТ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛНОМАСШТАБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ»**.

В принципе газеты раскручивали историю именно так, как и рассчитывал Тони Скундист. Эдит стояла на том, что патрульные взвода Д знают об исчезновении ее брата гораздо больше, чем говорят, и ее слова цитировали обе газеты. Но между строк читалось, что бедная женщина тронулась умом от горя (без упоминания про злость) и искала козла отпущения, дабы свалить на него, возможно, собственную вину.

Никто из патрульных даже не заикнулся об остром язычке Эдит и ее постоянном поиске недостатков, но соседи Эдит и Энниса оказались куда более разговорчивыми. Репортеры обеих газет упомянули, что, несмотря на выдвинутые обвинения, сослуживцы Энниса планируют обеспечить женщину хоть скромной, но финансовой поддержкой. Черно-белый подретушированный фотоснимок Эдит в «Пост-газетте» не добавил ей читательских симпатий: выглядела она вылитой Лиззи Борден* за пятнадцать минут до того, как та схватилась за нож.

Первое светотрясение произошло в сумерках. Сэнди приехал с патрулирования около шести вечера, чтобы переговорить с Майком Сандерсом, прокурором округа. Приближалось судебное разбирательство очень уж неприятного дела о наезде. Сэнди был главным свидетелем обвинения, а ребенок, ставший жертвой, на всю жизнь остался парализованным. Майку хотелось, чтобы нюхающий кокаин мистер Бизнесмен, сидевший за рулем, отправился в тюрьму. Минимум на пять лет, а при удачном раскладе — и на все десять. Тони Скундист какое-то время принимал участие в их разговоре (они устроились в углу комнаты отдыха), а потом спустился к себе, оставив Майка и Сэнди уточнять детали показаний последнего. После встречи Сэнди решил заполнить бак своей патрульной машины: до конца смены оставалось еще больше трех часов.

* Борден, Лиззи Эндрю (1860–1927) — вошла в историю как предполагаемая убийца отца и мачехи из-за наследства. Оправдана судом присяжных из-за отсутствия прямых улик, но осталась убийцей в глазах соседей и общественного мнения. До конца жизни подвергалась острокизму жителей городка в штате Массачусетс, где жила.

Проходя мимо коммуникационного центра к две-ри черного хода, услышал сердитый крик Мэтта Бабишки: «Чертова хреновина, — потом удар по железу. — Почему не работаешь?»

Сэнди завернул за угол и спросил Мэтта, уж не месячные ли у него.

Мэтт не нашел шутку забавной.

— Ты лучше послушай, — и добавил громкости. Сэнди заметил, что верньер блока подавления взаимных помех при настройке повернут до упора. Брайан Коул, с патрульной машины 7, вышел на связь. Херб Эвери на Пятой находился на Соумилл-роуд, Джордж Станковски — бог знает где. Его голос терялся в шуме помех.

— Если связь еще ухудшится, мне вряд ли удастся следить, где они находятся, не говоря уж о передаче им информации, — пожаловался Мэтт. Вновь шлепнул ладонью по металлической боковине радиоприемника, подчеркивая значимость своих слов. — А если кто-то позвонит сообщить об аварии? Собирается гроза, Сэнди?

— Когда я входил в дом, небо было чистое, как вымытое стекло. — Он выглянул в окно. — И сейчас такое же чистое... ты тоже мог бы увидеть, будь у тебя в шее шарнир. У меня вот есть, видишь? — И Сэнди покрутил головой.

— Очень смешно. Тебе удалось посадить за решетку невинного человека, или что?

— Молодец, Мэтт. Отбрил так отбрил.

Идя дальше, Сэнди услышал, как кто-то спросил, не свалилась ли с крыши эта чёртова антенна, потому что изображение исчезло на самом интересном месте: по телевизору в очередной раз показывали «Стар трек», серию про триболов.

Сэнди вышел на улицу. Вечер выдался жаркий, душный, вдали что-то громыхало, но ветра не было, а над головой синело чистое небо. С востока надвигалась ночь, над травой формировался туман, поднявшийся уже футов на пять.

Он подошел к своей патрульной машине (в ту смену — Д-14, со сломанной мигалкой), сел за руль, отогнал ее к бензоколонке «АМОКО», вылез, открутил крышку с горловины под поднятой пластиной для заднего номерного знака и замер. Потому что вдруг ощутил, что вокруг все застыло: цикады не стрекотали в траве, птицы не пели на деревьях. Слышалось лишь низкое монотонное гудение, которое слышишь, если встать под линией электропередачи или подойти к трансформаторной подстанции.

Сэнди начал поворачиваться, и в этот момент весь мир залило ослепительно белым светом. Первой пришла в голову мысль: чистое небо или нет, но в меня ударила молния. А потом он увидел, что гараж сияет, как...

Но закончить эту мысль ему не удалось. Сравнивать было не с чем, ничего подобного он в своей жизни не видел.

Сэнди сообразил: если смотреть на первые вспышки — ослепнешь, — может, временно, может, навсегда. К счастью, гаражные ворота не выходили на бензоколонку. Однако яркости вспышки хватило, чтобы ослепить. Потому что летние сумерки разом обернулись солнечным полуднем. А гараж Б, вроде бы крепкое, прочное деревянное сооружение, превратился в палатку со стенками из прозрачного пластика. Свет проникал в каждую щелочку, в каждое отверстие из-под гвоздя. Выстреливал из-под свеса крыши через дырку, возможно, прогрызенную белкой. Сиял на

уровне земли, где отвалилась обшивочная доска. Чрез вентиляционный люк в крыше луч ярчайшего света бил в небо, пульсируя через неравные промежутки, словно посыпал кому-то сигналы. А уж полотнища света, вырывающиеся сквозь окна на сдвижных воротах переднего и заднего торцов гаража, превращали стекающийся по земле туман в фантастический электрический пар.

Сэнди сохранял спокойствие. Удивился, конечно, но сохранял спокойствие. Подумал: «Ну вот, если эта хреновина взорвётся, мы все покойники». В голову, конечно, пришла мысль, бежать или прыгнуть в патрульную машину и мчаться куда глаза глядят. Но куда бежать? Куда ехать? Понятное дело, некуда.

Более того, охватило совсем другое желание: подойти ближе. Почти как «бьюик» притягивал его. Не приводил в ужас, как Мистера Диллона. Зачаровывал — не пугал. Безумной казалась эта мысль или нет, но хотелось подойти ближе. Он как будто слышал призывный зов почти как «бьюика».

Словно во сне (ему пришло в голову, что, возможно, все это вправду снится), он вернулся к водительской дверце Д-14, всунулся в кабину через опущенное стекло, взял с приборного щитка солнцезащитные очки. Надел их и двинулся к гаражу. Очки, конечно, помогали, но не очень. Он шел, прикрыв глаза рукой, сощурившись. Мир сиял молчаливым светом, вибрировал ослепительно белым огнем. Сэнди видел свою тень, отпрыгивающую от его ног, исчезающую, отпрыгивающую вновь. Видел, как свет, выстреливающий из окон гаража, отражается от окон здания, где базировался взвод Д. Видел патрульных, высыпавших из двери, проталкивающихся мимо Мэтта Бабицки из коммуникационного центра, который находился бли-

же всех к двери черного хода и, конечно же, первым выскочил из нее. В пульсирующих вспышках все, естественно, двигались рывками, как актеры в немом фильме. Те, у кого в нагрудных карманах лежали солнцезащитные очки, надевали их. Кое-кто поворачивался и уходил в здание за очками. Один патрульный даже достал револьвер, посмотрел на него, словно собрался сказать: *И что я буду с ним делать?* — после чего засунул назад в кобуру. Двое патрульных без темных очков все равно двигались к гаражу, плотно закрыв глаза и еще прикрывая их руками. Они напоминали лунатиков, которых, как Сэнди, тянуло к источнику вспышек и низкого, сводящего с ума гудения. Тянуло, как мотыльков на свет.

А потом среди патрульных появился Тони Скун-дист. Кого-то шлепнул по спине, кого-то толкнул, говоря всем, что они должны отойти от гаража, вернуться в здание, что это приказ. Он пытался надеть солнцезащитные очки, но никак не удавалось втиснуть лицо между дужек. Наконец он водрузил их на переносицу, предварительно угодив одной дужкой в рот, а второй — в левую бровь.

Сэнди ничего этого не видел и не слышал. Потому что в ушах стояло только гудение. А видел только вспышки, превращающие туман в электрических драконов. Видел колонну ярчайшего света, поднимающуюся из конической вентиляционной шахты, пропыкающую темнеющий воздух.

Тони схватил его, встряхнул. В гараже еще раз безмолвно полыхнуло, стекла очков Тони превратились в два маленьких шара синего огня. Он кричал, хотя необходимости в этом не было, Сэнди прекрасно его слышал. Потому что, если не считать гудения, вокруг

стояла мертвая тишина, правда, кто-то бормотал: «Святая мать Божья».

— Сэнди? Ты был здесь, когда все началось?

— Да! — к собственному изумлению, закричал и он. Свет вспыхивал и гас, все так же безмолвно. И всякий раз здание подпрыгивало, как живое, а тени патрульных бежали по его стенам.

— Как это началось? Что послужило толчком?

— Я не знаю!

— Иди в дом! Позвони Кертису! Расскажи, что происходит! Пусть немедленно приезжает сюда!

Сэнди с трудом подавил желание сказать сержанту, что он хочет остаться и посмотреть, что будет дальше. Идея, конечно, глупая: все равно ничего не видно, слишком уж яркие вспышки. А кроме того, он умел отличать приказ от просьбы.

Вошел в дом, спотыкаясь на ступеньках (вспышки не позволяли рассчитать их длину и высоту), ничего не видя перед собой, выставив вперед руки, добрался до коммуникационного центра. Коридоры превратились в месиво накладывающихся теней. Если он и мог что-то видеть, так это мощнейшие вспышки, повторяющиеся одна за другой.

Радио Бабицки трещало помехами, сквозь которые прорывались редкие слова патрульных, пытавшихся связаться с базой. Сэнди снял трубку с обычного телефонного аппарата, стоявшего рядом с тем, что откликался только на номер 911. Думал, телефон тоже вырубился, но нет, услышал гудок. Набрал номер Керта, отыскав его в списке домашних телефонов патрульных. Даже трубка, казалось, испуганно подпрыгивала, когда очередная вспышка освещала коммуникационный центр.

Ответила Мишель, сказала, что Керт выкашивает лужайку, хочет успеть до темноты. По голосу чувствовалось, что звать его ей не хочется. Но Сэнди настаивал, и она сдалась: «Хорошо, подожди минутку. Нужели нельзя дать человеку расслабиться?»

Ожидание показалось Сэнди вечностью. Почти как «бьюик», стоявший в гараже Б, продолжал пульсировать, будто неоновая вывеска, и при каждой вспышке закуток, где располагался коммуникационный центр, покачивало из стороны в сторону. Не верилось, что агрегат, способный генерировать свет такой яркости, не предназначался для уничтожения всего живого, однако Сэнди жил и дышал. Свободной рукой он прикоснулся к щекам в поисках ожогов или волдырей. Не нашел.

Пока, во всяком случае, я цел и невредим, подумал он. И ждал, когда же копы начнут кричать от ужаса: гараж разлетится во все стороны или растает, а из него выползет что-то страшное с горящими электрическими глазами. Такие идеи не имели ничего общего с обычными мыслями копа, но в этот момент Сэнди Диаборн ощущал себя не достаточно опытным копом, а насмерть перепуганным маленьким мальчиком. Наконец Кертис взял трубку. Дышал прерывисто, должно быть, бегом примчался к телефону, в голосе слышалось любопытство.

— Ты должен немедленно приехать. Приказ сержанта.

Керт понимал, чем вызвана такая срочность, но спросил:

- Что происходит, Сэнди?
- Фейерверк. Вспышки и искры. На гараж Б невозможно смотреть.
- Он горит?

— Я так не думаю, но точно сказать нельзя. Говорю тебе, смотреть невозможно. Слишком ярко. Да-вай сюда.

Керт бросил трубку, больше не сказав ни слова, и Сэнди вновь вышел из дома. Если уж им предстояло превратиться в радиоактивную пыль, ему хотелось в этот момент находиться среди друзей.

Кертис свернулся на подъездную дорожку с щитом «ТОЛЬКО ДЛЯ ПАТРУЛЬНЫХ» на повороте десять минут спустя. Сидел он за рулем старенького, но любовно восстановленного «белэра», который его сын унаследует двадцать два года спустя. На автостоянку въехал слишком быстро, и Сэнди испугался, что передним бампером он разметает пятерых патрульных. Но Керт резко нажал на педаль тормоза (реакция у него была прекрасная), и «шеви» застыл, чуть клюнув носом.

Керт выпрыгнул из кабины, вспомнил, что надо выключить двигатель, про фары забыл, запутался в собственных ногах, едва не упал. Но взмахом рук сохранил равновесие и побежал к гаражу. Сэнди успел заметить, что в одной руке он держит очки электросварщика на эластичной ленте. Сэнди навидался взволнованных людей, само собой, каждый, кого останавливают за превышение скорости, взволнован, но никто не мог сравниться с Кертом. Его глаза буквально вылезали из орбит, волосы стояли дыбом... хотя, возможно, причина была, что бежал он слишком уж быстро.

Тони вытянул руку и схватил его, едва не свалив с ног. Сэнди увидел, как свободная рука Керта сжалась в кулак и начала подниматься. Потом пальцы разжались. Сэнди не знал, сколь близко подошел но-

вобранец к тому, чтобы ударить своего сержанта, да и не хотел знать. Главное, он признал Тони (и власть Тони) и остановился.

Тони потянулся к очкам электросварщика.

Керт покачал головой.

Тони что-то сказал.

Керт ответил, продолжая качать головой.

В продолжающихся вспышках Сэнди видел, как Тони Скундист борется с собой, очень ему, похоже, хотелось приказать Керту отдать очки. Но вместо этого он обернулся и посмотрел на сгрудившихся у здания патрульных. В спешке сержант отдал им два приказа — отойти от гаража и вернуться в здание. Большинство предпочло выполнить первый и проигнорировать второй. Тони глубоко вдохнул, выдохнул, потом что-то сказал Дикки-Даку Элиоту, который выслушал, кивнул, скрылся за дверью.

Остальные наблюдали, как Керт бежит к гаражу Б, роняет на асфальт бейсболку, надевает очки сварщика, натягивая эластичную ленту на затылок. И хотя Сэнди любил и уважал новичка взвода Д, он не видел ничего героического в поступке Керта. Героизм — это преодоление страха. В тот вечер никакого страха Кертис Уилкокс не испытывал, даже самой малости. Он просто выбрировал от волнения, и двигало им исключительно неуемное любопытство. Гораздо позже Сэнди решил, что сержант разрешил Кертису приблизиться к гаражу Б, просто не имея возможности его удержать.

Кертис остановился в десяти футах от ворот гаража, вскинул руки, чтобы прикрыть глаза от особо яростной вспышки, вырвавшейся наружу. Сэнди увидел, как свет белыми молниями пробивается между пальцами Керта. И одновременно его тень легла на

туман силуэтом гиганта. Потом свет погас, и Сэнди заметил, что Керт приближается к гаражу. Добрался до ворот, заглянул внутрь. Стоял, пока снова не полыхнуло. Отпрянул от вспышки, тут же вновь проник к окну.

Тем временем вернулся Дикки-Дак Элиот, выполнив поручение сержанта, каким бы оно ни было. Когда Дикки-Дак проходил мимо, Сэнди увидел, что именно он держит в руках. Сержант настаивал, чтобы все патрульные машины выезжали с базы с «Полароидом» в кабине, вот Дикки-Дак и сбежал за одним из них. Протянул Тони, скривился — очередная вспышка ударила по глазам.

Тони взял фотоаппарат и затрусили к Кертису, который все стоял у окна, глядя внутрь и подаваясь назад при каждой вспышке или серии вспышек: даже очки электросварщика не обеспечивали достаточной защиты от столь ослепительной белизны.

Что-то коснулось руки Сэнди, и он чуть не вскрикнул, но посмотрел вниз и увидел собаку. Мистер Диллон, должно быть, спал в кухне, когда началось это светопреставление, устроившись между раковиной и плитой, на своем любимом месте. А теперь вот вышел из здания посмотреть, с чего весь этот сыр-бор. По блеску глаз, стоящим торчком ушам, высоко вскинутой голове пса Сэнди понял: Мистер Д знает, что-то происходит, но вот ужаса на сей раз не выражал. Вспышки света ни в коей мере его не тревожили.

Кертис попытался схватить «Полароид», но Тони не выпустил его из рук. Теперь они вдвоем стояли у ворот гаража Б, подаваясь назад при каждой новой вспышке. Спорили? Сэнди в этом сомневался. Едвали. Скорее вели жаркую дискуссию, как двое ученых, наблюдающих неизвестный науки феномен. *А может,*

это вовсе и не феномен, подумал Сэнди. Может, это эксперимент, а мы — подопытные кролики.

Он начал замерять продолжительность интервалов между вспышками, вместе с остальными наблюдая за двумя мужчинами у ворот: одним — в очках электросварщика, закрывающих пол-лица, другим — с «Полароидом» в руках. Их силуэты высвечивались, как фигуры танцующих в диско-клубе при включенном стробоскопе. Если раньше вспышки следовали одна за другой, то теперь паузы между ними определенно удлинились. Сэнди насчитал шесть секунд... семь... десять... четырнадцать... двадцать.

— Я думаю, скоро конец, — прогудел за его спиной Бак Флэндерс.

Мистер Д гавкнул и уже хотел бежать к гаражу, но Сэнди схватил его за ошейник. Может, собака хотела составить компанию Керту и Тони, но скорее Мистер Д хотел попасть в гараж. Почувствовал зов того, что находилось там. Сэнди это не волновало. Он хотел, чтобы пес оставался рядом с ним.

Тони и Керт направились к двери. Вновь что-то принялись обсуждать. Наконец Тони кивнул, как показалось Сэнди, с неохотой и отдал фотоаппарат. Керт открыл дверь, в этот момент полыхнуло снова, и яростное пламя поглотило молодого новобранца патрульного взвода. Сэнди уже не сомневался, что они не увидят Кертиса Уиллокса, когда вспышка погаснет: то ли он распадется на молекулы, то ли его телепортирует в далекую-далекую галактику, где он проведет остаток жизни, заправляя маслом X-крылья истребители, а может, массируя сверкающую черную задницу Дарта Вейдера*.

* Подробности в «Звездных войнах».

Он успел заметить Керта, стоящего у двери, поднявшего одну руку, чтобы прикрыть спрятанные под очками электросварщика глаза. Справа и чуть сзади Тони Скундист, отворачиваясь от ослепляющего света, вскидывал руки к глазам. Солнцезащитные очки от такого сияния не спасали. Сэнди это знал: такие же сидели у него на носу. Когда же он вновь обрел способность видеть, Керт исчез в гараже.

И тут же все внимание Сэнди переключилось на Мистера Диллона, который рванулсся вперед, несмотря на то что Сэнди держал его за ошейник. От недавнего спокойствия собаки не осталось и следа. Пес выл и рычал, уши прижались к голове, пасть раскрылась, сверкнули белые зубы.

— Помогите мне, помогите! — крикнул Сэнди.

Бак Фландерс и Фил Кандлтон тоже схватились за ошейник, но поначалу это ничего не изменило. Пес тащил их за собой, хрюкая, роняя слону на асфальт, не отрывая глаз от двери в боковой стене гаража. Обычно Мистер Диллон был милейшим созданием, но сейчас Сэнди предпочел бы видеть его в наморднике и держать не за ошейник, а за поводок. Если б Мистер Д повернулся голову, решив пустить в ход зубы, он мог бы недосчитаться пальца, а то и двух.

— Закройте дверь! — крикнул Сэнди сержанту. — Если не хотите, чтобы Д сгинул в гараже, закройте эту чертову дверь!

На лице Тони отразилось недоумение, потом он увидел, что происходит, и закрыл дверь. Рычание стихло, как и вой. Мистер Диллон пару раз удивленно гавкнул, словно не помнил, что вынуждало его рваться к гаражу. Возможно, гудение, подумал Сэнди, которое при открытой двери заметно усиливалось, а может, какой-то запах. Он бы поставил на послед-

нее, но, конечно, полной уверенности не было. Все связанное с «бьюиком» покрывала тайна.

Тони увидел, что двое патрульных направились к гаражу, и велел им вернуться. Его теперь уже нормальный голос, конечно же, успокаивал, но Сэнди чувствовал: что-то не так. Должно быть, не хватало саундтрека: всплеск, криков, разрывов, а то и гула, идущего из-под земли.

Тони вернулся к окнам, заглянул в гараж.

— Что он там делает, сержант? — крикнул Мэтт Бабицки. — Он в порядке?

— В полном, — ответил Тони. — Ходит вокруг автомобиля и фотографирует. А вот что делаешь здесь ты, Мэтт? Живо возвращайся за диспетчерский пульт.

— Радио не работает, босс. Сильные статические помехи.

— Может, они уже не такие сильные. Потому что вспышки становятся реже и слабее. — Вроде бы Тони говорил обычным сержантским голосом, но Сэнди улавливал в нем еще и волнение. А когда Мэтт повернулся к двери черного хода, Тони добавил: — В эфире об этом никому ни слова, ты меня слышишь? Во всяком случае, на полицейской волне. Ни сейчас, ни потом. Если тебе надо что-то сказать о «бьюике», это... это код Д. Понятно?

— Да, сэр, — ответил Мэтт и направился к двери черного хода с поникшими плечами, словно его публично высекли.

— Сэнди! — крикнул Тони. — Что с собакой?

— Собака в порядке. Что с автомобилем?

— Автомобиль тоже. Ничего не горит, вроде бы ничего не взорвалось. Термометр показывает пятьде-

сят четыре градуса*. Внутри холодно, а в остальном все как всегда.

— Если автомобиль в порядке, почему Керт его фотографирует? — спросил Бак.

— Эс — кривая буква, которую невозможно исправить, — ответил сержант Скундист, словно его слова все объясняли. Он смотрел на Кертиса, который кружил вокруг «бьюинка», как профессиональный фотограф кружит вокруг модели, нажимая на кнопку пуска, засовывая каждый «полароид», выползший из щели, в карман старых шортов цвета хаки, в которых приехал. Вот теперь Тони разрешил патрульным четверками подходить к гаражу и заглядывать в окна. Когда пришла очередь Сэнди, его поразило, что при каждой вспышке «бьюинка» колени Кертиса светились зеленым. *Радиация!* — подумал он. *Господи Иисусе, у него радиационные ожоги!* Потом вспомнил, чем занимался Кертис, когда он позвонил, и рассмеялся. Мишель не хотела подзывать его к телефону, потому что он выкашивал лужайку. Соответственно на коленях — пятна от травы.

— Ему бы выйти оттуда, — пробормотал Фил Кандлтон слева от Сэнди. Он держал собаку за ошейник, но Мистер Диллон вел себя спокойно, никуда не рвался. — Ему бы выйти оттуда, не стоит рассчитывать на везение.

Керт начал пятиться к двери, словно услышал Фила, а может, и остальных: думали-то они все о том же. Но скорее он уже израсходовал всю кассету.

Когда Керт вышел из гаража, Тони обнял его за плечи и отвел в сторону. Пока они разговаривали, сверкнула последняя, слабенькая вспышка. Едва

* 12,2 градуса.

вспыхнула, чтобы тут же погаснуть. Сэнди взглянул на часы. Десять минут девятого. Представление не продолжалось и часа.

Сэнди не мог понять, почему Тони и Керт так внимательно рассматривали «полароиды». Если, конечно, Тони говорил правду, что в гараже ничего не изменилось. Но судя по тому, что Сэнди увидел собственными глазами, так оно и было.

Наконец Тони кивнул, словно принял какое-то решение, и вернулся к остальным патрульным. Керт тем временем подошел к двери, чтобы еще раз взглянуть на «бьюик». Очки сварщика он уже сдвинул на лоб. Тони приказал всем уйти в здание, за исключением Джорджа Станковски и Херба Эвери. Херб вернулся с патрулирования во время светового шоу, возможно, чтобы справить большую нужду. Ради этого Херб мог сделать крюк в пять миль. Все знали эту его привычку, но он stoически выдерживал град шуток. Говорил, что от сидений на не пойми каких туалетах можно подхватить нехорошую болезнь, а тот, кто в это не верит, жестоко поплатится. Сэнди полагал, что Хербу просто хочется лишний раз взглянуть на журналы, которые лежали в сортире на верхнем этаже, рядом с комнатой отдыха. Патрульный Эвери, погибший десять лет спустя (его машина перевернулась, не вписавшись в поворот), был членом общественной организации «Американское культурное наследие».

— Вы двое первыми заступите на дежурство. Сообщайте немедленно, если заметите что-нибудь особенное. Даже если вам только покажется, что вы заметили что-то особенное.

Херб застонал при мысли, что придется стоять в карауле, и начал было протестовать.

— Закрой рот, — оборвал его Тони. — Больше ни слова.

Херб заметил красные пятна на щеках сержанта и тут же замолчал. Сэнди подумал, что со здравым смыслом у Херба полный порядок.

Мэтт Бабицки говорил по радио, когда остальные патрульные пересекали дежурную часть, следуя за сержантом Скундистом. И когда Мэтт попросил патрульную машину сообщить о своем местоположении, голос Энди Колуччи прозвучал ясно и отчетливо. Статические помехи напрочь исчезли.

Все уселись в маленькой гостиной наверху. Последним пришлось довольствоваться ковром. Дежурная часть внизу была побольше размером, да и стульев там хватило бы на всех, но Сэнди одобрил решение Тони собрать всех наверху. Дело-то предполагалось обсудить семейное — не полицейское.

Точнее, не совсем полицейское.

Кертис Уилкокс вошел последним, держа «полароиды» в одной руке, с очками электросварщика на лбу, с испачканными травой коленями. С надписью на футболке: «СПОРТИВНАЯ КАФЕДРА УНИВЕРСИТЕТА ХОРЛИКСА».

Подошел к сержанту, они о чем-то пошептались, пока остальные терпеливо ждали. Наконец Тони повернулся к ним:

— Никакого взрыва не было. Ни я, ни Кертис не думаем, что мы имеем дело с выбросом радиации.

Многие облегченно выдохнули, но на лицах некоторых патрульных все-таки читались сомнения. Сэнди не знал, что написано на его лице, зеркала под рукой не было, но сомнения он, безусловно, испытывал.

— Пустите по кругу, если хотите. — Керт раздал «полароиды» по две-три штуки. Некоторые он сни-

мал во время вспышек, и они практически ничего не показывали: кусок радиаторной решетки, часть крыши «бьюика». С другими получилось лучше. Самые хорошие отличали высокая четкость и соответствие действительности, свойственные полароидным фотографиям.

«Я вижу мир, где есть только причинно-следственная связь, — как бы говорили они. — Мир, где каждый предмет — реальное воплощение божества и нет богов, остающихся за сценой».

— Как и обычная пленка, как специальные нагрудные значки, которые должны носить люди в зоне действия радиации, — говорил Тони, — «полароиды» засвечиваются под действием сильного гамма-излучения. Некоторые из этих снимков передержаны, но засвеченных нет. Другими словами, мы тоже не «светимся».

— Вы уж извините, сержант, — подал голос Фил Кандлтон, — но я не такой псих, чтобы доверять своим кокушкам «Полароид корпорейшн оф Америка».

— Завтра утром я первым делом поеду в Бург и куплю счетчик Гейгера. — Керт говорил спокойно, но все чувствовали волнение в его голосе. Пусть Кертис избрал тон, каким обращаются к нарушителю: «Пожалуйста, будьте так любезны, выйдите из машины», — не вызывало сомнений, что он едва сдерживается. — Они продаются в магазине армейских излишков на Гранд-стрит. Думаю, стоит счетчик порядка трехсот баксов. Если никто не возражает, я возьму деньги из фонда непредвиденных расходов.

Никто не возражал.

— А пока, — слово снова взял Тони, — куда более важно другое: мы должны все держать в секрете. Я уверен, что благодаря воле провидения эта штука-

вины попала в руки людей, которые действительно могут хранить тайну. Так?

Патрульные согласно загудели.

Дикки-Дак, скрестив ноги, сидел на полу, погло-живая голову Мистера Диллона. Д заснул, положив морду на лапы. Для него все волнения остались в про-шлом.

— Я — за, при условии, что стрелка счетчика Гей-гера не выйдет из зеленой зоны, — сказал он. — Если выйдет, считаю, что мы должны обратиться к федам.

— Ты думаешь, они разберутся с этим лучше нас? — вскинулся Кертис. — Господи Иисусе, Дикки! С федами вообще нельзя иметь дело...

— Если только ты не собираешься обложить га-раж Б свинцовыми плитами, купленными на средства фонда непредвиденных расходов... — начал кто-то.

— Это же глупо! — воскликнул Керт, но Тони по-ложил руку ему на плечо, заставив новобранца замол-чать, пока тот не успел наговорить лишнего.

— Если этот «бьюик» радиоактивен, мы от него избавимся, — заверил всех Тони. — Обещаю вам.

Кертис посмотрел на него, как на предателя. Тони это нисколько не смущило. «Мы знаем, что радиации нет, — говорил его ответный взгляд. — «Полароиды» это доказывают, так зачем дразнить гусей?»

— Я все-таки думаю, что мы все равно должны передать его государству, — заговорил Бак. — Они мо-гут помочь нам... вы понимаете... найти что-нибудь полезное... для обороны страны... — говорил он все тише и тише, чувствуя нарастающее неодобрение.

Полицейские штата Пенсильвания так или иначе практически каждый день сталкивались с сотрудни-ками федеральных ведомств: ФБР, департамента на-логов и сборов и, чаще всего, Комиссии по торговле

между штатами. Им требовалось не так уж много времени, дабы убедиться на собственном опыте, что федеральный чиновник обычно не умнее медведя. Вот и Сэнди полагал, что у федералов начинают работать мозги, лишь когда речь идет о собственном выживании, и все прочие от этого только страдают. В основном они рабы Рутины, ярые идолопоклонники Процедуры. Прежде чем поступить на службу в ПШП, Сэнди видел, как живут и действуют по инструкции в армии. Опять же годами он был чуть старше Керта и по молодости ненавидел саму мысль, что придется расстаться с «бьюиком». Лучше уж передать его ученым, работающим в частном бизнесе, к примеру, из того университета, который упомянут на футболке Кертиса.

Но самый оптимальный вариант — оставить в патрульном взводе Д. В серой семье.

Бак сам прервал затянувшуюся паузу:

— Полагаю, не самая удачная идея.
— Не волнуйся, — раздался чей-то голос. — Ты еще выиграешь «Энциклопедию Гролиера» и нашу увлекательную игру со зрителями.

Тони подождал, пока стихнут смешки, потом продолжил:

— Я хочу, чтобы все, кто здесь служит, знали, что произошло этим вечером, и пребывали в полной уверенности, что все, что случится позже, будет доведено до их сведения. Известите всех. Далее «бьюик» будет проходить у нас под кодовым словом... даже буквой — Д. Просто Д. Понятно? И я буду постоянно держать вас в курсе, начиная с показаний счетчика Гейгера. Замер сделаем до начала второй смены, это я вам гарантирую. О том, что здесь происходит, мы ничего не будем рассказывать женам, сестрам, брать-

ям или лучшим друзьям вне нашего взвода, но каждый из нас будет получать всю информацию. Старым добрым способом — на словах. У нас нет никаких бумаг, в которых упоминается этот автомобиль, если это автомобиль, и все так же пусть останется. Ясно?

Вновь одобрительный гул.

— Я не потерплю болтунов в патрульном взводе Д, господа. Никаких сплетен или доверительных разговоров в постели. Это понятно?

Вроде бы его поняли.

— Посмотрите! — вдруг воскликнул Фил, подняв «Полароид». — Багажник открыт.

Керт кивнул.

— Теперь он снова закрыт. Открылся во время одной из вспышек и, наверное, закрылся во время другой.

Сэнди вспомнил об Эннисе, и короткий, но очень уж отчетливый образ мелькнул в голове: крышка багажника «бьюика» открывается и закрывается, как голодный рот. Посмотрите на живого крокодила, полюбуйтесь им, но, ради Бога, не суйте в клетку пальцы.

— Мне также показалось, что какое-то время двигались «дворники». Точно сказать не могу, очень уж яркие были вспышки, и на «полароидах» этого нет.

— Почему? — спросил Фил. — Почему это происходило?

— Электрические разряды, — предположил Сэнди. — Те самые, из-за которых не работало радио.

— Они могли действовать на «дворники», но не на крышку багажника. Если хочешь открыть ее, надо нажать на кнопку, отодвигающую задвижку.

Сэнди не нашелся с ответом.

— Температура в гараже упала еще на два градуса, — добавил Керт. — За ней надо наблюдать.

Совещание закончилось, и Сэнди уехал на патрулирование. И всякий раз, связываясь с коммуникационным центром, спрашивал Мэтта Бабицки, как там Д. Получая ответ: «Д — пять». В последующие годы этот вопрос и ответ регулярно звучали в эфире над Низкими холмами, окружающими города Стэтлер, Погус-Сити, Патчин. Несколько соседних патрульных взводов переняли эту манеру, даже два или три по ту сторону границы с Огайо. Они толковали этот радиовопрос как: «На базе все спокойно?» Чем очень веселили патрульных взвода Д: только они и знали, о чем, собственно, речь.

К следующему утру весь личный состав патрульного взвода Д был в курсе событий, но служба текла обычным чередом. Керт и Тони поехали в Питсбург за счетчиком Гейгера. У Сэнди смена закончилась, но он два или три раза подходил к гаражу, чтобы взглянуть на «бьюик». Там царила тишина, автомобиль стоял на бетоне, как выставочный экспонат, но температура продолжала падать. Всех это удивляло и тревожило как молчаливое подтверждение, что в гараже что-то происходит. Что именно, патрульные дорожной полиции, конечно же, понять не могли, и уж тем более не могли это проконтролировать.

Никто не заходил в гараж, пока Тони и Керт не вернулись на «белэре» Керта: сержант отдал соответствующий приказ. Хадди Ройер смотрел в окна гаража, когда они появились на автостоянке. Направился к ним, когда Керт снял крышку с картонной коробки, которую поставил на капот, и достал счетчик Гейгера.

— А где защитные костюмы а-ля «Штамм “Андромеда”»? — спросил он.

Керт взглянул на него, но не улыбнулся.

— Привезу в следующий раз.

Керт и сержант провели целый час в гараже, поднося счетчик Гейгера к корпусу «бьюика», двигателю, колесам, проверяя сиденья, приборный щиток, большущее рулевое колесо. Керт залез со счетчиком под днище, сержант обследовал багажник. С предельной осторожностью — они даже подперли крышку граблями. Стрелка счетчика во время всех этих манипуляций практически не шевелилась. А затрепещал счетчик лишь один раз, когда Тони поднес к нему часы со светящимся циферблатом, чтобы убедиться, что прибор работает. Он работал, а потому с «роудмастера» были сняты все подозрения в радиоактивности.

Они прервались только раз, чтобы спуститься в кладовую за свитерами. День выдался жарким, но в гараже Б стрелка термометра опустилась ниже 48 градусов*. Сэнди это не нравилось, и когда они вышли из гаража, он предложил откатить ворота и прогреть гараж. Мистер Диллон спал на кухне, и они могли запереть его там.

— Нет, — ответил Тони, и Сэнди видел, что Кертис полностью согласен с сержантом.

— Почему нет?

— Не знаю. Интуиция.

К трем часам дня, когда Сэнди расписался в журнале дежурств под напечатанным: **«ВТОРАЯ СМЕНА/15.00–23.00»**, — и готовился выехать на патрулирование, температура в гараже Б упала до 47 градусов**. Тогда как по другую сторону тонких деревянных

* 8,9 градуса.

** 8,3 градуса.

стен была на сорок градусов выше*: стоял теплый летний день.

И где-то в шесть часов вечера, когда Сэнди, припарковавшись рядом с рестораном «У Джимми» на старой Стэтлер-пайк, пил кофе и поджидал любителей быстрой езды, «роудмастер» впервые «родил».

Арки Арканян стал первым, увидевшим существо, появившееся из «бьюика», хотя он и не знал, что видит. В расположении взвода Д царили тишина и покой, в немалой степени обусловленные сообщением Керта и Тони, что гараж Б не является источником радиации. Арки только приехал из дома — трейлера на стоянке «Дримленд парк», которая находилась на Блаффс, он хотел в свое свободное время хорошенько рассмотреть этот удивительный автомобиль. И удачно выбрал момент: возле гаража Б никого не было. В сорока футах от него замерло здание базы. Никто из него не выходил и не входил. Мэтт Бабицки сдал смену и за диспетчерским пультом сидел кто-то из молодых копов. Сержант уехал домой в пять часов. Керт, сочинивший для жены легенду о ночном вызове, доказывал лужайку перед домом.

В пять минут восьмого уборщик взвода Д (к тому времени очень бледный, очень задумчивый и очень испуганный) прошел мимо парнишки в коммуникационном центре на кухню, посмотреть, кого удастся там найти. Найти он хотел не новичка, а опытного копа, который знал, что к чему. Нашел Хадди Ройера, который как раз подготовил себе большую миску макарон с сыром.

* 87 градусов по Фаренгейту соответствуют 30,6 градуса по Цельсию.

ТЕПЕРЬ: Арки

— Ну? — спросил Нед, так похожий в этот момент на своего отца тем, как сидел на скамье, как смотрел в глаза, как поднимал брови, но главное, своим нетерпением. Что отличало Кертиса Уилкокса, так это нетерпение. — Ну?

— Это не моя часть истории, — ответил Сэнди. — Меня там не было. А вот эти двое были.

Естественно, парень переключился на меня и Хадди.

— Рассказывай, Хад, — сказал я. — Ты привык делать доклады.

— Хрена с два, — отвечает он мне, — ты все видел с самого начала. Вот и рассказывай.

— Э...

— Да, рассказывайте! — восклицает малец и тут — бам! Ударяет себя по лбу ребром ладони, аккурат между глаз. Я не мог не рассмеяться.

— Давай, Арки, — говорит мне сержант.

— Да отстаньте от меня, — отмахиваюсь я. — Я никогда этого не рассказывал, в смысле, как историю. Не знаю, что получится.

— А ты постараися, — говорит сержант, и я стараюсь. Поначалу сложно, я все время чувствую на себе взгляды мальчишки, которые бурают меня, но потом думаю: *Он в это не поверит, да и кто поверит?* Тогда мне становится чуть легче. Если говоришь о том, что случилось давным-давно, обнаруживаешь, что прошлое вновь открывается перед тобой. Совсем как распускающийся цветок. Лепесток за лепестком. С одной стороны, это хорошо, с другой — плохо. В тот вечер, сидя рядом с сыном Кертиса Уилкокса, рассказывая о том случае, я не знал, хорошо это или плохо.

Через какое-то время Хадди присоединяется ко мне, помогает. Память у него отменная, он запомнил мельчайшие подробности. Даже то, что по радио пела Джоан Баэз. «*Спасение — в мелочах*», — любил повторять наш прежний сержант (особенно если что-то упомянули в рапорте). А парень сидит на скамье, смотрит на нас, и глаза у него круглеют и круглеют по мере того, как сгущаются сумерки, нас окутывают вечерние запахи, над головами начинают носиться летучие мыши, а с юга все доносятся громовые раскаты. И мне стало очень грустно: очень уж он напоминал своего отца. Не знаю почему.

Он прервал меня только раз. Повернулся к Сэнди — узнать, сохранились ли у нас...

— Да, — без запинки говорит ему Сэнди. — Да. Конечно. Плюс тонны фотоснимков. В основном «поляроиды». Если колы что и умеют, сынок, так это сохранять вещественные доказательства. А теперь помолчи. Ты хотел знать, вот и не мешай человеку рассказывать.

Я понимаю, что это он про меня, и продолжаю.

ТОГДА

Арки в те дни ездил на старом фордовском пикапе со стандартными тремя передачами (*Но у меня их четыре, если считать задний ход*, шутил он), при смене которых ручка надсадно скрежетала. А парковался там же, где будет парковаться и двадцать три года спустя, но к тому времени поменяет «форд» на внедорожник «додж-рам» с автоматической коробкой передач и приводом на все четыре колеса.

В 1979 году в дальнем конце автостоянки стоял древний школьный автобус, принадлежащий департаменту образования округа Стэтлер, с проржавевшими желтыми боками, который не сдвигался с места со времен Корейской войны, с каждым годом все глубже погружаясь в грязь и сорняки. Почему его не отправили на свалку? Еще одна из загадок жизни. Арки поставил машину рядом с ним, а потом направился к гаражу Б, встал у одного из окон на воротах, руками с обеих сторон прикрыл глаза от солнечного света.

Под потолком горела лампа, и «бьюик» стоял под ней, как демонстрационная модель в салоне, подумал Арки, подсвеченная наилучшим образом, чтобы как можно больше людей восхитились автомобилем, подписали соответствующие бумаги, сели за руль такого же и уехали домой. В гараже все выглядело на пять с плюсом, если не считать крышки багажника. Она вновь поднялась.

Я должен доложить об этом дежурному, подумал Арки. Он не был копом, всего лишь уборщиком, но многие инструкции, которыми руководствовались патрульные, полагал Законом Божиим.

Уже собрался отойти от окна, но его взгляд упал на термометр, повешенный Кертом на одной из потолочных балок. Температура в гараже поднялась, и значительно. До шестидесяти одного градуса*.

У Арки мелькнула мысль, что «бьюик» — пусть странный, но холодильный агрегат, который теперь выключился (а может, перегорел во время фейерверка).

Об этом резком изменении температуры никто не знал, и Арки, конечно же, заволновался. Стал поворачиваться, чтобы бегом броситься к зданию. И вот тут заметил, что в углу что-то лежит.

* 16,1 градуса.

Это всего лишь куча старых тряпок, подумал он, но внутренний голос возразил, что это совсем не тряпки... что-то другое. Арки вернулся к окну, вновь отгородился руками от дневного света. И, Господи, какие тряпки, в углу точно лежало что-то другое.

Арки почувствовал, что колени у него подгибаются, а ноги становятся ватными. Странная слабость продолжала разливаться по телу. Еще чуть-чуть, и он бы упал.

Эй ты, большой, туповатый швед, почему бы тебе не попытаться вновь начать дышать? Попробуй, может, и поможет.

Арки дважды глубоко вдохнул. Шумно, с хрипами. Точно так же дышал его отец, когда лежал на диване с инфарктом и ждал приезда «скорой помощи».

Он отступил от двери гаража, похлопал себя по груди.

— Давай, сладенько. Тикай как положено.

Льющийся с неба солнечный свет слепил глаза. Желудок то поднимался, то опускался. Здание базы вдруг отодвинулось на две, а то и на три мили. Тем не менее Арки двинулся к нему, напоминая себе, что надо соблюдать осторожность. Какая-то его часть хотела бежать, другая же понимала, что он действительно может грохнуться в обморок, если побежит.

— Парни никогда не расскажут тебе, чем все закончилось, ты же знаешь.

Но поведение патрульных его как раз и не волновало.

Более всего ему не хотелось влететь в здание с выпученными глазами, как влетал какой-нибудь Джон Кью, примчавшийся сообщить об ужасах, увиденных на дороге.

Арки не мог сказать, сколько времени занял путь до двери, но он успел немного прийти в себя. Страх остался, но его уже не тошило, ушло и желание бежать куда глаза глядят. Опять же в голову пришла мысль, заметно подбодрившая его. Может, это всего лишь разыгрыш. Проделка патрульных. Они вечно подшучивали над ним, а разве он не говорил Орвилю Гарретту, что хочет вернуться вечером, еще разок взглянуть на старый «бьюик»? Говорил. Вот Орв и решил разыграть его. Его же окружали шутники, каждому из них не терпелось выставить его на посмешище.

Эта мысль чуть успокоила его, но в глубине души Арки сомневался. Орв Гарретт — известный шутник, все так, любил разыграть своего ближнего, но вплетать в разыгрыш гараж Б не стал бы. Да и остальные на это бы не пошли. Зная, как трепетно относится сержант Скундист к гаражу и его содержимому.

Сержанта на месте не оказалось. Арки увидел, что дверь закрыта, а за панелью из матового стекла — темнота. Свет, правда, горел на кухне, и через дверь доносились музыка: Джоан Баэз пела о той ночи, когда они ехали в «Дикси». Арки вошел и увидел Хадди Ройера, только что положившего здоровенный кусок масла в кастрюльку с макаронами. *Твое сердце тебя за это не поблагодарит*, подумал Арки. Транзисторный радиоприемник, который Хадди всюду таскал с собой, стоял на разделочном столике рядом с тостером.

— Эй, Арки! — воскликнул он. — Что ты тут делаешь? Ладно, можешь не говорить, и так знаю.

— Орв здесь? — на всякий случай спросил Арки.

— Нет. Он взял три дня отпуска, начиная с завтрашнего. Счастливчик, поехал на рыбалку. Составишь мне компанию? — Он указал на кастрюлю с макаронами, пригляделся к Арки и, наконец, понял, что

перед ним насмерть перепуганный человек. — Арки? Что случилось?

Арки тяжело опустился на стул, его руки повисли между колен. Посмотрел на Хадди, открыл рот, но поначалу с губ не сорвалось ни звука.

— В чем дело? — Хадди поставил кастрюлю с макаронами на разделочный столик и забыл о них. — «Бьюик»?

— Это твоя смена, Хад?

— Да. До одиннадцати.

— Кто-нибудь еще есть?

— Пара парней наверху. Возможно. Если ты про начальство, то никого. Я — самый главный. Так что выкладывай.

— Пойдем со мной, — сказал ему Арки. — Посмотришь сам. И возьми с собой бинокль.

Хадди взял из кладовой бинокль, но он им не помог. Лежащее в углу находилось слишком близко, так что в бинокле все расплывалось. Две или три минуты Хадди промучился с настройкой, потом сдался.

— Я туда зайду.

Арки схватил его за руку.

— Господи, нет! Позвони сержанту! Пусть решает он!

Хадди, упрямства ему хватало, покачал головой.

— Сержант спит. Его жена позвонила и сказала об этом. Ты знаешь, что означает такой звонок. Никто не должен его беспокоить, если только не начнется Третья мировая война.

— Может, эта тварь в углу и означает начало Третьей мировой?

— Я этой твари не боюсь, — ответил Хадди, но на его лице читалось обратное. Он вновь заглянул в гараж,

с обеих сторон прижав к голове руки, бесполезный бинокль лежал у его левой ноги. — Эта тварь мертва.

— Возможно, — согласился Арки. — А может, прикидывается мертвой, заманивает.

Хадди повернулся к нему.

— Ты шутишь, да?

— Откуда мне знать, шучу я или нет. Откуда мне знать, сдохла эта тварь или отдыхает? И ты не знаешь. Вдруг она только и ждет, чтобы кто-то вошел в гараж? Ты об этом подумал? Что, если она ждет тебя?

Хадди ответил после паузы, взятой на обдумывание слов Арки:

— Я думаю, в этом случае она получит то, чего ждет.

Он отошел от ворот, такой же испуганный, как и Арки, когда тот вошел в кухню, но настроенный очень решительно. Он не собирался отступаться от задуманного. Как упрямый старик-голландец.

— Арки, послушай меня.

— Да?

— Карл Брандейдж наверху в комнате отдыха. И Марк Рашиング. Лоувинга, который сидит в коммуникационном центре, не трогай, я ему не доверяю. Еще молоко на губах не обсохло. А к этим двоим подойди и объясни, что к чему. Тебе бы посмотреть на себя в зеркало. Жуть просто. Может, и бояться-то нечего, но осторожность еще никому не вредила.

— На случай, что есть чего бояться.

— Точно.

— Потому что эта тварь может и прыгнуть.

Хадди кивнул.

— Так ты все-таки хочешь войти в гараж?

— Ага.

— Понятно.

Хадди повернулся, зашагал к углу, обогнул его, остановился перед дверью в боковой стене. Глубоко вдохнул, задержал дыхание секунд на пять, выдохнул. Потом расстегнул кобурку, взялся за рукоятку револьвера — тогда на вооружении полиции были «ругеры» калибра ноль триста пятьдесят семь.

— Хадди!

Хадди подпрыгнул. Если его указательный палец лежал бы на спусковом крючке, а не на предохранительной скобе, он мог прострелить себе ногу. Повернувшись, увидел стоящего у угла Арки, его огромные черные глаза резко выделялись на побледневшем лице.

— Господи Иисусе! — воскликнул Хадди. — Какого хера ты подкрадываешься?

— Я не подкрадывался, патрульный... шел, как обычно.

— Иди в дом. Позови Карла и Марка, как я сказал.

Арки покачал головой. Несмотря на испуг, он хотел поучаствовать в происходящем. Хадди, похоже, все понял. Патрульные разбирались в человеческих чувствах.

— Ладно, твердолобый швед. Пошли.

Хадди открыл дверь и вошел в гараж, где было прохладнее, чем снаружи... хотя насколько прохладнее, ни один из мужчин сказать не мог: обоих прошиб пот. Хадди поднял револьвер, держа его на уровне ключицы. Арки схватил со стены грабли. Зубья со звоном стукнулись о висящую рядом лопату, и мужчины подпрыгнули. Арки боялся не столько звуков, как теней: они метались из стороны в сторону, как тени гоблинов.

— Хадди... — начал он.

- Ш-ш-ш!
- Если тварь мертвая, чего ты шикаешь?
- Не умничай! — прошептал в ответ Хадди.

И двинулся по бетонному полу к «бьюику». Арки последовал за ним, с гулко бьющимся сердцем, за-жав ручку граблей в потных руках. Во рту не просто пересохло, но еще и что-то жгло. Никогда в жизни он не испытывал такого страха. Главное, он не знал, чего именно боится, но от этого страх только увеличивался.

Хадди добрался до задних колес «бьюика», заглянул в открытый багажник. Арки видел только его широченную спину.

- Что там, Хад?
- Ничего. Пусто.

Хадди протянул руку к крышке, замялся, потом пожал плечами и с силой захлопнул ее. Оба опять подпрыгнули и посмотрели на существо в углу. Оно не шевельнулось. Хадди двинулся к нему, вновь выставив перед собой револьвер. Шорох подошв по бетонному полу бил по барабанным перепонкам.

Существо умерло, в этом мужчины с каждым шагом убеждались все больше, но легче им от этого не становилось, потому что ни один из них ничего подобного в жизни не видел. Ни в лесах Западной Пенсильвании, ни в зоопарке, ни в журналах о дикой природе. Оно было другим. Чертовски другим. Хадди подумал о фильмах ужасов, которые ему довелось посмотреть, но тварь, лежащая в том месте, где сходились две стены и пол, разительно отличалась и от чудищ, которыми пугали зрителей режиссеры.

Слова «чертовски другое» не выходили из головы. Все в нем говорило, кричало, что существо это не отсюда, причем под «отсюда» следовало понимать не

Низкие холмы, а планету Земля. Может, и всю Вселенную. Казалось, у них в головах вдруг завыли сирены всегда молчавшей системы охранной сигнализации.

Арки думал о пауках. Не потому, что существо в углу напоминало паука... просто... пауки были другими. Все эти лапки. Представить себе невозможно, о чем они могут думать, как вообще существуют. Вот и существо было таким же, только еще хуже. Его мутило только от одного взгляда на эту тварь, от попытки осознать, что же он видит собственными глазами. Кожа сделалась восковой, сердце сбилось с ритма, кишки, казалось, резко потяжелели. Ему хотелось бежать. Повернуться и сделать ноги.

— Господи. — Голос Хадди напоминал стон. — О-о-о, Господи.

Он словно просил существо убраться, исчезнуть. Револьвер опускался, пока не нацелился в пол. Он весил только три фунта, но рука Хадди больше не могла удержать и пушинку. Глаза у него широко раскрылись, челюсть отвисла. Арки на всю жизнь запомнил, как блестели в темноте зубы Хадди. При этом его начала бить дрожь, и тут Арки осознал, что и сам дрожит всем телом.

Существо в углу размерами не превосходило очень большую летучую мышь, вроде тех, что гнездятся в Чудесных пещерах в Лассбурге или в так называемом Волшебном гроте (экскурсии туда стоят три доллара с человека, семьям — скидки) в Погус-Сити. Крылья закрывали большую часть тела. Не сложенные — переломанные. Вроде бы существо пыталось их сложить перед смертью, но не вышло. Сами крылья были то ли черные, то ли темно-зеленые. Спина — зеленая, но чуть светлее. А живот, та малая то-

лика, что они видели, — желтовато-белый. Треугольная голова свешивалась набок. Что-то костлявое — нос или клюв — торчало из безглазого лица. Под ним раззиялся огромный рот. Из него вывалилось что-то желтое, словно перед смертью существо проблевалось. Хадди хватило одного взгляда, чтобы понять: какое-то время он не сможет есть макароны с сыром.

Под телом расплылась черная лужица. При мысли, что эта подсыхающая жидкость могла служить существу кровью, на глазах Хадди навернулись слезы. Он подумал: *Я к этой твари не прикоснусь. Скорее убью свою мать, чем прикоснусь к этой твари.*

Он все еще думал об этом, когда периферийным зрением уловил длинную палку. Вскрикнул и отпрянул.

— Арки, не надо! — завопил он, но опоздал.

Потом Арки не смог объяснить, почему он потянулся черенком граблей к загадочному существу в углу: возникло неодолимое желание, которому он и уступил, не отдавая себе отчета, что делает.

Когда конец черенка коснулся места, где крылья лежали друг на друге, послышалось шуршание, словно мяли бумагу, и в нос ударил неприятный запах забытой в кастриюле тушеной капусты. На запах мужчины не отреагировали, потому что верхняя часть головы существа вдруг отъехала назад, открыв большущий мертвый и блестящий глаз.

Арки отпрыгнул, выронив грабли, которые загрохотали на бетонном полу, обеими руками закрыл рот. Над растопыренными пальцами из глаз полились слезы. Хадди остался на месте, его ноги словно вросли в пол.

— Это веко, — просипел он. — Веко, ничего больше. Ты ткнул его черенком граблей, ничего больше, чертов болван. Ткнул, вот оно и сдвинулось.

- Господи, Хадди!
- Эта тварь мертвa.
- Боже, Господи Иисусе...
- Мертвa, понимаешь?
- По... понимаю. — Шведский акцент Арки стал куда сильнее. — Давай убираться отсюда.
- Для дворника ты больно умен.

Оба попятались к двери, медленно, не отрывая глаз от существа на полу. Не поворачивались по простой причине: знали, что потеряют контроль над собой и побегут, если увидят дверь. Спасительную дверь, за которой лежал привычный им, подчиняющийся законам здравого смысла мир. Путь до двери занял целую вечность.

Арки миновал ее первым и тут же начал жадно хватать ртом свежий ночной воздух. Хадди последовал за ним и захлопнул дверь. Они переглянулись. Лицо Арки миновало фазу молочной белизны и пожелтело. У Хадди оно напомнило сандвич с сыром без хлеба. Он видел только лицо Арки, а потому рассмеялся.

— Чего смеешься? — спросил его Арки. — Что ты увидел забавного?

— Ничего, — ответил Хадди. — Просто стараюсь не впасть в истерику.

— Теперь будешь звонить сержанту Скундисту?

Хадди кивнул. Мысленным взором он видел, как верхняя половина головы поползла назад, как только Арки прикоснулся к ней черенком граблей. Подумалось, что эту картину он еще долго будет видеть в кошмарных снах. Так и случилось.

— Как насчет Кертиса?

Хадди подумал и покачал головой. У Керта молодая жена. Молодым женам нравится, когда муж дома, а если он куда-то уходит несколько вечеров подряд,

они начинают дуться и задавать вопросы. Это естественно. А для молодых мужей так же естественно отвечать на эти вопросы, хотя они и знают, что нельзя.

— Значит, только сержанту?

— Нет. Давай позвоним и Сэнди Диаборну. У Сэнди хорошая голова.

Сэнди с радаром на коленях все еще сидел за рулем своей патрульной машины на автостоянке у ресторана «У Джимми», когда ожило радио: «Четырнадцатый, отвчайтесь, Четырнадцатый».

— Четырнадцатый слушает. — Сэнди автоматически взглянул на часы. Двадцать минут восьмого.

— Можете вернуться на базу, Четырнадцатый? У нас код Д, повторяю, код Д, как поняли?

— Тройка? — спросил Сэнди. В большинстве правоохранительных служб Америки цифра 3 означала чрезвычайную ситуацию.

— Нет, все нормально, но от помощи не откажемся.

— Еду.

Он прибыл в расположение взвода за десять минут до сержанта, который приехал на личном автомобиле, пикапе «интернейшнл харвестер», еще более древнем, чем «форд» Арки. К тому времени новости начали распространяться, и Сэнди увидел у гаража Б прилипших к окнам патрульных Брандейджа и Рашинга, Коула и Дево, Хадди Ройера. Арки Арканян, глубоко засунув руки в карманы, кружил за их спинами. Арки не ждал своей очереди у окна. Он уже насмотрелся, во всяком случае, на этот вечер.

Хадди ввел Сэнди в курс дела, и Сэнди, подойдя к окну, долго смотрел на лежавшее в углу существо. При этом думал о том, что может понадобиться сер-

жанту, — сложил эти вещи в картонную коробку и поставил у боковой двери.

Тони приехал, припарковался позади школьного автобуса и чуть ли не бегом направился к гаражу Б. Бесцеремонно оттолкнул локтем Карла Брандейджа от окна, которое было ближе всего к мертвому существу, и, не отрываясь, смотрел на него, пока Хадди докладывал. Когда Хадди выговорился, Тони позвал Арки и выслушал его.

Сэнди подумал, что в тот вечер принципы, которыми руководствовался Тони в деле «роудмастера», прошли серьезную проверку и доказали свою эффективность. Пока Хадди и Арки излагали свои версии случившегося, один за другим подъезжали патрульные. Большинство — в свободное от службы время. А те, кто патрулировал дороги и находился поблизости, вернулись на базу, услышав использованный Хадди код. Однако никто громко не разговаривал, не проталкивался к окну, не перебивал Хадди и Арки глупыми вопросами. Более того, никто не терял самообладания и не паниковал. Если бы в расположении взвода оказались репортеры и почувствовали на себе первобытную силу этого существа, существа, которое оставалось ужасным и угрожающим даже после смерти... Сэнди не хотелось даже думать, к чему бы это привело. Когда на следующий день он упомянул о своих опасениях Скундиству, тот рассмеялся.

— Кардиффский гигант в аду. Вот к чему бы это привело, Сэнди.

Оба, сержант тогдашний и сержант будущий, знали, как прессы называет такое манипулирование информацией, особенно если манипуляторами выступали копы: фашизм. Конечно, здесь попахивало перегибом, но оба знали, что на полицию постоянно

валились все шишки. («Если хотите увидеть, что происходит, когда полиция теряет контроль, посмотрите на Лос-Анджелес, — как-то сказал Тони. — На каждого из трех нормальных полицейских два недоумка из гитлерюгенда на мотоциклах».) Однако «бьюик» был, безусловно, особым случаем. И это они тоже знали.

Хадди спросил, правильно ли он поступил, не позвонив Кертису. Его тревожило, как бы Кертис не подумал, что его задвигают в сторону, не держат в курсе дела. И если сержант даст добро, он, Хадди, тут же слетает в коммуникационный центр и позвонит Кертису. С радостью.

— Кертис пусть сидит дома, — ответил Тони. — Когда ему объяснят, почему ты не позвонил, он поймет. Что же касается остальных...

Тони отошел от ворот гаража. Держался легко и непринужденно, но очень побледнел. Встреча с невиданным существом подействовала и на него, пусть их и разделяло стекло. Сэнди ощущал то же самое. Но чувствовал он и волнение сержанта Скундиста, любопытство, в котором он не уступал Кертису. В голове сержанта вибрировала мысль: *Срань господня, неужто TAKOE может быть?* Сэнди буквально слышал ее, но вот сам подобного волнения не испытывал. Как, впрочем, и остальные. Даже Хадди и Арки уже заметно успокоились. Новизна притупилась и более не щекотала нервы.

— Обращаюсь к тем, кто сейчас при исполнении. — Тони улыбался, но Сэнди видел, что улыбка дается сержанту с трудом. — В Стэтлере пожары, в Лассбурге наводнение, в Погус-Сити ограбления. Мы подозреваем амишей.

Ему ответил недружный смех.

— Так чего вы ждете?

Патрульные, смена которых заканчивалась только в одиннадцать, потянулись к своим машинам, тут же заурчали мощные восьмицилиндровые двигатели «шевроле». Свободные от работы еще потолкались у гаража Б, но все уже поняли: шоу окончено, пора разъезжаться. Сэнди спросил сержанта, отправляться ли ему в обратный путь.

— Нет, патрульный, — ответил Тони. — Ты как раз мне нужен, — и зашагал к боковой двери, задержавшись лишь на минуту, чтобы посмотреть, что Сэнди положил в коробку: «Полароид», запасную кассету, рулетку, комплект для сбора вещественных улик и пару зеленых пластиковых мешков для мусора, по-заимствованных на кухне.

— Хорошая работа, Сэнди.
— Благодарю, сэр.
— Готов заходить?
— Да, сэр.
— Страшно?
— Да, сэр.
— Страшно, как мне, или не так сильно?
— Не знаю.
— Я тоже. Но мне страшно, это точно. Если упаду в обморок, поймаешь меня.
— Только падайте в мою сторону, сэр.
Тони рассмеялся.
— Пошли. Прошу в мою гостиную, сказал паук мухе.

Испуганные или нет, обследование места происшествия они провели очень тщательно. Вместе зарисовали подробную схему, и когда потом Керт похвалил за нее Сэнди, последний кивнул, соглашаясь с тем, что схема получилась хорошая. С такой не стыд-

но выходить на судебный процесс. Правда, многие линии получились расплывчатыми. Потому что руки начали трястись, как только они вошли в гараж, да так и тряслись, пока не вышли из него.

Они открыли багажник, потому что Арки, заглянув в окно, увидел «бьюик» с открытым багажником. Сфотографировали термометр (температура поднялась до семидесяти градусов*), отлично понимая, что Кертис попросит у них такую фотографию. Потом лежащее в углу тело неведомого существа, многократно, со всех возможных углов. И каждый «полароид» запечатлевал единственный глаз. Который блестел, как свежий битум. Увидев в нем свое отражение, Сэнди Диаборн с трудом подавил вскрик. И каждые две-три секунды один из них обязательно оглядывался на стоящий за их спинами «бьюик-роудмастер».

Несколько раз они сфотографировали существо вместе с положенной рядом рулеткой, а когда закончили с фотографированием, Тони развернул один из мешков для мусора.

— Неси лопату, — попросил он Сэнди.
— Может, подождать, пока приедет Керт...
— Проходящий испытательный срок патрульный Кертис Уилкокс сможет взглянуть на это чудо в кладовой. — По сдавленному голосу Сэнди понял, что Тони с большим трудом подавляет рвотный рефлекс. Дернулся желудок и у Сэнди, возможно, за компанию. — Будет смотреть, сколько душе угодно. На этот раз мы можем не тревожиться, что прикасаемся к вещественным уликам, потому что в этом расследовании прокуратура участия не примет. А пока давай уберем это дермо. — Он не кричал, но в голосе уже проскальзывали резкие нотки.

* 21,1 градуса.

Сэнди снял со стены совковую лопату, подсунул под мертвое существо. Крылья зашуршали, как смятая бумага. Одно отошло в сторону, открыв темное, безволосое тело. Во второй раз с того момента, как они вошли в гараж, Сэнди подавил крик. Отчего появилось желание кричать, сказать не мог, но он с трудом заставлял себя смотреть на существо, неведомо как попавшее сюда.

И все это время они вдыхали неприятный, капустный запах.

Сэнди заметил капельки пота, обильно выступившие на лбу Тони Скундиста. Некоторые соединялись и скатывались по щекам, словно слезы, оставляя за собой полоски.

— Не тяни, — пробормотал Скундист, держа широко раскрытый мешок. — Давай, Сэнди. Отправь это добро в мешок, до того как я начну хвалиться харчишками.

Сэнди отправил тело в мешок, и, как только оно соскользнуло с лопаты, ему сразу полегчало. После того как Тони достал пакет с адсорбентом, используемый для ликвидации нефтяных пятен, и посыпал им лужицу черной жижи, оба приободрились. Горловину мешка Тони скрутил и завязал узлом. Покончив с этим, оба направились к двери.

Тони остановился, не дойдя до нее пару шагов.

— Сфотографирай это. — Он указал на верхнюю часть ворот на заднем торце гаража, через которые Джонни Паркер и завез «бьюик». Для Тони Скундиста и Сэнди Диаборна случилось это в далеком прошлом. — А также там, там и там.

Поначалу Сэнди не понял, на что указывает сержант. Отвернулся, несколько раз моргнул, посмотрел

вновь. И увидел три или четыре зеленых пятна, словно от зеленой пыльцы с крыльев мотылька. Детьми они на полном серьезе уверяли друг друга, что пыльца мотыльков ядовита, что человек ослепнет, если коснется ее пальцами, а потом потрет глаза.

— Ты понимаешь, что произошло, не так ли? — спросил Тони, когда Сэнди поднял «Полароид» и сфотографировал первое пятно. Камера казалась очень тяжелой, руки еще дрожали, но он справился.

— Нет. Сержант, я... пожалуй, что нет.

— Это существо, кем бы оно ни было... птицей, летучей мышью, а может, и вообще машиной, беспилотным самолетом-разведчиком, вылетело из багажника, когда откинулась крышка. Ударилось о задние ворота, а потом начало биться о стены. Видел когда-нибудь птицу, залетевшую в сарай?

Сэнди кивнул.

— Та же история. — Тони вытер со лба пот, повернулся к Сэнди. Этот взгляд навечно запечатлелся в памяти более молодого патрульного. Никогда глаза сержанта не были такими беззащитными. «Такие глаза иногда видишь у маленьких детей, — подумал он, — когда тебя вызывают, чтобы прекратить семейный конфликт». — Хер знает что. — Тони тяжело вздохнул.

Сэнди кивнул.

Тони посмотрел на мешок.

— Ты думаешь, эта тварь похожа на летучую мышь?

— Да, — ответил Сэнди и тут же возразил себе: — Нет. — А после паузы добавил: — Бред какой-то.

Тони нервно рассмеялся.

— Очень убедительно. Если бы ты давал показания в суде, ни один адвокат защиты не смог бы этого опровергнуть.

— Я не знаю, Тони. — Знал Сэнди только одно: ему хотелось закруглить этот бесцельный разговор и выбраться на свежий воздух. — А что думаешь ты?

— По первому взгляду она выглядит как летучая мышь, — ответил Тони. — На «полароидах» она тоже похожа на летучую мышь. Но... я не знаю, как сказать, но...

— Но только это совсем не летучая мышь, — закончил за него Сэнди.

Тони кисло улыбнулся и нацелил на Сэнди палец.

— В десятку. Поздравляю. Но эти пятна на стене показывают, что вело себя существо как летучая мышь или птица. Летала по кругу, пока не упала, мертвая, в угол. Черт, насколько мы можем судить, она сдохла от страха.

Сэнди вспомнил блестящий мертвый глаз, абсолютно инородный, коренным образом отличающийся от того, что он, Сэнди, привык видеть, и подумал, что впервые в жизни осознал идею, которую только что озвучил сержант Скундист. Сдохла от страха? Да, такое возможно. Более чем. Сержант вроде бы ждал ответа.

— А может, оно ударилось о стену так сильно, что сломало шею. — Тут в голову пришла новая мысль. — Послушай, Тони, а может, эту «летучую мышь» убил воздух?

— Как ты сказал?

— Может...

У Тони вспыхнули глаза, он закивал.

— Конечно. Может, с другой стороны багажника «бьюика» совсем другой воздух. Может, для наших легких он — яд, может, от него наши легкие разорвутся...

Для Сэнди эти слова стали последней соломинкой.

— Я больше не могу, Тони. Если мы задержимся здесь еще на минуту, меня вырвет. — Но на самом

деле он боялся задохнуться. Потому что широкая авернью гортани вдруг сжалась до отверстия в иголочном ушке.

Как только они вышли из гаража (уже практически стемнело и дул невыразимо славный летний ветерок), Сэнди сразу полегчало. Он пришел к выводу, что и Тони тоже. Определенно к лицу прилила кровь, оно стало не таким бледным. Хадди и еще несколько патрульных подошли к ним, когда Тони закрывал боковую дверь, но никто ничего не сказал. Посторонний человек, не знающий, что происходит, глянув на них, мог бы подумать, что президент умер и началась война.

— Сэнди? — спросил Тони. — Тебе уже лучше?

— Да. — Он кивнул в сторону мешка, где лежал труп невиданного существа. — Вы действительно думаете, что его мог убить наш воздух?

— Возможно. А может, причина смерти — шок, вызванный появлением в нашем мире. Не думаю, чтобы я долго прожил в мире, откуда появилось это существо. Даже если бы я смог дышать тамошним... — Тони замолчал, потому что Сэнди вдруг перекосило.

— Сэнди, в чем дело? Что с тобой?

Сэнди не хотел говорить сержанту, что с ним, даже не знал, сможет ли. Потому что подумал об Эннисе Рафферти. Исчезновение патрульного и появление в гараже Б этого существа наводили на мысль, которую Сэнди гнал от себя изо всех сил. Но, к сожалению, возникнув, она уже никак не желала уходить. Если «бьюик» — связующее звено между мирами и эта «летучая мышь» попала в гараж Б оттуда, тогда Эннис Рафферти практически наверняка отправился туда.

— Сэнди, что ты молчишь?

— Все нормально, босс, — ответил Сэнди, а потом ему пришлось нагнуться и сжать пальцами голени. Отличный способ избежать обморока, при условии, что успеваешь им воспользоваться. Другие патрульные стояли неподалеку, наблюдая за ним, никто не произносил ни слова, правда, на лицах читалось: *Король умер, да здравствует король!*

Наконец мир перестал кружиться перед глазами Сэнди, и он выпрямился.

— Я в порядке. Правда.

Тони всмотрелся в его лицо, кивнул. Приподнял зеленый мешок.

— Это отправим в чулан около кладовой, где Энди Колуччи держит журналы, помогающие гонять шкурку.

Послышились нервные смешки.

— В чулан вход воспрещен всем, кроме меня, Кертиса Уиллокса и Сэнди Диаборна. Остальным — только по моему разрешению. Понятно, парни?

Патрульные покивали. По разрешению так по разрешению.

— Сэнди, Кертис и я — наша следственная группа. — Он стоял в сгущающихся сумерках, чуть ли не по стойке «смирно», с мешком для мусора в одной руке и «полароидами» — в другой. — Все это — вещественные улики. Чего — пока не имею понятия. Если у вас появятся идеи, приходите с ними ко мне. Если идеи покажутся вам безумными, прибегайте. Потому что это безумная ситуация. Но при всем этом мы ведем расследование. Ведем, как и любое другое. Вопросы?

Вопросов не последовало. *Или, если вам хочется взглянуть на ситуацию под другим углом, подумал*

Сэнди, вопросов было слишком много, чтобы их задавать.

— По возможности у гаража должен кто-то быть, — продолжил Тони.

— Охранник? — спросил Стив Дево.

— Скорее наблюдатель, — ответил Тони. — Пойшли, Сэнди, побудешь со мной, пока я все это не уберу. Не хочу спускаться в подвал один, и это чистая правда.

Когда они направились к двери черного хода, Сэнди услышал, как Арки Арканян говорит Стиву, что Керт просто озвеет — ведь ему не позвонили, увидите, этот парень устроит жуткий скандал.

Но Керт вовсе не озвеел. Мысли его занимало совсем другое. Слишком многое следовало сделать, слишком много вопросов роилось в голове. Перед тем как спуститься в подвал и взглянуть на труп невиданного существа из гаража Б, он задал только один: где был прошлым вечером Мистер Диллон? С Орвиллем, ответили ему. Орвиль Гарретт часто брал Мистера Диллона, уезжая на несколько дней.

Сэнди Диаборн ввел Кертиса в курс дела (время от времени его слова уточнял Арки). Керт слушал внимательно, не перебивал, лишь однажды брови его поднялись, когда Арки описывал, как вроде бы весь верх головы существа откатился назад, открыв глаз. И еще раз, когда Сэнди рассказал о пятнах на воротах и стенах, ассоциирующиеся у него с пыльцой крыльев мотылька. Задал вопрос насчет Мистера Д, получил ответ, схватил пару резиновых перчаток из комплекта для обследования места происшествия и чуть ли не бегом спустился в подвал. Сэнди пошел с ним. Считал своим долгом, поскольку Тони определил его

в следственную бригаду, но оставался в кладовой, пока Керт копошился в чулане, где Тони оставил мешок для мусора. Сэнди услышал, как зашуршал пластик, когда Керт развязывал мешок; по его коже тут же побежали мурashki.

Шуршание, шуршание, шуршание. Пауза. Снова шуршание. Наконец, очень тихо: «Господи Иисусе».

Мгновением позже Керт выбежал из чулана, прижимая руку ко рту. Туалет находился в коридоре, на полпути к лестнице. Кертис Уилкокс добежать успел.

Сэнди Диаборн сидел у большого исцарапанного стола в кладовой, слушая, как Кертис блюет, и думая, что по большому счету такая реакция ничего не значит. Потому что Кертис не отступится. Труп «летучей мыши» вызвал у него такое же отвращение, как у Арки, Хадди, любого из них, но, отвращение или нет, он вернется, чтобы рассмотреть его получше. «Бьюик» и все связанное с «бьюиком» прочно приковали его к себе. Даже сейчас, когда он выбегал из чулана, бледный как смерть, прижав руку ко рту, Сэнди видел, каким возбуждением горели его глаза. И никакой рвотный рефлекс не мог побороть такой интерес. Никто не мог. И ничто.

Из коридора донесся звук льющейся воды. Стих. Керт вернулся в кладовую, вытирая рот бумажным полотенцем.

— Жуткая тварь, не так ли? — спросил Сэнди. — Даже мертвая.

— Жуткая, — согласился Керт, направляясь к чулану. — Я думал, что смогу адекватно отреагировать, но, конечно, такого не ожидал.

Сэнди поднялся, подошел к двери. Керт смотрел на мешок, но не прикасался к нему. Пока не прикасался. Это радовало. Сэнди не хотел находиться ря-

дом, когда он прикоснется к мешку, даже в перчатках. Не хотелось даже думать, как он прикоснется к мешку.

— Это обмен, как ты думаешь? — спросил Керт.

— Что?

— Обмен. Эннис — на эту тварь.

Сразу Сэнди не ответил. Не мог ответить. Не потому, что идея ужасная (хотя как иначе можно ее назвать). Он не ожидал, что Керт, совсем мальчишка, так быстро сообразит, что к чему.

— Не знаю.

Кертиз покачивался на пятках и хмурился, глядя в пластиковый мешок.

— Я так не думаю, — вырвалось у него после долгой паузы. — Когда происходит обмен, обычно ты что-то отдаешь и тут же что-то получаешь. Так?

— Обычно — да.

Он скрутил горловину мешка и (с видимой неохотой) завязал вновь.

— Я собираюсь сделать вскрытие.

— Кертиз, нет! Господи!

— Да. — Он повернулся к Сэнди, с бледным как полотно лицом, горящими глазами. — *Кто-то* должен, ведь я едва ли смогу отвезти нашу добычу на кафедру биологии в университет Хорликса. Сержант говорит, мы должны держать язык за зубами? Кто же тогда остается? Только я. Или есть другой кандидат?

Ты бы не отвез эту тварь в Хорликс, даже если бы Тони и не ввел режима секретности, подумал Сэнди. Ты еще терпишь наше участие в этой истории, возможно, потому, что, кроме Тони, никто не хочет иметь с этим дела, но поделиться с кем-то еще? С теми, кто не носит серой формы и не знает, что летом штрипкам

шляпы положено болтаться на спине, а зимой — под подбородком? С теми, кто может оттеснить тебя и заграбастать? Да никогда в жизни!

Керт сдернул с рук перчатки.

— Проблема, что я никого не вскрывал после Чэнси, умершей морской свинки, на уроке биологии в средней школе. С тех пор прошло уже девять лет, а по биологии у меня была тройка. Я не хочу напортачить, Сэнди.

Тогда и не принимайся.

Эту мысль Сэнди не озвучил. Не видел в этом смысла.

— Ладно. — Теперь Керт говорил сам с собой. Только с собой. — Я подготовлюсь. Время есть. Спешка здесь не годится. Любопытство до добра не доведет, но все-таки это не порок...

— А если эта поговорка — ложь? — спросил Сэнди. К своему изумлению, он вдруг понял, что страшно устал от всей этой сути. — Если порок? Если ты никогда не сможешь найти ответа на эту загадку?

Керт в ужасе вытаращился на него. Потом улыбнулся.

— А что бы, по-твоему, сказал Эннис? Если бы могли его спросить?

Сэнди нашел вопрос бес tactным. Открыл рот, чтобы сказать об этом... чтобы сказать хоть что-то... и промолчал. Кертис Уилкоxs никого не хотел обидеть, просто в его кровь впрыснулось слишком много адреналина, вот он и «улетел» на нем, как наркоман, вколовший очередную дозу. И он же был совсем мальчишкой. Даже Сэнди это понимал, хотя родился лишь на несколько лет раньше.

— Эннис сказал бы тебе: будь осторожен. Я в этом уверен.

— Буду. — Кертис двинулся к лестнице. — Да, разумеется, буду.

Но то были лишь слова, молитва, которую прочитываешь скороговоркой, чтобы побыстрее покинуть церковь в воскресное утро. Сэнди это знал, даже если проходящий испытательный срок патрульный Уиллокс — нет.

В следующие недели Тони Скундисту стало очевидно (его подчиненным тем более), что у него недостаточно людей для организации круглосуточного наблюдения за стоящим в гараже Б «бьюиком». Да и погода не способствовала: август выдался дождливым и не по сезону холодным.

Добавили головной боли и визитеры. База патрульного взвода Д на вершине холма находилась не в вакууме. Рядом располагалась Дорожная служба, у подножия холма — прокуратура; в расположение подразделения захаживали адвокаты, иной раз нарушителей препровождали в «Уголок плохишней», вдруг заявлялся на экскурсию отряд бойскаутов, люди постоянно приходили с жалобами (на соседей, на их животных, на повозки амишей, едущие посреди дороги, на самих патрульных), жены привозили забытые дома ленчи, а иногда и коробки с ирисками; случалось, приезжал любопытствующий Джон Кью — узнать, как тратятся его доллары, заработанные тяжким трудом и собранные правительством штата в виде налогов. Этих обычно удивляли и разочаровывали тишина и покой, царившие на базе. Они-то думали, что все стоят на ушах, как в их любимых телесериалах.

В конце месяца пожаловал член Палаты представителей конгресса США от округа Стэтлер с десятью или двенадцатью особо приближенными репортера-

ми, чтобы пообщаться с простыми патрульными и сделать заявление о законопроекте, направленном на увеличение расходов на техническое оснащение и инфраструктуру полиции, который как раз рассматривался на Капитолийском холме, а конгрессмен от Стэтлера, так уж вышло, был одним из авторов законопроекта. Как и многие другие члены Палаты представителей от сельских районов, этот господин более всего напоминал парикмахера из маленького городка, который провел удачный день на собачьих бегах и надеялся, что ему отсосут до ужина. Стоя рядом с одной из патрульных машин (как показалось Сэнди, той самой, у которой сломалась мигалка), конгрессмен рассказывал своим друзьям-репортерам, какую важную роль играет в этих местах полиция, особенно прекрасные мужчины и женщины патрульного взвода Д (помощники дали ему неверную информацию, поскольку на тот момент в списочном составе взвода Д женщины отсутствовали, но никто из патрульных конгрессмена не поправил, во всяком случае, перед камерами). Они, говорил конгрессмен, являли собой тонкую серую стену, отделявшую мистера и миссис Джон Кью, налогоплательщиков, от злодеев, каждодневно грозивших ввернуть вверенную им территорию в хаос, и так далее, и так далее, Боже, благослови Америку, пусть все ваши дети научатся играть на скрипке. Капитан Даймент приехал из Батлера, возможно, решил, что не грех лишний раз показаться перед телекамерами, и позднее пожаловался Тони Скундисту: «Этот козел попросил меня аннулировать штраф, выписанный его жене за превышение скорости».

Все время, пока конгрессмен вещал и бродил по территории базы, репортеры что-то записывали, а камеры работали, «бьюик-роудмастер» стоял в каких-то

пятидесяти ярдах от них, на широких, с белыми боковинами, колесах, синий, как сгустившиеся сумерки. Стоял под большим круглым термометром, который Кертис повесил на одной из потолочных балок. Стоял с нулями на одометре, и к нему по-прежнему не прилипали ни пыль, ни грязь. Для патрульных, которые знали об этом, «бьюик» ассоциировался с зудом между лопаток — единственным местом, которое нельзя основательно почесать.

Приходилось иметь дело с плохой погодой, приходилось иметь дело со всякими и разными Джонами Кью (многие приходили с тем, чтобы похвалить семью, но сами-то они членами семьи не являлись), а еще заезжали полицейские и патрульные из других подразделений. Последние в определенном смысле представляли собой наибольшую опасность: копов отличает острый глаз и желание вызнать лишнее. Что бы они могли подумать, увидев патрульного в блестящем дождевике (или знакомого многим дворника со шведским акцентом), стоящего у гаража Б, совсем как гвардеец в высокой шапке у ворот Букингемского дворца? Как бы невзначай подошли бы к окнам и заглянули внутрь? Мол, заезжий полисмен хочет полюбопытствовать, а что находится в этом самом гараже? Почему нет, обычное дело для коллеги?

Керт решил эту проблему, насколько она поддавалась решению. Отправил Тони служебную записку, в которой указал, что еноты безобразничают, постоянно копаясь в мусорных контейнерах и растаскивая их содержимое по территории, а Фил Кандлтон и Брайан Коул готовы построить будку, в которой и будут находиться мусорные контейнеры. Керт полагал, что будке самое место рядом с гаражом Б, но разумеется, определиться с местоположением мог

только командир взвода. Сержант Скундист написал на служебной записке: «К исполнению», — и положил в соответствующую папку. Правда, в своей записке Кертис не упомянул, что вообще-то проблем с мусором у патрульного взвода не было с тех самых пор, как Арки купил в «Сирсе» два больших пластиковых контейнера с защелкивающимися крышками.

Будку построили, покрасили (разумеется, в серый цвет) и ввели в строй действующих объектов через три дня после того, как служебная записка легла на стол Скундиста. Размеры просчитали заранее: в ней вполне хватило места для двух мусорных контейнеров, трех полок и одного патрульного, сидевшего на удобном стуле. Будка позволяла убить сразу двух зайцев. Патрульный, заступивший на вахту: а) не мок под дождем; б) оставался невидимым для посторонних. Каждые десять или пятнадцать минут патрульный покидал будку, подходил к окнам на задних воротах гаража Б. В будке имелись газировка, еда, журналы и оцинкованное ведро. К ведру прилепили полоску бумаги с надписью: «БОЛЬШЕ НЕ МОГ ТЕРПЕТЬ». Постарался Джекки О'Хара. Патрульные прозвали его Ирландский вундеркинд — он всегда мог их рассмешить. Смешил даже три года спустя, когда лежал в спальне, умирая от рака пищевода, с остекленевшими от морфия глазами, хриплым шепотом рассказывая забавные истории друзьям, приходившим навестить его и даже державшим за руку, когда боль сводила с ума.

Позже в патрульном взводе Д появилось много видеокамер, как и во всех подразделениях ПШП: к девяностым годам все патрульные машины оборудовали установленными на приборном щитке моделями «Панасоник айутнесс». Их разрабатывали специаль-

но для служб охраны правопорядка, без микрофонов. Видеосъемки на дорогах разрешились. А вот аудиозаписи, в силу действующих законов о прослушивании, — нет. Но все это появилось позже. А в конце лета 1979 года им пришлось довольствоваться видеокамерой, которую Хадди Ройеру подарили на его день рождения. Ее держали на одной из полок будки, в чехле и завернутой в пластик, чтобы на нее никоим образом не попала вода. В отдельной коробке хранились запасные батарейки и с десяток чистых кассет со снятой целлофановой оболочкой, дабы замена занимала как можно меньше времени. К стене крепилась грифельная доска, на которой мелом писали текущую температуру в гараже Б. Если вахтенный замечал изменение, то стирал прежнее число, записывал новое и стрелочкой, вверх или вниз, указывал, повысилась температура или понизилась. То было единственное письменное свидетельство присутствия «бьюика», разрешенное сержантом Скундистом.

Тони установившийся порядок вроде бы радовал. Керт пытался следовать его примеру, но иной раз тревога и раздражение прорывались наружу.

— В следующий раз, когда что-нибудь случится, на вахте никого не будет, — говорил он. — Подождите и увидите, что я прав... так всегда и бывает. Никто не согласится дежурить с полуночи до четырех утра, а кто заступит потом однажды, обнаружит, что крышка багажника поднята и в углу лежит новая дохлая «летучая мышь».

Керт старался убедить Тони ввести список дежурств. Недостатка в добровольцах нет, доказывал он, надо только упорядочить и организовать этот поток. Тони остался непреклонным: никаких бумаг. Когда Керт сам вызвался дежурить чаще остальных (выхо-

дить в «будочный патруль», как шутили во взводе Д), Тони ему это запретил.

— У тебя есть и другие обязанности. В том числе и перед женой.

Керту хватило ума сохранять спокойствие в кабинете командира взвода. Потом, однако, он выплеснул всю горечь на Сэнди, когда они стояли у дальнего угла здания.

— Если б мне требовался консультант по супружеским отношениям, я бы воспользовался «Желтыми страницами».

Сэнди улыбнулся, но невесело.

— Я думаю, тебе пора прислушиваться, когда раздастся хлопок.

— О чём ты говоришь?

— О хлопке. Тихий такой звук. Но ты его обязательно услышишь, как только твоя голова вылезет из задницы.

Кертис долго смотрел на него, на щеках загорелись пятна румянца.

— Я что-то упускаю из виду, Сэнди?

— Да.

— Что? Ради Бога, что?

— Свою работу и свою жизнь, — ответил Сэнди. — Не обязательно в такой последовательности. У тебя проблемы с перспективой. Этот «бьюик» начинает затмевать для тебя все остальное. Выглядит в твоих глазах слишком уж большим.

— Слишком!.. — Керт удариł себя по лбу ладонью, такая уж у него была привычка. Отвернулся, долго смотрел на Низкие холмы. Вновь повернулся к Сэнди. — Этот «бьюик» из другого мира, Сэнди... из другого мира! Как он может быть слишком большим?

— Именно в этом твоя беда, — ответил Сэнди. — Ты утрачиваешь чувство меры.

Он видел, что Кертис готов затеять спор, который может перейти на повышенные тона. Поэтому, не дождаясь ответа, ушел в здание. Возможно, разговор этот возымел действие, поскольку, когда август уступил место сентябрю, Кертис более не требовал усиливать наблюдение за гаражом Б. Сэнди Диаборн не пытался убедить себя, что парню открылась истина, что он вроде бы понял, что и так получил все по максимуму, во всяком случае, на текущий момент. Он чувствовал, что статус-кво долго не продержится. «Бьюик», по разумению Сэнди, не мог не затмевать для Кертиса все остальное. Но в конце концов люди всегда делились на два типа. Кертис относился к тем, кто ради удовлетворения любопытства готов пойти на все.

Он начал появляться в расположении взвода с книгами по биологии. Особенно часто торчала у него из-под мышки или дождалась на полочке в туалете монография доктора Джона Г. Матурина «Двадцать простейших вскрытий», вышедшая в 1968 году в издательстве «Гарвард юниверсити пресс». Когда Бак Фландерс с женой как-то вечером приехали на обед к Уиллоксам, Мишель пожаловалась на новое хобби мужа. Теперь он приносил домой разных зверушек из магазина, поставляющего экспериментальный материал медицинским исследовательским центрам, и комнатка в подвале, которую он годом раньше превратил в фотолабораторию, запахами напоминала морг.

Начал Керт с мышей и морских свинок, перешел к птицам и, наконец, добрался до виргинского филина. Иногда результаты своих трудов он демонстрировал другим патрульным.

— Вы заново почувствуете вкус к жизни, — как-то поделился своими впечатлениями Мэтт Бабицки с Орвиллом Гарреттом и Стивом Дево, — когда, спустившись в кладовую за коробкой с шариковыми ручками, увидите на ксероксе банку с формальдегидом, в которой плавает совиный глаз. Да, это зрелище бодрит.

Разобравшись с филином, Кертис перешел к летучим мышам. Вскрыл восемь или девять, разных видов. Две поймал сам, у себя во дворе. Остальных выписал из Питтсбурга. Сэнди так и не смог забыть день, когда Кертис показал ему южноамериканского вампира, пришпиленного к доске. Волосатую тварь с коричневатым животом и черным бархатистым пушком на мембранных крыльях. Маленькие остроконечные зубы скалились в жуткой улыбке. В каплеобразном разрезе виднелись внутренности. Мастерство Керта заметно возросло. Сэнди не сомневался, что учитель биологии средней школы, тот самый, кто поставил Кертису тройку, очень бы удивился прогрессу своего бывшего ученика.

Разумеется, когда есть желание, любой неуч может стать профессором.

Пока Керт Уилкокс учился искусству вивисекции у доктора Матурина, в «Бьюике 8» поселились Джимми и Розалин. Этот эксперимент придумал Тони. Как-то раз привез жену в торговый центр, по которому и решил прогуляться, пока супруга надолго застряла в салоне женской одежды. На глаза попалось объявление в витрине зоомагазина: «**ЗАЙДИТЕ И ПОУЧАСТВУЙТЕ В НАШЕЙ РАСПРОДАЖЕ ПЕСЧАНОК**».

В тот день Тони не зашел и не поучаствовал, но на следующий послал в торговый центр здоровяка Джорджа Станковски, выдав ему деньги из фонда не-

предвиденных расходов и приказав купить пару песчанок. А также пластиковую клетку, где они могли жить.

— Еду им мне тоже купить? — спросил Джордж.

— Нет, — ответил Тони. — Ни в коем случае. Мы покупаем пару песчанок, чтобы они сдохли от голода в гараже.

— Правда? Я хочу сказать, не очень ли это жестоко по...

Тони вздохнул.

— Купи им еду, Джордж, будь так любезен. Конечно же, купи им еду.

Относительно клетки Тони поставил одно условие: чтобы уместились на переднем сиденье «бьюика». Джордж купил отличную клетку, едва ли не самую дорогую. Из желтого прозрачного пластика с двумя просторными помещениями, соединенными длинным коридором. В одном — песчанки ели, в другом — занимались спортом. В столовой имелся лючок для подачи корма, отверстие для резервуара с водой, кормушка и поилка, в спортзале — колесо.

— Они живут лучше, чем некоторые люди, — отметил Орви Гарретт.

Фил, наблюдавший, как Розалин наложила кучку в кормушку, пробурчал: «Не могу с тобой согласиться». Дикки-Дак Элиот, по жизни, возможно, не такой уж нежный и заботливый, захотел узнать, почему песчанок держат в «бьюике»? Разве это для них не опасно?

— Вот это мы и узнаем, не так ли? — ответил ему Тони. — Узнаем, опасно это для них или нет.

А вскоре после приобретения в зводом Д Джимми и Розалин Тони Скундиш перешел личный Рубикон: солгал прессе.

Конечно, с представителем четвертой власти ему повезло: попался не профи, а рыжеволосый мальчишка лет двадцати с небольшим, проходивший летнюю практику в «Американ», которому через неделю-другую предстояло вернуться в университет Огайо. Слушал он собеседника всегда с полуоткрытым ртом, отчего, по словам Арки, имел на удивление дурацкий вид. Но дураком не был и провел большую часть второй половины одного солнечного сентябрьского дня, беседуя с мистером Брэдли Роучем. Брэд слишком много на рассказывал о мужчине с русским акцентом (к этому времени Брэд уже не сомневался, что жизнь столкнула его с российским шпионом) и автомобиле, оставленном на заправочной станции. Рыжеволосый, звали его Гомер Оостер, хотел сделать на этом материале большую статью с фотографиями и возвратиться в университет героем. Сэнди полагал, что молодой человек уже видел заголовок на первой полосе со словами «ЗАГАДОЧНЫЙ АВТОМОБИЛЬ». Может, даже «ЗАГАДОЧНЫЙ АВТОМОБИЛЬ РУССКОГО ШПИОНА».

Тони солгал не моргнув глазом, без малейшей запинки. Понятное дело, он поступил бы точно так же, если бы в тот день в расположение патрульного взвода Д заявился такой тертый калач, как Тревор Ронник, владелец «Каунти американ», который уже позабыл больше своих статей, чем рыжеволосый мальчишка успел написать.

— Автомобиля нет, — заявил Тони и, солгав, перешел Рубикон.

— Нет? — В голосе Гомера Оостера слышалось разочарование. На его коленях лежал фотоаппарат «Минолта» с наклейкой на футляре: «СОБСТВЕННОСТЬ «КАУНТИ АМЕРИКАН». — А где же он?

— В Бюро хранения конфиската штата Пенсильвания. — Тони без труда создал новое государственное учреждение с впечатляющим названием. — В Филадельфии.

— Почему?

— Они продают на аукционах конфискованные автомобили. После того как проверят, нет ли в них тайников с наркотиками, разумеется.

— Разумеется. У вас есть соответствующие документы?

— Должны быть. Без бумажки мы никуда. Я их поищу, а как найду, позвоню.

— И сколько времени уйдет у вас на поиски, сержант Скундист?

— Время потребуется. — Тони указал на стол, где лежала толстенная папка с входящими документами. Оостер, конечно, не знал, что в основном в ней еженедельные циркуляры из Батлера о всяком и разном, от изменений в пенсионном обеспечении до расписания осенних матчей по футболу, бумаги, которым еще до конца рабочего дня предстояло перекочевать в корзинку для мусора. Обвел рукой и другие пачки документов. — Трудно, знаете ли, со всем управляться. Говорят, все изменится, как только у нас установят компьютеры, но в этом году мы на них не рассчитываем.

— На следующей неделе я возвращаюсь в университет.

Тони наклонился вперед, пристально посмотрел на Оостера.

— И я надеюсь, в учебе вы проявите должное усердие. Это суровый мир, сынок, и требуется приложить немало усилий, чтобы занять в нем достойное место.

* * *

Через пару дней после визита Гомера Оостера «бьюик» устроил очередное светопреставление. Случилось это в ясный, солнечный день, но зрелище все равно получилось впечатляющее. И тревоги Кертиса, что их застанут врасплох, оказались напрасными.

Температура в гараже, за пять дней упав с 75 до 58 градусов*, ясно показывала, что «бьюик» опять что-то готовит. И все патрульные, свободные от службы, жаждали подежурить в будке; каждому хотелось, чтобы «бьюик» выдал что-нибудь новенькое именно на его дежурстве.

В этой лотерее счастливый билет выпал Брайану Коулу, но все патрульные почувствовали свою сопричастность с происходящим. Брайан вошел в гараж Б в два часа дня, посмотреть, как поживают Джимми и Розалин. Песчанки прекрасно себя чувствовали. Розалин закусывала, а Джимми крутил лапками колесо. Но всунувшись в кабину, чтобы проверить, достаточно ли в резервуаре воды, Брайан почувствовал гудение. Мерное, низкое, от которого глаза пульсируют в глазницах, а пломбы вибрируют в зубах. Более того, в гудении слышался какой-то, пусть и бессловесный, шепот. А по приборному щитку и рулевому колесу начало медленно распространяться пурпурное сияние.

Помня о Эннисе Рафферти, который чуть больше месяца назад отбыл в неизвестном направлении, патрульный Коул скоренько ретировался и из кабинки «бьюика», и из гаража. Но никакой паники не испытывал; достал из футляра видеокамеру, зарядил кассету с чистой пленкой, установил на треногу, проверил встроенные часы (время они показывали пра-

* с 23,9 до 14,5 градуса.

вильно), батарейки (горела зеленая лампочка), поставил треногу у одного из окон, нажал кнопку «RECORD», дважды посмотрел в видоискатель, дабы убедиться, что видеокамера точно нацелена на «бьюик». Направился к зданию, щелкнул пальцами, вернулся в будку. На полке лежал маленький мешочек с дополнительными приспособлениями для видеокамеры. Среди них имелся и светофильтр. Брайан установил его на объектив, не потрудившись нажать кнопку «PAUSE» (большие тени от его рук на какое-то время закрыли «бьюик», потом автомобиль появился вновь, но съемка продолжалась, словно в глубоких сумерках). Если бы кто-то наблюдал за ним, скажем, какой-нибудь Джон Кью, интересующийся, как тратятся деньги налогоплательщиков, он бы никогда не догадался, как быстро билось при этом сердце патрульного Коула. Он и боялся, и волновался, однако внешне никак не проявлял своих чувств. Когда имеешь дело с неведомым, полицейская выучка может принести немало пользы. Так или иначе, об одном он забыл.

В кабинет Тони его голова всунулась семь минут третьего.

— Сержант, я уверен, с «бьюиком» что-то происходит.

Тони оторвался от блокнота: записывал тезисы речи, которую ему предстояло произнести на симпозиуме, организовываемом этой осенью Управлением ПШП.

— Что у тебя в руке, Брай?

Брайан посмотрел на свою руку и увидел, что держит резервуар с водой из клетки песчанок.

— А, черт, — вырвалось у него. — Возможно, вода им больше не понадобится.

* * *

Двадцать минут третьего патрульные, находящиеся в здании, уже отчетливо слышали гудение. Под крышей оставались немногие. В основном они стояли у окон обоих ворот в гараж Б, плечом к плечу, бедром к бедру. Тони, увидев это, задался вопросом, приказывать им разойтись или нет, и решил: пусть смотрят. За единственным исключением.

- Арки.
- Слушаю, сэр.
- Я хочу, чтобы ты пошел на лужайку перед зданием и покосил ее.
- Я косил ее в понедельник!
- Знаю. Видел тебя из окна кабинета. Но хочу, чтобы ты покосил ее снова. Вот с этой штуковиной в заднем кармане. — Он протянул Арки портативную радио. — Если на нашей подъездной дорожке появится кто-нибудь из тех, кому не следует видеть десятых патрульных, прилипших к окнам гаража, будто внутри проводятся тараканьи бега, дай знать. Понял?
- Да, сэр, будьте уверены.
- Хорошо. Мэтт! Мэтт Бабицки, быстро ко мне! Мэтт подбежал, тяжело дыша, красный от волнения. Тони спросил, где Кертис. Мэтт ответил: на патрулировании.
- Передай ему, пусть возвращается на базу. Код Д, но ехать медленно, понял?
- Так точно, код Д и ехать медленно.

Под медленной ездой подразумевались выключенные сирена и мигалки. Керт, безусловно, выполнил эти условия, но вернулся в расположение взвода без четверти три. Никто не решился спросить, с какой он мчался скоростью. Однако, сколько бы миль ему ни

пришлось отмахать, прибыл он целым и невредимым и до того, как начался беззвучный фейерверк. Первым делом снял видеокамеру с треноги: до окончания фейерверка видеозапись делалась глазами Кертиса Уилкокса.

Пленка (одна из многих, хранящихся в кладовой) сохранила все, чтобы было видно и слышно. В том числе и гудение «бьюика», которое становилось все более громким. Керт запечатлел и большой термометр, красная стрелка которого опустилась чуть ниже отметки 54*. Пленка сохранила голос Керта, попросившего разрешения войти и проверить, как там Джимми и Розалин. И незамедлительный ответ сержанта Скундиста: «Не разрешаю». Сказал, как отрезал, не оставляя места для возражений.

В три часа восемь минут и сорок одну секунду пополудни — это время при просмотре значится в нижней части экрана — сияние, напоминающее яркий восход, начинает пробиваться сквозь ветровое стекло «бьюика». Поначалу его можно принять за техническую неисправность видеокамеры, оптическую иллюзию или даже отражение непонятно чего.

Энди Колуччи: «Что это?»

Неопознанный голос: «Энергетическая волна** или...»

Кертис Уилкокс: «Все, у кого есть темные очки, наденьте их. У кого их нет, отойдите, это опасно. Мы...»

Джекки О'Хара (*предположительно*): «Кто взял...»

Фил Кандлтон (*предположительно*): «Господи!»

Хадди Ройер: «Не думаю, что нам стоит...»

* 12,2 градуса.

** Термин из «Стар Трека».

Сержант Скундист, спокойный, как гид Национального общества Обюдона* во время экскурсии по заповеднику: «Надевайте очки, парни, я уже надел. И побыстрее».

В 3.09.24 восход затеплился во всех окнах «бьюика», превратив их в сверкающие зеркала. Если замедлить ход пленки, а то и просматривать ее кадр за кадром, можно заметить, как различные отражения появляются на доселе прозрачных стеклах окон автомобиля: инструментов, повешенных на стену, оранжевого ножа снегоуборочной машины, прислоненного к другой стене, мужчин, приникших к окнам гаража. Большинство уже надели очки и выглядели как инопланетяне в дешевом научно-фантастическом фильме. Керт отличался от них, потому что левую часть лица закрывала видеокамера. Гудение все усиливалось. Потом, примерно за пять секунд до первой вспышки, стихло. Зрители, просматривающие эту пленку, услышали бы возбужденный гул голосов, но не смогли разобрать ни слова. По интонациям, правда, чувствовалось, что все спрашивают и никто не отвечает.

А потом изображение в первый раз исчезло. Исчезли и «бьюик», и гараж, полностью растворились в белизне.

«Господи Иисусе, вы это видели?» — кричит Хадди Ройер.

Слышатся крики: *Все назад, Боже мой и любимое многими О дермо*. А потом кто-то еще говорит: *Пря-*

* Национальное общество Обюдона — общественная организация, выступающая за охрану окружающей среды, в первую очередь животного мира. Названа по имени натуралиста Джона Обюдона (1785–1851). Содержит более 80 заповедников и финансирует различные образовательные программы.

мо-таки молния, будничным таким тоном, какой иногда можно услышать при расшифровке черных ящиков: таким же говорит пилот самолета, не подозревая, что часы уже отсчитывают последние десять или двенадцать секунд его жизни.

Потом «бьюик» возвращается из зоны ослепляющей белизны, сначала появляется его силуэт, наконец, он сам. Через три секунды — новая вспышка. Лучи света выстреливают из всех окон, и пленку застилает белизна. Во время этой вспышки Керт говорит: *Нам нужен фильтр получше*, а Тони ему отвечает: *К следующему разу, может, и раздобудем*.

Феномен длится сорок шесть минут, все они остаются на пленке, каждое мгновение. Поначалу при каждой вспышке «бьюик» исчезает и появляется. По мере того, как интенсивность вспышек слабеет, сквозь них просматривается силуэт автомобиля. Иногда изображение смазывается, на экране появляются человеческие лица. Это Кертис меняет точку наблюдения, надеясь засечь источник вспышек (а может, чтобы лучше видеть).

В 3.28.17 зигзагообразная полоса огня вырывается из-под, а может, сквозь крышку закрытого багажника «бьюика». Вырывается с такой силой, что достигает потолка.

Голос, который так и не идентифицировали: «Срань господня, высокое напряжение, высокое напряжение!»

Тони: «Хрена с два, — а потом — Керту: — Продолжай снимать».

Керт: «Само собой. Будьте уверены».

«Молния» бьет еще несколько раз, то из окон, то из крыши или багажника. Одна выстреливает из-под днища в задние ворота. Слышатся удивленные кри-

ки, люди отшатываются от окон, но камеру держит крепкая рука. Керт слишком взволнован, чтобы бояться.

В 3.55.03 — последняя слабенькая вспышка, с заднего сиденья, за спинкой сиденья водителя; на том светопреставление заканчивается. Сышен голос Тони Скундиста: «Почему бы тебе не поберечь батарейки, Керт? Больше кина не будет». В этот момент экран темнеет: Керт нажимает на кнопку «STOP».

Возобновляется съемка в 4.08.16. На экране Кертис. Что-то желтое обвязано вокруг его талии. Он радостно машет рукой и говорит: «Сейчас вернусь».

Тони Скундист, теперь снимает он, отвечает: «Возвращайся обязательно», — но в его голосе веселье отсутствует напрочь.

Керт хотел войти в гараж и проверить, как там песчанки и есть ли они. Тони решительно отказал. Заявил, что никто не войдет в гараж Б, пока они не убедятся, что опасности нет. Потом помолчал, возможно, прокрутил в голове ответ и осознал его абсурдность: действительно, о какой безопасности могла идти речь при столь тесном контакте с «бьюиком»? Поэтому поправился: «Все остаются вне гаража, пока температура не поднимется до шестидесяти пяти градусов*».

— Кто-то должен туда пойти, — подал голос Брайан Коул. Говорил размеренно, словно обсуждал простенькую проблему с человеком с ограниченными умственными способностями.

— Не понимаю, почему патрульный.

Брайан сунул руку в карман и вытащил резервуар с водой Джимми и Розалин.

* 18,3 градуса.

- Еды им хватит, но без воды они умрут от жажды.
- Нет, не умрут. Во всяком случае, не сразу.
- Температура может подняться до шестидесяти пяти только через пару дней, сержант. Вам бы хотелось провести сорок восемь часов без воды?

— Я знаю, что мне бы не хотелось. — Керт пытался не улыбаться, но губы все равно кривила улыбка. Он взял пластиковый контейнер у Брайана. Но тут же Тони забрал у него резервуар, до того, как он прижился в руке Керта. При этом сержант не смотрел на члена следственной группы: взгляд его не отрывался от патрульного Брайана Коула.

— Я должен разрешить одному из моих подчиненных рискнуть жизнью, чтобы напоить водой двух мышей? Ты говоришь мне об этом, патрульный? Я просто хочу внести ясность?

Если он ожидал, что Брайан покраснеет или смущится, то его ждало разочарование. Брайан все так же терпеливо смотрел на него, как бы говоря: *Да, да, да, выговоритесь, босс. Чем скорее вы выговоритесь, тем скорее сможете расслабиться и поступить правильно.*

— Я не могу в это поверить, — продолжил Тони. — Один из нас сошел с ума. Должно быть, я.

— Они же такие маленькие. — В голосе Брайана слышалось то же долготерпение, которое читалось на его лице. — И именно мы посадили их туда, сержант, в добровольцы они не вызывались. Мы несем за них ответственность. А теперь я готов пойти, если скажете, именно я забыл...

Тони вскинул руки к небу, будто просил богов вмешаться, потом они бессильно упали. Краснота начала подниматься от воротника, захватывая шею, челюсть, встретилась с пятнами румянца на щеках: привет, соседи.

— Дерьмо собачье! — пробормотал он.

Слова эти не в первый раз слетали с его губ, и патрульные знали, что улыбаться никак нельзя. В такой момент многие, если не большинство, вскричали бы: *Ну и хрен с вами! Делайте что хотите!* — с тем, чтобы потом отвернуться и уйти. Но, если ты сидишь в большом кресле и получаешь большие деньги за то, что принимаешь большие решения, для тебя это невозможно. О чем знали и патрульные взвода Д, и сам Тони. Он постоял, глядя на свои башмаки. Из-за здания доносился мерный стрекот красной газонокосилки «Бриггс-и-Страттон».

— Сержант... — начал Кертис.

— Парень, сделай нам всем одолжение, замолчи.

Кертис замолчал.

Несколько мгновений спустя Тони поднял голову:

— Веревку, о которой я тебя просил... ты ее приобрел?

— Да, сэр. Отличная веревка. Ее используют альпинисты. Так мне, во всяком случае, сказал продавец в спортивном магазине.

— Она там? — Тони указал на гараж.

— Нет, в багажнике моего автомобиля.

— Что ж, возблагодарим Господа за маленькие радости. Принеси ее сюда. И надеюсь, нам не придется выяснять, так ли она хороша. — Он посмотрел на Брайана Коула. — Может, тебе съездить в «Агуэй» или в «Гигантский орел», патрульный Коул? Привез бы мышкам пару бутылочек «Эвиана» или «Польской родниковой воды». Черт, чего уж размениваться по мелочам, «Перье»! Как насчет бутылки «Перье»?

Брайан молчал, взгляд его оставался таким же терпеливым. Тони не выдержал и отвел глаза.

— Бедные мышки! Дерьмо собачье!

Керт принес желтую нейлоновую веревку, сплетенную из трех жил, длиной никак не меньше ста футов. Сделал скользящую петлю, надел себе на талию, бухту отдал Хадди Ройеру (он весил двести пятьдесят фунтов и всегда выступал за взвод Д в соревнованиях по перетягиванию каната, которые являлись неотъемлемой частью пикника на Четвертое июля).

— Когда я дам тебе команду, — наставлял Тони Хадди, — ты выдернешь его, словно на нем загорелась одежда. И не беспокойся, что сломаешь ему ключицу или проломишь толстый череп, протаскивая через дверной проем. Понял?

— Да, сержант.

— Хорошо. Я рад, что хоть кто-то понимает, с чем мы имеем дело. Это не гребаная игра в прятки в летнем лагере. — Он пробежался рукой по коротко стриженным волосам, вновь повернулся к Керту: — Надо ли мне говорить тебе, что ты должен немедленно повернуться и выйти оттуда, если почувствуешь: что-то, пусть самая малость, не так?

— Нет.

— И если багажник откроется, Кертис, ты убегаешь. Понятно? Убегаешь, будто за тобой гонятся черти.

— Обещаю.

— Дай мне видеокамеру.

Кертис протянул ее — Тони взял. Сэнди не было, он пропустил весь спектакль, но, когда Хадди потом рассказал ему, что впервые увидел сержанта испуганным, порадовался, что при этом не присутствовал. Кое-что видеть совсем и не хочется.

— На пребывание в гараже у тебя ровно минута, патрульный Уилкокс. Потом я вытащу тебя оттуда,

потеряешь ли ты сознание, начнешь пердеть или запоешь «Колумбия, жемчужина океана».

- Девяносто секунд.
- Нет. Если будешь торговаться, сокращу время пребывания до тридцати.

Кертис Уилкокс стоит на солнце у двери в боковой стене гаража Б. Веревка затянута на талии. На пленке он выглядит молодым, и становится все моложе с каждым ушедшим годом. Время от времени он сам просматривал кассету и, должно быть, чувствовал то же самое, пусть никогда об этом и не говорил. И он не выглядит испуганным. Ни капельки. Ему не терпится попасть в гараж. Он машет камере рукой и говорит: «Сейчас вернусь».

— Возвращайся обязательно, — отвечает ему Тони.

Керт поворачивается и входит в гараж. На мгновение он похож на призрака, но тут же Тони уносит камеру с яркого солнца, и мы снова видим Керта ясно и отчетливо. Он направляется к автомобилю, начинает обходить его сзади.

— Нет! — кричит Тони. — Нет, дубина, ты хочешь зацепить веревку? Проверь песчанок, дай им воды и выметайся оттуда к чертовой матери!

Керт, не поворачиваясь, поднимает руку с оттопыренным большим пальцем, показывая, что у него полный порядок. Картинка дергается: Тони регулирует резкость.

Кертис смотрит в окно водительской дверцы, замирает, с его губ срывается: «Срань господня!»

— Сержант, мне тянуть... — начинает Хадди, и тут Кертис оборачивается. Картинка вновь дергается,

Тони управляется с камерой не так ловко, как Керти, но на лице Керта легко читается изумление.

— Не тяни меня! — кричит он. — Не надо! Со мной все в порядке! — С этими словами он открывает дверцу «роудмастера».

— Не лезь в кабину! — кричит Тони, камера так и ходит в его руках.

Керт пропускает его слова мимо ушей, осторожно протаскивает мимо большого рулевого колеса пластмассовую клетку с песчанками. Коленом закрывает дверцу «бьюика» и возвращается к двери с клеткой в руках. Клетка эта, с двумя «комнатушками» по краям, соединенным коридором, напоминает пластмассовую гантель.

— Зафиксируйте это на пленке! — кричит Керт, он выбрирует от волнения. — Зафиксируйте!

Тони фиксирует. И приближение Керта к двери, и его выход на солнце. А потом камера нацеливается на левую «комнатушку». Розалин уже не ест, но вроде бы всем довольна и радостно бегает по пластиковому полу. Она видит собравшихся вокруг мужчин и смотрит прямо в камеру, подрагивая усиками, сверкая глазками. Она очень милая, но патрульные из взвода Д не любуются ею. Им не до этого. Камера перемещается на пустой коридор, пустой спортивный зал в его дальнем кольце. Обе дверцы клетки надежно заперты, в дырочку под резервуар с водой над полкой может пролезть только червячок, но Джимми исчез, как Эннис Рафферти, как мужчина с акцентом Бориса Бадиноффа, из-за которого «бьюик-роудмастер» въехал в их жизнь.

ТЕПЕРЬ: Сэнди

Я замолчал и четырьмя большими глотками осушил стакан ледяного чая, который налила мне Ширли. От чая в лоб словно воткнулась сосулька, и мне пришлось подождать, пока она растает.

В какой-то момент к нам присоединился Эдди Джейкобю. Он уже переоделся в гражданское и сидел на краю скамьи; с одной стороны, сожалел об этом, с другой — не хотел уходить. У меня такой двойственности не было: я радовался, что он здесь. Он мог рассказать свою часть этой долгой истории. Хадди мог бы ему помочь, если б возникла такая необходимость. И Ширли тоже. К 1988-му она работала с нами уже два года, а Мэтт уже превратился в воспоминания, освежаемые редкой открыткой с изображением пальм в солнечной Саратоге, где у Мэтта и его жены была школа обучения вождению автомобилей. Которая, по словам Мэтта, приносила немалый доход.

— Сэнди? — спросил Нед. — Вы в порядке?

— Конечно. Думал о том, как неуклюже управлялся Тони с видеокамерой. У твоего отца получалось гораздо лучше, прямо-таки Стивен Спилберг, но...

— Я могу посмотреть эти пленки? — спросил Нед.

Я посмотрел на Хадди... Арки... Фила... Эдди. В глазах каждого увидел одно и то же: *Решать тебе*. Естественно. Кто сидит в большом кресле, тот и принимает большие решения. И чаще всего мне это нравится. Не буду кривить душой.

— Почему нет? Если только смотреть ты будешь здесь. Мне бы не хотелось, чтобы их выносили за пределы базы. Можно сказать, они — собственность взвода Д. Но здесь... Никаких возражений. Можешь воспользоваться видеомагнитофоном в комнате отдыха

на втором этаже. Только прими таблетку транквилизатора, перед тем как будешь смотреть пленки, снятые Тони. Я прав, Эдди?

Какое-то время Эдди смотрел на противоположную сторону автостоянки. Не на гараж Б, в котором стоял «роудмастер», а на то место, где до 1982 года находился гараж А.

— Я много не знаю. И не помню. Самое значимое произошло до того, как я здесь появился, знаете ли.

Даже Нед наверняка чувствовал, когда человек врал; а уж Эдди лгуном был отвратительным.

— Я просто подошел сказать, что отработал три часа, которые задолжал в мае, сержант... помните, когда помогал родственникам в постройке новой студии.

— Ага, — кивнул я.

Голова Эдди ходила вверх-вниз.

— Вот-вот. Я их отработал и положил рапорт о конопле, которую мы нашли на поле Робби Реннертса, вам на стол. А теперь, если не возражаете, я поеду домой.

Он говорил про «Тэп». Его дом вне дома. Сняв форму, Эдди Джи любил пропустить стаканчик-другой. Он уже начал подниматься, но я усадил его на место, скав запястье.

— Возражаем, Эдди.

— Что?

— Я бы хотел, чтобы ты еще немного посидел с нами.

— Босс, мне действительно надо...

— Посиди, — повторил я. — Я думаю, ты у этого парнишки в долгу.

— Я не понимаю, при чем...

— Его отец спас тебе жизнь, помнишь?

Эдди расправил плечи.

- Я не уверен, можно ли сказать, что он...
- Да перестань, — оборвал его Хадди. — Я же там был.

Внезапно у Неда пропал интерес в видеокассетам.

- Мой отец спас вам жизнь, Эдди? Как?

Эдди медлил с ответом, потом сдался:

- Затащил меня за трактор «Джон Дир». Братья О’Дей, они...

— Леденящую кровь сагу о братьях О’Дей мы послушаем в другой раз, — теперь оборвал его я. — Видишь ли, Эдди, мы тут проводим эксгумацию, а ты знаешь, где похоронено одно из тел. И мои слова следует понимать буквально.

- Там были Хадди и Ширли, они могут...
- Да, были. И Джордж Морган, если не ошибаюсь...
- Не ошибаешься, — кивнула Ширли.
- ...но что из этого? — Я по-прежнему держал Эдди за запястье, и мне хотелось вновь сжать его. Сильно. Мне нравился Эдди, всегда нравился, и он часто мог проявить храбрость, но была в нем и трусоватая жилка. Не знаю, как первое могло соседствовать со вторым в одном человеке, но соседствовало. Я видел это не единожды. Эдди застыл как истукан, в девяносто шестом, когда Трейвис и Трейси О’Дей начали палить из своих автоматов из окон фермерского дома. Керту пришлось выскакивать из-за укрытия и за шиворот тащить его в безопасное место. И вот теперь он пытался доказывать свою непричастность к другой истории, в которой отец Неда играл ключевую роль. Не потому, что он сделал что-то не так, такого не было, — лишь бы не оживлять пугающие и болезненные воспоминания.

— Сэнди, мне действительно пора. У меня столько дел, больше нельзя откладывать, и...

— Мы рассказываем мальчику о его отце, — отчеканил я. — И мне представляется, что ты, Эдди, должен сидеть тихо, может, съесть сандвич и выпить стакан ледяного чая и ждать, пока тебе будет что сказать.

Он заерзal на краешке скамьи, посмотрел на нас. Я знаю, что он увидел в глазах сына Керта: недоумение и любопытство. Мы напоминали совет старейшин, пригласивший юношу, чтобы спеть ему боевые песни прошлого. Но вот песни спеты, и что потом? Если Нед — храбрый воин, его можно послать в полоню за мечтой: убить указанного зверя, увидеть все, что нужно, пока кровь из сердца зверя еще свежа на губах, вернуться мужчиной. Если история эта могла закончиться неким испытанием, в ходе которого Нед продемонстрировал бы новый уровень зрелости и понимания, все было гораздо проще. Но времена изменились. Такие испытания ушли в прошлое. Нынче куда важнее, что ты чувствуешь, а не что делаешь. И я думаю, это неправильно.

Но что увидел Эдди в наших глазах? Негодование? Даже презрение? Может, сожаление, что Кертис Уиллокс, а не он, остановил грузовик с сорванным протектором, что не его размазал по борту грузовика Брэдли Роуч? Страдающего избытком веса Эдди Джейкобю, который пил слишком много и которому, если он не сможет остановиться, вероятно, предстояла поездка в Скрантон и две недели в клинике в рамках Программы помохи сотрудникам полиции? Парня, который всегда запаздывал со своими рапортами и не понимал соль шутки без подробных объяснений? Надеюсь, он ничего этого не увидел, потому что была

в нем и другая сторона, хорошая, но точно поручиться за это не могу. Что-то, конечно, в наших взглядах читалось. Может, и все.

— ...общую картину?

Я повернулся к Неду, радуясь, что он отвлек меня от неприятных мыслей.

— Повтори.

— Я спросил, вы когда-нибудь говорили о том, что все-таки представляет собой этот «бьюик», откуда он взялся, зачем? Хоть раз пытались представить себе общую картину?

— Ну... мы же провели то совещание в «Кантри уэй», — ответил я, не очень-то понимая, куда он клонит. — Я же рассказывал, как...

— Да, конечно, но там решались чисто административные вопросы, и ничего больше.

— В колледже ты будешь учиться на «отлично». — Арки похлопал его по колену. — Если мальчишка может оперировать такими словами легко и непринужденно, в колледже проблем у него не будет.

Нед улыбнулся.

— Административные. Организационные. Бюрократические. Корпоративные.

— Хватит умничать, сынок, — остановил его Хадди. — От твоих слов у меня начинает болеть голова.

— Во всяком случае, я говорю не о том совещании, которое вы провели в «Кантри уэй». Вы должны были... Я хочу сказать, с течением времени вы должны были...

Я знал, что он пытается сказать, но одновременно знал и кое-что еще: парню никогда не понять, как все обстояло на самом деле. До чего, по большей части, буднично. Текла обычная жизнь. Продолжающаяся после того, как человек полюбовался прекрас-

ным закатом, выпил отменного шампанского или получил плохие вести из дома. Рядом с нашим рабочим местом стояло чудо из чудес, но оно не меняло количества бумаг, которые нам приходилось писать, мы точно так же чистили зубы, точно так же занимались любовью с нашими женами и девушками. Это чудо не поднимало нас на новый уровень существования, не позволяло глубже проникать в суть вещей. Наши задницы по-прежнему чесались, и, когда такое случалось, мы их почесывали, как и прежде.

— Я полагаю, Тони и твой отец много говорили об этом, но на работе, во всяком случае, для большинства из нас, «бьюик» ушел на второй план, как любой «висяк». Он...

— «Висяк»! — выкрикнул он с отцовскими интонациями. Еще одна цепочка событий, подумал я. Это удивительное сходство отца и сына. Цепочка, которая утончилась, но не разорвалась.

— Именно так, — кивнул я. — Потому что обычную работу с нас никто не снимал, автомобили стакивались, пешеходов давили, дома грабили, наркотики распространяли, а иной раз случались и убийства.

Разочарование, отразившееся на лице Неда, огорчило меня. Я словно его подвел. Нелепо, конечно, но чистая правда. Потом в голове сверкнула спасительная мысль.

— Помнится, мы об этом говорили. На...

— ...пикнике, — вставил Фил Кандлтон. По поводу Дня труда*. Ты об этом, да?

Я кивнул. 1979 год. Старое футбольное поле Академии, ниже по течению Редферн-стрим. Пикник на День труда нравился нам гораздо больше пикника на

* День труда — общенациональный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября.

Четвертое июля, частично потому, что устраивался он рядом с домом, и кто хотел, мог приехать с семьей, но главным образом по другой причине: устраивался он только для взвода Д. Вот и проводили мы его, как настоящий пикник.

Фил рассмеялся.

— А ведь точно. Я вот и забыл, а говорили мы тогда только об этом «бьюике», и ни о чем больше. Чем больше говорили, тем больше пили. У меня голова болела потом два дня.

— Этот пикник всегда удается, — подтвердил Хадди. — Ты был на нем в прошлом году, не так ли, Нед?

— В позапрошлом, — ответил юноша. — За год до смерти отца. — Он улыбнулся. — Заплыл на камере через речку. Пол Лоувинг еще вывалился из нее и подвернул ногу.

Мы рассмеялись, Эдди чуть ли не громче всех.

— Говорили мы много, но ни к каким выводам не пришли, — продолжил я. — Да и какие мы могли делать выводы? Разве что один: когда температура в гараже падает, что-то происходит. Только и из этого правила бывали исключения. Иногда, особенно через несколько лет, температура могла немного опускаться, а потом подниматься. Иногда гудение набирало силу... а потом все смолкало, словно кто-то вынимал штепсель из розетки. Эннис исчез без светопреставления, Джимми-песчанка — после, а Розалин не исчезла вовсе.

— Вы снова отправили ее в «бьюик»? — спросил Нед.

— Нет, — ответил Фил. — Это же Америка, сынок... дважды здесь не наказывают.

— Розалин дожила остаток своих дней наверху, в комнате отдыха, — уточнил я. — Она умерла в три

или четыре года. Тони сказал, что песчанки больше и не живут.

— А еще что-нибудь появлялось? Из «бьюика»?

— Да. Но то, что появлялось, никак не соотносилось с...

— А что появлялось? И как насчет той «летучей мыши»? Мой отец вскрыл ее? Могу я это увидеть? Есть хотя бы фотографии? А может, и...

— Не так быстро. — Я поднял руку. — Съешь сандвич. Не гони лошадей.

Он взял сандвич, начал жевать, глядя поверх него на меня. Вдруг напомнил мне о Розалин, песчанке, которая, повернувшись, уставилась в объектив видеокамеры — с подрагивающими усиками, блестящими глазками.

— Время от времени что-то появлялось, — добавил я. — И время от времени что-то исчезало, в том числе и живые существа. Лягушки. Бабочка. Цветок прямо из горшка, в котором рос. Но холод, гудение и световые вспышки никак не соотносились с этими исчезновениями и, как говорил твой отец, выкидышами «бьюика». Ничего не соотносилось. Понижение температуры, пожалуй, было самым надежным признаком. Ни один фейерверк не начинался без предварительного понижения температуры... но не каждое понижение температуры приводило к фейерверку. Ты понимаешь, о чем я?

— Думаю, да, — кивнул Нед. — Облака не всегда проливаются дождем, но дождя без облаков не бывает.

— Я бы не смог найти более точного сравнения, — улыбнулся я.

Хадди похлопал Неда по колену.

— Знаешь поговорку: на каждое правило есть исключение? Так вот, в случае «бьюика» у нас было

одно правило и дюжина исключений. Первое — сам водитель... ты помнишь, тот мужчина в черном пальто и шляпе. Он исчез, но вроде бы без помощи «бьюику».

— Вы в этом уверены? — спросил Нед.

Меня его вопрос удивил. Это нормально, когда сын похож на отца. Это нормально, когда говорит его интонациями. Но в этот момент голос Неда и его вид вкупе создали эффект присутствия Керта. Это почувствовал не только я. Ширли и Арки переглянулись.

— О чем ты? — ответил я вопросом на вопрос.

— Роуч ведь читал газету? Судя по тому, что вы рассказали, в этот момент ничего вокруг себя он заметить не мог. Так откуда вы знаете, что этот мужчина не вернулся к «бьюику»?

У меня было двадцать лет, чтобы подумать о том дне и его последствиях. Двадцать лет, но мысль, что водитель вернулся к «бьюику» (может, даже скрытно проскользнул к нему), не приходила в голову. И, насколько мне известно, остальным тоже. Брэд Роуч сказал, что этот парень так и не вернулся, и мы приняли его слова на веру. Почему? Потому что у всех копов встроенные детекторы лжи, и в этом случае ни одна стрелка не заскочила на красное. Даже не дернулась. Да и с какой стати? Брэд Роуч думал, что говорит правду. Но сие не означало, что он действительно ее говорил.

— Полагаю, это возможно, — ответил я.

Нед пожал плечами, как бы говоря: *Ну, наконец-то мы к чему-то пришли.*

— В нашем взводе не было ни Шерлока Холмса, — продолжил я. В моем голосе слышались оправдательные нотки. Я чувствовал, что оправдываюсь, —

ни лейтенанта Коломбо. Если уж смотреть правде в глаза, мы всего лишь винтики правоохранительной системы. Парни, которые носят серую форму, с образованием чуть выше среднего. Мы знаем, как пользоваться телефоном и радио, умеем собирать улики, иногда можем высказать догадку. Иной раз кое-кто из нас способен на блестящую догадку. Но «бьюик» — совсем другое дело: ни о каких догадках, блестящих или нет, не могло идти и речи.

— Некоторые думали, что он появился из космоса, — вставил Хадди. — Что он... ну, не знаю, замаскированный робот-разведчик или что-то в этом роде. Они считали, что Энниса похитил инопланетянин, который выдавал себя за человека... в черном пальто и шляпе. Об этом шел разговор на пикнике... в День труда, понимаешь?

— Да, — кивнул Нед.

— Не то чтобы мы серьезно о чем-то толковали, — продолжил Хадди. — Но пили быстрее, чем обычно, и напивались тоже. Никто не боялся, не здирался, даже Джекки О'Хара и Кристиан Содер, за которыми был такой грех. И вообще пикник проходилально уж спокойно, особенно после того, как закончился футбольный матч.

Я, помнится, сидел на скамье под вязом, вместе с парнями, мы уже все прилично выпили и слушали Брайана Коула. Он рассказывал о летающих тарелках, которые видели около высоковольтных линий в Нью-Гэмпшире, за несколько лет до этого, и о женщине, утверждавшей, что ее похищали пришельцы и вводили ей зонды во все отверстия, какие только есть в человеческом теле.

— И в это верил мой отец? Что его напарника похитили инопланетяне?

— Нет, — ответила Ширли. — В 1988 году случилось нечто такое фантастическое... такое невероятное... такое ужасное...

— Что? — спросил Нед. — Ради Бога, скажите, что?

Вопрос Ширли проигнорировала. Я не уверен, что услышала.

— А через несколько дней я в лоб спросила своего отца, что он думает по этому поводу, во что верит. Он ответил, не имеет значения.

Нед вытаращился на нее, словно не мог понять значения сказанного:

— Не имеет значения?

— Так он выразился. Он верил: чем бы ни был «бьюик», по большому счету никакой роли это не играло. Для той общей картины, о которой мы говорим. Я спросила его, может, он думает, что кто-то использует «бьюик», чтобы наблюдать за нами... что «бьюик» — замаскированная камера... и он сказал: «Я думаю, его забыли». До сих пор помню, каким ровным, бесстрастным тоном произнес он эти слова, словно говорил... ну, не знаю... о чем-то очень важном вроде королевских сокровищ, закопанных в пустыне до рождения Христова, или о какой-то ерунде вроде почтовой открытки с неправильным адресом, которая так и пылится в отделе доставки. «Отлично провожу время, жалею, что вас нет со мной», — и кого это волнует, если речь идет о далеком-далеком прошлом. Его слова меня успокоили и одновременно от них по spine побежал холодок. Я не могла представить себе, что такой странный и ужасный «бьюик» всего лишь забытая... положенная не туда... оставленная в попыхах вещь. Я ему об этом сказала, и твой отец рассмеялся. А потом обвел рукой западный горизонт. «Ширли, вот

что я тебе скажу. Сколько ядерных боеголовок наша великая страна запасла в различных местах от границы между Пенсильванией и Огайо до побережья Тихого океана? И о скольких из них забудут через два или три столетия?

Мы все помолчали, задумавшись над этим.

— Я собиралась бросить работу. — Паузу прервала Ширли. — Не могла спать. Постоянно думала о бедном Мистере Диллоне и воспринимала свой уход как дело решенное. Керт уговорил меня остаться, уговорил, сам того не зная. «Я думаю, его забыли», — сказал он, и этого аргумента хватило с лихвой. Я осталась и никогда об этом не пожалела. Это хорошее место, а большинство патрульных — хорошие парни. Последнее относится и к тем, кто ушел от нас. Как Тони.

— Я люблю тебя, Ширли, выходи за меня замуж. — Хадди обнял ее и чмокнул в щечку. Зрелище, доложу я вам, не из самых приятных.

Она двинула его локтем.

— Ты уже женат, дурачок.

И вот тут подал голос Эдди Джи:

— Твой отец верил, что эту машину занесло к нам из другого измерения.

— Другого измерения? Вы шутите. — Нед в упор посмотрел на Эдди. — Нет. Не шутите.

— И он не думал, что все было спланировано, — продолжал Эдди. — В том смысле, что «бьюик» — это не корабль, который отправляют за океан, или спутник, запускаемый в космос. В чем-то Керт даже не считал его реальным.

— Я вас не понимаю, — признался мальчишка.

— Я тоже, — согласилась с ним Ширли.

— Он говорил... — Эдди заерзal на скамье. Вновь посмотрел на то место, где стоял гараж А. — Если хо-

тите знать правду, он говорил об этом на ферме О'Деев. В тот день. Мы ведь провели там почти семь часов, прятались в кукурузе, дожидаясь возвращения этих двух ублюдков. Замерзли. Не могли включить двигатель, нагреватель. Говорили обо всем: охоте, рыбалке, боулинге, женах, планах на будущее. Керт сказал, что через пять лет намерен уйти из ПШП...

— Он так сказал? — у Неда округлились глаза.

Эдди кивнул.

— Время от времени мы все так говорим, парень. Наркоманы тоже говорят, что собираются соскочить с иглы. И я говорил ему, что хотел бы открыть частную охранную фирму в Бурге, а еще купить новенький «унинибаго». Он сказал, что хочет пойти учиться в университет Хорликса, но твоя мать категорически против. Она считала, что их задача — дать высшее образование детям, а не ему. От нее ему крепко доставалось, но он ее не винил. Она ведь не знала, чем вызвано его желание учиться дальше, а рассказать он не мог. Вот так мы и добрались до «бьюика». Тогда он и сказал, я это очень хорошо запомнил, что мы видим его как «бьюик», потому что должны как-то видеть.

— Должны как-то видеть, — пробормотал Нед. Наклонился вперед, потер лоб двумя пальцами, словно у него разболелась голова.

— Мои слова, возможно, совершенно тебя запутали, но я понял, что он хотел этим сказать. Вот здесь. — И Эдди постучал себя по груди, чуть повыше сердца.

Нед повернулся ко мне.

— Сэнди, в тот день, когда вы устроили пикник, кто-нибудь предложил... — Он не закончил фразу.

— Предложил что? — спросил я.

Он покачал головой, посмотрел на остатки сандвича, сунул в рот.

— Не имеет значения. Не важно. Мой отец действительно вскрыл ту «летучую мышь», которую вы нашли в гараже?

— Да. После второго светопреставления, аккурат перед пикником в День труда.

— Расскажи парню о листьях, — подал голос Фил. — Ты об этом забыл.

И точно, я забыл. Не думал о листьях последние шесть или восемь лет.

— Сам расскажи, — возразил я. — Ты держал их в руках.

Фил кивнул, несколько секунд молчал, а потом начал рассказывать, громко и отчетливо, словно докладывал вышестоящему офицеру.

ТЕПЕРЬ: Фил

— Второе светопреставление прошло во второй половине дня. Так? Керт идет в гараж и выносит клетку. Мы видим, что одной из песчанок нет. Идут разговоры. Кто-то фотографирует. Сержант Скундист спрашивает, кто сейчас должен дежурить в будке. Брайан Коул отвечает: «Я, сержант».

Остальные заходят в здание. Понятно? Я слышу, как Кертис говорит сержанту: «Я собираюсь вскрыть эту «летучую мышь», до того как она исчезнет, как все остальное. Вы мне поможете?» Сержант говорит, мол, почему нет, помогу, этим вечером, если у тебя будет такое желание. Керт спрашивает: «Почему не сейчас?», — и сержант отвечает: «Потому что тебе надо закончить смену. Джон Кью надеется на тебя, парень, а правонарушители дрожат, услышав рев двигателя

твоей машины». Так он иногда говорил, прямо-таки как проповедник.

Керт, он не спорит. Знает, что бесполезно. Уходит. Около пяти часов входит Коул и зовет меня. Просит понаблюдать за гаражом, пока он сходит в сортир. Я, разумеется, соглашаюсь. Иду к гаражу. Заглядываю внутрь. Ситуация нормальная, чистая пятерка. Температура поднялась на один градус. Я иду в будку. решаю, что там очень уж жарко. На стуле лежит каталог «Л.Л. Бина»*. Я собираюсь его взять. Протягиваю руку и тут слышу какой-то скрежет, а потом глухой удар. Такие звуки обычно раздаются, когда открываешь защелку и пружина очень уж сильно отбрасывает крышку багажника. Я выбегаю из будки. Спешу к окнам. Багажник «бьюика» открыт. Поначалу мне кажется, что из него вылетают обугленные кусочки бумаги. Кружатся, словно подхваченные вихрем. Но пыль на полу лежит неподвижно. Ее вихрь не поднимает. Двигается только воздух, который вырывается из багажника. Я вижу, что кусочки бумаги больно уж одинаковые, и решаю, что это листья. Потом выяснилось, что я не ошибся.

Я достал из нагрудного кармана блокнот. Шариковой ручкой нарисовал один из листочеков:

* «Л.Л. Бин» — компания по производству повседневной и спортивной мужской и женской одежды, спортивного и походного инвентаря. Продукцию распространяет по каталогам.

— Похоже на улыбку, — прокомментировал парнишка.

— Как чертова улыбка, — согласился я. — Только не одна.

Сотни. Сотни черных улыбок кружились в воздухе. Некоторые падали на крышу «бьюика». Другие — обратно в багажник. Большая часть — на пол. Я побежал за Тони. Он принес видеокамеру. Лицо залила краска, он бормотал: «Что теперь, что потом, какого черта, что теперь?» Что-то в этом роде. Вроде бы забавно, но тогда мне так не казалось, можете мне поверить.

Мы посмотрели в окно. Увидели, что листья разбросаны по бетонному полу. Их много, совсем как на лужайке после октябрьского сильного дождя с ветром. Но они уже начали скучоживаться по краям. Стали меньше напоминать улыбки и больше — листья. Слава Богу. И черными они не остались. Стали светлеть прямо у нас на глазах. И утончаться. Тут подошел Сэнди. На фейерверк он не успел, а вот листопад застал.

Сэнди сказал: «Тони позвонил мне домой и спросил, не смогу ли я приехать к семи вечера. Сказал, что он и Керт собираются заняться одним делом, в котором я, возможно, захочу поучаствовать. Я не стал ждать семи. Приехал сразу. Из любопытства».

— Любопытство — не порок, — вставил Нед. Голос так похож на отцовский, что у меня по спине побежали мурашки. И посмотрел на меня. — Пожалуйста, продолжайте.

— Больше добавить особенно нечего. Листья становились все тоньше. Я могу ошибаться, но думаю, мы видели, как это происходило.

— Ты не ошибаешься, — заверил Сэнди.

— Я очень раз волновался. Ни о чем не думал. Побежал к боковой двери. Вдруг Тони бросается за мной. Хватает меня за шею. «Эй! — говорю я. — Отпустите меня, отпустите, вы же полиция, а не бандиты!» А он говорит, чтобы я эти шутки оставил для концерта самодеятельности. «Дело серьезное, Фил, — говорит он. — У меня есть основания предполагать, что один мой патрульный уже стал жертвой этой чертовой хрюновины. И я не хочу терять второго».

Я отвечаю, что обвязусь веревкой. Очень мне уж хотелось добраться до листьев. Не могу вспомнить почему. Он говорит, что не пойдет за этой чертовой веревкой. Я говорю, что сам схожу за этой чертовой веревкой. Он говорит: «Забудь о веревке, разрешения я не дам». Тогда я говорю: «А вы подержите меня за ноги, сержант. Я хочу вытащить несколько листиков. Некоторые лежат меньше чем в пяти футах от двери. Далеко от автомобиля. Что скажете?»

«Я скажу, что у тебя съехала крыша, от автомобиля здесь все близко», — отвечает он, но, поскольку это не отказ, я открываю дверь. И сразу в нос ударяет запах. Вроде бы перечной мяты, но не такой приятный. А сквозь него пробивался другой запах. Куда противнее. Тухлой капусты. От такого желудок выворачивается, но от волнения я сперва ничего и не заметил. Был тогда моложе, так? Улегся на живот. Сержант держал меня за бедра. И только я вполз в гараж, говорит: «Достаточно, Фил. Если можешь дотянуться до них, хватай. Если нет, я тебя вытаскиваю».

Лежащие рядом листочки уже стали белыми, я схватил где-то с десяток. Гладких и мягких, но неприятных на ощупь. Я, помнится, подумал о помидорах, когда они гниют под кожурой. А чуть дальше увидел пару еще черных. Потянулся и схватил их, но от

моего прикосновения они тоже сразу стали белыми. А подушечки пальцев закололо. Еще сильнее запахло мяты, и я услышал какой-то звук. Подумал, что услышал. Словно вздох. Вроде того, когда открываешь банку с газировкой.

Я начал выползать оттуда, поначалу все шло хорошо, а потом... ощущение от этих листочеков в моих руках... мягких и гладких, словно...

Несколько секунд я не мог продолжать. Был эти ощущения вернулись. Но парнишка смотрел на меня, и я знал, что замолчать он мне не даст, ни в коем разе, поэтому продолжил. Да и сам хотел поскорее выговориться.

— Я запаниковал. Понимаешь? Начал отталкиваться локтями, дергать ногами. Лето. Я в рубашке с короткими рукавами. Локоть упирается в один из черных листочеков. Он шипит, как... как не знаю что. Просто шипит. И выпускает облако мятыно-капустного запаха. Становится белым. Словно мое прикосновение замораживает его и убивает. Подумал я об этом позже. В тот момент думал только об одном: как бы на хер выбраться из гаража. Извини, Ширли.

— Ничего страшного. — Она похлопала меня по руке. Хорошая девочка. Всегда такой была. И со своими обязанностями справляется лучше, чем Мэтт Бабишки, на порядок лучше, да и смотреть на нее куда приятнее, чем на него. Я накрыл ее руку своей, легонько сжал. Потом продолжил, и слова стали срываться с языка куда как легче. Странно это, но, если говоришь о прошлом, оно возвращается. И становится все отчетливее и отчетливее.

— Я посмотрел на этот «бьюик». И хотя он стоял посреди гаража, в добрых двенадцати футах от меня, мне вдруг показалось, что до него рукой подать. Ог-

ромного, как гора Эверест. Сверкающего, как грань бриллианта. У меня возникло ощущение, что фары — глаза и они смотрят на меня. И я услышал шепот. Не удивляйся, парень. Шепот мы все слышали. Бессловесный шепот, никто ничего разобрать не мог, но я его точно слышал. Только звучал он прямо в голове, попадал туда не через уши. Прямо-таки телепатия. Может, у меня разыгралось воображение, но не думаю. Я сразу превратился в шестилетнего малыша. Боящегося того, кто живет под моей кроватью. Потому что живущий там собирался утащить меня к себе, я это точно знал. Забрать туда, где теперь находился Эннис. Вот я и запаниковал. Задергался, закричал: «Вытаскивайте меня, вытаскивайте, скорее!» И они вытащили. Сержант и другой парень...

— Другим парнем был я, — заметил Сэнди. — Ты напугал нас до чертиков, Фил. Сначала вроде бы все шло хорошо, а потом ты вдруг заорал и задергался. Я думал, у тебя горлом пойдет кровь или ты посинеешь лицом. Но ты только... да ладно, — и жестом предложил мне продолжать.

— Листочки я вытащил. Вернее, то, что от них осталось. Испугавшись, я сжал пальцы в кулаки, понимаешь? Сжал листочки. А оказавшись за дверью, понял, что руки у меня мокрые. Люди кричали: «Ты в порядке? Что случилось, Фил?» Я стоял на коленях, рубашка задралась до шеи, живот покраснел от трения о бетонный пол. Подумал: «Я стер ладони в кровь, вот они и мокрые». А потом увидел белую пасту. Похожую на зубную. Это все, что осталось от листьев.

Я замолчал, задумался.

— А вот теперь я намерен сказать вам правду, понятно? Никакая это была не паста. Я словно зажал в руках бычью сперму. И еще этот ужасный запах. Вы

можете сказать: «Немного мяты и капусты, что тут ужасного?» — и будете правы, но одновременно и не правы. Потому что на земле ничего так не пахнет. Во всяком случае, мне такой запах не встречался.

Я вытер ладони о штаны и прошел в дом. Спустился в подвал. Брайан Коул как раз выходил из тамошнего сральника. Он вроде бы услышал какие-то крики, пожелал узнать, с чего сыр-бор. Я не просто ему не ответил, вообще не отреагировал на его вопрос. Прокочил мимо, словно и не увидел. Чуть не сшиб с ног. Стал мыть руки. Мыл и представлял, как белая жижа, теплая, мягкая, склизлая, выдавливалась из кулаков. От мысли, как она покалывала ладони и подушечки пальцев, меня вывернуло. Мой желудок не только выдал съеденный обед. Нет, поднялся к горлу и вывернулся наизнанку вместе со всем, что в нем находилось. Примерно так же, как мать выливалась с крыльца воду из тазика, в котором мыла посуду. Брызнул фонтан. Я не хотел бы об этом рассказывать, но ты должен знать все. Я не блевал — умирал. Такое случалось со мной лишь однажды. Когда я впервые увидел человека, погибшего в автоаварии. Добравшись туда, первым делом я увидел батон белого хлеба, лежащий на разделительной полосе старой Стэтлер-пайк, а потом — верхнюю половину тела ребенка. Мальчика со светлыми волосами. По его языку ползла муха. Мыла лапки в слюне. Этого мне хватило. Я думал, что умру раньше, чем проблююсь.

— Со мной такое тоже случалось, — вставил Хадди. — Стыдиться тут нечего.

— Я и не стыжусь, — ответил я. — Стараюсь, чтобы он понял, вот и все. Ясно? — глубоко вдохнул, набрал полную грудь сладкого воздуха, и тут до меня доходит, что отец парнишки тоже погиб на дороге. Я ему

улыбнулся. — Спасибо Господу за маленькие радости — унитаз находился рядом с раковиной, так что практически ничего не попало ни на мои ноги, ни на пол.

— А в конце концов листья исчезли, — добавил Сэнди. — В буквальном смысле этого слова. Растиали, как колдуны в «Волшебнике страны Оз». Какое-то время мы видели их следы на полу гаража Б, через неделю от них остались лишь маленькие пятнышки на бетоне. Желтоватые, очень светлые.

— Да, а я на пару месяцев стал одним из тех, кто постоянно моет руки. — Я вздохнул. — Иногда не мог прикоснуться к еде. Если жена паковала мне сандвичи, я брал их салфеткой, так и ел, последний кусочек сбрасывал с салфетки в рот, лишь бы не трогать пальцами. Если есть приходилось в патрульной машине, надевал перчатки. И все равно думал, что заболею. Представлял себе, что у меня начнется болезнь десен, от которой выпадают зубы. Но это прошло. — Я посмотрел на Неда, подождал, пока он встретится со мной взглядом. — Осталось в прошлом, сынок.

ТЕПЕРЬ: Сэнди

Нед смотрел на Фила. Лицо парнишки было спокойным, но я чувствовал во взгляде неприятие последних слов, вывода. Думаю, почувствовал это и Фил. Сложил руки на груди, опустил голову, уставился в пол, как бы говоря, что он все сказал, закончил давать показания.

Нед повернулся ко мне:

— А что произошло в тот вечер? Когда вы вскрыли «летучую мышь»?

Он продолжал называть это существо летучей мышью, хотя никакой летучей мышью оно не было. Это всего лишь слово, которое я использовал, по терминологии Керта — гвоздь, чтобы повесить шляпу. И внезапно я на него разозлился. Не просто разозлился, он, можно сказать, вывел меня из себя. Но злился я и на себя, что испытываю такие чувства, смею их испытывать. Видите ли, разозлился-то я из-за сущего пустяка. Не понравилось, что мальчишка поднимает голову. Встречается со мной взглядом. Задает вопросы. Делает глупые предположения. К примеру, называет летучей мышью невиданное, неописуемое существо, которое выбралось через щель в полу вселенной, а потом умерло. Но прежде всего вывели меня из себя его поднятая голова и глаза. Понимаю, меня это характеризует не с лучшей стороны, но и лгать насчет этого не собираюсь.

До этого момента я главным образом его жалел. С того дня, как он начал захаживать в расположение взвода, во всех своих действиях руководствовался жалостью. Потому что, моя окна, сгребая листья или убирай снег, он не поднимал головы. Смиренно уткнувшись в землю. И не было нужды смотреть в его глаза. Не было нужды задавать себе вопросы. С жалостью удобно. Не так ли? Жалость возносит на вершину. А теперь он вдруг поднимает голову, спрашивает, что его интересует, не довольствуясь тем, о чем ему рассказывают, а в глазах нет и толики смирения. Он думал, что имеет на это право, — вот это меня и взбесило. Он думал, что я несу за все ответ, что рассказанное здесь — не подарок, а возвращаемый долгожок, и это взбесило меня еще больше. А окончательно добило осознание его правоты. Так и хотелось врезать ему ребром ладони по подбородку, сбросить со ска-

мы на землю. Он думал, что имеет право все это слушать, вот мне и хотелось, чтобы он об этом пожалел.

Полагаю, наше отношение к молодым со временем особенно не меняется. У меня не было ни детей, ни семьи, наверное, не будет преувеличением, если я скажу, что женился на взводе Д. Но опыт общения с молодыми у меня есть, и немалый. И с патрульными, и с гражданскими. Часто приходилось иметь с ними дело. И мне представляется, когда мы больше не можем жалеть их, когда они отвергают нашу жалость (если без негодования, то с раздражением), то тогда мы начинаем жалеть себя. Хотим знать, куда ушли наши дорогие мальчики, наши милые крошки? Разве мы не учили их играть на фортепиано, не показывали им крученые броски? Разве не читали первые книжки, не помогали в поисках потерянных вещей? Так как они смеют поднимать на нас глаза и задавать свои глупые вопросы? Как смеют требовать большего, чем мы хотим дать?

— Сэнди? Что случилось в тот вечер, когда вы вскрыли...

— Ничего такого, что тебе хотелось бы услышать, — ответил я, и когда его глаза чуть расширились от холодности моего голоса, испытал чувство пусть неглубокого, но удовлетворения. — Ничего такого, что хотел увидеть твой отец. Или Тони. Никакого ответа мы не нашли. Потому что ответа не было и не могло быть. Все, связанное с «бьюиком», — мираж, какой можно увидеть на автостраде 87 в жаркий и ясный день. Только это не вся правда. Иначе, думаю, мы забыли бы про «бьюик». Как забываем про убийство, если проходит шесть месяцев, и понимаем: того, кто это сделал, уже не найти. Но с «бьюиком» все обстояло несколько иначе. То, что появлялось из «бьюика», мы могли увидеть. Потрогать, услышать. А еще и...

ТОГДА

— Фу, — вырвалось у Сэнди Диаборна. — Ну и запах!

Он поднял руку к лицу, но коснулся не кожи, а синей пластмассовой маски, которая закрывала рот и нос. Такие надеваются стоматологи перед тем, как просят пациента открыть рот. Насчет микробов Сэнди ничего сказать не мог, но уж запах маска точно не задерживала. Запах протухшей капусты, который заполнил кладовую, как только Кертис вскрыл живот существа, отдаленно напоминающего летучую мышь.

— Мы к нему привыкнем, — ответил Кертис из-под маски. Ему и Сэнди достались синие, зато сержанту — карамельно-розовая. Ума Кертису Уилкоксу хватало, многое он предугадывал верно, но вот с запахом ошибся. Они к нему не привыкли. Да и никто не сумел бы.

Однако Сэнди не мог не отметить, что к вскрытию патрульный Уилкокс подготовился основательно. В конце смены Кертис завернул домой и забрал комплект для проведения вскрытия. Добавил к нему хороший микроскоп (позаимствовал у университетского приятеля), несколько пачек хирургических перчаток и пару очень ярких ламп «Тензор». Сказал жене, что собирается вскрыть лису, которую подстрелили в расположении взвода.

— Будь осторожен, — предупредила она. — Они — переносчики бешенства.

Керт пообещал, что будет работать в перчатках, и намеревался сдержать слово. Полагал, что в перчатках должны работать все трое. Потому что «летучая мышь» могла наградить их чем-то почище бешенства, болезнью, переносчики которой могли оставаться

в живых даже после смерти своего хозяина. Трудно сказать, требовалось ли Тони Скундисту и Сэнди Диаборну напоминание о принципе единонаачалия (скорее всего нет), но они тем не менее его услышали, лишь только Керт закрыл дверь в подвал у нижней ступеньки лестницы и запер ее на засов.

— Пока дверь закрыта, командую здесь я. — В голосе не слышалось ни йоты волнения, чувствовалось, что Кертис абсолютно уверен в себе. Слова эти предназначались главным образом Тони, потому что тот был практически в два раза старше, и если кого Кертис мог считать напарником, так только его. Сэнди взяли за компанию, и он это знал. — Все согласны? Потому что, если есть какое-то непонимание, мы должны немедленно останов...

— Все согласны, — прервал его Тони. — Здесь ты — генерал. Сэнди и я — рядовые. Не вижу никакой проблемы. Давай начинать, чтобы побыстрее закончить.

Керт откинул крышку пластикового футляра размером с приличный чемодан, где хранился комплект для вскрытия. Внутри, в отдельных ячейках, лежали инструменты из нержавеющей стали, завернутые в тонкую замшу. На них — маски, каждая в пластиковом мешочке.

— Так ли они нужны? — спросил Сэнди.

Керт пожал плечами.

— Хуже не будет. Я не уверен, что они сильно помогут. Возможно, нам следовало обзавестись респираторами.

— Жаль, что с нами нет Биби Рота, — вздохнул Тони.

Керт не ответил, но его взгляд однозначно говорил, что Рота он хотел видеть рядом с собой меньше

всего. «Бьюик» принадлежал взводу. И все, что исторгалось «бьюиком», тоже принадлежало взводу.

Керт открыл дверь в чулан, вошел, дернул за цепочку, включив маленькую, свисающую с потолка лампу под зеленым абажуром. Тони последовал за ним. Посреди чулана стоял стол размером со школьную парту. Свободного места едва хватало на двоих, трое просто бы не поместились. Сэнди это вполне устраивало, в тот вечер, пока проводилось вскрытие, он ни разу не переступил порог. Три стены занимали стеллажи со старыми бумагами. Керт поставил микроскоп на маленький стол, вставил штепсель провода подсветки в гнездо розетки. Сэнди тем временем устанавливал треногу с видеокамерой Хадди Ройера. На видеозаписи этого посмертного вскрытия зритель иной раз видит руку, которая вдруг появляется на экране, протягивая инструмент, запрошенный Кертом. Рука Сэнди Диаборна. И в конце записи отчетливо слышно, как кого-то рвет. Того же Сэнди Диаборна.

— Давайте сначала посмотрим листья. — Керт натянул на руки хирургические перчатки.

Тони держал их в маленьком пакетике для хранения вещественных улик. Протянул пакетик. Керт открыл его и достал то, что осталось от листьев пинцетом. Взять только один не представлялось возможным: листья стали полупрозрачными и слиплись вместе, как обертки от ирисок. Они сочлились жидкостью, и мужчины сразу же почувствовали запах, неприятную смесь тухлой капусты и перечной мяты. Нетерпимым он стал десятью минутами позже.

Сэнди навел видеокамеру на пальцы Керта, ловко отделяющие пинцетом фрагмент слипшихся ли-

стьев. В последние недели он усердно практиковался, и затраченные усилия определенно не пропали даром.

Он переместил фрагмент на предметный столик микроскопа, не воспользовавшись стеклом. Листочки Фила Кандлтона играли роль закуски. Кертису хотелось как можно скорее добраться до главного блюда.

Он, правда, надолго склонился над двойным окуляром микроскопа, прежде чем предложил Тони занять его место.

— А что это за черные штучки, которые выглядят как нитки? — спросил Тони через несколько секунд. Розовая маска приглушала голос.

— Я не знаю. Сэнди, дай мне прибор, который выглядит как «Вьюмстер»*. Он обмотан проводами, а на боку наклейка: «СОБСТВЕННОСТЬ КАФЕДРЫ БИОЛОГИИ У.Х.».

Сэнди передал прибор поверх треноги с видеокамерой, которая перегораживала дверной проем. Керт воткнул один штепсель во второе гнездо розетки, другой — в гнездо в основании микроскопа. Что-то проверил, кивнул, трижды нажал кнопку сбоку, вероятно, фотографируя фрагменты листьев, лежащих на предметном столике микроскопа.

— Эти черные штучки не двигаются. — Он все не отрывался от окуляра.

— Нет.

Наконец Тони поднял голову. В глазах стоял благоговейный трепет.

— Может... это... ну, не знаю... ДНК?

Маска Керта чуть дернулась от улыбки.

— Это хороший микроскоп, сержант, но ДНК нам на нем не разглядеть. Конечно, если вы не согласитесь поехать со мной в Хорликс после полуночи и тай-

* «Вьюмстер» — популярная модель фотоаппарата.

ком проникнуть на территорию университета, у них в «Эвенин Силвер физик билдинг» есть отличный электронный микроскоп. Его никто никогда не использует, за исключением одной милой старушки, которая по пути в церковь обычно...

— А что это за белое вещество? — спросил Тони. — Вещество, в котором плавают черные нити?

— Возможно, питательный раствор.

— Но ты не знаешь.

— Разумеется, не знаю.

— Черные нити, белое вещество, почему листья тают, откуда запах. Мы ничего об этом не знаем.

— Ничего.

Тони пристально посмотрел на него.

— Наверно, мы чокнутые, если возимся со всем этим, не так ли?

— Нет, — ответил Керт. — Любопытство до добра не доведет, но все-таки это не порок. Хочешь втиснуться и взглянуть в микроскоп, Сэнди?

— Ты все сфотографировал?

— Да, если эта железяка работает как должно.

— Тогда я пас.

— Хорошо, в таком случае перейдем к главному.

Может, мы действительно что-то найдем.

Слипшиеся листочки вновь отправились в пластиковый пакет для хранения вещественных доказательств, сам пакет — на полку металлического шкафа в углу. Этот обшарпанный, когда-то выкрашенный зеленой краской шкаф в последующие два десятилетия стал хранилищем более чем странных находок.

В другом углу чулана стояла оранжевая сумка-холодильник «Эскимо». Внутри, под двумя синими пакетами со льдом, лежал зеленый мешок для мусора. Тони вытащил его и подождал, пока Керт закончит

последние приготовления. Много времени они не заняли. Задержка возникла лишь из-за поиска удлинителя с тройником, чтобы одновременно подключить лампы «Тензор», не выключая микроскоп с фотоаппаратом. Сэнди пришлось поискать его в другом чулане, но в кладовой базы патрульного взвода чего только нет. Пока Сэнди искал удлинитель с тройником, Керт убрал микроскоп на ближайшую полку (разумеется, в столь крохотном помещении все было под рукой) и водрузил на стол подставку. А на ней закрепил квадратную желтовато-коричневую пробковую доску. Под доской разместил маленькое металлическое корытце, какие входят в дорогие наборы для барбекю (для сбора стекающего с жарящегося мяса жира). На дальний угол поставил банку с закручивающейся крышкой, наполненную большими канцелярскими кнопками.

Сэнди вернулся с удлинителем с тройником. Керт включил лампы. Поставил их так, чтобы яркий свет падал на доску с двух сторон и напрочь убирал все тени. Не вызывало сомнений, что он тщательно продумал все этапы операции. Сэнди задался вопросом, сколько ночей пролежал он, думая об этом, в постели рядом с давно уже заснувшей Мишель. Лежал, смотрел в потолок и раз за разом прокручивал в голове все, что они сейчас проделывали. Постоянно напоминая себе, что ему дается только один шанс. А когда останавливал свою патрульную машину где-нибудь на съезде к ферме и нацеливал радар на пустынный участок шоссе, должно быть, прикидывал, сколько ему потребуется вскрыть настоящих летучих мышей, прежде чем он решится подступиться к этой.

— Сэнди, лампы тебя не слепят?

Он склонился к окуляру видеокамеры.

— Нет. Белая доска, наверное, слепила бы, а вот желтовато-коричневая — нет.

— Хорошо.

Тони развязал желтую ленту, стягивающую горловину мешка для мусора, и растянул ее. Запах мгновенно усилился.

— Господи, ну и вонища! — Он замахал затянутой в перчатку рукой. Потом сунул руку в мешок и достал другой пакет для хранения вещественных улик, уже большой.

Сэнди наблюдал за происходящим поверх видеокамеры. Существо из мешка он мог охарактеризовать только одним словом: чудовище. Одно из темных крыльев закрывало нижнюю часть тела, другое прижималось к пластику, вызывая ассоциации с ладонью на стекле. Иногда, когда Сэнди арестовывал пьяного и усаживал его на заднее сиденье патрульной машины, тот прижимал ладони к стеклу и смотрел на мир сквозь растопыренные пальцы. Крыло «летучей мыши» навеяло вот такие воспоминания.

— Герметизирующая полоска открыта посередине. — Керт смотрел на пакет для хранения вещественных улик. — Этим и объясняется запах.

Ничего этим не объясняется, подумал Сэнди.

Керт полностью раскрыл пакет, сунул в него руку. Сэнди почувствовал, как его желудок закручивается узлом, спросил себя, а смог бы он сделать то, что сейчас делал Керт. Решил, что нет. А вот патрульный Уилкокс не колебался. Когда его обтянутые резиной пальцы коснулись лежащего в пакете тела, Тони чуть отпрянул. Ноги остались на месте, а вот верхняя часть туловища подалась назад, словно уходя от удара. Лицо, наполовину скрытое розовой маской, перекосило от отвращения.

- Вы в порядке? — спросил Керт.
- Да.
- Отлично. Я буду держать. Вы пришпиливайте.
- Ладно.
- Может, вам нехорошо?
- Нет, черт побери!
- Потому что меня мутит. — Сэнди видел пот, бегущий по лицу Керта, от которого темнела удерживающая маску эластичная лента.
- Давай о крепости наших желудков поговорим позже, а сейчас сделаем то, что начали. Как тебе этот вариант?

Керт вытащил «летучую мышь», положил на стоящую под наклоном пробковую доску. При этом послышался странный, неприятный звук. Напоминающий шелест одежды и перчаток. Только Сэнди прекрасно понимал, что слышит, как мертвая кожа трется о мертвую кожу, и звуки эти чем-то напоминали шепот на незнакомом языке. Хотелось зажать уши.

Одновременно он отметил, что его зрение стало гораздо острее. Ему открылись подробности, которых он раньше бы не заметил. Сквозь перчатки Керта он видел розовую кожу кистей, примятые волоски на пальцах. Белизна перчаток просто сверкала на фоне тусклого-серого тела существа. Нижняя челюсть его отвисла. Единственный глаз с матовой поверхностью смотрел в никуда. Сэнди показалось, что размером он с чашку.

Вонь усилилась, но Сэнди ничего не сказал. Керт и сержант находились гораздо ближе к его источнику. Если терпели они, он просто не имел права жаловаться.

Керт отвел в сторону крыло, прикрывающее нижнюю часть тела существа, открыв зеленый мех и ма-

ленькую складчатую впадину, где, возможно, находились половые органы. Прижал крыло к пробковой доске.

— Пришипливайте.

Тони пришиплил крыло. Темно-серое, сплошная мембрана. Сэнди не видел ни костей, ни кровеносных сосудов. Керт взялся рукой за тело, чтобы поднять второе крыло. Что-то неприятно чавкнуло. В кладовой становилось все жарче. В чулане — тем более. Лампы выделяли очень много тепла.

— Пришипливайте, босс.

Тони пришиплил второе крыло, и теперь существо, висящее на доске, очень уж напоминало чудище из фильмов с участием Белы Лугоши*. Да только, стоило присмотреться к нему, становилось ясно, что существо это не похоже ни на летучую мышь, ни на летучую белку и, уж конечно, ни на какую из птиц. Аналогов просто не было. Этот желтый выступ, торчащий из середины морды, к примеру. Кость? Клюв? Нос? Если нос, то где ноздри? По мнению Сэнди, этот выступ больше напоминал не нос, а коготь. Даже шип. А как насчет одного-единственного глаза? Сэнди попытался вспомнить одноглазое земное существо и не смог. Но где-то такие, конечно, водились, не так ли? Только где? В джунглях Южной Америки или, возможно, на дне океана?

Ног у существа не было вовсе. Тело заканчивалось отростком, напоминающим зеленовато-черный палец. Эту часть тела Керт пришиплил сам, оттянув

* Лугоши, Бела (1882—1956) — актер театра и кино, настоящее имя Бела Бласко, по национальности венгр, в США с 1921 г. Славу ему принесло исполнение роли графа-вампира сначала на сцене (1927), потом в знаменитом фильме «Дракула» (1931). Много снимался в кино, в том числе и в фильмах ужасов.

покрытую шерстью кожу и вонзив кнопку в складку. Тони довершил процесс закрепления тела на пробковой доске, пришиплив подмышки, точнее, подкрылья. На этот раз передернуло Кертиса, он вытер руки лоб.

— Жаль, что мы не захватили вентилятор.

Сэнди, у которого начала кружиться голова, с ним согласился. То ли запах усиливался, то ли он обладал кумулятивным эффектом.

— Если подключить еще один электроприбор, скорее всего выбьет пробки, — заметил Тони. — Тогда мы останемся в темноте с этим страшилищем. В ловушке, поскольку наш оператор установил камеру в дверном проеме. Продолжай, Керт. Если ты в норме, я тоже.

Керт отступил на шаг, глотнул относительно чистого воздуха, попытался сжать волю в кулак, вернулся к столу.

— Замеров я не провожу. С этим разобрались в гараже, так?

— Да, — ответил Сэнди. — Длина четырнадцать дюймов. Тридцать шесть сантиметров, если метрическая шкала тебе больше нравится. Тело шириной с ладонь. Может, чуть уже. Ради Бога, продолжай, чтобы мы наконец могли выбраться отсюда.

— Дай мне два скальпеля плюс ретракторы.

— Сколько ретракторов?

Взгляд Керта говорил: «Вот только паясничать не надо».

— Все. — Вновь вытер лоб, разложил полученные от Сэнди инструменты и добавил: — Наблюдай через видоискатель, хорошо? Максимально наведи на резкость. Постарайся, чтобы запись была самого высокого качества.

А потом Кертис произнес слова, которые навсегда остались в памяти Сэнди. Он понимал, что причина такой откровенности, столь несвойственной людям, а тем более полицейским, только одна — сильнейший стресс Кертиса. «На хер Джона Кью. — Вот что он тогда сказал. — Это наше, и ничье больше».

— Камера наведена, — сообщил Сэнди. — Запах, возможно, не очень, но освещение отменное. — В нижней части маленького экрана высвечивалось время: 7.49.01 Р. До восьми вечера оставалось десять минут и пятьдесят девять секунд.

— Режу, — объявил Кертис и провел большим скальпелем по середине тела. Руки не дрожали. Если он и волновался, то до того, как сделал первый разрез. Что-то хлопнуло, словно лопнул пузырь, и тут же капли густой черной жидкости начали падать в корыто под подставкой.

— О Боже, — вырвалось у Сэнди. — Вот уж завоняло так завоняло.

— Отвратительный запах, — сдавленным голосом согласился с ним Тони.

Керт запах не комментировал. Он вскрыл живот и сделал стандартные разрезы в направлении «подмышек», формируя Y-образный разрез, какой делается при посмертном вскрытии человека. Пинцетом оттянул кожу от области груди, открыв под костяной аркой губчатую темно-зеленую массу.

— Господи Иисусе, а где же легкие? — спросил Тони. Сэнди слышал, как частое дыхание вырывалось из его груди.

— Эта зеленая масса, возможно, легкие, — ответил Керт.

— Больше похоже на...

— На мозг, да, я вижу, что похоже. Зеленый мозг. Давайте поглядим.

Керт перевернул скальпель и тупым концом постучал по белой арке над покрытым бороздками зеленым органом.

— Если это мозг, тогда в данном случае эволюция использовала для его защиты пояс верности вместо бронированной банковской ячейки. Дай мне ножницы, Сэнди. Маленькие.

Сэнди передал ножницы поверх видеокамеры, вновь приник к видеоискателю. Резкость максимальная, камера точно наведена на тело существа.

— Режу... сейчас.

Керт подсунул нижнее лезвие ножниц под костяную арку и аккуратно разрезал ее, как веревку на пылкне. Обе части костяной арки резко разошлись в стороны, и в этот момент поверхность зеленой губки в груди существа побелела и начала свистеть, как вырывающийся из носика кипящего чайника пар. Воздух наполнил сильный запах перечной мяты и клевера. К свисту присоединилось бульканье. Такие звуки издает соломинка, блуждающая по дну уже практически пустого бокала молочного коктейля.

— Не следует ли нам выметаться отсюда? — спросил Тони.

— Слишком поздно. — Керт склонился к вскрытой грудной клетке, где губчатый орган потел каплями и ручейками зеленовато-белой жидкости. Увиденное не просто интересовало его, он не мог оторвать глаз. Глядя на него, Сэнди мог понять ученого, который сознательно заразил себя желтой лихорадкой, или Марию Кюри, которая заболела раком, экспериментируя с радиоактивными веществами. «Я создал

истребителя миров», — пробормотал Роберт Оппенгеймер после первого удачного испытания атомной бомбы в пустыне Нью-Мексико, а потом начал работу над водородной бомбой, даже не сделав паузы, чтобы попить чайку. *Потому что неведомое захватывает, подумал Сэнди. Потому что любопытство все-таки не знает пределов.*

— Что происходит? — спросил Тони. Но, судя по тому, что Сэнди видел над розовой маской, сержант уже знал ответ.

— Разложение, — ответил Керт. — Картинка хорошая, Сэнди? Моя голова не мешает?

— Картинка отличная, — ответил Сэнди, подавляя подкатывающую тошноту. Поначалу мягко-клеверный запах даже показался ему освежающим, но теперь отдавался в горле вкусом машинного масла. Да и капустная вонь вернулась. Голова у Сэнди кружилась все сильнее, желудок грозил взбунтоваться. — Я бы здесь не задерживался, а то, боюсь, мы просто задохнемся.

— Открой дверь в конце коридора, — посоветовал Кертис.

— Но ты же...

— Делай, что он говорит, — приказал Тони, и Сэнди подчинился. Когда вернулся к видеокамере, Тони спрашивал Керта, инициировал ли разложение разрез грудной клетки.

— Нет, — ответил Кертис. — Я думаю, начало положило прикосновение к губчатому веществу острия нижнего лезвия ножниц. То, что появляется из этого автомобиля, как-то не сочетается с нашим миром, не так ли?

Ни Тони, ни Сэнди не испытывали ни малейшего желания оспорить этот вывод. Зеленая губка боль-

ше не напоминала ни мозг, ни легкие, ни вообще что-то знакомое. Превратилась в разлагающееся месиво, заполнившее грудную клетку.

Керт повернулся к Сэнди.

— Если этот зеленый орган — мозг, то что же в голове? Любопытствующие хотят знать. — Прежде чем Тони и Сэнди поняли, что он собирается сделать, Керт взял маленький скальпель и ткнул острием в матовый глаз существа.

Раздался хлопок. Глаз скукожился и целиком вытек из глазницы одной большой слезой. Тони в ужасе вскрикнул. Как и Сэнди. Глаз на мгновение застыл на волосатом плече, потом упал в корытце. А мгновением позже начал свистеть и белеть.

— Хватит, — услышал Сэнди свой голос. — Это бессмысленно. Так мы ничего не узнаем, Кертис. Да и узнавать-то нечего.

Кертис, казалось, его не слышал.

— Срань господня, — шептал он. — Гребаная срань господня.

Из пустой глазницы полезло волокнистое розовое вещество. Оно напоминало сахарную вату, а может, теплоизоляцию, используемую на чердаках. Волокна выползали, теряли форму, белели, начинали разжигаться, как и зеленая губка.

— Это дермо живое? — спросил Тони. Это дермо было живым до того, как...

— Нет, это всего лишь декомпрессия, — ответил Керт. — Я в этом уверен. Жизни в нем не больше, чем в креме для бритв, когда он выходит из тубы. Ты все записываешь на пленку, Сэнди?

— Да, конечно. Хотя уже и не знаю, есть ли в этом смысл.

— Хорошо. Давайте взглянем на нижнюю часть тела и на том закончим.

В результате они потом на добрый месяц лишились нормального сна. Сэнди, так тот, едва задремав, просыпался, как от толчка, тяжело дыша, не зная, где находится, чувствуя, что кто-то сидит у него на груди и не дает набрать полные легкие воздуха.

Керт взрезал кожу в нижней части тела и попросил Тони пришилить ее, слева и справа. Тони пришилил, хотя и не без труда. Пришлось нагнуться чуть ли не к самому разрезу. Сэнди мог лишь представить себе интенсивность вони.

Не поворачиваясь, Керт протянул руку, нашел державку одной из тензорных ламп, чуть повернул ее, чтобы лучше осветить разрез. Сэнди увидел сложенную веревку темно-красного цвета (кишки?), лежащую на серовато-синем пузыре.

— Режу, — пробормотал Керт и осторожно провел скальпелем по вздутой поверхности пузыря. Он разорвался, и черная икра полетела из него прямо в лицо Керта, разрисовывая щеки, пачкая маску. Другие икринки попали на руки Тони. Оба с криком отпрянули, тогда как Сэнди стоял столбом позади видеокамеры, с отвисшей челюстью. Из быстро сморщающегося пузыря выливался поток черных шариков, каждый покрывала серая мембрана. Сэнди они напомнили мух, крепко застрявших в паутине. А потом он увидел, что каждая икринка была с одним широко раскрытым блестящим глазом, и все эти глаза смотрели на него. Вот тут нервы Сэнди не выдержали. С криком он попятился от треноги с видеокамерой. Крик сменился бульканьем. А мгновением позже изо рта на рубашку выплеснулась блевотина. Сам Сэнди этого не помнил. Пять минут, последовавших за последним

разрезом Керта, практически выпали из его памяти, и он почел сие за счастье.

Первым, что появилось в памяти после этих вычеркнутых из жизни минут, стал голос Тони: «Уходите отсюда, немедленно, слышите? Идите наверх. Здесь все под контролем». А рядом с ним, у левого уха, Кертис бормотал то же самое, убеждая Сэнди, что тот в полном порядке, сохраняет хладнокровие, одним словом, все на пятерку.

Эта самая пятерка и вернула Сэнди из короткого путешествия в страну Истерики. Но если все на пятерку, почему у Кертиса такое частое дыхание? И почему ладонь Кертиса, лежащая на его руке, такая холодная? Даже сквозь резиновый барьер перчатки (которые еще никто не удосужился снять) чувствовалось, какая она холодная.

— Меня вырвало, — пробубнил Сэнди, щеки полыхнули жаром от притока крови. Никогда он не испытывал такого стыда. — Господи Иисусе, я весь в собственной блевотине.

— Это ерунда, — успокаивал его Кертис. — Не волнуйся об этом.

Сэнди глубоко вдохнул, и тут же его лицо перекосило: желудок дернулся и вновь едва не подвел его. Они же стояли в коридоре, но даже здесь жутко воняло тухлой капустой. Однако он полностью отдавал себе отчет, где они стоят: около шкафа, откуда доставал удлинитель. Сэнди глянул на открытую дверцу. Полной уверенности у него не было, но вроде бы он прибежал сюда из кладовой, чтобы забраться в шкаф, захлопнуть за собой дверь и лежать в позе зародыша. Теперь эта идея показалась ему настолько забавной, что он нервно рассмеялся.

— Так-то лучше. — Керт дружелюбно хлопнул Сэнди по плечу и изумился, когда тот отпрянул от его прикосновения.

— Эта слизь... эта жижа... — Объяснить Сэнди не сумел, горло перехватило. Поэтому просто указал на руку Керта. Икринки, вылетевшие из матки беременной «летучей мыши», измазали перчатки Керта, и теперь толика слизи перекочевала на руку Сэнди. Пятна виднелись и на маске Керта, которая сейчас болталась на его шее. Черная корочка запеклась и на одной щеке.

В другом конце коридора, за распахнутой дверью в кладовую, Тони стоял у лестницы и разговаривал с четырьмя патрульными, которые нервно таращились на Сэнди и Керта. Он пытался убедить их подняться наверх, но пока его уговоры не действовали.

Сэнди прошел по коридору до открытой двери в кладовую, остановился там, где они могли его разглядеть.

— Я в порядке, парни, в полном порядке, все хорошо. Поднимайтесь наверх, отдыхайте. Как только мы тут приберемся, вы сможете посмотреть видео.

— А мы захотим? — спросил Орвиль Гарретт.

— Скорее всего нет.

Патрульные поднялись по лестнице. Тони, бледный как смерть, повернулся к Сэнди.

— Спасибо.

— Самое меньшее, что я мог сделать, босс. Я запаниковал, босс. Ужасно сожалею, что так вышло.

На этот раз Кертиз хлопнул его по плечу. И Сэнди опять едва не отпрянул, но успел заметить, что тот снянул перчатки. Его это очень устроило.

— Не ты один. Тони и я выскочили следом за тобой. Тебе просто было не до этого, вот ты и не уви-

дел. Свалили треногу с видеокамерой. Надеюсь, камера цела. Если нет, придется пускать шапку по кругу, чтобы купить Хадди новую. Пойдем посмотрим.

Все трое достаточно решительно направились к двери в кладовую, но поначалу никто не решился переступить порог. Частично из-за запаха, воняло прокисшим супом, но главным образом потому, что внутри дождалась «летучая мышь», пришпиленная к пробковой доске, распотрошеннная, как курица, и в чулане следовало прибраться, как они прибирались на дороге после субботних вечерних аварий, когда вокруг стоял запах крови, вывалившихся внутренностей, разлитого бензина, жженой резины. Запах этот говорил, что кто-то умер или вскорости умрет, что кто-то еще будет кричать или вопить, что на пути обязательно попадется пустой ботинок, хорошо, если не детский, но чаще выходило наоборот. Именно такие мысли возникли у Сэнди. Не раз и не два ему приходилось иметь дело с телами, лежащими на дороге или обочине, телами, которые дал людям Бог со словами: *Идите с ними по жизни и используйте с максимальной пользой*. Только после аварии они значительно видоизменялись: кости торчали сквозь рубашки и брюки, головы поворачивались под неестественным углом, но продолжали говорить (или кричать), глаза вываливались из орбит, окровавленная мать держала на руках окровавленную дочь, обвисшую, как сломанная кукла, и спрашивала: *Она еще жива? Пожалуйста, проверьте. Я не могу, не решаюсь*. И всегда были лужи крови на сиденьях и кровавые отпечатки пальцев на стеклах. Когда кровь разливалась и по асфальту, становясь лиловой в пульсирующих огнях «маячков», ее требовалось убрать, как и дермо, ибитое стекло, потому что Джон Кью и его семья не хотели смотреть на

все это по пути в церковь в ясное воскресное утро. А работу дорожной полиции оплачивал именно он, Джон Кью.

— Нам придется все убрать, — подал голос сержант. — Вы это знаете.

Они знали. Но ни один не сдвинулся с места.

А если кто-то из них еще жив? — вот о чем думал Сэнди. Нелепая идея, «летучая мышь» пролежала в «Эскимо» под пакетами льда шесть недель, а то и больше, но осознание нелепости подобных идей не убеждало. Логика теряла свою силу, во всяком случае, временно. Когда имеешь дело с одноглазым существом с мозгом (зеленым мозгом) в груди, сама идея логики выглядела смехотворной. Сэнди безо всякого труда мог представить себе, как эти черные икринки, окруженные прозрачно-серой оболочкой, начинали пульсировать и прыгать по столу, оживленные теплом и светом тензорных ламп. Само собой, представить такое — сущий пустяк. Как и издаваемые ими звуки. Пронзительно-мяукающие. Звуки птенцов, только-только пробивших скорлупу, или народившихся крысят. Но он выскочил первым, черт побери. Следовательно, должен был первым и вернуться, по-другому быть не могло.

— Пошли. — Сэнди переступил порог. — Надо с этим закончить. А потом остаток ночи я проведу в душевой.

— Тебе придется дожидаться своей очереди, — уточнил Тони.

Они прибрались, как прибирались на шоссе после аварий. На все про все ушел час, поначалу было трудно, но к концу уборки они уже практически пришли в себя. Очень помог вентилятор. С выключенными тен-

зорными лампами они могли не бояться, что вышибет пробки. Керт больше не заикался о том, что дверь в кладовую надобно закрыть. Как понял Сэнди, уже пришел к выводу, что подобная попытка блокировать вредоносные микроорганизмы обречена на провал.

Вентилятор не избавил их от запаха капусты и перечной мяты, но заметно снизил его интенсивность, так что их желудки более не бунтовали. Тони проверил видеокамеру и радостно сообщил, что она в порядке.

— Я еще помню времена, когда японские изделия ломались, — сказал он. — Керт, хочешь что-нибудь рассмотреть под микроскопом? Если да, мы еще немного потерпим. Так, Сэнди?

Сэнди кивнул, пусть и без особого энтузиазма. Чувствовал жгучий стыд, что проблевался, и убежал, полагая, что еще не искупил своей вины.

— Нет. — Голос Керта звучал устало и печально. — Эти чертовы икринки, должно быть, зародыши. Черная жидкость — кровь. Что же касается остального... Я не буду знать, что вижу перед собой.

В голосе звучала не столько печаль, сколько отчаяние, хотя и Тони, и Сэнди поняли это гораздо позже. К Сэнди эта мысль пришла в одну из бессонных ночей, которые он сам на себя навлек. Когда он лежал на кровати в своем маленьком доме на Ист-Стэтлер-Хейтс, заложив руки под голову, с лампой, горящей на ночном столике, и тихо играющей музыкой из радиоприемника. Сна не было ни в одном глазу, и он вдруг понял, с чем впервые после появления «бьюика» столкнулся Керт, может, впервые в жизни: ему открылось, что он никогда не сможет узнать то, что хочется. То, что, по его разумению, ему требовалось узнать. Он мечтал делать открытия, изучать но-

вое, а чем все обернулось? «Плюнь на это, Джек», — как говорили они в детстве. В любом городке Соединенных Штатов в начальных школах можно встретить мальчишек, которые скажут вам, что их мечта — играть в НБА. Но в большинстве своем их ждало куда более прозаическое будущее. Наступал момент, когда они понимали, что дело не в том, что улыбающаяся судьба вдруг нахмурилась. Просто жизнь подсунула им пилюлю, на поверхку оказавшуюся горькой. Не такую ли пилюлю получил в ту ночь Кертис Уилкокс? Сэнди отвечал на этот вопрос положительно. Интерес Керта к «бьюику» оставался прежним, но с каждым уходящим годом он все больше укладывался в рамки обычной полицейской работы. А заключалась она в сборе улик и наблюдении, написании донесений (в блокнотах, которые сожгла его жена) да иной раз уборке чудовищ, истогнутых «бьюиком», которые после короткой борьбы за жизнь умирали.

В довесок, правда, иной раз выпадала бессонная ночь. Без этого не обходилось, все так.

Керт и Тони отшлипили чудовище от пробковой доски. Положили в пластиковый пакет для хранения вещественных улик. Все черные икринки, кроме двух, отправились туда же, сметенные кисточкой, обычно использующейся для нанесения на поверхности порошка, выявляющего отпечатки пальцев. На этот раз Керт тщательно загерметизировал пакет по всей длине полоски.

— Арки еще здесь? — спросил он.
— Нет, — ответил Тони. — Он хотел остаться, но я отправил его домой.
— Тогда кто-то из вас должен подняться наверх и попросить Орва или Бака зажечь огонь в мусоро-

сжигательной установке. И еще надо поставить на плиту кастрюлю с водой. Самую большую.

— Я все сделаю, — откликнулся Сэнди и ушел, предварительно вытащив кассету из видеокамеры Хадди.

Пока он отсутствовал, Керт взял образцы черной жидкости, вытекшей из внутренностей и матки «летучей мыши», а также белой жидкости, которая выделилась из органа в груди. Каждый из образцов отправился в свой пакетик с герметизирующей полоской. В третий поместил два неродившихся зародыша, одноглазых, укутанных в крошечные крылья. Делал он все правильно, ловко, умело, но без огонька, словно работал на месте преступления.

Взятые образцы в итоге отправились в обшарпанный зеленый металлический шкаф, который Джордж Морган окрестил «выставочным стендом взвода Д». Когда вода в кастрюле закипела, Тони разрешил двум патрульным спуститься вниз. Пятеро мужчин надели толстые хозяйствственные перчатки и отскребли все, что только могли. Вскрытое тело существа вместе с тряпками, перчатками, масками и рубашками положили в пластиковый мешок. Мешок сунули в мусоросжигающую установку, а дым поднялся к небесам и Господу нашему, ныне и во веки веков, аминь.

Сэнди, Кертис и Тони приняли душ, мылись долго, максимально горячей водой, так что бак в подвале пришлось наполнять не один раз, а дважды. Потом, розовощекие, причесанные, в чистой одежде, они уселись на скамью для курильщиков.

— Я такой чистый, что хочется визжать от воссторга, — сказал Сэнди.

— Так повизжи, — дружелюбно посоветовал ему Керт.

Какое-то время они сидели молча, глядя на гараж.

— Много этого дерьяма попало на нас, — нарушил затянувшуюся паузу Тони. — Много. — В небе, будто полированная галька, висела луна. Сэнди чувствовал, как вибрирует воздух. Возможно, к перемене погоды, подумал он. — Если мы заболеем...

— Я думаю, если бы мы могли заболеть, то уже заболели, — ответил Керт. — Нам повезло. Чертовски повезло. Вы посмотрели на свои глаза в зеркале в раздевалке?

Конечно, посмотрели. Покрасневшие, налитые кровью, как у людей, целый день боровшихся с пожаром.

— Думаю, это пройдет, — продолжил Керт, — и уверен, что маски мы надевали не зря. Они не защищают от микробов, зато это черное дермо не попало в рот. Мне кажется, такое никому бы не понравилось.

По этому поводу спорить с ним никто не собирался.

ТЕПЕРЬ: Сэнди

Сандвичи съели. Ледяной чай выпили. Я попросил Арки взять десять баксов из фонда непредвиденных расходов (эти деньги лежали в банке, стоявшей на полке стенного шкафа в комнате отдыха) и съездить в «Кэш и Кэрри Финна». Подумал, что две упаковки коки и одна рутбира* помогут нам добраться до конца этой истории.

* Рутбир — газированный напиток из корнеплодов с добавлением сахара, мускатного масла, аниса, экстракта американского лавра.

— Если я съезжу, то пропущу ту часть, где речь идет о рыбе.

— Арки, ты знаешь ту часть, где речь идет о рыбе. Ты знаешь все части этой истории. Поезжай и привези нам газировку. Пожалуйста.

Он ушел и слишком уж быстро выехал со стоянки. С такой ездой можно нарваться и на штраф.

— Продолжайте, — попросил Нед. — Что произошло потом?

— Что ж, давай вспоминать. Сержант стал дедушкой, это раз. Возможно, случилось это быстрее, чем ему хотелось, девочка родилась вне брака, шуму было много, семейный позор, сам понимаешь, но потом все как-то успокоилось. А девочка, когда выросла, поступила в Смит*. Как ты понимаешь, не самое плохое место для получения диплома. Во всяком случае, по моему разумению. Сын Джорджа Моргана сделал круговую пробежку в юношеском чемпионате, и Джордж с него буквально пылинки сдувал, так гордился. Я думаю, это было за два года до того, как убил женщину на дороге и погиб сам. Жена Орви Гарретта наколола ногу, началось заражение крови и ей отрезали то ли два, то ли три пальца. Ширли Пастернак пришла к нам в 1984-м...

— 1986-м, — поправила она меня.

— Да, в восемьдесят шестом. — Я похлопал ее по колену. — Примерно в то же время в Лассбурге случился большой пожар, дети играли со спичками в подвале многоквартирного дома. Баловались — без присмотра. Когда кто-то говорит мне, что амиши — сумасшедшие, раз так живут, я вспоминаю тот пожар

* Колледж Софии Смит — престижный частный колледж высшей ступени, преимущественно для женщин, в г. Нортэмптоне, штат Массачусетс. Основан в 1871 г.

в Лассбурге. Погибли девять человек, кроме одного, — все дети, игравшие в подвале. А тот, кто выжил, потом, возможно, пожалел об этом. Ему сейчас шестнадцать, в этом возрасте у юношей играет кровь, они начинают всерьез интересоваться девушками, а этого парня можно без всякого отбора назначать на главную роль в новой постановке «Красавицы и чудовища». В национальные выпуски новостей это происшествие не попало. Я обратил внимание, что пожары в много квартирных домах со смертельным исходом попадают туда лишь на Рождество, но в наших краях такое случается крайне редко: Джекки О'Хара получил сильные ожоги на руках, помогая тушить огонь. Да, еще у нас был патрульный, звали его Джеймс Докери...

— Докери, — поправил меня Фил Кандлтон. — Но ты забыл, сержант, он прослужил здесь месяц или два, а потом его перевели в Ликоминг.

Я кивнул.

— Так или иначе, этот Докери взял третий приз на конкурсе кулинаров Бетти Крокер за блюдо «Золотые слоеные пирожки с колбасой». Он, конечно, жутко разозлился, что не стал первым, но держался достойно.

— Очень достойно, — согласился Эдди. — Жаль, что он не остался. Отлично вписался бы в коллектив.

— Мы выиграли турнир по перетягиванию каната на пикнике в честь Четвертого июля...

Я заметил выражение лица парнишки и улыбнулся.

— Ты думаешь, что я тебя дразню, Нед, но это не так. Честное слово. Я стараюсь, чтобы ты понял. Совсем не «бьюик» определял нашу жизнь. Отнюдь. Более того, иной раз мы полностью о нем забывали. Во всяком случае, большинство из нас. Забыть его осо-

бого труда не составляло. Длительные периоды времени он тихо и мирно стоял в гараже и не давал о себе знать. Копы приходили и уходили. Докерти только получил прозвище Шеф-повар, как покинул нас. Молодого Пола Лоувинга, который потянул ногу на Дне труда, перевели в другой взвод, а тремя годами позже вернули к нам. На нашей работе текучесть кадров невелика, но с 1979 года через эту базу прошло порядка семидесяти патрульных...

— Маловато, — вставил Хадди. — Скорее сотня, учитывая переводы и тех, кто служит сейчас. Плюс тухляки.

— Да, нескольких уволили, но большинство из нас добросовестно выполняли свои обязанности. И, Нед, послушай, твой отец и Тони Скундист получили хороший урок в ту ночь, когда вскрыли эту «летучую мышь». Я, кстати, тоже. Иногда узнавать нечего, не удается узнать, и даже нет смысла пытаться. Я однажды видел фильм, в котором один из персонажей ставит в церкви свечку, хотя давно уже не ходит к мессе. «Нельзя пренебрегать вечным», — сказал он. Может, именно этот урок мы и получили.

Даже теперь в гараже Б случаются светотрясения. Иногда чуть заметные, иногда мощные. Но люди обладают удивительной способностью привыкать ко всему, даже к тому, чего не понимают. Комета показывается в небе, и половина мира начинает бегать кругами и орать насчет Последних дней и Четырех всадников. Но проходит шесть месяцев, комета по-прежнему в небе, а ее уже никто не замечает. Все возвращается в привычную колею. То же самое произошло и в конце двадцатого столетия, помнишь? Все кричали, что небо обрушится на землю, а компьютеры зависнут. Но прошла неделя, и про проблему за-

были. Вот я тебе это все и рассказываю, чтобы ты правильно оценивал ситуацию. Чтобы...

— Расскажите мне о рыбе, — прерывает он меня, и я вновь чувствую злость. Он не собирается слушать то, что я должен сказать, как бы мне этого ни хотелось, как бы я ни старался. Он услышит только то, что хочет услышать, и ни слова больше. Кто-то назовет эту особенность молодых «подростковой болезнью». Глаза Неда горели тем же огнем, что и у его отца, когда тот со скальпелем в затянутой перчаткой руке склонялся над «летучей мышью» (*Режу, иногда слышу я голос Кертиса Уиллокса во сне*). Нет, он был немного другим. Потому что парнишку не только разбирало любопытство. Он еще и злился. Жутко злился.

Моя злость объяснялась его нежеланием брать все, что я хотел ему дать, отстаиванием своего права на выбор. Но почему злился он? Что было причиной? Ложь матери, которая за прошедшие годы не раз и не два говорила неправду? Ложь отца? Он злился, что отец так и не поделился с ним этим секретом? Злился на нас? На нас? Конечно, он не мог думать, что именно «бьюик» убил его отца, с чего? Это сделал Брэдли Роуч, размазал по борту остановившегося большегрузного грузовика, оставив кровавый след длиной десять футов и высотой с человека, в данном конкретном случае в шесть футов и два дюйма — таким был рост Кертиса Уиллокса. Размазал по борту в визге тормозов и под звучащую из радиоприемника музыку. Конечно же, Брэдли Роуч слушал кантри. Что еще мог слушать этот алкоголик? Мужчина пел басом, женщина подпевала тенором, когда монетки вываливались из карманов Керта Уиллокса, когда член вырвало, как сорняк, когда яйца превратились в желе,

а расческа и бумажник приземлились на разделительной линии. Ответственность за все это лежала на Брэдли Роуче, если, конечно, вы не хотите переложить часть ее на заведение, где ему продали упаковку пива, а может, компанию, производящую пиво со всеми ее рекламными роликами, говорящими лягушками и забавными человечками. В таких роликах не показывают трупы на дороге с вывернутыми внутренностями. Возможно, кому-то захочется обвинить во всем ДНК Брэдли, спиральные молекулярные цепочки, которые шептали: *Выпей еще, выпей еще*, с тех самых пор, как Брэдли сделал первый глоток (есть такие люди, они напоминают бомбу в чемодане, готовую взорваться в любой момент, но убитым и раненым от этого мало радости). Или даже Бога? Бог — популярный мальчик для битья, поскольку не может оправдаться. Но только не «бьюик». Так? В смерти Керта Уиллокса вины «бьюика» не было никакой. «Бьюик» стоял в гараже Б, отделенном от места происшествия многими милями, на шинах с белыми боковинами, к которым не прилипали пыль и грязь, а в протекторе не держались камушки. Стоял и стоял себе, когда патрульного Уиллокса размазывало по борту грузовика на шоссе 32. И если он стоял, источая запах тухлой капусты, что с того? Или этот мальчишка думал...

— Нед, он ничего такого не делал, если ты об этом думаешь, — сказал я. — Он тут совершенно ни при чем. — Мне пришлось выдавить из себя смешок, подчеркивая нелепость такой мысли. Доказывая, что я знаю это наверняка. Хотя кто и что знал наверняка, когда дело касалось «роудмастера»? — Он, конечно, зовет к себе, даже что-то говорит во время своих... как бы это сказать...

— Активных фаз, — предложила Ширли.

— Да. Во время активных фаз. Ты слышишь гудение, иногда слышишь его в голове... будто зов... но разве могло ли оно достичь шоссе 32, того места, где находится автозаправочная станция «Дженни»? Ни в коем разе.

Ширли смотрела на меня, словно я чуточку тронулся умом, и мне казалось, что я действительно тронулся. А чем, собственно, я занимался? Пытался отделяться от злости, которую испытывал к этому несчастному, оставшемуся без отца мальчику?

— Сэнди, я только хотел, чтобы вы рассказали мне о рыбе.

Я посмотрел на Хадди, потом на Фила, Эдди. В пожатии плеч всех троих читался молчаливый ответ: *Ох уж эти дети! И что ты теперь собираешься делать?*

Заканчивать. Вот что я собирался. Подавить злость и заканчивать. Я сам завел этот разговор, и теперь не оставалось ничего, как довести его до логического конца.

— Хорошо, Нед, я расскажу тебе все, что ты захочешь услышать. Но ты постараешься осознать, что место, где мы сейчас находимся, было и остается базой патрульного взвода Д? Будешь помнить, что «бьюик», веришь ты в это или нет, нравится тебе или нет, стал обычной частью нашей жизни, как написание рапортов, выступление в суде или очистка ковриков от блевотины пьяниц, доставляемых в камеры на заднем сиденье патрульной машины? Потому что это важно.

— Конечно. Расскажите о рыбе.

Я откинулся на спинку, посмотрел на луну. Я хотел облегчить его горе и вернуть к жизни. Чтобы он

вновь мог наслаждаться звездами. Ценить поэзию. Он же хотел одного: чтобы я рассказал ему об этой чертовой рыбе.

Ну и хрен с ним — я рассказал.

ТОГДА

Никаких бумаг: Тони Скунди отдал такой приказ, и он неукоснительно исполнялся. Люди знали, как решать вопросы, связанные с «бьюиком», к кому обращаться. Действительно, все было предельно просто. В случае необходимости информация докладывалась Керту, сержанту или Сэнди Диаборну. Сэнди вошел в этот триумвират благодаря участию в знаменитом вскрытии. И уж конечно, не потому, что очень интересовался «бьюиком».

Несмотря на приказ Тони, Сэнди полагал, что Керт все-таки вел дневник, записывал свои наблюдения и размышления. Но, если и вел, никому не показывал. Со временем падение температуры и интенсивность энергетических выбросов, светотрясений, снизились. Казалось, жизнь уходила из почти как «бьюика».

На это они, во всяком случае, надеялись.

Сэнди никогда ничего не записывал, не вел хроники событий. Видеопленки, которых за годы накопилось достаточно много, могли многое восстановить, но все равно остались бы пробелы и вопросы. Не каждое светотрясение фиксировалось, а если бы и фиксировалось, что с того? Одно ничем не отличалось от другого. Между 1979 и 1983 годами случались они с дюжину раз. В основном маленькие. Пара таких же, как первое, а одно — даже мощнее. Оно-то и датиру-

ется 1983 годом. Те, кто присутствовал там, до сих пор называют этот год годом Рыбы. Как если бы они были, скажем, китайцами.

В промежутке между 1979 и 1983 годами Кертис провел с «бьюиком» несколько экспериментов, оставляя различные растения и животных как в нем, так и рядом с ним, но результат был практически тем же, что с Джимми и Розалин. То есть что-то исчезало, а что-то — нет. И заранее предсказать исход не представлялось возможным. Главную роль играл случай, как с подкидыванием монетки.

Один раз, когда температура начала падать, Керт поставил пластмассовую корзину с морской свинкой около переднего колеса «бьюика». Через двадцать четыре часа после вспышек, когда температура в гараже пришла в норму, они обнаружили, что морская свинка по-прежнему сидит в корзине, радостно хрюкает и всем, похоже, довольна. Перед следующим светопреставлением Керт задвинул клетку с двумя лягушками под днище «бьюика». Обе лягушки остались в ней и после фейерверка. Днем позже, однако, в клетке сидела только одна лягушка.

А еще через день исчезла и она.

В 1982 году они провели Знаменитый багажный эксперимент. Идея принадлежала Тони. Он и Керт посадили шесть тараканов в прозрачную пластиковую коробочку, которую и положили в багажник «бьюика». Сразу после очередного светопреставления, когда в гараже еще было так холодно, что изо рта шел пар. Прошло три дня. Багажник они проверяли ежедневно, всегда с веревкой на поясе, и все гадали, окажется ли веревка достаточно прочной, чтобы противостоять силе, утащившей песчанку Джимми из клетки, не открывая дверцы... или лягушек из закрытой

клетки. Тараканы бегали по коробочке и в первый день, и во второй, и в третий. Когда на четвертый Кертис и Тони решили их выпустить, уже посчитав эксперимент неудачным, то обнаружили, что тараканы исчезли, во всяком случае, так им показалось на первый взгляд, когда открыли багажник.

— Нет, подождите! — воскликнул Керт. — Они здесь! Я их вижу! Бегают по багажнику как очумелые!

— Сколько их? — крикнул Тони. Он стоял у боковой двери, держа в руках свободный конец веревки. — Они все там? И как они вылезли из этой чертовой коробки?

Кертис насчитал четырех вместо шести, но это ничего не значило. Чтобы спрятаться, тараканам не требовалась чья-либо помошь, в том числе и загадочного автомобиля. С этим они прекрасноправлялись сами. Это знает каждый, кто хоть раз гонялся за ними. Не осталось сомнений и насчет того, как им удалось выбраться из пластиковой коробочки. Ее по-прежнему закрывала крышка, но вот в одной из боковых стенок появилась круглая дыра диаметром в три четверти дюйма. Выглядела она совсем как отверстие от пули большого калибра, однако от нее не змеились трещины, свидетельствовавшие о попадании какого-то предмета, летящего с большой скоростью. Отсутствовало и выходное отверстие. Края дыры не оплавились, следовательно, ее и не прожигали. Никаких ответов. Только миражи. Как всегда. А потом появилась рыба, в июне 1983 года.

Прошло почти два с половиной года, как патрульные взводы Д несли круглосуточную вахту около гаража с «бьюиком»: в конце 1979-го или в начале 1980-го они решили, что при соблюдении определенных

мер предосторожности волноваться по большему счету не о чем. Заряженное ружье — это опасно, никто не спорит, но и нет нужды круглосуточно охранять его, дабы гарантировать, что само по себе оно не выстрелит. Если положить его на верхнюю полку и не подпускать к нему детей, все обойдется.

Тони купил тент, чтобы посторонний человек, случайно подошедший к окнам гаража, не увидел бы «бьюик» и не стал бы задавать лишних вопросов (в 1981-м новичок Дорожной службы, большой ценитель «бьюиков», предложил его купить). Видеокамера стояла на треноге в будке, с натянутым на нее пластиковым мешочком, чтобы уберечь от влаги, остался в будке и стул, и толстая стопка журналов на полке, но Арки начал приспосабливать ее для своих нужд. Там появились мешки с удобрениями, семенами травы, горшочки с цветочной рассадой. И по прямому назначению будка теперь использовалась только до, во время и после светотрясений.

Июнь года Рыбы выдался на памяти Сэнди одним из самых лучших месяцев начала лета: сочная трава, пение птиц, воздух, насыщенный не жарой, а теплом, похожий на первый взрослый поцелуй подростков. Тони Скундиш ушел в отпуск, поехал в гости к дочери на Западное побережье (той самой, что родила вне брака, вызвав семейный скандал). Сержант с женой пытались наладить отношения с дочерью, чтобы она не превратилась в совершенно чужого человека. Поже, приняли верное решение. Замещали сержанта Сэнди Диаборн и Хадди Ройер, но касательно «бьюика» все решал Кертис Уилкокс, давно уже не новобранец. И вот в один из дней того прекрасного июня к нему подошел Бак Фландерс.

— Температура в гараже Б падает, — сообщил он.

Брови Кертиса сдвинулись.

— Вроде бы не в первый раз, а?

— Нет, — признал Бак, — но я никогда не видел, чтобы она падала так стремительно. С утра на десять градусов.

Этого хватило, чтобы Кертис поспешил к гаражу, в его глазах загорелся прежний огонь. Прильнув к одному из окон на воротах гаража, он первым делом обратил внимание на тент, купленный Тони. Тент лежал со стороны водителя, словно смятая тряпка. Такое случалось уже не впервые. Иногда «бьюик» словно трясся (или дрожал), сбрасывая с себя нейлоновое покрывало, совсем как женщина одним движением плеч сбрасывает с себя вечернее платье. Стрелка на круглом термометре стояла у отметки 61*.

— На улице сейчас семьдесят четыре**. — Бак стоял рядом с Кертом. — Прежде чем позвать тебя, я посмотрел на термометр у птичей кормушки.

— Значит, температура упала на тринадцать градусов, а не на десять.

— Когда я пошел за тобой, градусник показывал шестьдесят четыре***. Видишь, как быстро она падает. Будто... там проходит холодный фронт или что-то такое. Хочешь, чтобы я позвал Хадди?

— Давай пока его не беспокоить. Организуй дежурство. Попроси Мэтта, чтобы помог тебе. Пусть два человека последят за «бьюиком» остаток дня и вечер. Если, конечно, Хадди не даст отбой или температура не начнет подниматься.

— Хорошо, — кивнул Бак. — Ты хочешь заступить в первую смену?

* 16,1 градуса.

** 23,3 градуса.

*** 17,8 градуса.

Керт хотел, очень хотел, он чувствовал, должно случиться что-то очень любопытное, но покачал головой.

— Не могу. Мне надо в суд, а потом к ловушке для грузовиков в Камбрии. — Тони разозлился на Керта, если б услышал, что тот называет пункт проверки веса грузовиков на автостраде 9 ловушкой, но на самом деле так оно и было. Кто-то перевозил по этой дороге кокаин и героин из штата Нью-Джерси, и детективы склонялись к мысли, что наркотики прячут в кузовах восемнадцатиколесников. — К сожалению, дел по горло. Черт бы их побрал.

Он ударил кулаком по бедру, потом поднял руки к вискам, чтобы отсечь дневной свет, и вновь всмотрелся в окно. Но увидел только «роудмастер», стоящий в двух лучах света, которые перекрещивались на длинном синем капоте, словно лучи прожекторов.

— Позови Рэнди Сантерра. И вроде бы я видел Криса Содера.

— Да, он сейчас свободен, но две сестры его жены из Огайо еще гостят у них, вот он и приехал посмотреть ти-ви. — Бак понизил голос. — Не хочу лезть в твои дела, Крис, но они же бездельники. Думаю, прока от них никакого.

— С этим они справятся. Должны. Скажи, чтобы держали меня в курсе событий. Стандартный код Д. Я позвоню, как только выйду из суда.

Керт еще раз с тоской взглянул на «бьюик» и вернулся в здание, чтобы принять душ, побриться и подготовиться к выступлению в зале суда, куда его вызывали как свидетеля. Во второй половине дня он обыскивал большегрузные грузовики вместе с парнями из патрульного взвода Г. Они искали наркотики и надеялись, что никто не пустит в ход оружие.

Будь у него время, он бы нашел себе замену — но не вышло.

Так что наблюдение за «бьюиком» повели Содер и Сантерр. Они ничего не имели против. От такой работы бездельники не увиливают. Стояли у будки, курили, болтали, изредка заглядывали в окно (Сантерр по молодости еще и не знал, чего можно ждать от «бьюика», да и в ПШП не задержался), рассказывали друг другу анекдоты, в общем, хорошо проводили время. В какой-то момент Бак Фландерс сменил Рэнди Сантерра; чуть позже место Криса Содера занял Орвиль Гарретт. Изредка подходил Хадди. В три часа дня, когда появился Сэнди, чтобы усесться в кресло сержанта, вернулся и Кертис Уилкокс. Сразу сменил Бака у гаража Б. Температура за это время не только не поднялась, но упала еще на десять градусов, так что свободные от службы патрульные начали съезжаться в расположение взвода. Код Д действовал, как магнит. Всем хотелось посмотреть, какое представление «бьюик роудмастер» устроит на этот раз.

Где-то в четыре часа пополудни Мэтт Бабицки всунулся в кабинет сержанта сказать Сэнди, что теряет связь с патрульными.

— Помехи, босс. Хуже, чем прежде.

— Дерьмо. — Сэнди закрыл глаза, потер их костяшками пальцев. Впервые он исполнял обязанности командира взвода, и хотя сумма прописью в чеке, которую ему предстояло получить в конце месяца, не могла не радовать, очень уж не хотелось, чтобы «бьюик» устроил очередное представление, когда вся ответственность лежала на нем. — Чертов автомобиль. Только этого мне и не хватало.

— Не принимайте близко к сердцу, — попытался успокоить Мэтт. — Он пару раз полыхнет, и все придет в норму. В том числе и радио. Так ведь обычно и бывает.

Да, обычно так и бывало. Так что, по правде говоря, насчет «бьюика» Сэнди особенно и не тревожился. Волновало его другое: вдруг с кем-то из патрульных что-то случится аккурат в тот момент, когда он не сможет связаться с базой? Кто-то мог передать 33 (*Нужна помощь, и побыстрее*), или 47 (*Высылайте «скорую помощь»*), или, что хуже всего, 10–99 (*Нападение на патрульного*). Более двенадцати человек патрулировали окрестные дороги, и, случись что с любым, крайним оказывался он, Сэнди.

— Слушай меня, Мэтт. Возьмешь мою машину, номер 17, и спустишься к подножию холма. Там помех нет. Свяжись с каждым из наших, кто сейчас на выезде, и сообщи им, что временно коммуникационный центр переносится в патрульную машину 17. Код Д.

— Господи, Сэнди! Тебе не кажется, что это перебор?

— Слушай, давай обойдемся без твоего мнения, — отрезал Сэнди. Решение он принял и теперь стремился обойтись без пустопорожних разговоров. — Выполняй.

— Но я ничего не увижу!

— Да, возможно, не увишишь. — Сэнди чуть повысил голос. — Так что можешь пожаловаться на меня капеллану за беспредел.

Мэтт уже собрался сказать что-то еще, но пристально взглянул на Сэнди и почел за благо промолчать. Двумя минутами позже Сэнди увидел, как он выезжает из расположения взвода, сидя за рулем патрульной машины 17.

— Хорошо, — пробормотал Сэнди себе под нос. — И оставайся там подольше, паршивый болтун.

Направился к гаражу Б, где уже собралась небольшая толпа. В основном патрульные, но среди них попадались и сотрудники Дорожной службы в заляпанных маслом зеленых комбинезонах, их неофициальной униформе. После четырех лет соседства с «бьюиком» они уже не боялись загадочного автомобиля, но все-таки нервничали. Когда видишь, что в теплый летний день температура в неком помещении на двадцать градусов меньше, чем вне его, а вся система кондиционирования состоит из изредка открываемой двери, трудно не поверить, что в происходящем не замешаны какие-то могучие неведомые силы.

Керт пробыл у гаража достаточно, чтобы подготовить несколько экспериментов. Сэнди не сомневался: патрульный сделал все, что мог. На капоте «бьюинка» стояла коробка из-под кроссовок «Найк» с кузнецами. На заднем сиденье — клетка с лягушкой, большой, с выпущенными желто-черными глазами. В багажник он поставил ящик с цветами, который висел за окном коммуникационного центра. И наконец, взял Мистера Диллона на поводок, обошел с ним автомобиль, дабы посмотреть, что из этого выйдет. Последнее очень не понравилось Орви Гарретту, но Керт все-таки уломал его. При всей своей молодости во всем, что касалось «бьюинка», он умел добиваться своего.

Во время этой прогулки Мистера Д ничего особенного не произошло. Однако чувствовалось, что пес с куда большим удовольствием отправился бы гулять в другое место. Он так сильно натягивал поводок, что пережимал горло, шел, опустив голову и поджав хвост,

иногда сухо кашляя. Смотрел и на «бьюик», и на стены гаража. То есть если автомобиль и выделял нечто такое, что ему не нравилось, это нечто уже распространялось по всему гаражу.

Выведя собаку из гаража, Керт отдал поводок Орвиллю.

— Что-то там назревает, он это чувствует, да и я тоже. Но ведет себя не так, как прежде. — Он увидел Сэнди и повторил: — Не так, как прежде.

— Точно. — Сэнди мотнул головой в сторону пса. — Во всяком случае, не воет.

— Пока не воет, — уточнил Орвиль. — Пойдем в дом, Д. Ты хорошо поработал. Я дам тебе «Бонз»*. — Он еще раз укоризненно посмотрел на Керта. Мистер Диллон радостно трусил рядом с правой ногой патрульного Гарретта. Чтобы держать его рядом, поводок больше не требовался.

В четыре двадцать или около того с экрана телевизора в комнате отдыха «слетела» картинка. К четырем сорока температура в гараже Б понизилась до сорока девяти градусов**. В четыре пятьдесят Кертис Уиллокс воскликнул: «Начинается! Я слышу!»

Сэнди находился в доме, проверял радио (не услышал ничего, кроме рева помех), но после крика Керта вернулся на автомобильную стоянку, где у гаража Б уже собралась приличная толпа, словно там устроили распродажу для полицейских. Автомобильную стоянку Сэнди пересек бегом, держа курс на боковую, к его изумлению, дверь гаража. Там стоял Керт. Волны холода накатывали на него из дверного проема, но он, похоже, их не чувствовал. Глаза у него широко

* «Бонз» — съедобная игрушка для собак в виде косточки с вкусовыми добавками.

** 9,4 градуса.

раскрылись, и когда повернулся к Сэнди, напоминал загипнотизированного человека.

— Ты это видишь? Сэнди, *ты это видишь?*

Разумеется, он видел: пурпурное зарево выплескивалось через окна «бьюика», вырывалось из-под крышки багажника. В кабине Сэнди ясно различал сиденья, большущее рулевое колесо. Точнее, их силуэты. Все остальное растворялось в холодном пурпурном блеске, более ярком, чем свет любого камина. И без того громкое гудение становилось все громче. От него у Сэнди заболела голова, уши словно заложило ватой. Впрочем, это гудение воспринимали не уши, а все тело.

Сэнди оттолкнул Керта в сторону, взялся за ручку, чтобы закрыть дверь. Керт сжал его запястье.

— Нет, Сэнди, нет! Я хочу это видеть! Я хочу...

Сэнди вырвал руку.

— Ты рехнулся? Есть разработанная нами инструкция, черт побери, определяющая, что в какой ситуации надо делать! Никто не знает об этом лучше тебя. Ты сам участвовал в ее разработке!

Когда Сэнди захлопнул дверь, разорвав непосредственный визуальный контакт с «бьюиком», веки Керта задрожали, задергались, будто он пробудился от глубокого сна.

— Конечно. Конечно, босс. Извини.

— Все нормально. — Но сам Сэнди в это не верил. Потому что этот чертов болван уже стоял в дверном проеме. Так что Сэнди трактовал ситуацию однозначно. Если «бьюик» хотел поджарить Кертиса или проглотить, тот смиленно согласился бы на любой вариант.

— Мне нужны защитные очки, — добавил Кертис. — Они в багажнике моего автомобиля. У меня их

много и все сверхсмные. Целая коробка. Хочешь пару?

У Сэнди сложилось впечатление, что Керт еще не совсем очухался, а только притворяется: так прикидываются бодрствующими люди, глубокой ночью разбуженные телефонным звонком.

— Конечно, почему нет? Но мы должны быть осторожны, понимаешь? На этот раз «бьюик», похоже, покажет себя во всей красе.

— Да, устроит представление! — И от восхищения в его голосе, в котором чувствовалась и толика страха, настроение Сэнди улучшилось. По крайней мере он понял, что Керт вышел из соннамбулического состояния. — Да, конечно, мы будем следовать разработанной инструкции и соблюдать максимальную осторожность.

Он побежал к своей машине — не патрульной, а личной, восстановленному «белэру», и открыл багажник. И все еще рылся в нем, когда «бьюик» взорвался.

Взорвался не в прямом смысле, но другим словом не определить то, что произошло. Присутствующие никогда не забудут тот день, но говорили они о нем мало, даже между собой, потому что не было слов выразить ужасающее великолепие открывшегося им. Мощь, с чем им довелось соприкоснуться. Они могли разве что сказать, что июньское солнце потускнело, стены гаража стали прозрачными, превратив его в призрак. Совершенно непонятно, как простое стекло могло уцелеть, оказавшись между этим сиянием и окружающим миром. Пульсирующий ярчайший свет изливался сквозь дощатые стены, как вода сквозь марлю. Гвозди смотрелись точками на газетной фотографии.

фии или пурпурными капельками на свежей татуировке. Сэнди услышал крик Карла Брандейджа: *На этот раз он взорвется, точно взорвется!* А перекрывая крик, в доме в ужасе выл Мистер Диллон.

— Он все норовил выскочить за дверь и бежать к «бьюику», — потом рассказывал Сэнди Орвиль. — Я увел его наверх, в комнату отдыха, как можно дальше от этого чертова гаража, но это ничего не изменило. Он знал, что происходит. Слышал, как я понимаю, слышал гудение. А потом увидел окно. Господи Иисусе! Если бы я промедлил, если не схватил его за ошейник, думаю, он сиганул бы вниз со второго этажа. Жутко на меня разозлился, и лишь полчаса спустя до меня дошло, как же я напугался.

Орвиль покачал головой, насупился, помрачнел.

— Никогда не видел собаку в таком состоянии. *Никогда.* Шерсть встала дыбом, из пасти пошла пена, а глаза чуть не вылезли из орбит. *Господи!*

Керт тем временем вернулся с дюжиной пар защитных очков. Патрульные надели их, но все равно не могли смотреть на «бьюик», не могли даже подойти к окнам. И вновь вокруг гаража на землю сошла удивительная тишина, тогда как всем казалось, что они должны находиться в эпицентре глобальной катастрофы, среди громов, молний, извержений вулканов, селевых потоков, сходящих лавин. При закрытых дверях и воротах сарая они в отличие от Мистера Диллона не слышали даже гудения. Только шарканье ног, покашливания, вой Мистера Диллона в здании, голос Орвилля Гарретта, уговаривающего пса успокоиться, да потрескивание помех, доносящееся из окна коммуникационного центра, теперь лишенного Кертом ящика с цветами. Больше ничего.

Керт подошел к сдвижным воротам, наклонил голову, поднял руки. Дважды попытался поднять голову и заглянуть в гараж Б, но не смог. Не позволял слишком уж яркий свет. Сэнди ухватил его за плечо.

— Перестань. Не получится. Еще не время. Ослепнешь.

— Что это, Сэнди? — прошептал Кертис. — Господи, что же это?

В ответ Сэнди только покачал головой.

Еще полчаса продолжалось светопреставление, с которым не могло сравниться ни одно из прежних. Гараж Б превратился в огненный шар, выстреливающий ослепительными лучами во все окна и щели. Вспышки сливались, следя одна за другой, горела ярчайшая неоновая реклама, не выделяющая тепла, не издающая шума. Если бы члены семьи Джона Кью появились в это время в расположении взвода, одному Богу известно, что бы они подумали, что бы рассказали и какой части их рассказа поверили бы; но обошлось без заезжих гостей. И к пяти тридцати патрульные взвода Д уже различали только отдельные вспышки, словно источник энергии, питающей этот феномен, начал иссякать. В голове у Сэнди мелькнуло сравнение с дергающимся и кашляющим мотоциклистом, из бака которого вытекают последние капли горючего.

Керт вновь пристроился у окна, и хотя ему приходилось нырять вниз всякий раз, когда «бьюик» выстреливал светом, он использовал промежутки между вспышками — посмотреть, что происходит в гараже. Сэнди присоединился к нему (*Со стороны кажется, что мы участвуем в каком-то таинственном ритуале, подумал он*), так же прятался от вспышек, шурился,

от столь яркого света не спасало и трехслойное поляризованное стекло.

«Бьюик» стоял на прежнем месте, в полной сохранности, ничего в нем не изменилось. Тент лежал на бетонном полу, огонь не расплавил нейлоновое полотно. Инструменты Арки висели на стене. Стопки старых номеров «Каунти американ» лежали в дальнем углу, перевязанные бечевкой. Одной-единственной спички хватило бы, чтобы эти «кирпичи» давнишних новостей стали факелами, но ярчайший свет не обуглил ни одного краешка ни одной газеты.

— Сэнди... ты видишь какой-нибудь из наших образцов?

Сэнди покачал головой, отступил в сторону, снял очки, одолженные ему Кертом. Протянул их Энди Колуччи, достаточно рисковому парню, чтобы решиться заглянуть в гараж. Сам же Сэнди направился к зданию. Гараж Б, похоже, взрываться не собирался. А он исполнял обязанности сержанта, так что дел хватало.

У двери остановился, оглянулся. Даже в темных очках Энди Колуччи и другие не спешили подойти к окнам. Исключение составлял лишь Кертис Уиллокс. Этот стоял у окна, наклонялся к нему, практически прижимался очками к стеклу и лишь чуть отворачивал голову при особенно ярких вспышках, интервал между которыми уже достиг двадцати секунд.

Он точно заработает себе снежную слепоту, подумал Сэнди. И ошибся. Каким-то образом Керт точно уловил ритм вспышек, Сэнди видел, что он отворачивал голову за секунду-две до того, как окно полыхало светом. В этот момент Кертис становился собственной тенью, замершей на фоне моря огня. Зрелище было страшное. Сэнди словно одновременно видел перед собой то, что есть, и то, чего нет, реаль-

ное и нереальное, истинное и мираж. Позже Сэнди подумал, что реакция Керта на «бьюик» на удивление схожа с реакцией Мистера Диллона. Он, конечно, не выл, как пес в комнате отдыха наверху, но и у него установилась с «бьюиком» какая-то внутренняя связь, позволяющая действовать синхронно. Как в танце, такое сравнение потом пришло в голову Сэнди.

Как в танце.

В десять минут седьмого он связался с Мэттом и спросил, как дела. Мэтт ответил, что все нормально (в голосе явственно чувствовалась обида), никаких происшествий, и Сэнди велел ему возвращаться на базу. По приезде Сэнди разрешил Мэтту подойти к гаражу Б и полюбоваться «бьюиком», если у него есть такое желание. Мэтт помчался пулей. Вернулся несколько минут спустя, разочарованный.

— Все это я видел и раньше, — заявил он, еще раз убедив Сэнди в том, что люди в большинстве своем бесчувственные и неблагодарные — даже чудеса, и те им приедаются. — Все парни говорят, что час тому назад гараж чуть не взорвался, а вот как это было, никто рассказать не может.

Презрение, переполнявшее его голос, Сэнди не удивило. В мире сотрудника коммуникационной службы полиции бал правила конкретика: все, что видели человеческие глаза, подлежало ясному и четкому определению в рамках имеющихся кодов и инструкций.

— Не надо так на меня смотреть, — буркнул Сэнди. — Я могу сказать тебе только одно: зрелище было яркое.

— Ага. Яркое. — Мэтт мрачно глянул на него и прошел в дом.

К семи вечера телевизор в комнате отдыха заработал в нормальном режиме (если всю смену сидишь за рулем, несколько минут у экрана телевизора всегда кстати). Восстановилась радиосвязь. Мистер Диллон съел целую миску «Грейви трейн» и болтался на кухне, выпрашивая объедки, то есть вел себя как обычно. И когда в семь сорок пять Кертис всунулся в кабинет сержанта, чтобы сказать, что хочет зайти в гараж Б и посмотреть на оставленные образцы, Сэнди не нашел повода ему отказать. В тот вечер взводом Д командовал он, с этим никто не спорил, но во всем, что касалось «бьюика», последнее слово оставалось за Кертом. Он уже обвязался желтой веревкой. А всю бухту повесил на руку.

— Не самая удачная идея. — На прямой запрет Сэнди пойти не мог, не имел права.

— Фуфло. — В 1983 году это слово было у Кертиса любимым. Сэнди его ненавидел. Считал совершенно неуместным.

Заглянул за плечо Кертиса, увидел, что они одни.

— Кертис, у тебя дома жена, и когда мы в последний раз говорили о ней, ты сказал, что она, возможно, беременна. Ничего не изменилось?

— Нет, но она еще не ходила к...

— У тебя есть жена, и, возможно, ты скоро станешь отцом. Если она не забеременела в этот раз, забеременеет в следующий. И это хорошо. Так и должно быть. Вот я и не понимаю, почему ты готов поставить все на кон ради этого чертова «бьюика».

— Да перестань, Сэнди... Я все ставлю на кон всякий раз, когда сажусь в патрульную машину и выезжаю на дорогу. Всякий раз, когда я выхожу из нее

и направляюсь к нарушителю. И это можно сказать о всех, кто работает в дорожной полиции.

— Там — другое, и мы оба это знаем, так что давай обойдемся без демагогии. Или ты забыл, что случилось с Эннисом?

— Я помню, — ответил он, и Сэнди подумал, что Керт не кривил душой, но с исчезновения Энниса Рафферти прошло почти четыре года. И событие это в определенном смысле так же устарело, как новости в номерах «Кантри американ», лежавшие в гараже Б. А более поздние исчезновения, так это ерунда. Лягушки, они и есть лягушки. Джимми, может, и назвали в честь президента, но он все равно остался песчанкой. И Кертис обвязался веревкой. Веревка вроде бы снимала все вопросы. *Естественно*, подумал Сэнди. *Ни один малыш с надувными наплечниками никогда не утонул в бассейне*. Если бы он сказал такое Кертису, тот бы рассмеялся? Нет. Потому что Сэнди в тот вечер исполнял обязанности сержанта, являлся символом власти ПШП. Но Сэнди не сомневался, что увидел бы смешишки в глазах Кертиса. Кертиз забыл, что веревка не подвергалась испытанию, и если сила, таящаяся в «бьюике», решит его забрать, для этого ей хватит одной-единственной вспышки, после чего на бетонном полу останется желтая веревка с пустой петлей на конце. И все, дружище, прощай навсегда, еще один исследователь, отправившийся утолять свое любопытство неизвестно куда. Сэнди не мог приказать ему держаться подальше от гаража Б, как приказал Мэтту Бабицки отправляться к подножию холма. Ему оставалось лишь одно: постараться отговорить, переубедить. Но разве можно переубедить человека, глаза которого горят азартом, который с радостью соглашается сыграть в орлянку с судьбой? Разругаться с Кер-

тисом он мог, но убедить, что правота на его стороне, — никогда.

— Ты хочешь, чтобы я держал другой конец веревки? — спросил Сэнди. — За чем-то ты же сюда пришел, и уж точно не для того, чтобы узнать мое мнение.

— А ты подержишь? — Кертис заулыбался. — Я буду только рад.

Сэнди пошел с ним, остановился у боковой двери, намотав веревку на руку. Позади стоял Дики-Дак Элиот, готовый ухватить его за ремень, если что-то произойдет и Сэнди потащит в гараж. Исполняющий обязанности сержанта покусывал нижнюю губу, тяжело дышал, пульс участился до ста двадцати ударов в минуту. Он чувствовал идущий из гаража холод, хотя стрелка термометра уже двинулась в обратную сторону: в гараже Б раннее лето сдало свою вахту сырому ноябрю, а печь посреди была мертвя, как лишенный церкви Бог. Время замедлило свой бег. Сэнди уже открыл рот, чтобы спросить Керта, не собрался ли тот навеки поселиться в гараже, но взглянул на часы и увидел, что прошло только сорок секунд. И попросил Керта не заходить за «бьюик». Не дай бог, веревка за что-то зацепится.

— Кертис? Когда откроешь багажник, не суйся в него!

— Понятное дело. — Голос звучал весело, даже негодящее, так подросток обещает отцу и матери, что не будет лихачить на дороге, не будет пить на вечеринке, не полезет в драку и так далее. Все, что угодно, лишь бы они со спокойной душой отпустили его из дома, а уж потом... никто не указ!

Он открыл дверцу со стороны водителя, перегнулся за рулевое колесо. Сэнди напрягся, готовый к рыв-

ку. Его предчувствие, похоже, передалось и Дикки-Даку, потому что тот ухватился за ремень. Но Керт уже подался назад, держа в руке коробку с кузнецами. Посмотрел в дырочки.

— Похоже, все на месте и в полном порядке. — В голосе слышалось разочарование.

— Думал, их поджарило? — спросил Дикки-Дак. — Немудрено, со всем этим огнем.

Но огня не было, только свет. Стены гаража нигде не обуглились, они видели, что стрелка термометра уже подбиралась к пятидесяти пяти градусам*, а из двери по-прежнему тянуло холдом. Но Сэнди понимал ход мыслей Дикки-Дака. Когда голова еще гудит от увиденного, когда в памяти еще свежи ярчайшие вспышки, трудно представить себе, что кузнецчики, находившиеся в эпицентре катализма, остались целыми и невредимыми.

Однако остались. Как потом выяснилось, все до единого. И с лягушкой ничего не случилось, лишь затуманились выпученные глаза. Не просто затуманились, потому что, прыгнув, лягушка наскочила на стену клетки: она ослепла.

Керт открыл багажник и одновременно отступил на шаг, одним плавным движением, совсем как в балете. Сэнди вновь напрягся, готовясь противостоять рывку. Дикки-Дак ухватился за его пояс. И опять тревога оказалась ложной.

Керт заглянул в багажник.

— Тут холодно. — Голос звучал бесстрастно, отстраненно. — Я ощущаю запах. Капусты. И перечной мяты. И... подождите...

Сэнди ждал. Керт продолжал молчать, и Сэнди позвал его.

* 12,8 градуса.

— Я думаю, это соль, — заговорил Кертис. — Как на берегу океана. Запах идет отсюда, из багажника. Я в этом уверен.

— Мне без разницы, чем там пахнет, — крикнул Сэнди. — Я хочу, чтобы ты немедленно выметался оттуда.

— Еще секунду. — И он наклонился над раскрытым багажником. Сэнди уже не сомневался, что Керт затягивает в него, но потом понял, в чем дело: Керт потянулся к ящику с цветами, который позаимствовал с окна коммуникационного центра. И действительно, он достал ящик и повернулся с ним к двери, чтобы Сэнди и Дикки могли его видеть. Цветы выглядели прекрасно, пышно цветли. Два дня спустя засохли, но в этом не было ничего сверхъестественного: они подмерзли в багажнике «бьюика». Для достижения того же эффекта Кертис мог поставить их в холодильник.

— Ты закончил? — Сэнди понимал, что похож на старого, занудного ворчуна, но ничего не мог с собой поделать.

— Да. Похоже на то, — разочарованно ответил Кертис, с силой захлопывая крышку багажника. Сэнди аж подпрыгнул, а Дикки-Дак вновь схватился за его ремень. Сэнди решил, что от волнения Дикки-Дак лишь в самый последний момент удержался, чтобы не дернуть его на себя, и все закончилось бы тем, что они оба крепко приложились задницами к асфальту. Керт тем временем уже направлялся к ним с коробкой из-под кроссовок, клеткой с лягушкой и ящиком для цветов. Сэнди начал выбирать веревку и сворачивать ее, чтобы Керт не зацепился за нее ногой и не упал.

Когда он вышел из гаража, Дикки взял клетку и изумленно уставился на слепую лягушку.

— Такого у нас еще не было.

Керт развязал петлю на талии, опустился на колени, открыл коробку из-под кроссовок. Вокруг собрались четверо или пятеро патрульных. Кузнечики выпрыгнули из нее, едва Кертис снял крышку, но уже после того, как Кертис и Сэнди успели их пересчитать. Восемь, по числу цилиндров «бьюика». Восемь, ровно столько и сидело в коробке до того, как она отправилась на переднее сиденье.

Теперь разочарование отчетливо читалось и на лице Керта.

— Ничего. В итоге практически всегда так и получается. Если есть какая-то закономерность, бином, скажем, квадратичное уравнение или что-то еще... для меня это тайна за семью печатями.

— Тогда, может, тебе стоит поставить на этом крест? — предложил Сэнди.

Керт наклонил голову, наблюдая, как кузнечики прыгают по автостоянке, удаляясь и от них, и друг от друга. Каждый выбирал свой путь, и ни одна теорема или уравнение, выведенные математиками всех времен и народов, не могли определить, где он закончится. Траектории их прыжков определялись теорией Хаоса, и ничем больше. Очки, закрепленные на эластичной ленте, все еще болтались на шее Керта. Он взялся за них рукой, повертел, вскинул глаза на Сэнди. Рот закаменел. Разочарование исчезло. В лице опять читалось стремление поставить на кон все, что у него есть.

— Не думаю, что я к этому готов, — ответил он. — Должно же быть...

Сэнди дал ему шанс продолжить, но, поскольку Кертис не закончил фразу, спросил: «Должно быть что?»

Кертис только покачал головой. Словно не мог сказать.

Или не знал ответа.

Прошло три дня. Они ждали появления еще одной «летучей мыши» или вихря из листьев, но по окончании светопреставления из багажника ничего не исторглось. «Бьюик» мирно стоял посреди гаража. Взвод Д патрулировал тихий и спокойный район Пенсильвании. Конечно, случалось всякое и разное, но реже всего — во вторую смену, что очень устраивало Сэнди Диаборна. Еще день, и его ждали два выходных. На это время бразды правления переходили к Хадди. А к возвращению Сэнди в высокое кресло вновь уселялся бы Тони Скундист, что Сэнди более чем устраивало. Температура в гараже Б еще не сравнялась с окружающей, но дело к этому шло. Стрелка перевалила за шестьдесят*, а многолетние наблюдения показывали, что при столь высокой температуре ничего неординарного не происходило.

Первые сорок восемь часов после чудовищного светотрясения они организовали круглосуточное дежурство. После двадцати четырех часов безрезультатного наблюдения за гаражом и «бьюиком» некоторые начали ворчать насчет пустой тряты времени, и Сэнди не мог их винить. Все-таки за эти дежурства никому не платили. Не могли. В Скрантоне их бы не поняли, получи ведомость на оплату внеурочных по охране гаража Б. И что бы они написали в графе «ПРИЧИНА ВНЕУРОЧНЫХ РАБОТ (РАСПИСАТЬ ПОДРОБНО)?

Керта Уилкокса прекращение круглосуточного наблюдения не радовало, но он учитывал реальную ситуацию. После короткого совещания Сэнди и Керт

* 15,6 градуса.

решили, что еще неделю один из них будет регулярно наведываться к гаражу Б. А если по возвращении из солнечной Калифорнии Тони это не устроит, он мог ввести другой порядок.

И вот день подходит к концу. На часах восемь вечера, аккурат период летнего солнцестояния, солнце еще не зашло, но, красное раздувшееся, сидит на Низких холмах, заставляя всех и вся отбрасывать самые длинные тени. Сэнди сидел в кабинете сержанта, расписывая патрульным дежурства на следующую неделю, удобно устроившись на большом стуле. Случалось, что он представлял себе, что кабинет этот — его постоянное место работы. Такие мысли посетили его и в тот летний вечер. *Я, наверное, смогу справиться с этой работой*, вот о чем он думал, когда Джордж Морган въехал на стоянку на патрульной машине Д-11. Сэнди поднял руку и улыбнулся, когда Джордж отдал ему честь, прикоснувшись к широким полям шляпы: мол, все нормально, босс.

Джордж вернулся с патрулирования, чтобы заправиться. В девяностых годах Дорожную полицию лишили такой возможности, но в 1983-м в расположении каждого взвода имелась своя бензоколонка. Тем самым бюджет штата экономил несколько центов. Джордж настроил насос на автоматическую заправку и направился к гаражу Б, глянуть в окно.

В гараже горел свет (по вечерам они всегда зажигали его), а под лампой неподвижно стояло сокровище взвода Д, роскошный «бьюик-роудмастер» модели 1954 года, поблескивая хромированной решеткой, тихий и смирный, словно он не сожрал патрульного, не ослепил лягушку, не исторг из себя невиданную «летучую мышь». Джордж, которому до личной финишной черты (две банки пива, а потом револьвер в рот,

до самого нёба, чтобы гарантировать результат: если коп что-то решает, то делает все основательно) еще оставалось несколько лет, стоял у сдвижных ворот, как вошло у патрульных в привычку, приняв позу, которую все они принимали: охранника какой-нибудь городской достопримечательности. Ноги на ширине плеч, руки уперты в бока (вариант А), сложены на груди (вариант Б) или приставлены к вискам с двух сторон, чтобы отсечь дневной свет (вариант В). Поза эта говорила, что охранник, ее принявший, знает ответы на многие вопросы, стал экспертом, располагающим временем для обсуждения налогов, политики или причесок молодых.

Джордж насмотрелся и уже собрался уходить, когда раздался глухой и тяжелый удар. За ним последовала пауза (достаточно длинная, как потом сказал он Сэнди, чтобы успеть подумать, а не прислушался ли ему этот удар), и удар повторился. Джордж увидел, как крышка багажника «бьюика» поднялась и опустилась. Он поспешил к боковой двери, чтобы войти и посмотреть, что же там происходит. Потом вспомнил, что имеет дело с автомобилем, который иногда жрет людей. Огляделся в поисках подмоги, чтобы его подстравховали, никого не увидел. Когда тебе нужен коп, его никогда не найти. Джордж хотел войти в гараж один, но вспомнил об Эннисе (минуло четыре года, а он так и не пришел на обед) и побежал к зданию.

— Сэнди, тебе бы лучше пойти со мной. — Джордж стоял в дверях, испуганный, ловя ртом воздух. — Я думаю, может, кто-нибудь из наших идиотов запер в багажнике «бьюика» другого идиота. Шутки ради.

Сэнди уставился на него словно громом пораженный. Не в силах (а может, не желая) поверить, чтобы

кто-нибудь, даже этот кретин Сантерр, мог такое учудить.

Да, люди могли такое сделать, он это знал. Знал и другое: в большинстве случаев в их проделках не было злого умысла.

Джордж истолковал изумление исполняющего обязанности сержанта за недоверие.

— Я, конечно, могу ошибаться, но, честное слово, я не вешаю тебе лапшу на уши. Что-то бьется о крышку багажника. Изнутри. Словно в нее стучат кулаком. Я уже хотел посмотреть, что там такое, но передумал.

— И правильно, — кивнул Сэнди. — Пошли.

Они поспешили к выходу. Сэнди лишь задержался, чтобы заглянуть на кухню и позвать тех, кто был наверху. Но никого не было ни там, ни там. На базе всегда кто-то был, и как могло случиться, что на этот раз Сэнди никого не нашел? Почему? Да потому что полицейского, когда он нужен, никогда нет поблизости. Херб Эвери в этот вечер сидел в коммуникационном центре, хоть один да нашелся, и мог составить им компанию.

— Хочешь, чтобы я отозвал кого-нибудь с патрулирования, Сэнди? — спросил он. — Если надо, я отзову.

— Нет, — ответил Сэнди, вспоминая, где он в последний раз видел бухту веревки. Скорее всего в будке. Если только кто-нибудь не унес ее домой, чтобы с ее помощью затащить наверх что-нибудь тяжелое. С учетом того, как ложилась фишка, Сэнди не удивился, если бы его предположение оправдалось.

— Пошли, Джордж.

Вдвоем, под красным закатным светом, они пересекли автостоянку, отбрасывая длиннущие тени, пер-

вым делом направившись к воротам, чтобы заглянуть в окно. «Бьюик» стоял на том же месте, где оставил его Джонни Паркер, отцепив от тягача (Джонни уже ушел на пенсию, на ночь клал рядом с кроватью кислородную подушку, но продолжал курить). И он отбрасывал тень на бетонный пол.

Сэнди уже начал отворачиваться, собираясь заглянуть в будку и проверить, там ли веревка, когда раздался очередной удар. Крышка багажника заходила ходуном, поднялась посередине, потом опустилась. Сэнди показалось, что «роудмастер» даже качнулся на рессорах.

— Вот! Ты видел? — воскликнул Джордж. Хотел добавить что-то еще, но тут защелка крышки багажника открылась, крышка поднялась и из багажника вывалилась рыба.

Разумеется, рыбу она напоминала не больше, чем невиданное чудище, которое они вскрыли, — «летучую мышь», но они сразу поняли, что это существо не приспособлено к жизни на суше. Об этом ясно говорили жабры, целых четыре с одной стороны, параллельные разрезы на коже цвета потемневшего ста-ринного серебра. Имелся у рыбины и здоровенный мембранный хвост, он растянулся в последний раз, вываливаясь из багажника, дрожа предсмертной дрожью. Мембрана «сходилась к круглому и гибкому «переходнику», и Сэнди понял, что именно хвост лупил по крышке багажника. Да, тут сомнений быть не могло, но как рыбина таких габаритов уместилась в багажнике, оставалось для них тайной. Плюхнувшаяся на бетонный пол гаража громадина размерами не уступала дивану.

Джордж и Сэнди ухватились друг за друга, совсем как испуганные дети, и закричали. На мгновение они

и превратились в детей, все взрослые мысли вымело из головы. Где-то в здании залаял Мистер Диллон.

Существо лежало на полу, такая же рыба, как волк — домашнее животное, хотя, возможно, он и очень похож на собаку. Во всяком случае, рыбой оно было до лиловых пластин жабр. А вот голову заменяло невиданное глазом и будоражащее желудок: шевелящаяся масса розовых отростков, слишком тонких, чтобы сойти за щупальца, слишком толстых для волос. Каждый заканчивался черным набалдашником, и Сэнди, когда к нему вернулась способность мыслить, первым делом подумал: *Креветки, верхняя часть головы — креветки, а эти черные набалдашники — глаза.*

— Что случилось? — завопил кто-то. — Что?

Сэнди повернулся и увидел стоящего в дверном проеме черного хода Херба Эвери. С безумными глазами, с «ругером» в руке. Сэнди открыл рот, но понячалу из него лишь со свистом выходил воздух. Стоящий рядом с ним Джордж даже не повернулся. Смотрел в окно, с отвалившимся, как у дебила, челюстью.

Сэнди глубоко вдохнул и предпринял вторую попытку. Задуманный крик обернулся едва слышным писком, но, во всяком случае, с губ уже сорвались слова.

— Все нормально, Херб, у нас пятерка. Иди на рабочее место.

— Но тогда почему...

— На рабочее место! — *Так-то лучше*, подумал Сэнди. — Быстро, Херб. И убери в кобуру эту штуковину.

Херб взглянул на револьвер, словно и не помнил, как выхватывал его. Сунул в кобуру, вновь посмотрел на Сэнди, дабы убедиться, что тот не будет менять от-

данный приказ. Сэнди замахал руками, показывая: уходи, уходи.

Херб ушел, крича Мистеру Д, чтобы тот прекратил лаять.

Сэнди повернулся к Джорджу, который побледнел как полотно.

— Оно дышит, Сэнди... или пытается дышать. Жабры двигаются, и бок поднимается и опускается. Теперь все. — На Сэнди смотрели испуганные глаза, огромные, как у ребенка, ставшего очевидцем автомобильной аварии. — Я думаю, оно умерло. — Губы дрожали. — Господи, я надеюсь, что оно умерло.

Сэнди глянул в окно. Поначалу решил, что Джордж ошибся и существо живо. Все еще дышит или старается дышать. Потом разглядел и велел Джорджу принести видеокамеру.

— А как насчет ве...

— Веревка нам не понадобится, потому что мы туда не пойдем, во всяком случае, пока. Но камеру принеси. И побыстрее.

Джордж двинулся вокруг гаража, ноги не очень-то и слушались. Его шатало. Сэнди снова приприник к стеклу, руками отсек красный свет заката. Движение в гараже наблюдалось, но движение смерти — не жизни. Парок поднимался от серебристого бока и из лиловых разрезов жабр. «Летучая мышь» не разлагалась от соприкосновения с земным воздухом, а вот листья разложились, и очень быстро. С «рыбой» происходило то же самое, что и с листьями, и Сэнди предчувствовал, что процесс, начавшийся, пойдет очень быстро.

Даже стоя вне гаража, отделенный от «рыбины» воротами, он чувствовал запах. Едкий запах капусты, огурца и соли, запах супа, которым могли накормить

человека, если хотели, чтобы он не наелся, а проблема-
вался.

Пара становилось все больше. Теперь он сочился и из копны розовых отростков, заменивших существу голову. Сэнди показалось, что он слышит свист, но понимал, что, возможно, свист этот — плод его воображения. Потом черная щель появилась на серебристо-серой чешуе, побежала от мембранных хвостов к жабрам. Из нее начала сочиться черная жидкость, возможно, та самая, в луже которой Хадди и Арки нашли «летучую мышь». Отдельные капельки быстро слились в поток. Сэнди видел, как бок над разрывом раздувается все больше. То была не галлюцинация, да и свист ему не послышался. «Рыба» не просто разлагалась — разваливалась. Причиной, видимо, служило изменение не только давления, но и всей окружающей среды. Он вроде бы читал (а может, видел по телевизору), что глубоководные существа, поднятые на поверхность, просто взрывались.

— Джордж! — заорал Сэнди во всю мошь легких. — Поторопись, черт бы тебя побрал!

Джордж выбежал из-за угла, держа треногу обеими руками. Объектив видеокамеры поблескивал отраженным красным светом.

— Не смог снять ее с треноги. — Он тяжело дышал. — Не разобрался с замком... ничего не получилось...

— Не важно. — Сэнди выхватил у него треногу с видеокамерой. Тренога помешать не могла. Длину ножек выставляли по высоте окон в сдвижных воротах гаража. Проблема была в другом: когда Сэнди нажал кнопку «ON» и приник к видеоскателью, вместо картинки он увидел красную надпись: «LO BAT»*.

* «LO BAT» — сокр. анг. «Low Battery» — «Батарейка разряжена».

— Иуда-грабаный-Искариот на сраном костыле! Беги в будку, Джордж. Посмотри на полке с запасными кассетами, там должна быть новая батарейка.

— Но я хочу посмотреть.

— А мне плевать! Быстро!

Он убежал. Шляпа сдвинулась набок, придавая ему игривый вид. Когда Сэнди вновь приник к видеосмотрителю, начала тускнеть даже красная надпись «LO BAT».

Керт меня убьет, подумал он.

Он посмотрел в окно, ожидая увидеть кошмар. Ведь бок страшилища треснул, черная жижа уже изливалась потоком. Черное пятно расползлось по бетонному полу. За жижей начали вываливаться внутренности: дряблые желтовато-красные мешки. Большинство сразу лопалось, и от них поднимался пар.

Сэнди отвернулся, зажимая рот рукой, пока не убедился, что приступ тошноты прошел, потом крикнул:

— Херб! Если хочешь взглянуть, это твой шанс! Быстро сюда!

Почему Сэнди первым делом подозвал Эвери, потом он объяснить так и не смог. В тот момент, однако, решение представлялось вполне логичным. Но Сэнди, пожалуй, не удивился, если бы выкрикнул имя умершей матери. Иногда рассудок действует сам, без всякого контроля. В данный момент ему требовался Херб. В коммуникационном центре всегда кто-то должен быть, это правило неукоснительно выполнялось в сельских районах. Но правила для того и пишутся, чтобы их нарушать, а Херб никогда в жизни не видел ничего подобного, никто из них не видел, и если у Сэнди не будет видеопленки, он хотя бы сможет представить очевидца. Двух, коли Джордж успеет вернуться вовремя.

Херб тут же выскочил из дома, словно стоял за дверью черного хода в ожидании команды. Рванул через автостоянку, залитую красным светом. На лице — страх и любопытство. Как только он подбежал, из-за угла выскочил Джордж, махая рукой с зажатой в кулаке батарейкой. Он напоминал участника телевикторины, только что выигравшего первый приз.

— Господи, что за запах? — Херб зажал рукой нос и рот, заглушив слова, последовавшие за «Господи».

— Запах — не самое худшее, — ответил Сэнди. — Ты лучше посмотри в окно, пока есть на что.

Оба посмотрели и одновременно вскрикнули от отвращения. Рыбу разорвало по всей длине, и она медленно съеживалась, тонула в озере черной жидкости, собственной крови. Белые облака пара клубились над телом и внутренностями. Густотой пар напоминал дым, поднимающийся над кучей горящих листьев. «Бьюик» терялся в нем, все более и более напоминая автомобиль-призрак.

Будь зрелище интереснее, Сэнди скорее всего дольше возился бы с камерой, возможно, поначалу вставил бы батарейку не той стороной или в спешке перевернул треногу. Но, к сожалению, на этот раз записать на пленку он не мог почти ничего, как бы ни торопился, и сей факт подействовал на него успокаивающе. Так что батарейка встала куда положено с первой попытки. А когда он приник к видеоискателю, то увидел ясную и четкую картинку исчезающей аморфной массы, которая первоначально могла быть чем угодно — от выброшенного на берег морского чудовища до рыбной версии Кардиффского гиганта, упятанного в огромный кусок сухого льда. На пленке секунд десять были видны розовые отростки, служившие головой невиданному обитателю неизвестно

каких морей, превращающиеся в жидкость красные мешки, протянувшиеся вдоль тела, грязная пена, выступающая на хвосте. А потом существо, вывалившееся из багажника «бьюика», исчезло, оставив лишь смутный силуэт в тумане. Они едва видели и автомобиль. Но даже сквозь туман видели, что багажник открыт, и выглядел он, как жадно раззявленный рот. *Подойдите ближе, милые детки, подойдите ближе, посмотрите на живого крокодила.*

Джордж отступил на шаг, в горле клокотало, он качал головой.

Сэнди опять подумал о Кертисе, который неожиданно уехал сразу после смены. Они с Мишель наметили на этот вечер большую программу: обед в «Треснувшей тарелке» в Гаррисоне и поход в кино. Они уже наверняка поели и теперь сидели в кинотеатре. Каком именно? Рядом находились три. Будь у них ребенок, Сэнди мог бы позвонить сиделке и узнать. Но стал бы звонить? Скорее всего нет. Наверняка бы не стал. Керт после последних восемнадцати месяцев начал потихоньку смиряться, что «бьюик» так и останется непознанной тайной, Сэнди надеялся, что процесс пойдет и дальше. Он неоднократно слышал слова Тони, что ценность человека для ПШП (да и любой другой службы охраны правопорядка) определяется правдивостью ответа на один-единственный вопрос: *Как дела дома?* Речь шла не о том, что работа у них опасная. Работа была и безумной, приходилось сталкиваться с самым худшим, что только заложено в людях. И чтобы служить долго, честно выполнять свой долг, копу требовался крепкий и надежный якорь. У Керта была Мишель, возможно, вскорости появится и ребенок. Поэтому имело смысл выдергивать его на базу только в случае крайней необходимости — ведь

причину вызова ему придется выдумывать. Слишком уж частые байки про бешеных лисиц и неожиданные изменения рабочего графика вызывали у жен подозрения. Сэнди понимал: Керт разозлится, что ему не позвонили, разозлится еще больше, посмотрев убогую видеозапись, но решил, что он это переживет. Должен пережить. Опять же до возвращения Тони оставалось совсем ничего. А потом он мог рассчитывать на помощь сержанта.

Следующий день выдался холодным и ветреным. Они откатили ворота гаража Б и шесть часов проветривали помещение. Потом четверо патрульных, ведомых Сэнди и Уилкоксом, лицо которого напоминало каменную маску, вошли в гараж со шлангами. Вымыли бетонный пол и выбросили остатки рыбы в высокую траву за гаражом. Повторилась история с «летучей мышью», только закончилась она большим количеством грязи. И завершение ее запомнилось выяснением отношений между Кертисом Уилкоксом и Сэнди Диаборном.

Керт действительно разъярился, что ему не позвонили, и на этот предмет, да и на другие тоже, два сотрудника правоохранительной службы затеяли очень живую дискуссию, когда нашли место, где другие сослуживцы не могли их услышать. Для выяснения отношений как нельзя лучше подошла автостоянка у бара «Тэп», куда они поехали пропустить по кружке, после того как привели в порядок гараж. В самом баре они просто говорили, но на автостоянке голоса начали набирать силу. Очень скоро они уже не слушали друг друга, говорили одновременно, а потому перешли на крик. Обычно так и происходит.

Я просто не могу поверить, что ты мне не позвонил.

Ты закончил смену, пошел с женой в ресторан и кино, да и смотреть-то было не на что.

Я предпочитаю решать самому...

Не было...

...на что мне смотреть, Сэнди...

...времени! Все произошло...

По крайней мере ты мог бы сделать хорошую видеозапись для архива...

О каком архиве ты говоришь, Кертис? Каком грекоманом архиве?

К этому моменту они уже стояли нос к носу, сжав кулаки, готовые пустить их в ход. На грани того, чтобы пустить их в ход. Жизнь соткана из самых разных моментов. Наберется в ней и дюжина таких, когда все висит на волоске. Стоя на автомобильной стоянке, разбираемый желанием врезать мальчишке, который уже не был мальчишкой, новобранцу, который уже не был новобранцем, Сэнди осознал, что один из таких моментов наступил. Ему нравился Керт, и он нравился Керту. Последние годы они работали вместе, плечом к плечу. Но, если бы события развивались в том же направлении, все бы переменилось. Поэтому его следующая фраза стала ключевой.

— Эта тварь воняла, как корзина с норками — вот что он сказал. Почему — неведомо. — Даже снаружи чувствовалось.

— Откуда ты знаешь, как воняет корзина с норками? — Кертис улыбнулся. Чуть-чуть.

— Считай это поэтической метафорой, — чуть улыбнулся и Сэнди. Они двинулись куда следует, но еще не покинули опасную зону.

— А тебе доводилось нюхать что-нибудь похуже туфель той проститутки? — спросил Керт. — Из Роксбера?

Сэнди засмеялся. Керт последовал его примеру. И напряжение разом спало.

— Пойдем обратно, — предложил Керт. — Я угошу тебя пивом.

Пить пиво Сэнди не хотелось, но он согласился. Потому что речь шла не о пиве, а восстановлении дружеских отношений.

Когда они уселись в угловую кабинку, разговор вновь вернулся к «бьюику».

— Я же сунулся в багажник, Сэнди. Ощупал дно руками.

— Я тоже.

— Заглядывал под днище. Это не фокус иллюзиониста, ящика с двойным дном там нет.

— А если бы и был, вчера из него выскочил не белый кролик.

— Животные и растения исчезают, если находятся в непосредственной близости от «бьюика», — заметил Кертис. — А вот если что-то появляется, то обязательно из багажника. Ты заметил?

Сэнди задумался. Никто из них не видел, откуда вылетела «летучая мышь», но багажник был открыт, это точно. Листья — да, Фил Кандлтон тому свидетель, видел, как их выдуло из багажника, словно вихрем.

— Ты согласен? — В голосе слышалось нетерпение, голос настаивал, что Сэнди должен согласиться, это же очевидно.

— Похоже на то, но не думаю, что у нас достаточно доказательств, чтобы это утверждать, — наконец ответил Сэнди. Он понимал, что такой ответ определенно не понравится Керту, но не хотел кривить душой, сказал, что думал. — Один теплый день — еще не лето. Слышал такую поговорку?

Керт выпятил губу, шумно выдохнул.

— Просто, как апельсин, эту ты слышал?

— Керт...

Керт вскинул руки, как бы говоря: нет, нет, нет, не будем возвращаться к тому, от чего ушли на автостоянке.

— Я тебя понял. Я с тобой не согласен, но я тебя понял.

— Хорошо.

— Скажи мне только одно: когда мы накопим достаточно информации, чтобы делать какие-то выводы? К примеру, откуда взялась эта рыбина? Если мне придется смириться, что я получу ответ только на один вопрос, хотелось бы остановиться на этом.

— Вероятно, никогда.

Керт воздел руки к закопченному табачным дымом потолку, потом хватил кулаками по столу.

— Господи! Я знал, что ты это скажешь! Мне хочется задушить тебя, Диаборн!

Они посмотрели друг на друга, поверх кружек с пивом, к которым ни один не притронулся, и Керт рассмеялся. Сэнди улыбнулся. А мгновением позже смеялся и он.

ТЕПЕРЬ: Сэнди

Тут Нед меня остановил. Хотел пойти в дом и позвонить матери. Сказать ей, что у него все в порядке и он обедает в расположении взвода с Сэнди, Ширли и еще несколькими патрульными. Другими словами, солгать ей. Как лгал его отец.

— Только вы никуда не уходите. — У двери он обернулся. — Никуда не уходите.

Когда он исчез, Хадди повернулся ко мне. На его широком лице читалась озабоченность.

— Ты думаешь, рассказывать ему все это — хорошая идея, сержант?

— Теперь он захочет увидеть все видеопленки, — добавил Арки. Он пил рутбир. — Такого кино нигде не посмотришь.

— Я не знаю, хорошая это идея или плохая, — прозвучало глупо. — Я только знаю, что давать задний ход уже поздно. — Я поднялся и прошел в дом.

Нед как раз клал трубку на рычаг.

— Куда вы? — Брови его сошлись на переносице, и я вспомнил, как стоял нос к носу с его отцом на автостоянке у маленького бара «Тэп», который стал для Эдди Джи домом вне дома. Именно так же сошлись тогда брови Керта.

— В туалет, — ответил я. — Не волнуйся, Нед, ты услышишь все, что захочешь. Все, что можно услышать. Но напрасно ты ждешь чего-то удивительного.

Я нырнул в сортир и захлопнул дверь до того, как он что-то ответил. А следующие пятнадцать секунд блаженствовал. Как и пиво, ледяной чай нельзя купить, он только берется в аренду. Когда я вернулся, скамья курильщиков пустовала. Они все пошли к гаражу Б и теперь смотрели в окна ворот, выходивших на задний фасад нашего здания. Каждый в позе охранника городской достопримечательности, так хорошо мне знакомой. Только теперь у меня в голове обратное сравнение. Когда я вижу людей, глазеющих сквозь щели в дощатом заборе или сквозь ячейки в сетчатом на вырытую в земле дыру, прежде всего я думаю о гараже Б и «бьюике 8».

— Вы видите там что-нибудь такое, что нравится вам больше, чем вы сами? — крикнул я через автостоянку.

Похоже, не видели. Арки вернулся первым, сразу за ним — Хадди и Ширли. Фил и Эдди задержались у гаража чуть дольше, а сын Керта вернулся последним. И в этом он ничем не отличался от отца. Кертис тоже крутился у окон дольше всех. Если у него было на это время. Не стоял там, сколько хотел, потому что преимуществ у «бьюика» не было никаких. Если бы были, я уверен, что мы подрались бы на автостоянке у «Тэпа» вместо того, чтобы найти возможность обратить все в шутку. Мы нашли такую возможность, потому что драка бросила бы тень на репутацию взвода Д, а он ставил взвод выше всего: «бьюика», жены, даже семьи, когда появилась семья. Я как-то спросил его, чем он гордится больше всего в жизни. Он ответил: «Формой». Я его понял, и меня тронул такой ответ, но, не могу не признаться, и ужаснулся. Но именно ответственное отношение к службе и спасло его. Он гордился выполняемой работой, гордился формой, которую носил, и эта гордость помогла ему сохранить самообладание и здравомыслие. Без нее «бьюик» точно обратился бы для него в навязчивую идею и свел с ума. Но не работали и убила его? Согласен. Однако между поступлением на службу и смертью лежали долгие годы, счастливые годы. И вот теперь рядом со мной сидел его сын, который находился куда в худшем положении, чем отец, потому что у него работа не уравновешивала притяжение «бьюика». Его переполняли множество вопросов и наивная вера, что ответы обязательно появятся, потому что они ему очень нужны. *Фуфло*, как мог бы сказать его отец.

— Температура чуток упала, — заметил Хадди, когда все вновь уселись. — Может, это и ничего, а может, он выкинет какой-нибудь фортель. Надо бы за ним понаблюдать.

— Что случилось после того, как вы и мой отец едва не подрались на автостоянке? — спросил Нед. — И только не надо опять рассказывать мне о шифрах и кодах. О них я уже все знаю. Я учусь работе в коммуникационном центре, не забывайте об этом.

А чему, скажите на милость, учился парнишка? Проведя месяц, если отсчитывать от того дня, когда он получил официальное разрешение, в каморке с радио, компьютерами и модемами, что он в действительности узнал? Шифры и коды, да, с этим он управлялся быстро и голос его звучал очень профессионально, когда он отвечал по красному телефону: «Полиция штата, Стэтлеровское отделение, патрульный взвод Д, ПИСП* Уилкокс, чем я могу вам помочь?» — но знал ли он, что каждый шифр и код — звено в цепи? Что цепи есть везде и каждое следующее звено сильнее или слабее предыдущего? Разве можно исходить из того, что мальчишка, даже такой умный, это знает? Это цепи, которые мы куем по жизни. Мы их создаем, мы их носим и иногда делимся ими друг с другом. На самом деле Джордж Морган не застрелился в гараже. Просто запутался в одной из таких цепей и повесился на ней. Но до того помог нам вырыть могилу Мистеру Диллону в чудовищно жаркий летний день, вскоре после того, как в Потинвиле сгорел грузовик-цистерна.

Никаким шифром или кодом не выразить стремление Эдди Джейкобю проводить все больше и больше времени в «Тэпе»; нет шифра или кода для Энди

* ПИПС — проходящий испытательный срок патрульный.

Колуччи, изменявшего жене, пойманного на этом, просившего прощения, умолявшего дать ему еще один шанс, но получившего отказ; нет кода для отъезда Мэтта Бабицки; для прихода Ширли Пастернак. Многое не объяснишь, если не признавать наличия этих цепей, какие-то из них созданы из любви, другие — из чистой случайности. К примеру, поведение Орвилля Гарретта, опустившегося на одно колено у свежей могилы Мистера Диллона, плача, положившего на землю его ошейник и сказавшего: «Извини, напарник, извини».

Важно ли это для моего рассказа? Я полагал, что да: А вот мальчишка придерживался противоположного мнения. Я пытался дать ему контекст, а он снова и снова отталкивал его от себя, как «бьюик» не принимал ничего лишнего, даже маленьких камушков, которые не могли удержаться в протекторе. Ты засовываешь их в прорезь, а десять или пятнадцать секунд спустя они выпадают. Тони проводил такой эксперимент, я тоже, отец этого мальчишки — неоднократно, даже фиксировал на видеокамеру. А теперь рядом со мной сидел этот мальчишка, одетый в гражданское, не в серой униформе, которая могла уравновесить его интерес к «бьюику», сидел, отталкивая мои слова, хотя уже и знал, сколь опасно это восьмицилиндровое чудо, хотел слушать рассказ только о «бьюике», вне контекста и истории, не желал знать ни о каких цепях. Хотел только того, что ему приглянулось. И в своей злости полагал, что имеет на это право. Я считал, что он ошибается, потому и злился на него, но скажу вам честно, я его и любил. Видите ли, очень уж он напоминал своего отца. Вплоть до бесшабашного, рискового взгляда.

— Следующую часть я тебе рассказать не могу. Меня там не было.

Я повернулся к Хадди, Ширли, Эдди Джи. Все как-то поежились. Эдди, тот вообще отвел от меня взгляд.

— Что скажете? — спросил я их. — ПИСП Уилкокса не интересуют шифры и коды, он желает услышать только хронику случившегося. — Я бросил на Неда иронический взгляд, который тот или не понял, или предпочел не понять.

— Сэнди, а что... — начал Нед, но я поднял руку, как регулировщик. Я инициировал процесс. Возможно, в тот самый момент, когда приехал на базу, увидел, как он выкашивает лужайку, и не отоспал домой. Он хотел услышать эту историю. Отлично. Пусть выслушает, и поставим на этом точку.

— Парень ждет. Кто из вас поможет ему? И я хочу, чтобы рассказали все. Эдди?

Он подпрыгнул, словно я его пощекотал, бросил на меня нервный взгляд.

— Как звали того парня? Парня в ковбойских сапогах и со свастикой на груди?

Эдди в шоке вытаращился на меня. Его глаза спрашивали: а уверен ли я, что это надо рассказывать? Никто об этом парне не говорил. Во всяком случае, до этого вечера. Иногда мы говорили о том дне, когда взорвалась цистерна, смеялись, как Хадди и другой парень мирились с Ширли, собрав для нее букет (аккурат перед взрывом), но не об этом любителе ковбойских сапог. О нем — никогда. Но теперь мы, клянусь Богом, будем говорить о нем.

— Лепплер? Липпьер? Что-то в этом роде, не так ли?

— Его звали Брайан Липпи, — ответил наконец Эдди. — В свое время мы достаточно хорошо знали друг друга.

— Правда? — спросил я. — Впервые слышу.

Я положил начало следующей главе нашего рассказа, Ширли Пастернак продолжила (в той части, которая касалась ее), говорила тепло, глядя на Неда, накрыв руку его своей. Меня не удивило, что она заговорила следом за мной, не удивило, когда в разговор включился Хадди и они вели рассказ попеременно. А вот удивился я, когда свою лепту начал вносить Эдди Джи, начал по чуть-чуть, потом все больше и больше. Я велел ему посидеть, пока будет что сказать, но все-таки удивился, когда этот миг настал и он разговорился. Сначала говорил медленно, нерешительно, словно сомневаясь в собственной памяти, но когда подошел к главному, стал рассказывать, как увидел, что этот говнюк Липпи вышиб окно, голос его заметно окреп, в нем прибавилось уверенности. Теперь рассказ вел мужчина, который помнил все и решил ничего не скрывать. Говорил он, не глядя ни на Неда, ни на меня, вообще ни на кого. Он смотрел на гараж Б, где иной раз на свет божий появлялись чудовища.

ТОГДА: Сэнди

К лету 1988 года почти как «бьюик» стал рутинной составляющей повседневной жизни патрульного взвода Д, такой же, как и все прочие. А почему и нет? Любой уродец может стать членом семьи, все определяют время и наличие доброй воли. Ведь после исчезновения мужчины в черном пальто («С маслом порядок!») и Энниса Рафферти прошло уже девять лет.

Автомобиль по-прежнему устраивал светопреставления, время от времени, а Тони и Кертис продолжали проводить эксперименты. В 1984-м Керт попытал-

ся использовать видеокамеру, которая включалась пультом дистанционного управления, помещенного в кабину «бьюика» (ничего путного не вышло). В 1985-м Тони попытался проделать то же самое с магнитофоном «Уолленсак» (записалось гудение, то возникающее, то пропадающее, и далекое каркалье ворон, ничего больше). Проводились эксперименты и с животными. Некоторые умерли, ни одно не исчезло.

В целом ситуация устаканивалась. Если светопреподавания и происходили, мощностью они значительно уступали первым (и, разумеется, феерическому шоу 1983 года). И в те дни больше всего хлопот доставлял взводу Д человек, знать не знавший о существовании «бьюика». Эдит Хаймс (она же Драконша) продолжала твердить прессе (когда прессы желала слушать) об исчезновении брата. Продолжала настаивать, что это не обычное исчезновение (заставила-таки Сэнди и Керта задуматься, а что есть обычное исчезновение). Продолжала настаивать, что сослуживцы Энниса Знали Больше, Чем Говорили. В этом она говорила чистую правду. Керт Уилкокс не раз и не два высказался в том смысле, что эта женщина — единственная неприятность, доставленная взводу Д «бьюиком». При этом сослуживцы Энниса по-прежнему оказывали ей финансовую поддержку, прекрасно понимая, что это — лучшая защита от всех нападок. После публикации очередной статьи Тони сказал своим подчиненным: «Не берите в голову, парни, время на нашей стороне. Помните об этом и продолжайте улыбаться». Он не ошибся. К середине восьмидесятых представители прессы в большинстве своем перестали отвечать на ее звонки. Даже WKML, радиостанция, вещающая на три округа, в программе которой «Фактические но-

вости в пять вечера» частенько мелькали сообщения о снежном человеке, замеченном в Лассбургском лесу, или что в городе N источником раковых заболеваний стала питьевая вода, потеряла к ней интерес.

Еще трижды из багажника «быуика» появлялись невиданные существа. Один раз — полдюжины больших зеленых жуков, которые ничем не напоминали жуков, обитающих на Земле. Керт и Тони провели полдня в университете Хорликса, проглядывая книги и альбомы по энтомологии, но и там ничего похожего не нашли. Собственно, и такого оттенка зеленого патрульные никогда не видели, хотя и не могли точно объяснить разницу. Карл Брандейдж окрестил его «зеленая головная боль». Потому что, сказал он, зеленые жуки того же цвета, что и приступы мигрени, которые иногда у него случались. В багажнике их нашли уже дохлыми. При постукивании рукояткой отвертки по щитку слышались такие же звуки, как при постукивании куском металла по дереву.

— Хочешь провести вскрытие? — спросил Тони Керта.

— Вы хотите, чтобы я провел вскрытие? — ответил Керт вопросом на вопрос.

— Скорее нет, чем да.

Керт посмотрел на жуков в багажнике, большинство лежали на спинах лапками вверху, и вздохнул.

— Я тоже. Какой смысл?

Поэтому жуков не пришипили к пробковой доске и не вскрыли под неусыпным оком видеокамеры. Каждый из них отправился в отдельный мешочек для хранения вещественных улик, а мешочки легли на полку обшарпанного зеленого металлического шкафа в подвале. Позволив инопланетным жукам неизученными перекочевать из багажника «быуика» в зеленый

шкаф, Кертис показал, что и он с течением времени смиряется с неизбежным, понимает, что никаких разгадок от «бьюика» добиться не удастся. Но иногда прежний огонь загорался в его глазах. И когда Тони или Сэнди видели, как он стоит у сдвижных ворот гаража Б, жадно вглядываясь внутрь, глаза его обычно горели тем самым огнем. В отличие от остальных патрульных Керт никогда не терял интереса к «подаркам» почти как «бьюика».

Он привыкал к автомобилю, все так, но всегда помнил, что живет рядом с чудом.

Холодным февральским днем 1984 года, через пять месяцев после появления жуков, Брайан всунулся в кабинет сержанта. Тони Скундист находился в Скрантоне, пытался объяснить, почему он не полностью израсходовал бюджетные средства, выделенные на 1983 год (одного-двух экономных сержантов хватало, чтобы в глазах законодателей остальные выглядели транжирами), и высокое кресло занимал Сэнди Диаборн.

— Думаю, тебе лучше приподняться и пройти к гаражу, босс. Код Д.

— О каком коде Д мы говорим, Брай?

— Багажник открыт.

— И ты уверен, что он не просто открылся? Фейерверков не было с Рождества. Обычно...

— Обычно перед этим случается фейерверк, я знаю. Но последнюю неделю в гараже держалась слишком низкая температура. Кроме того, я там что-то вижу.

Этого хватило, чтобы Сэнди вскочил. Почувствовал, как гулко забилось сердце. Опять придется убивать всякую дрянь. *Пожалуйста, Господи, только не*

еще одну рыбку, взмолился он. Ничего такого, что нужно смыть из шланга, надев маску.

— Ты думаешь, это живое? — спросил Сэнди. Он надеялся, что голос звучит спокойно, но внутри его уже тряслось. — То, что ты видел, оно похоже...

— Оно похоже на растение, торчащее корнями вверх, — ответил Брайан. — Часть свешивается на задний бампер. И вот что я скажу, босс, оно немного похоже на длинноцветковую лилию.

— Пусть Мэтт вызовет Керта. Тем более что смена у него уже заканчивается.

Керт подтвердил, что получил код Д, сказал, что находится на Соумилл-роуд и подъедет через пятнадцать минут. Этого времени вполне хватило Сэнди, чтобы взять из будки желтую веревку и насмотреться на очередной «подарок» в слабенький бинокль, который тоже держали в будке. Он согласился с Брайаном. Из багажника вроде бы свешивалось растение, и оно напоминало длинноцветковую лилию Истер. Вырванную с корнем дней пять назад и уже наполовину засохшую.

Появился Керт, припарковался перед заправочной колонкой, подбежал к тому месту, где Сэнди, Брайан, Хадди, Арки Арканян и несколько других патрульных стояли у окон гаража в позе охранника городской достопримечательности. Сэнди протянул бинокль, Керт взял. Простоял с минуту, сначала подстраивал резкость, потом только смотрел.

— Ну, — спросил Сэнди, когда Керт наконец насмотрелся.

— Я иду в гараж. — Слова эти ни в коей мере Сэнди не удивили, иначе зачем бы он брал веревку. — А если эта торчащая из багажника хреновина не подпрыгнет и не попытается меня укусить, я ее сфото-

графирую, сниму на видео и упакую в мешок. Мне нужно пять минут, чтобы подготовиться.

Он уложился быстрее. Вышел из здания в хирургических перчатках, в ПШП они уже получили прозвище «спидовские рукавички», фартуке парикмахера, резиновых галошах и шапочке для плавания. На шее у него болталась «пафф-пэк», маленькая пластиковая дыхательная маска с запасом кислорода на пять минут. В одной затянутой в перчатку руке он нес «Полароид». За пояс засунул зеленый пластиковый мешок для мусора.

— Эй, красавчик! — крикнул Хадди, снимая его на видеокамеру. — Помаши рукой своим верным фанам!

Кертис Уилкокс помахал. Некоторые из фанов смотрели эту пленку и через семнадцать лет после его безвременной гибели, стараясь не плакать, даже когда смеялись, глядя на его глупый наряд.

Из раскрытоого окна коммуникационного центра Мэтт запел ему вслед на удивление сильным тенором: «Обними меня... красавчик! Поцелуй меня... красавчик!»

Керт и ухом не повел — его занимали другие мысли. К нему это словно и не относилось, а смех... друзья смеялись над чем-то еще в соседней комнате. И глаза его горели рисковым огнем.

— По-моему, мы слишком торопимся, — сказал Сэнди, завязывая петлю на талии Керта. Без особой надежды отговорить его. — Нам следовало бы подождать, во что все выльется. Убедиться, что больше из багажника ничего не появится.

— Все будет хорошо, — рассеянно ответил Керт. Если он и слушал Сэнди, то вполуха. Уже находился в гараже, прокручивал в голове порядок своих действий.

— Может, — не унимался Сэнди, — может, мы становимся слишком беспечными, забываем об осторожности. — Он не знал, так ли это, но хотел высказать свои опасения вслух, узнать мнение остальных. — Начинаем верить, что ничего ни с кем из нас не случится, потому что до сих пор обходилось. Именно это губит копов и укротителей львов.

— С осторожностью у нас все в порядке, — ответил Керт и в подтверждение своих слов попросил всех чуть отойти. А когда они отошли, взял видеокамеру у Хадди, установил на треногу и повернулся к Арки. — Открой ворота.

Арки нажал на кнопку пульта дистанционного управления, висевшего на поясе, ворота, отъезжая, заскрежетали.

Керт сдвинул ремешок «Полароида» на сгиб локтя, поднял треногу с видеокамерой и вошел в гараж Б. Постоял на полпути между воротами и «бьюиком», одной рукой обхватив «пафф-пэк», готовый надвинуть маску на рот и нос, если вонь будет такая же, как и от «рыбы».

— Не так уж плохо, — поделился он своими впечатлениями. — Пахнет чем-то сладким. Может, это действительно длинноцветковая лилия.

Он, конечно, шутил. Цветы, числом три, бледные, как ладонь трупа, почти прозрачные, формой напоминали воронку. К донышку каждого цветка прилепился темно-синий комок, по консистенции напоминающий желе. Из желе торчали маленькие черные столбики. Стебли выглядели скорее как ствол дерева, чем часть растения, шероховатую зеленую поверхность изрезали многочисленные трещины. Бурые пятна на стеблях напоминали плесень, и они разраста-

лись. Стебли торчали из кома черной земли. Когда Кертис наклонился к растению (никому из зрителей это не понравилось, они словно наблюдали за человеком, сующим голову в пасть медведя), он вновь почувствовал капустный запах. Слабый, конечно, но ошибки быть не могло. О чем он и сказал.

— Сэнди, и еще пахнет морской солью. Я это знаю. Не одно лето провел на Кейп-Код*. Этот запах ни с чем не спутаешь.

— Мне без разницы, чем там пахнет, трюфелями или икрой, — ответил Сэнди. — Вылезай оттуда к чертовой матери.

Керт рассмеялся, ох этот тревожно-мнительный Диаборн, но подался назад. Поставил треногу, навел камеру на багажник, включил. Сделал несколько снимков «Полароидом».

— Зайди, Сэнди. Хочу, чтобы ты посмотрел.

Сэнди обдумал предложение. Плохая идея, очень плохая. Глупая. Это однозначно. И как только с этим все стало ясно, он отдал бухту желтой веревки Хадди и вошел в гараж. Посмотрел на увядшие цветы, лежащие в багажнике, один перевесился через край (его-то и увидел Коул), и не смог подавить пробежавшую по телу дрожь.

— Я знаю. — Керт понизил голос, чтобы слова не доносились до патрульных, не входивших в гараж. — Больно смотреть, да? Визуальный эквивалент звука, когда кто-то скребет ногтями по грифельной доске.

Сэнди кивнул. Керт попал в десятку.

— Но чем обусловлена такая реакция. Не понимаю. А ты?

* Кейп-Код — полуостров на юго-востоке штата Массачусетс. Популярный курорт.

— Не знаю. — Сэнди облизал вдруг пересохшие губы. — Может, потому, что мы видим все вместе. Много белого.

— Белое. Цвет.

— Да. Неприятный. Как брюшко жабы.

— Как паутина на цветах, — добавил Керт.

Они переглянулись, постарались улыбнуться, но получилось не очень. Поэты дорожной полиции. Патрульный Фрост и патрульный Сэндберг*. Еще немного, и они начнут сравнивать эти чертовы цветочки с летним днем. Но приходится предпринимать такие попытки: осознать то, что видишь перед собой, кроме как с помощью поэтических сравнений, невозможно.

Вот они и роились в голове Сэнди. Белые, как хлеб святого причастия во рту мертвой женщины. Белые — налет под языком при афтозном стоматите. Белые, как пена создания на гребне пространства.

— Все это приходит из мест, которые мы даже представить себе не можем, — продолжил Керт. — Наше сознание не способно такое воспринять. Говорить об этом бесполезно... с тем же успехом можно пытаться описать четырехугольный треугольник. Посмотри туда, Сэнди. Видишь? — Палец в перчатке указывал на сухое коричневое пятно под мертвенно-бледным цветком.

— Да, вижу. Похоже на ожог.

— И становится больше. Все пятна растут. И посмотри на этот цветок. — Еще одно коричневое пятно, напоминающее расширяющуюся дыру на нежной, белой поверхности цветка. — Это декомпрессия. Она

* Фрост, Роберт Ли (1874—1963), Сэндберг, Карл Огаст (1878—1967) — известнейшие американские поэты.

идет не так, как у «летучей мыши» или «рыбы», но тем нее менее идет. Не так ли?

Сэнди кивнул.

— Вытащи мешок для мусора у меня из-за пояса и раскрой его.

Сэнди вытащил, раскрыл. Керт сунулся в багажник, ухватил цветок у самого комка земли. В этот самый момент их обдало запахом тухлой капусты и огурцов. Сэнди отступил на шаг, поднял руку ко рту, с трудом подавляя тошноту.

— Держи мешок открытым! — просипел Керт, словно человек, набравший в легкие ароматного табачного дыма и не желающий с ним расставаться. — Господи, держать это дерьмо так неприятно! Даже в перчатках!

Сэнди вновь раскрыл мешок, тряхнул им.

— Только быстрее!

Керт бросил засыхающее растение в мешок, мерзко зашуршал пластик. Шуршание это напоминало сухой сдавленный крик, будто кого-то зажали между двумя досками и безжалостно душили. Все эти сравнения к этому случаю не подходили, но тем не менее мелькали в голове. Сэнди Диаборн не мог подобрать слов, чтобы выразить свое отвращение к этим трупным лилиям. К ним и всем остальным «выкидышам» загадочного автомобиля. Если думать о них слишком долго, велика вероятность, что в результате можно свихнуться.

Избавившись от цветка, Керт хотел вытереть руки о рубашку, но в последний момент передумал. Вновь наклонился над багажником и быстро вытер их о коричневый коврик. Затем стянул перчатки, знаком показал Сэнди, что надо вновь раскрыть мешок, бросил

их к лилиям. Из мешка поднялась волна вони, и Сэнди подумал о матери, пожиравшей раком, которая за неделю до смерти рыгнула ему в лицо. Инстинктивная, но слабая попытка блокировать это воспоминание, провалилась.

Только бы не вырвало, подумал Сэнди. *Господи, помоги.*

Керт убедился, что отснятые «полароиды» заткнуты за пояс, захлопнул крышку багажника.

— Пора убираться отсюда. Что скажешь, Сэнди?

— Скажу, что это самая дельная мысль, которую ты высказал за год.

Керт ему подмигнул. Как подмигают известные остряки, да только бледность и катящиеся по щекам и лбу капли пота указывали, что ему вовсе не весело.

— Поскольку сейчас только февраль, у меня еще есть шанс придумать что-нибудь более дельное. Пошли.

Четырнадцать месяцев спустя, в апреле 1985 года, «бьюик» устроил короткое, но яростное светотрясение, самое значительное после года Рыбы. Интенсивность вспышек опровергла версию Керта и Тони, что со временем «роудмастер» теряет способность накапливать и выделять прежние объемы энергии. А вот краткость события, наоборот, подтверждала эту версию. Но с другой стороны, «бьюик» жил своей жизнью, и любые предсказания основывались не на знаниях, а на наитии.

Через два дня после светотрясения, когда стрелка термометра в гараже Б устойчиво стояла на отметке 60*, крышка багажника открылась и из него, будто потоком сжатого воздуха, вынесло красную палку.

* 15,6 градуса.

Арки Арканян в этот момент находился в гараже, вешал на стену штыковую лопату и напугался до смерти. Красная палка ударила об одну из потолочных балок, с грохотом упала на крышу «бьюика», скатилась с нее на пол. Привет, незнакомец.

Длиной палка была девять дюймов, с необработанной поверхностью, толщиной с запястье мужчины, с двумя дырами от сучков на конце. Энди Колуччи, десять минут спустя разглядывавший палку в бинокль, заявил, что эти дыры — глаза, а наросты на боковой поверхности — лапка, возможно, поднятая перед самой смертью. Энди подумал, что никакая это не палка, а красная ящерица. Вроде «рыбы», «летучей мыши» и «лилий».

В гараж, чтобы подобрать подарок «бьюика», на этот раз вошел Тони Скундист, в тот же вечер в «Тэле» он рассказал нескольким патрульным, что с огромным трудом заставил себя прикоснуться к палке.

— Эта хреновина смотрела на меня. Вот что я чувствовал. Деревяшка эта или живое существо. — Он налил стакан пива, выпил одним глотком. — Надеюсь, на том все закончится. Очень на это надеюсь.

Разумеется, не закончилось.

ТОГДА: Ширли

Забавно, по каким пустякам фиксируется тот или иной день в памяти. Та пятница в 1988 году — едва ли не самый ужасный день в моей жизни. Потом я шесть месяцев плохо спала, похудела на двадцать пять фунтов, потому что какое-то время не могла есть, но помню его прежде всего по пустяковому, но приятному поводу. Как день, когда Херб Эвери и Джастин Айлинг-

тон подарили мне букет полевых цветов. Аккурат перед тем, как весь мир встал на уши.

Они числились у меня в плохиах, эти двое. Потому что испортили мне новеньющую льняную юбку, дурачась на кухне. Я не имела к этому никакого отношения, занималась своим делом, пришла за чашечкой кофе. Не обращала на них никакого внимания, а ведь именно в такие моменты обычно и достается, правда? Это я про мужчин. Какое-то время они ведут себя нормально, ты расслабляешься, даже начинаешь думать, что они не лишены толики здравомыслия, и вот тут они сваливаются на тебя как снег на голову. Херб и этот Айлингтон ворвались на кухню, как пара жеребцов, крича о какой-то ставке. Джастин наскачивал на Херба и орал: «Плати, сукин ты сын! Плати!» А Херб ему отвечал: «Мы же просто дурачились, ты же знаешь, на деньги в карты я не играю, отстань от меня!» Но оба смеялись. Как буйнопомешанные. Джастин едва не забрался на спину Херба, руками охватил шею, делая вид, что душит. Херб пытался освободиться, ни один на меня не смотрел, возможно, даже не знал о том, что я стою рядом с «Мистером Кофе» в новенькой юбке. Всего лишь стул или стол, в общем, мебель.

— Осторожнее, шалопай! — закричала я, но опоздала. Они врезались в меня до того, как я успела поставить чашку на стол, и кофе вылился на меня. Блузка-то ладно, она старая, но юбку я надела в первый раз. Красивую юбку. Прошлым вечером чуть ли не час ее отглаживала.

Я взвизгнула, и вот тут они перестали дурачиться. Джастин, правда, еще держал Херба за шею. А тот тащился на меня с отвисшей челюстью. Херб был хорошим парнем (об Айлингтоне ничего сказать не могу,

его перевели во взвод К в Медио до того, как я успела узнать, что он за человек), но с раззявленным ртом выглядел он идиот идиотом.

— Ширли, Господи, — выдохнул он. Вы знаете, говорил он, как Арки, с тем же, только более легким, акцентом — Я тебя не видел.

— Меня это не удивляет, — фыркнула я. — Что это вы ездите друг на друге? Готовитесь к дерби в Кентукки?

— Ты обожглась? — спросил Джастин.

— Будь уверен, — ответила я. — Эта юбка стоила тридцать пять центов в «Джей-Си Пенни»*, и я надела ее на работу в первый и последний раз. Можешь поверить, я обожглась.

— Слушай, ну, успокойся, мы извиняемся. — В голосе-то слышится обида. Таковы уж мужчины, такими я их знаю, уж простите за философское отступление. Если они говорят, что извиняются, ты тут же должна растаять, потому что это волшебное слово. И не важно, разбили они окно, перевернули катер, просадили в казино Атлантик-Сити деньги, отложенные на обучение детей. Получается: Эй, я же сказал, *что извиняюсь, так чего и дальше гнать волну?*

— Ширли... — подал голос Херб.

— Не сейчас, — оборвала я его. — Не сейчас. Выметайтесь отсюда. Чтоб духу вашего здесь не было.

Патрульный Айлингтон тем временем схватил салфетки со стола и начал промокать подол моей юбки.

— Прекрати! — Мои пальцы сомкнулись на его запястье. — С чего ты решил, что по пятницам меня можно лапать?

— Я просто подумал... кофе еще не впитался...

* «Джей-Си Пенни» — сеть универсальных магазинов, принадлежащих одноименной компании.

— Сделай мне одолжение, уйди немедленно, — попросила я. — До того, как я надену кофеварку тебе на голову.

На том они, конечно, ушли, а потом еще долго обходили меня стороной. На лице Херба читался стыд, Айлингтона — недоумение. Понятное дело, он же извинился, так чего я продолжаю злиться?

А неделей позже, другими словами, в тот день, когда разверзся ад, они вдвоем появились в коммуникационном центре, где-то после полудня. Джастин вошел первым, с букетом, Херб — за ним. Практически прятался за его спиной, словно думал, что я начну швыряться пресс-папье.

Дело в том, что я не злопамятна, не могу долго дуться на человека. Любой, кто меня знает, это подтвердит. День, два, конечно, злюсь, а потом злоба уходит, как вода между пальцами. Эти зашли такие аккуратненькие, прямо парочка маленьких мальчиков, явившихся к учительнице извиниться за то, что во время самоподготовки дурачились вместо того, чтобы учить уроки. Еще одна характерная для мужчин черта. То они готовы вцепиться друг другу в глотку из-за какой-то ерунды, например, счета в матче по бейсболу, то вдруг становятся такими смирными, будто сошли с картины Нормана Рокуэлла. А минутой позже уже залезают к тебе в трусы или собираются залезть.

Джастин протянул мне букет. Цветы они собрали на поле за нашим зданием. Ромашки, колокольчики. Даже несколько одуванчиков, насколько мне помнится. Вот это меня и обезоружило. Если б они принесли розы из теплицы вместо мальчишечьего букета, я бы наверняка злилась на них дольше. Юбка-то была хорошая, а я терпеть не могу выбрасывать практически новые вещи.

Джастин Айлингтон вошел первым, внешне он напоминал звезду футбольной команды, высокий, широкоплечий, голубоглазый, с темными выющими-ся волосами. Надеялся растопить мое сердце и, надо признать, у него получилось. Протянул букет. Мы извиняемся, дорогая учительница. В цветах белел конверт.

— Ширли, — голос Джастина звучал серьезно, но в глазах прыгали смешинки, — мы хотим с тобой помириться.

— Это точно, — добавил Херб. — Я себе места не нахожу из-за того, что ты на нас сердишься.

— Я тоже, — соглашается с ним Джастин. Я сомневалась, что он говорил от души, но вот голос Херба звучал искренне, и меня это устроило.

— Ладно. — Я взяла цветы. — Но если вы еще раз...

— Нет! — воскликнул Херб. — Ни в коем разе! Никогда! — Так они, разумеется, все говорят. Только не обвиняйте меня, что я отношусь к мужчинам с предубеждением. Просто я — реалистка.

— Если сделаете, точно заработаете по «фонарю». — Я посмотрела на Айлингтона. — И вот что я тебе скажу, раз уж мать тебя этому не научила: с лягушкой материи кофейное пятно не ототрешь.

— Ты уж загляни в конверт. — Джастин все старался покорить меня взглядом своих синих глаз.

Я поставила вазу на стол и вытащила конверт из ромашек.

— Надеюсь, там не порошок, от которого чихают? — спросила я Херба. В шутку, конечно, но он энергично замотал головой. Глядя на него, возникала мысль, что даже квитанцию о штрафе за превышение скорости он выписывает с извинениями. Но с другой стороны, патрульные на дорогах меняются. Должны.

Я открыла конверт, ожидая найти в нем открытку с новыми извинениями, только в стихотворной форме, но увидела сложенный листок. Достала, развернула и поняла, что это подарочный сертификат универмага «Джей-Си Пенни» на пятьдесят долларов, выписанный на мое имя.

— О нет, — вырвалось у меня, и сразу захотелось плакать.

Тут я должна сказать еще про одну особенность мужчин: когда ты на них особенно сердита, они вдруг проявляют такую щедрость, что место злости сразу занимает стыд. Начинаешь корить себя, что так плохо думала об отличных парнях.

— Ребята, вот это совсем ни к чему...

— Наоборот, — отрезал Джастин. — Мы вели себя так глупо.

— Ужасно глупо, — поддакнул Херб. Теперь он кивал, не сводя с меня глаз.

— Но это слишком много!

— Согласно нашим расчетам, нет, — ответил Айлингтон. — Мы же должны возместить не только юбку, но и моральный ущерб, и боль, и страда...

— Я же не обожглась, кофе был чуть теплый...

— Возьми, Ширли, — сказал Херб решительно. Еще не стал мистером Мальборо, но дело шло к этому. — Не спорь с нами.

Они очень меня порадовали, и я никогда это не забуду. Видите ли, потом произошло что-то ужасное. И так хорошо, что весь этот ужас можно хоть чем-то уравновесить, скажем, трогательным поступком этих двух олухов, которые компенсировали мне не только стоимость юбки, но и заплатили за доставленные неудобства и испорченное настроение. Да еще подари-

ли цветы. И когда я вспоминаю случившееся позже, я всегда вспоминаю и этих парней. И прежде всего — собранные ими полевые цветы.

Я поблагодарила их, и они направились наверх, возможно, сыграть в шахматы. В конце лета обычно проводился какой-то турнир, победитель которого получал маленькое бронзовое сиденье для унитаза. Называлось оно «Кубок Скрантона». Все это кануло в Лету, как только Тони Скундиш вышел на пенсию. Эти двое уходили с чувством выполненного долга. И, полагаю, в определенном смысле они его выполнили. Вот я и решила, что на оставшиеся от покупки юбки деньги куплю им большую коробку шоколадных конфет или теплые перчатки. От перчаток проку, конечно, больше, но это очень уж домашний подарок. Я же в конце концов их диспетчер. Перчатки могли им купить и жены.

Они не просто всунули в вазу цветы, но попытались составить букет, даже добавили зелени, как делают в больших цветочных магазинах, но вот о том, чтобы налить воду, забыли. Над тем, чтобы букет выглядел красиво, подумали, а про воду забыли: для мужчин это типично. Я взяла вазу и направилась на кухню, когда на связь вышел Джордж Станковски. Он кашлял, и по голосу чувствовалось, что он смертельно напуган. Позвольте вам кое-что сказать. Можете даже записать мои слова, если вы коллекционируете аксиомы жизни. Полицейский оператор средств коммуникации боится только одного: услышать по радио испуганный голос патрульного. Джордж назвал код 29—99. 99 — это «общая тревога». 29... если вы заглянете в «Руководство», то увидите напротив числа кода 29 только одно слово. И слово это — катастрофа.

* * *

— База, говорит Четырнадцатый. Коды 29—99, как меня слышите? Два-девять-девять-девять.

Я поставила вазу с цветами на стол, очень осторожно. В этот момент мне живо вспомнился эпизод из прошлого: когда услышала по радио о смерти Джона Леннона. Я как раз готовила завтрак отцу. Собралась оставить еду на столе и сразу убежать — опаздывала в школу. Веничком сбивала яйца в стеклянной миске, которую прижимала к животу. И когда радиокомментатор сказал, что Леннона застрелили в Нью-Йорке, я точно так же очень осторожно поставила миску на стол.

— Тони, — крикнула я, от моего крика (а может, от того, что слышалось в крике) все оторвались от своих занятий. Разговоры наверху, в комнате отдыха, мгновенно смолкли. — Тони, Джордж Станковски на связи. У него 29—99! — и, не дожидаясь ответа, склонилась над микрофоном, сообщила Джорджу, что я его слышу, все на пятерку, и прошу продолжать.

— Я на шоссе 46, в Потинвиле. — Помимо голоса я слышала какое-то потрескивание. Словно там что-то горело. Тони уже стоял у двери коммуникационного центра, рядом с ним — Сэнди Диаборн, в гражданском, форменные ботинки, связанные шнурками, болтались в одной руке. — Грузовик-цистерна столкнулся со школьным автобусом и горит. Цистерна горит, занялась и передняя часть автобуса. Поняли меня?

— Поняли, — говорила я спокойно, только губы онемели.

— Цистерна для транспортировки химических веществ, компания «Норко уэст». Поняли?

— «Норко уэст», Четырнадцатый. — Название я большими буквами записала в лежащий под рукой

блокнот. — Что в ромбе? — Я имела в виду знаки, которыми маркировались цистерны в соответствии с перевозимыми веществами: огнеопасно, взрывоопасно, отправляющее вещество и так далее.

— Отсюда не видно, слишком много дыма, но в цистерне белое вещество и оно загорается, когда вытекает на асфальт и в придорожный кювет. Поняли меня? — Тут Джордж вновь начал кашлять в микрофон.

— Поняла, — ответила я. — Дышишь парами, Четырнадцатый? От них кашель?

— Да, парами, но я в порядке. Проблема... — Кашель не дал ему закончить фразу.

Тони отобрал у меня микрофон. Похлопал по плечу, как бы говоря, что я справляюсь со своими обязанностями, просто он не может стоять рядом и слушать. Сэнди уже надевал форменные ботинки. Остальные патрульные подтягивались к коммуникационному центру. Много патрульных, поскольку близилась пересменка. Даже Мистер Диллон вышел из кухни посмотреть, с чего такой шум.

— Проблема — школа, — продолжил Джордж, когда приступ кашля прошел. — До начальной школы Потинвиля всего двести ярдов.

— Школьные занятия начнутся только через месяц, Четырнадцатый. Ты...

— Возможно, возможно, но я вижу детей.

— В августе у них Месяц ремесел, — прошептал кто-то за моей спиной. — Моя сестра обучает лепке из глины девяти- и десятилетних.

Когда я услышала эти слова, у меня сжалось сердце.

— Дым относит на меня, — говорил Джордж. — Не в сторону школы. Повторяю, не в сторону школы. Поняли?

— Поняли, Четырнадцатый, — ответил Тони. — Пожарные уже прибыли?

— Нет, но я слышу сирены. — Вновь кашель. — Я находился рядом, когда все произошло, практически слышал удар. Трава горит, огонь движется в сторону школы. Я вижу детей на игровой площадке, они стоят и смотрят на пожар. Я слышу, как в школе звонит пожарная сигнализация, значит, из здания их вывели. Не могу сказать, добрались ли пары до школы. Если нет, доберутся. Посылайте машины, босс. Вызывайте «скорую помощь». Это точно 29.

— В автобусе есть раненые, Четырнадцатый? Ты видишь раненых или погибших?

Я взглянула на часы. Без четверти два. Если нам повезло, автобус только ехал за школьниками, не увозил их. Ехал, чтобы забрать детей из школы.

— Автобус, похоже, пустой, за исключением водителя. Я его вижу... может, это она... лежит на руле. Эта часть автобуса горит, и я уверен, что водитель мертв, поняли меня?

— Понял, Четырнадцатый, — ответил Тони. — Ты сможешь добраться до детей?

В ответ кашель. Надсадный, неприятный.

— Вдоль футбольного поля идет объездная дорога. Прямо к зданию.

— Тогда трогайся с места. — Тони в этот момент напоминал генерала на поле битвы, смелого и решительного. Потом выяснилось, что пары нетоксичные, а горел главным образом разлившийся бензин, но тогда мы этого, разумеется, знать не могли. И возможно, своим приказом Тони подписывал Джорджу Станковски смертный приговор. Но иногда работа того требовала.

— Понял, трогаюсь.

— Если пары доберутся до детей, запихивай их в машину, сажай на капот, на багажник, на крышу, пусть держатся за раму для мигалок и увози. Как можно больше. Понял меня?

— Вас понял. Четырнадцатый отключается.

Щелчок. Очень уж громкий. Наверное, потому, что последний.

Тони огляделся.

— 29—99, вы слышали. Все патрульные машины — в Потинвиль. Тем, кто должен заступить в три часа, взять мигалки в кладовой. Ставьте их на личные автомобили. Ширли, направляй туда всех, с кем сможешь связаться.

— Да, сэр. Обзвонить тех, кто сейчас дома?

— Пока не надо. Хадди Ройер, ты где?

— Здесь, сержант.

— Остаешься за старшего.

Это только в кино Хадди начал бы протестовать, твердить, как ему хочется быть с остальными, бороться с огнем и отравляющими газами, спасать детей. В реальной жизни Хадди ответил коротко: «Да, сэр».

— Свяжись с пожарной службой округа Погус, выясни, выехали ли они. Выясни то же самое в Лассбурге и Стэтлере. Если решишь, что надо задействовать кого-то еще, звони и им.

— Как насчет «Норко уэст»?

Тони разве что не хлопнул себя по лбу.

— Обязательно. — И направился к выходу. Керт рядом с ним, остальные — следом. Мистер Диллон замкнул колонну.

Хадди ухватил его за ошейник.

— Не сегодня, дружище. Останешься со мной и Ширли.

Мистер Диллон тут же сел: знал свое место. Но проводил патрульных тоскливым взглядом, очень уж хотелось ему поехать со всеми.

База как-то сразу опустела, когда нас осталось двое, нет, трое, считая Мистера Д. Впрочем, раздумывать об этом нам было некогда, дел хватало. Если б не они, я бы, наверное, заметила, как Мистер Диллон поднялся и подошел к сетчатой двери* черного хода, обнюхал ее и начал подывать. Я думаю, что заметила, но мои мысли занимало другое. Вот я и решила, что таким образом он выражает разочарование. Все-таки все ушли, а его оставили. Теперь-то я понимаю, в чем было дело: в гараже Б что-то начиналось и он это учゅял. Возможно, даже пытался сообщить нам об этом.

Но мне было не до пса. Я даже не могла отвести его на кухню и запереть там, чтобы он попил воды из своей миски и успокоился. Очень жалею, что не выкроила для него эти пару минут: бедный Мистер Диллон прожил бы еще несколько лет. Но, разумеется, тогда я ничего не могла об этом знать. И занимало меня только одно: кто на дороге и где. Мне предстояло отправить их всех на запад, если б нашла, а они могли поехать туда. И пока я связывалась с патрульными, Хадди не отрывался от телефона в кабинете сержанта. Ему тоже хватало забот.

Я связалась со всеми и направила на место аварии всех, кроме патрульной машины б. Джордж Морган и Эдди Джейкобю возвращались на базу, чтобы кое-

* Сетчатая дверь — рама с натянутой на нее сеткой для защиты от насекомых, навешивается в проеме входной двери. Характерная принадлежность большинства американских домов.

что оставить нам, а уж потом ехать в Потинвиль. Да только патрульная машина б в тот день до Потинвилья не добралась. Нет, Джорджу и Эдди пришлось остаться в расположении патрульного взвода Д.

ТОГДА: Эдди

Забавно, как функционирует человеческая память. Я не узнал парня, который вылез из кабины фордовского пикапа, во всяком случае сначала. Я видел перед собой панка с покрасневшими глазами, серьгой с перевернутым распятием в ухе и цепочкой со свастикой на груди. Я помню наклейки. Приходится читать наклейки, которые водители лепят на свои автомобили: они многое говорят о тех, кто сидит за рулем. Спросите любого патрульного, он подтвердит мои слова. «Я ДЕЛАЮ ТО, ЧТО ШЕПЧУТ МНЕ ТИХИЕ ГОЛОСА» — на левой стороне заднего бампера. «Я ЕМ АМИШЕЙ» — на правой. На ногах он держался неустойчиво, может, потому что надел ковбойские сапоги с высокими каблуками. Правда, красные глаза, буравящие меня из-под шапки черных волос, говорили, что парень чем-то закинулся. Кровь на правом рукаве футболки и на правой руке указывала, что настроен он агрессивно. Я бы поставил на ангельский порошок*. В наших местах он тогда был в моде. После него появились амфетамины. Сейчас и они уже не в ходу, но, будь моя воля, я бы их сам раздавал. По крайней мере это слабые наркотики. Возможно, вдобавок этот парень еще и надышался паров клея. Но я точно не узнал его, пока он не сказал: «Эй, будь я проклят, это же Толстый Эдди».

* Ангельский порошок — финциклидин (ФЦД), наркотик.

И тут у меня словно открылись глаза. Брайан Липпи. Мы с ним учились в средней школе Стэтлера, он на класс старше. Уже тогда баловался травкой и «колесами», торговал ими. И вот теперь вновь возник передо мной, на обочине шоссе, покачиваясь на каблуках, с перевернутым распятым Христом на серьге, свастикой на груди и идиотскими наклейками на бампере.

— Привет, Брайан, — ответил я, — почему бы тебе не отойти на шаг от пикапа?

Грузовичок был довольно большим. И стоял он сейчас на обочине Гумбольдт-роуд, примерно в полутора милях от автозаправочной станции «Дженни»... только станция закрылась за два или три года до того лета, о котором я говорю. Правыми колесами пикап практически съехал в придорожный кювет. Мой давнишний приятель Брайан Липпи очень уж сильно вывернул руль, когда Джордж включил «маячки», еще один признак, что он принял дозу.

Я порадовался, что со мной в этот день Джордж Морган. В принципе ездить одному — это нормально, но когда останавливаешь парня, который бьет пассажира, сидящего рядом в кабине пикапа и при этом ведет машину, лучше быть с напарником. Что же касается пущенных в ход кулаков, так мы все видели. И когда Липпи проехал мимо нашей машины, и когда мы пристроились ему вслед. Правая рука водителя все лупила и лупила сидящего рядом. Липпи так увлекся, что не замечал севших ему на хвост копов, пока Джордж не включил мигалку. Что б я сдох, если эта встреча меня не удивила. Менее всего я ожидал увидеть стоящего у пикапа, который правыми колесами едва не съехал в кювет, моего давнего знакомца Брайана. А он улыбался, словно дав-

но уже мечтал о нашей встрече. Может, действительно мечтал.

Если б это была травка или таблетки транквилизатора, я бы особо не волновался. Они скорее служат для подъема настроения. «Эй, что случилось? Разве я сделал что-то не так? Я вас всех люблю!» Но ФЦД — это совсем другое. Он сводит людей с ума. Да и «нюхачи» могут озвереть. Я это видел. И потом, пассажир. Вернее, пассажирка. Женщины тоже не подарок. Он мог избить ее в кровь, но сие не означало, что она не набросится на нас, увидев, как на ее любимого марсианина надевают наручники.

Тем временем мой дружок Брайан не отходит от пикапа, как его попросили. Просто стоит, лыбится, и я уже удивляюсь, как не узнал его с первого взгляда, потому что в Стэтлеровской средней школе он относился к тем парням, которые превращали твою жизнь в ад, если ты попадался им на глаза. Особенно если ты толстый или прыщавый, а за мной водились оба этих греха. Армия согнала с меня лишний вес, это единственная известная мне программа похудания, за которую еще и приплачивают, а прыщи со временем прошли сами, как всегда и бывает, но в ССШ этот парень обожал издеваться надо мной. Еще одна причина порадоваться, что Джордж со мной. Будь я один, старина Брайан мог бы решить, что я, как и в прежние времена, подожму хвост, если он грозно на меня посмотрит, а то и цыкнет. И чем большую дозу он принял, тем более привлекательной показалась бы ему эта идея.

— Отойдите от пикапа, сэр. — Голос у Джорджа ровный и бесстрастный. Когда слышишь, как он говорит с каким-нибудь Джо Кью на обочине шоссе, никогда не подумаешь, что он может кричать до хри-

поты на играх Младшей лиги, требуя, чтобы его ребята ловили мяч или опускали головы во время перебежки с базы на базу. Или что он может шутить с ними перед игрой, чтобы снять напряжение.

Липпи никогда не срывал нагрудных карманов с рубашки Джорджа на переменах, может, поэтому он и отошел от пикапа, когда Джордж велел ему отойти. Глядя на свои сапоги и больше не улыбаясь. Когда у таких парней, как Брайан, улыбка сходит с лица, ее сменяет неприкрытая злоба.

— Вы собираетесь осложнить нам жизнь, сэр? — спросил Джордж. Револьвер он не достал, но взялся за рукоятку. — Если да, скажите мне сразу. Нам обоим будет проще...

Липпи ничего не ответил. Продолжал разглядывать сапоги.

— Его зовут Брайан? — спросил меня Джордж.

— Брайан Липпи. — Я посмотрел на пикап. Через заднее окно кабинки видел пассажирку, сидевшую посередине. Она ни разу не оглянулась. Голова упала на грудь. Я уж подумал, что от его ударов она потеряла сознание. Потом одна рука поднялась ко рту, а рот выдохнул струйку сигаретного дыма.

— Брайан, я хочу знать, собираетесь ли вы осложнить нам жизнь? Отвечайте громче, чтобы я вас услышал, как и положено большому мальчику.

— Возможны варианты. — Отвечая, Брайан оскалил зубы. Я двинулся к пикапу, чтобы выполнить свою часть работы. Когда моя тень прошлась по мыскам его сапог, Брайан отшатнулся и отступил на шаг, словно имел дело не с тенью, а со змеей. Разумеется, он зажмурился, и, по моему разумению, скорее всего ФЦД.

— Передайте мне ваше водительское удостоверение и регистрационный талон, — продолжил Джордж.

Брайан не отреагировал. Он вновь смотрел на меня.

— Эдди ДЖЕЙК-О-БЮ, — так он и его дружки произносили мою фамилию в школе. Впрочем, тогда он не носил ни серьги с перевернутым распятием, ни свастики. Если б попытался, его тут же отправили домой. Тем не менее меня это задело, как и прежде. Словно он нашел электрический выключатель, пыльный, забытый за дверью, но работающий. И стоило ему его повернуть, как меня ударило током.

Он это заметил. Заметил и заулыбался.

— Толстый Эдди ДЖЕЙК-О-БЮ. Сколько ты гонял шкурку, Эдди? Сколько ты гонял шкурку в душевой? Или сразу вставал на колени и отсасывал? Пока они не спускали тебе в рот. Чтобы не пачкать пол.

— Не пора закрыть пасть, Брайан? — спросил Джордж. — А то муха залетит. — Он снял с ремня наручники.

Брайан Липпи увидел их, и улыбка вновь начала сползать с лица.

— И что вы собираетесь с ними делать?

— Если вы сейчас же не дадите мне документы, я собираюсь надеть их вам на руки, Брайан. Если будете возражать, гарантирую сломанный нос и восемнадцать месяцев в «Кастлеморе» за сопротивление аресту. А то и больше, если вы не понравитесь судье. Так что вы на это скажете?

Брайан достал бумажник из заднего кармана. Старый, засаленный, с выжженным на коже названием какой-то рок-группы, кажется, «Иуда Прист». Возможно, острием раскаленного гвоздя. Начал рыться в отделениях.

— Брайан, — позвал его я.

Он поднял голову.

— Моя фамилия Джейкобю, Брайан. Красивая французская фамилия. И я давно уже не толстый.

— Ты снова наберешь вес, — ответил он. — Раз был толстым в молодости, никуда не денешься.

Я расхохотался. Ничего не смог с собой поделать. Он говорил, словно занюханный гость ток-шоу. Зыркнул на меня, но во взгляде читалась неуверенность. Ему стало ясно, что былое преимущество он потерял.

— Поделюсь с тобой маленьким секретом. Средняя школа осталась в прошлом, друг мой. Это настоящая, реальная жизнь. Я знаю, тебе трудно в это поверить, но пора привыкать. Мы с тобой больше не играем. Все взправду.

Он лишь глупо таращился на меня. Не понял. Понимают они редко.

— Брайан, я хочу без задержки увидеть ваши документы, — вернул разговор в прежнее русло Джордж. — Давайте их. — И он протянул руку, ладонью вверх. Не такое уж мудрое решение, скажете вы, но Джордж Морган достаточно долго проработал патрульным, чтобы прийти к выводу: ситуация развивается в правильном направлении. И пока ему нет нужды надевать наручники на моего знакомца Брайана, чтобы показать ему, кто в доме хозяин.

Я тем временем подошел к пикапу, мельком глянув на часы. Почти половина второго. Жарко. В придорожной траве стрекотали кузнечики. Если мимо проезжал редкий автомобиль, водитель притормаживал, чтобы полюбоваться происходящим. Всегда приятно посмотреть, как копы кого-то остановили, и это не ты. Праздник души.

Женщина в кабине сидела, прижавшись левым коленом к хромированной ручке коробки переключе-

ния скоростей. Лет двадцати с небольшим, с длинными прямыми темными волосами, не слишком чистыми, падающими на плечи. В джинсах и белом топике. На одной руке татуировка: AC/DC*, на другой «БРАЙАН — МОЯ ЛЮБОВЬ». Ногти — ярко-розовые, но обгрызены. И кровь. Кровь и сопли под носом. Капли крови на щеках, как родинки. На разбитой нижней губе, подбородке, топике. Голова опущена, полог волос скрывает часть лица. Сигарета вместе с рукой ходит вверх-вниз. «Мальборо» или «Уинстон», в те дни цены еще не поднялись и бедняки не перешли на более дешевые бренды, будьте уверены. И если «Мальборо», то исключительно в жесткой пачке. Я такого навидался. Они иногда курили, даже держа младенца на руках, за редким исключением.

— Эй. — Она чуть приподняла правое бедро. Под ним полоска бумаги, ярко-желтая. — Вот регистрационный талон. Я говорю ему, что держать его надо в бумажнике или в бардачке, но в итоге он всегда находится среди оберток «Микки Ди» и другого мусора.

По голосу не слышно, что она под кайфом, на полу кабинки нет ни банок от пива, ни бутылок от вина. Разумеется, сие не означает, что она трезвая, но вселяет надежду. Не чувствовалось в ней и агрессивности, но все могло перемениться на удивление быстро.

- Как вас зовут, мэм?
- Сандра.
- Сандра?
- Маккракен.
- У вас есть документы, мисс Маккракен?
- Да.
- Покажите мне, пожалуйста.

* AC/DC — популярная австралийская рок-группа. Создана в 1973 г.

На сиденье рядом с ней стояла маленькая сумочка из кожзамениеля. Она открыла ее, начала в ней рыться. Медленно, низко наклонившись, лицо исчезло полностью. Я видел кровь на топике, но не на лице. Не видел ни разбитых, распухших губ, ни наливающегося «фонаря» под глазом.

— Хрена с два, — донеслось сзади, — я туда не полезу. С чего ты решил, что имеешь право сажать меня туда?

Я оглянулся. Джордж открыл заднюю дверцу патрульной машины. Держал ее, словно водитель лимузина. Да только лимузина, в котором задние дверцы не открываются изнутри, стекла не опускаются, а заднее сиденье от переднего отделяет металлическая сетка. Плюс, разумеется, провонявшего блевотиной. Никогда я не ездил в патрульных машинах, не считая новеньких, только что полученных «каприсов»*, в кабине которых не стоял бы этот запах.

— Я думаю, что у меня есть это право, потому что вы арестованы, Брайан. Или вы не слышали, как я только что зачитал вам ваши права?

— За что? Я не превысил скорости.

— Это правда, ты не давил на педаль газа, потому что мутузил свою девушку. Но пикап мотало на дороге, что чревато возникновением аварийной ситуации. Плюс нанесение телесных повреждений. Не забывай об этом. Так что залезай.

— Ты не имеешь...

— Залезай, Брайан, а не то я поставлю тебя к борту и надену наручники. Удовольствия никакого, больно.

— Хочется посмотреть, как у тебя получится.

* «Шевроле-каприс» — распространенная модель 60–80-х гг., выпускавшаяся в модификации патрульной машины.

— Правда? — тихим, ровным, еле слышным голосом спросил Джордж.

И вот тут Брайану Липпи открылась истина. Даже две. Во-первых, Джордж мог это сделать. Во-вторых, в определенном смысле, хотел. И Сандра Маккракен все это увидела бы. Негоже позволять своей сучке видеть, как на тебя надевают наручники. Достаточно того, что она увидела, как тебя арестовывают.

— Тебе придется иметь дело с моим адвокатом, — пробурчал Брайан Липпи и залез на заднее сиденье.

Джордж захлопнул дверцу и повернулся ко мне.

— Нам придется иметь дело с его адвокатом.

— Кошмар, — ответил я.

Женщина чем-то ткнула мне в руку. Я повернулся и увидел, что это уголок закатанного в пластик водительского удостоверения.

— Вот. — Она смотрела на меня. А мгновением позже склонилась над сумочкой, чтобы на этот раз достать из нее пару бумажных салфеток. Но мне хватило времени, чтобы решить, что она трезвая. С мертвой душой, но трезвая.

— Патрульный Джейкобю, водитель утверждает, что регистрационный талон в кабине пикапа.

— Да, он у меня.

Мы с Джорджем встретились у заднего бампера пикапа с этими идиотскими наклейками «Я ДЕЛАЮ ТО, ЧТО ШЕПЧУТ МНЕ ТИХИЕ ГОЛОСА» и «Я ЕМ АМИШЕЙ», и я протянул ему регистрационный талон.

— Она подтвердит? — шепотом спросил он.

— Нет.

— Уверен?

— Более чем.

— Попытайся. — И Джордж вернулся к патрульной машине. Мой школьный «приятель» начал орать

на него, как только Джордж всунулся в окно водительской дверцы, чтобы взять микрофон. Джордж его проигнорировал, натянул шнур на полную длину — что разговаривать, стоя на солнце. — База, это Шестой, как слышите?

Я подошел к открытой дверце кабинки пикапа. Женщина затушила окурок в переполненной пепельнице, закурила новую сигарету. Рука с ней вновь заходила вверх-вниз. Из-под упавших на лицо волос вырывались клубы дыма.

— Мисс Маккракен, мы собираемся отвезти мистера Липпи в расположение части, патрульного взвода Д, на холме. Мы бы хотели, чтобы вы тоже поехали туда.

Она покачала головой и пустила в ход бумажную салфетку. Наклонялась к ней, вместо того чтобы поднести к лицу, отчего завеса волос становилась плотнее. Рука с сигаретой теперь лежала на колене, от нее поднималась струйка дыма.

— Мы бы хотели, чтобы вы тоже поехали, мисс Маккракен. — Я говорил как можно мягче, стараясь дать понять, что разговор этот останется между нами. Следуя рекомендациям психиатров и специалистов по семейной терапии, но что они понимают? Я ненавижу этих сволочей, и это чистая правда. Они — типичные представители среднего класса, от них пахнет лаком для волос и дезодорантом, и они твердят нам о рукоприкладстве в семьях и заниженной самооценке, хотя сами понятия не имеют о таких местах, как округ Лассбург, вышедший в тираж, когда закончился уголь, а потом повторивший этот маневр, когда стали начали закупать в Японии и Китае. Разве такая женщина, как Сандра Маккракен, хоть раз в жизни сталкивалась с душевной теплотой, заботой, прось-

бой, не сопровождаемой угрозой? Может, в далеком детстве, но не в последнее время. Вот если бы я схватил ее за волосы, развернул к себе, чтобы она смотрела мне в глаза, и закричал: «ТЫ ПОЕДЕШЬ! ТЫ ПОЕДЕШЬ И НАПИШЕШЬ ЖАЛОБУ, ОБВИНИВ ЕГО В НАНЕСЕНИИ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ! ТЫ ПОЕДЕШЬ, ЧЕРТОВА ИЗБИТАЯ СУЧКА! ПАРШИВАЯ ДАВАЛКА! ВОТ КТО ТЫ! ГРЕБАННАЯ ПОТАСКУХА!» — результат мог бы быть иным. Могло сработать. С ними надо говорить на их языке. Но психиатры и знатоки семейных отношений не хотят об этом и слышать. Не хотят верить, что есть язык, отличный от того, на котором говорят они.

Она опять покачала головой. Не посмотрев на меня. Курила и не смотрела на меня.

— Мы бы хотели, чтобы вы поехали туда и подписали протокол, в котором будет указано, что мистер Липпи вас избил. Вы должны это сделать, знаете ли. Мы, мой напарник и я, это видели, мы ехали следом за вами.

— Я ничего не должна, — ответила она, — и вы меня не заставите. — Она по-прежнему укрывалась за грязными темными волосами, но говорила тем не менее твердо и уверенно. Знала, что мы не можем заставить ее выдвинуть обвинение, потому что не раз попадала в подобную ситуацию.

— И как долго вы собираетесь это терпеть? — спросил я.

Нет ответа. Голова опущена. Лицо спрятано. Так, должно быть, она опускала голову и прятала лицо в двенадцать лет, когда учительница задавала ей трудный вопрос или когда другие девчонки смеялись над ней, потому что грудь у нее начала расти раньше, чем у них, и она этого стыдилась. Для этого девочки и от-

рашивали волосы, чтобы прятаться за ними. Но эти знания не добавляли мне терпения. Наоборот. Потому что в этом мире человек должен уметь постоять за себя. Особенно если заступиться за тебя некому.

— Сандра.

Она чуть передернула плечами, когда я назвал ее по имени, а не по фамилии. Не больше того. Господи, как же они меня злили. Так легко сдавались. Словно птички, которые не могли подняться в воздух.

— Сандра, посмотри на меня.

Она не хотела, но я знал, что посмотрит. Привыкла делать, что говорили мужчины. По жизни теперь делала только то, что говорили ей мужчины.

— Поверни голову и посмотри на меня.

Голову она повернула, но продолжала смотреть под ноги. Большую часть крови стереть с лица ей не удалось. Лицо мне понравилось. Симпатичное. И не выглядела она такой дурой, как можно было подумать, глядя на ее поведение. Но, видать, ей хотелось быть дурой.

— Я бы хотела поехать домой. — Голос маленького ребенка. — У меня кровотечение, и мне надо умыться и переодеться.

— Да, я вижу. А что случилось? Ударилась об дверь? Готов спорить, так и было.

— Совершенно верно. Об дверь. — В ее лице не читалось воинственности. Она не собиралась есть амишей, как ее бойфренд. Просто ждала, когда все закончится. Придорожная болтовня — не реальная жизнь. Получать по морде — вот это реальная жизнь. Заглатывать сопли, кровь и слезы, словно сироп от кашля, — вот это реальная жизнь. — Я шла по коридору в туалет, а Брай, я не знала, что он там, как раз выходил, вот и ударил меня дверью...

- И долго это будет продолжаться, Сандра?
- Продолжаться что?
- Долго ты собираешься жрать его дермо?
- Ее глаза чуть раскрылись. И все.
- Пока он не выбьет тебе все зубы?
- Я бы хотела поехать домой.
- Если я наведу справки в больнице Стэтлера, сколько раз я найду там твою фамилию? Ты ведь часто натыкаешься на двери, не так ли?
- Почему бы вам не оставить меня в покое? Я-то вас не трогаю.
- Пока он не проломит тебе голову? Пока не оторвут задницу?
- Я хочу поехать домой, патрульный.

Мне хочется сказать: *Вот тут я понял, что проиграл*, но не собираюсь лгать. Никакой игры и не было. Она бы так и сидела в кабине до скончания веков, а я мог разозлиться до такой степени, что потерял бы контроль над собой. И нажил себе неприятности. Например, ударил бы ее. Потому что мне хотелось ее ударить. Если б я ее ударил, она бы поняла, что говорит с человеком.

Я достал из кармана коробочку из-под карточной колоды, в которой держал визитки. Просмотрел их, нашел нужную.

— Эта женщина живет в Стэтлер-Виллидж. Она говорила с сотнями молодых женщин, такими же, как ты, и многим помогла. Если тебе понадобится бесплатная психологическая помощь, обратись к ней. Она тебя не бросит. Хорошо?

Я протянул ей визитку, держа ее двумя пальцами правой руки. Она не взяла, поэтому я бросил визитку на сиденье. Потом вернулся к патрульной машине за регистрационным талоном. Брайан Липпи сидел по-

среди заднего сиденья, натянув ворот футболки на прижатый к груди подбородок, смотрел на меня из-под сошедшихся у переносицы бровей. Злобный, сердитый.

— Повезло? — спросил Джордж.

— Нет. Она еще не нарезвилась.

С регистрационным талоном я вернулся к пикапу. Женщина уже сидела за рулем. Урчал восьмицилиндровый двигатель. Она отжала педаль сцепления, рука лежала на шаре, венчавшем ручку переключения скоростей. Обкусанные розовые ногти на хроме. Как флаги. Если б сельские районы Пенсильвании имели гербы, на этих следовало изобразить упаковку пива «Айрон-Сити» и пачку «Уинстона».

— На дороге будьте осторожны, миссис Маккракен. — Я вернул ей регистрационный талон.

— Хорошо, — кивнула она и тронула «форд» с места. Хотела сказать мне какую-то колкость, но не решилась, потому что ее хорошо вымуштровали. Пикап поначалу подергался, Сандра не так уж и хорошо управлялась с фордовской коробкой передач, и женщина дергалась вместе с ним. Назад и вперед, волосы так и летали. Тут же я вновь увидел недалекое прошлое: он вел автомобиль одной рукой, а другой бил свою женщину по лицу, и мне стало нехорошо. А перед тем как она включила вторую передачу, что-то белое вылетело из окна. Визитка, которую я ей дал.

Я зашагал к патрульной машине. Брайан по-прежнему сидел, ткнувшись подбородком в грудь, глядя исподлобья. Чем-то напоминая то ли Наполеона, то ли Распутина. Я плюхнулся на пассажирское сиденье. Донимала жара, на плечи навалилась усталость. А тут еще с заднего сиденья подал голос Брайан:

— Толстый ЭД-ли ДЖЕЙК-О-БЮ. Скольким мальчикам...

— Заткнись, — бросил я.

— Приди сюда и заставь меня заткнуться, Толстый Эдди. Почему бы тебе не прийти и не попытаться?

Другими словами, еще один прекрасный день в ПШП. К семи вечера этот парень вернется в сраную дыру, которая служит ему домом. Будет пить пиво и смотреть, как Вэнна крутит «Колесо фортуны». Я взглянул на часы: без шестнадцати два. И потянулся к микрофону.

— База, это Шестой.

— Слушаю, Шестой, — тут же ответила Ширли, спокойно и уверенно. В ближайшие минуты ей предстояло получить букет от Айлингтона и Эвери. На шоссе 46, в Потинвиле, примерно в двадцати милях от нас, грузовик-цистерна «Норко уэст» только что столкнулся со школьным автобусом, водитель автобуса миссис Истер Мейхью погибла. Джордж Станковски находился достаточно близко, чтобы слышать грохот от столкновения. Так кто это говорит, что копов никогда нет, когда они нужны?

— У нас код 15 и 17-база, прием? — Другими словами, арестовали говнюка и везем на базу.

— Вас понял, Шестой, задержан один человек, да?

— Один, — подтвердил я.

— Это Один Толстый Хер, прием, — донеслось с заднего сиденья, а потом Брайан принялся хохотать. Пронзительно, захлебываясь, как смеются наркоманы со стажем. Потом заколотил сапогами по полу. Мы находились в получасе езды от базы. У меня возникла мысль, что поездка эта будет долгой и хорошо мне запомнится.

ТОГДА: Хадди

Я положил трубку телефона на рычаг и побежал к коммуникационному центру, где трудилась Ширли, направляя патрульных на запад.

— В «Норко» говорят, что это жидкый хлорин, — сообщил я ей. — Если так — нам повезло. Хлорин, конечно, не подарок, но его пары не смертельны.

— Они в этом уверены? — спросила Ширли.

— На девяносто процентов. Так они сказали. Видишь ли, эти грузовики-цистерны постоянно ездят на станцию очистки воды. Сообщи всем, начни с Джорджа Эс. И что это с собакой?

Мистер Диллон отирался у черного хода, тыкался носом в основание сетчатой двери. Буквально долбил ее носом, повизгивая. С прижатыми к голове ушами. Пока я наблюдал за ним, он с такой силой ткнулся мордой в сетку, что взвыл, как бы говоря: «Больно!»

— Понятия не имею. — По голосу Ширли чувствовалось, что ей сейчас не до Мистера Диллена. Собственно, и у меня дел хватало. Однако мой взгляд еще на мгновение задержался на нем. Я видел охотничьих собак, которые вели себя точно так же, когда бежали по следу крупного зверя, скажем, медведя или волка. Но волков в Низких холмах не видели со времен Вьетнама, а медведи встречались крайне редко. И сетчатая дверь вела не к лесу, а на автомобильную стоянку. И разумеется, к гаражу Б. Я посмотрел на часы над дверью кухни. Двенадцать минут третьего. И не смог вспомнить дня и часа, когда здание было таким пустынным.

— Четырнадцатый, Четырнадцатый, это база, прием.

— Четырнадцатый, — ответил Джордж, по-прежнему кашляя.

— Это хлорин, Четырнадцатый, в «Норко уэст» в этом уверены. — Она посмотрела на меня и я поднял кулак с оттопыренным большим пальцем. — Его пары раздражают слизистые оболочки, но не смертельны.

— Не прерывай связь, не прерывай. — Кашель.

— Слушаю, Четырнадцатый.

— Возможно, это хлорин, возможно — нет. Каким бы ни было это вещество, оно горит, и клубы белого дыма движутся в этом направлении. Я на обеездной дороге, что идет вдоль футбольного поля, подъезжаю к школе. Дети кашляют почище меня, я вижу — несколько человек лежат на земле, включая одну женщину. Рядом со зданием два школьных автобуса. Я пытаюсь всех вывезти в одном. Прием.

Я взял микрофон у Ширли.

— Джордж, это Хадди. «Норко» говорит, что горит скорее всего разлившееся по хлорину горючее. Ты можешь просто увести детей.

На что последовал классический ответ Джорджа Эс, основательный и уверенный. За этот день он, конечно, получил благодарственное письмо от губернатора, и его фотоснимок украсил первую газетную полосу. Его жена повесила письмо на стене, забранное в рамочку. Но я не уверен, что Джордж понимал, а с чего вся эта суeta. По его разумению, он просто выполнял свою работу, делал то, что полагал необходимым и уместным. Есть такое выражение: нужный человек в нужном месте. Так это про Джорджа Станковски, оказавшегося в тот день рядом с Потинвильской начальной школой.

— Лучше в автобусе. Быстрее. Это Четырнадцатый. Я — семь.

Вскоре Ширли и я напрочь забыли про Потинвиль; у нас возникли совсем другие проблемы. Но если вас это интересует, патрульный Джордж Станковски проник в один из автобусов, взломав двери камнем. Запустил двигатель «Блю берд» запасным ключом, который нашел прикрепленным скотчем к солнцезащитному щитку, завел в салон двадцать четыре ученика, кашляющих, плачущих, с покрасневшими глазами, и двух учительниц. Многие дети не расстались с незаконченными горшками, вазочками и пепельницами, которые лепили в тот день. Трое упали в обморок. Один — в результате аллергической реакции на пары хлорина, двое — от страха и волнения. Одна учительница, Розэллен Неверс, пострадала серьезнее. Она лежала на боку, в полуза�отыи, хваталась за горло слабеющими пальцами. Глаза вылезли из орбит, словно белки сваренных вкрутую яиц.

— Это моя мамочка, — сказала одна маленькая девочка. Слезы катились из огромных карих глаз, но она крепко держала в руках глиняную вазочку. — У нее астма.

Джордж опустился на колено рядом с женщиной, сунул руку под шею, чтобы голова чуть откинулась назад, облегчая доступ воздуха в легкие. Волосы разметались по бетону дорожки.

— У нее есть какое-нибудь лекарство от астмы, сладенькая, которое она принимает, когда ей становится плохо? — спросил Джордж.

— В кармане, — указала маленькая девочка с вязой. — Моя мамочка умрет?

— Нет. — Джордж достал ингалятор «Фловента» из кармана миссис Неверс, прыснул лекарство ей в горло. Она ахнула, задрожала всем телом и села.

Джордж занес ее в автобус на руках, следя за кашляющими, плачущими детьми. Усадил Розэллен в кресло рядом с дочерью, сам сел за руль. Врубил первую передачу и погнал автобус через футбольное поле, мимо своей патрульной машины, на объездную дорогу. К тому времени, когда «Блю берд» выехал на шоссе, дети уже улыбались. Вот так патрульный Джордж Станковски и стал героем, аккурат в то время, когда те, кто находился на базе, изо всех сил пытались оставаться в здравом уме.

И в живых.

ТОГДА: Ширли

Последние слова Джорджа: «Это Четырнадцатый. Я — семья». Что означало: «Это патрульная машина 14. Вышел из строя». Я это записала и посмотрела на часы. 2.23 пополудни. Время хорошо запомнила, как и то, что Хадди, стоявший позади, легонько сжал мне плечо, должно быть, поддержать: с Джорджем и детьми все будет в порядке. Двадцать три минуты третьего — именно в это время разверзся ад. Совсем не в фильтральном смысле.

Мистер Диллон залаял. Не басовито, с достоинством, как случалось, когда он чуял оленя, зашедшего на поле за зданием, или енотов, решившихся обнюхать крыльцо. Нет — визгливо, отрывисто, как никогда раньше. Словно наткнулся лапой на что-то острое и никак не мог освободиться.

— Что за черт? — вырвалось у Хадди.

Мистер Диллон, пятясь, отошел на пять или шесть шагов от сетчатой двери. Выглядел он как лошадь на rodeo, пригибающая голову к земле, чтобы избежать лассо. Думаю, я сразу поняла, что сейчас произойдет, думаю, понял и Хадди, но мы просто не могли в это поверить. Даже если бы поверили, не смогли бы остановить его. При всей своей смиренности, Мистер Диллон искал бы нас, если б мы попытались. Он продолжал пронзительно тявкать, а из уголков рта пошла пена.

Помчался к сетчатой двери, набирая ход. Не думая тормозить. Головой прорвал сетку, частично отдрал ее от нижней части рамы, выскочил на улицу, по-прежнему тявкая. Только тявканье это больше напоминало отчаянные крики. И одновременно в нос ударили сильные запахи: морской воды и гниющей органики, может, водорослей. Тут же завизжали тормоза, заскрипели шины по асфальту, кто-то заорал: «Берегись! Берегись!» Хадди побежал к двери черного хода, я — за ним.

ТОГДА: Эдди

Мы испортили ему день, отвезя на базу. Мы заставили его, хотя бы временно, прекратить избиение своей подружки. Ему пришлось сидеть на заднем сиденье патрульной машины, где пружины врезаются в зад, касаться подошвами дорогих сапог наших ковриков, сделанных из специального, устойчивого к бле-ботине пластика. Но Брайан заставил нас за это заплатить. В особенности меня, хотя и Джорджу пришлось его слушать.

Он распевал на свой лад мое имя и ритмично стучал каблуками по полу. Так иной раз ведут себя на стадионе футбольные болельщики, кричат и топают ногами. И все время сквозь проволочную стенку смотрел на меня, я это видел в зеркале заднего обзора, закрепленном между щитками.

— ДЖЕЙК-О-БЮ! — бам-бам-бам! — ДЖЕЙК-О-БЮ! — бам-бам-бам!

— Не хочешь завязать с этим, Брайан? — спросил Джордж. Мы уже подъезжали к базе. Практически пустой базе. К этому времени мы уже знали о происшествии в Потинвиле. Что-то сообщила нам Ширли, остальное узнали из переговоров других патрульных. — От тебя болят уши.

Брайан словно ждал этих слов.

— ДЖЕЙК-О-БЮ! — БАМ-БАМ-БАМ!

Если б он ударил каблуком чуточку сильнее, то наверняка прошиб бы днище, но Джордж больше не попросил его прекратить это безобразие. Если тех, кого сажаешь на заднее сиденье, просить угомониться, они только расходятся. Очень уж хочется досадить копам. С этим я сталкивался не раз и не два, но не часто приходилось терпеть такое от козла, который в школе выбивал книги из рук и отрывал карманы от рубашек, не говоря уж про скандирование моей фамилии... противно ужасно. Словно переносишься в прошлое на машине времени.

Я ничего по этому поводу не сказал, но уверен, что Джордж чувствовал мое состояние. И когда он взял микрофон: «База, это Шестой, подъезжаем через минуту», — я понимал, что эти слова предназначались мне, а не Ширли. Мы ехали на базу, чтобы посадить Брайана в «Уголок плохих», включить ему телевизор, будь на то его желание, сделать в журнале дежур-

ного запись об аресте. Потом помчались бы в Потинвиль, если только тамошняя ситуация не изменилась к лучшему. А уж Ширли созвонилась бы с тюрьмой округа Стэтлер и сообщила, что у нас сидит один из их завсегдатаев, но пока...

— ДЖЕЙК-О-БЮ! — *бам-бам-бам!* — ДЖЕЙК-О-БЮ!

Теперь он орал так, что лицо покраснело, а на шее вздулись жилы. Просто выходил из себя. Я уже представлял, как же будет хорошо, когда мы наконец избавимся от него.

Мы поднялись на Букингс-Хилл, где находилась наша база, Джордж ехал чуть быстрее, чем следовало. Нажал на клаксон, свернул на подъездную дорожку, практически не снижая скорости. Липпи понял, что концерт заканчивается, и, схватившись за проволочную сетку, начал ее трясти, продолжая барабанить сапогами а-ля Джон Уэйн по полу и вопить:

— ДЖЕЙК-О-БЮ! — *бам-бам-бам!* *Дзинь-дзинь-дзинь!*

Подъездная дорожка вывела нас к автостоянке у заднего фасада здания. Джордж обогнул угол здания, чтобы припарковаться у двери черного хода и мы быстренько и без суеты смогли препроводить старику Брайана в камеру.

Но когда Джордж обогнул угол, из двери черного хода, прямо под колеса, выскочил Мистер Диллон.

— *Берегись, берегись!* — закричал Джордж, то ли мне, то ли собаке, то ли себе, теперь уже никто не узнает. Вспоминая все это, я всегда думаю о том, что история практически повторилась в тот день, когда он сбил старуху в Лассбурге. Настолько все одинаково, будто тогда прошла генеральная репетиция, с одной лишь, пусть и значительной, разницей. Я за-

давался вопросом, не досаждала ли ему в последние недели жизни мысль: *С собакой я разминулся, а женщину сбил?* Может, и нет, но у меня, окажись я на его месте, она бы не выходила из головы. *С собакой я разминулся, а женщину сбил. И как можно после этого верить в Бога, если должно быть все с точностью до наоборот?*

Джордж обеими ногами вдавил в пол педаль тормоза. Ударил ребром левой ладони по клаксону. Меня бросило вперед. Но ремень безопасности удержал у спинки сиденья. Такие же ремни были и на заднем сиденье, однако наш арестованный не удосужился ими воспользоваться. Не хотел прерывать скандирование. Вот и впечатался лицом в проволочную сетку, которую тряс. Я услышал, как что-то треснуло, такой звук раздается, когда сцепляешь пальцы, а потом вытягиваешь руки, ладонями вперед. Потом хрустнуло. Треск я расценил как перелом одного из пальцев. А хруст — точно носа. Этот звук я тоже слышал, он всегда одинаковый, с таким ломаются куриные кости. Он приглушенно, удивленно вскрикнул. Кровь, горячая, как поверхность грелки, выплеснулась мне на плечо.

Мистера Диллона отделил от смерти фут, может, даже два дюйма, но он пробежал, не удостоив нас и взгляда, с прижатыми к голове ушами, гавкая и скулья, держа курс на гараж Б. Его тень бежала рядом с ним, четкая и черная.

— *Бозе, я ранен!* — загнусавил с заднего сиденья Брайан. — *Я фесь в крофи!* — и тут же начал орать о жестокости полиции.

Джордж открыл дверцу. Я какое-то мгновение сидел, наблюдая за Мистером Д, ожидая, что он остановится, приблизившись к гаражу Б. Не остановился.

На полном ходу врезался головой в сдвижные ворота. Свалился на бок, вскрикнул. До этого дня я не знал, что собаки умеют кричать, но они умеют. Как мне показалось, вскрикнул не от боли, а от раздражения. По коже побежали мурashki. Д поднялся, завертелся на месте, словно погнался за своим хвостом. Дважды описал полный круг, тряхнул головой, словно прочищая мозги, и вновь врубился в сдвижные ворота.

— Ди, нет! — крикнул Хадди, появившийся в дверном проеме. За ним стояла Ширли, прикрывая ладонью глаза. — Прекрати, Ди, слышишь меня, немедленно прекрати!

Мистер Диллон не обратил на его крики ни малейшего внимания. Не думаю, что он отреагировал бы и на Орвиля Гарретта, окажись тот на месте Хадди, а Орвиля он почитал за своего главного хозяина. Вновь и вновь бросался на сдвижные ворота, лая, издавая крики раздражения при каждом новом ударе о ворота. После третьего на выкрашенном белой краской дереве появилось кровавое пятно.

Все это время мой давний «друг» Брайан непрерывно орал за моей спиной: «Помоги мне, Джейкобю, я истекаю кровью, как гребаная сфинкс. Где твой гребаный напарник учился фодить машину, ф «Сирсе» или гребанам «Роубаке»? Фыпустите меня отсюда, мне больно!»

Я его проигнорировал, вылез из кабины, чтобы спросить Джорджа, не кажется ли ему, что Д взвесился, но, прежде чем открыл рот, в нос ударил запах гниющих морских водорослей, тухлой капусты и чего-то еще, куда как более вонючего.

Мистер Д внезапно повернулся и затрусиł направо, к углу сарая.

— Нет, Ди, нет! — во всю глотку проорала Ширли. Она увидела то же, что и я на секунду раньше:

дверь в боковой стене, та самая, что открывалась по-воворотом ручки, а не электрическим моторчиком, как ворота, приоткрыта на несколько дюймов. Я понятия не имел, как такое могло быть: то ли кто-то, может, Арки, не захлопнул ее...

ТЕПЕРЬ: Арки

Это не я, я всегда закрываю дверь. Если б хоть раз забыл, наш прежний сержант сделал бы мне в заду новую дырку. Или Керт. Они хотели, чтобы дверь в гараж всегда была закрыта.

Относились к этому очень серьезно.

ТОГДА: Эдди

...то ли что-то открыло ее изнутри. Сила, исходящая из «бьюика», вот о чем я толкую. Что послужило причиной, никто так и не узнал. Но факт остается: дверь была открыта. Зазор между ней и дверным косяком служил источником ужасного запаха. К приоткрытой двери и направлялся Мистер Диллон.

Ширли сбежала со ступенек, Хадди за ней, оба кричали Мистеру Диллону, чтобы тот не совался в дверь. Они пронеслись мимо нас. Джордж побежал за ними. Я — за Джорджем.

Два или три дня назад «бьюик» устроил очередное светопреставление. Я при этом не присутствовал, но кто-то рассказал мне, да и почти неделю температура в гараже Б держалась ниже нормы. Не намного, лишь на четыре или пять градусов. Все это о чем-то говорило, но не так уж явственно. Во всяком случае, не воз-

никако желания подняться ночью и написать об этом матери. Поэтому увиденное в гараже и застигло нас врасплох. Мы такого никоим образом не ожидали.

Ширли переступила порог первой, зовя Мистера Диллона... а потом просто начала кричать. Секундой позже закричал и Хадди, а Мистер Диллон и лаял, и рычал одновременно. Такие звуки собака издает, когда настигла зверя, но тот не подпускает ее к себе. А потом раздался крик Джорджа Моргана: «Боже мой! Господи Иисусе! Что это?»

Если мне и удалось втиснуться в гараж, то на чуть-чуть. Ширли и Хадди стояли у самой двери, Джордж уткнулся в их спины. Втроем они заблокировали путь. От жуткого запаха слезились глаза и перехватывало горло, но я практически не обращал на него внимания.

Увидел, что багажник «бьюнка» открыт. А за автомобилем, в дальнем углу, стоит тощее, в складках, желтое чудовище с головой, которая в общем-то и не голова, а переплетение розовых отростков, шевелящихся и извивающихся. А под ними — желтая сморщенная кожа. Ростом за семь футов, оно превосходило человека. Некоторые из розовых отростков ощупывали потолочную балку. Оно издавало какие-то звуки, похожие на те, когда ночной мотылек бьется о стекло, пытаясь добраться до светящейся в комнате лампы. Я до сих пор слышу эти звуки. Иногда во сне.

Среди массы шевелящихся, дергающихся отростков что-то открывалось и закрывалось. Что-то круглое и черное. Возможно, рот. Возможно, из него и доносились эти звуки. Скорее — крики. Нижнюю часть тела я описать не мог. Мозг словно не осознавал, что видели глаза. На чем стояло чудовище, ногами назвать нельзя, это точно, но я думаю, их было три, а не две. И каждая заканчивалась черными искривленными

длинными когтями. Из которых росли жесткие волосы. Я думаю, это были волосы, и по ним прыгали какие-то насекомые вроде блох. С груди чудовища свисал подергивающийся серый хобот, покрытый блестящими черными кругами. Может, волдырями ожогов. А может, спаси Господи, то были глаза.

Перед чудовищем, лая и рыча, стояла наша собачка. С морды на бетонный пол падали хлопья пены. Она вроде бы собиралась прыгнуть на чудовище, а оно «кричало» на нее из темного угла. Серый хобот подергивался, как лишенная костей рука или лапка лягушки, через которую пропускают электрический ток. С конца хобота что-то закапало на бетонный пол. В местах падения капель сразу начал подниматься дымок, эта жидкость прожигала бетон.

Когда чудовище «закричало» на Мистера Д, тот чуть подался назад, но продолжал лаять и рычать. Уши плотно прижимались к голове, глаза вылезали из орбит. Чудовище вновь «закричало». Ширли взвизгнула и зажала уши руками. Я понимал почему, но знал — это не поможет. «Крики» эти попадали в голову не через уши, а иным путем. Возникали в голове, а уж потом выходили через уши, как пар. Мне хотелось сказать Ширли — не надо, не затыкай уши, наживешь эмболию или что-то еще, задерживая эти ужасные «крики» внутри, но тут она сама опустила руки.

Хадди обнял Ширли, и она...

ТОГДА: Ширли

Я почувствовала, как Хадди обнял меня, и схватилась за его руку. Не могла не схватиться. Хотела ощутить что-то человеческое. Как рассказывает Эдди,

получается, что это живое существо, рожденное «бьюиком», очень уж похоже на человека: рот среди извишающихся розовых отростков, грудь, что-то такое, что служило ему глазами. Я не говорю, что все не так, но и не могу сказать, что это правда. Я не уверена, что мы все это видели, во всяком случае, видели не так, как учили смотреть и видеть сотрудников полиции. Существо было слишком странное, выходило не только за пределы нашего жизненного опыта, но и понимания. Оно было гуманоидом? Пожалуй... по крайней мере мы его так восприняли. Оно было человеком? Ни в коем разе, будьте уверены. Оно было разумным, понимало, что происходит? Наверняка мы никогда не узнаем, но скорее да, чем нет. Но это не имело никакого значения. Мы были не просто в ужасе от чужеродности этого существа. За ужасом (а может, внутри его, как зернышко в орехе) шла ненависть. Какая-то часть меня хотела рычать и бросаться на чудовище, совсем как Мистер Диллон. Оно будило во мне злость, враждебность, не только страх и отвращение. Все другое истергалось из «бьюика» мертвым. Это существо появилось живым, но мы хотели его смерти. Господи, как же мы этого хотели!

«Закричав» второй раз, оно, казалось, смотрело на нас. Хобот в его средней части поднялся, как вытянутая рука, будто пытался сказать: *Помогите мне, отгоните этого лающего зверя.*

Мистер Диллон подался вперед. Чудовище в углу «вскрикнуло» в третий раз и отпрянуло. Вновь жидкость полетела из конца хобота — руки, пениса, как ни назови. Пара капель попала на Мистера Д, и шерсть задымилась. Он завизжал от боли. А потом, вместо того чтобы отступить, бросился на чудовище.

Оно двигалась плавно, словно в замедленной съемке. Мистер Диллон впился зубами в одну из складок морщинистой, мешковатой кожи, а потом чудовище вырвалось, скользя вдоль стены по другую сторону «бьюика», крича дырой в желтой коже среди розовых отростков, мотая хоботом из стороны в сторону. Черная жижа, вроде той, что вытекала из летучей мыши и рыбы, появилась и на месте укуса.

Чудовище ударило о сдвижные ворота и завопило от боли и отчаяния. И тут Мистер Диллон прыгнул на него сзади. Прыгнул высоко и ухватил зубами складку на уровне, как я полагаю, спины. Кожа порвалась с удивительной легкостью. Мистер Диллон упал на пол, не разжимая челюстей. Кожа слезла с чудовища, как отклеившиеся обои. Черная жижа... кровь... или не знаю что, выплеснулась на поднятую морду Д. Он завыл, но и не подумал отпустить то, что держал, мотал головой из стороны в сторону, стараясь отодрать огромную полоску кожи, совсем как терьер, схвативший крысу.

Чудовище закричало, а потом пробормотало что-то непонятное, но уж очень похожее на слова. Как и крики, они звучали непосредственно в голове, появлялись в ней сразу, минута уши. Чудовище билось телом о сдвижные ворота, как бы требуя, чтобы его выпустили, но в этих ударах силы не чувствовалось.

Хадди вытащил револьвер. Мог выстрелить в розовые отростки и черную дыру среди них, но упустил момент, потому что чудовище развернулось и упало на Мистера Диллона. Серый хобот обвился вокруг его шеи, и Д затянул и заскулил от боли. Я увидела дымок, поднимающийся там, где чудовище держало его, и почувствовала запах жженой шерсти, перебивающий запахи гниющих водорослей и тухлых овощей.

Пришелец распластался на нашей собаке, дергался, бил по воротам ногами (если это были ноги), оставляя на них желтые пятна. А Мистер Диллон протяжно завывал от боли.

Хадди прицелился в чудовище, но я схватила его за руку, заставив опустить револьвер.

— Нет! Ты попадешь в Ди!

И тут Эдди протиснулся, чуть не сбив меня с ног. Он нашел пару резиновых перчаток, которые лежали на каких-то мешках у двери, и надел их.

ТОГДА: Эдди

Вы должны понимать: я помню все это не так, как обычно запоминают прошедшее люди. Для меня это скорее воспоминание о финальной части крупной попойки. Это не Эдди Джейкобю брал резиновые перчатки с мешков с удобрениями, стоявших у двери. Перчатки брал некто, думающий, что он — Эдди Джейкобю. Вот как теперь мне это все представляется. Наверное, и тогда представлялось точно так же.

Я думал о Мистере Диллоне? Парень, мне очень хочется в это верить. И теперь я так говорю. Но в действительности вспомнить я не могу. Скорее всего мне хотелось заставить это кричащее чудовище заткнуться, вырвать его из моей головы. Я ненавидел его за то, что оно забралось туда. Не мог этого вынести. Из-за того, что там звучали его крики, казалось, меня изнасиловали.

Но при этом голова работала, понимаете? На каком-то уровне определенно работала, потому что я сначала надел резиновые перчатки, а уж потом снял со стены кирку. Помню, перчатки были синими. На

мешках лежало пар двенадцать, всех цветов радуги, но я взял синие. Надел их быстро, так же быстро, как врачи в сериале «Скорая помощь». Потом снял кирку со стены. Протолкался мимо Ширли, едва не сбив с ног. Думаю, наверняка сбил, если бы Хадди не успел подхватить ее до того, как она упала.

Джордж что-то прокричал. Я думаю: *Берегись кислоты*. Я не помню, что испытывал страх, и уж точно не помню, что чувствовал себя героем. Помню только ярость и отвращение. Словно проснулся с пиявкой на языке, высасывающей кровь. Я как-то рассказал об этом Кертису, и он произнес фразу, которую я на-всегда запомнил: ужас греха. Именно это я испытал — ужас греха.

Мистер Д выл, рычал, извивался, пытаясь вырваться. Чудовище лежало на нем, розовые отростки мотались, как водоросли в воде. Пахло жженой шерстью. Воняло тухлятиной. Черная жижа выливалась из ран, стекала по желтой коже, собираясь в лужи на бетонном полу. Меня обуревало желание убить чудовище, стереть с лица земли, заставить покинуть наш мир. В голове все смешалось, мысли закружило в вихре, не имевшем ничего общего ни со здравым смыслом, ни с безумием, ни с полицией, ни со штатскими, ни с Эдди Джейкобю. Как я и говорил, я все помню, но не так, как запоминаются обычные события. Скорее как сон. И я этому рад. То, что помню, уже плохо. Но не помнить — не получается. Даже спиртное ничего не может поделать с этими воспоминаниями, разве что немножко их приглушает, а когда перестаешь пить, они возвращаются. И ты словно просыпаешься с привкусом крови во рту.

Я подскочил к чудовищу, взмахнул киркой и вонзил в него острый конец. Чудовище закричало и от-

прянуло к сдвижным воротам. Мистер Диллон пополз назад, не отрывая живота от пола. Лаял от злости и скрипел от боли, звуки эти сливались воедино. За ошейником на шерсти выгорела целая полоса. Половина морды почернела, будто он рылся в золе. От нее поднимались струйки дыма.

Чудовище, привалившееся к воротам, подняло серый хобот, торчащий из груди, и я понял, что именно на нем глаза. Они смотрели на меня, и я не вынес их взгляда. Перехватил кирку и нанес удар широким лезвием. Послышался отвратительный чавкающий звук, и часть хобота упала на бетонный пол. Потом кирка вонзилась в грудь. Из раны повалило розовое вещество, напоминающее крем для бритья, словно находилось под давлением. На отрубленной части серого хобота глаза вертелись из стороны в сторону, будто смотрели одновременно по всем направлениям. Капельки прозрачной жидкости — яда капали на бетон и выжигали его.

Тут подскочил Джордж. Со штыковой лопатой. Обрушил лезвие на голову с розовыми отростками. Разрубил ее до черного отверстия — рта. Чудовище закричало. Так громко, что от этого крика мои глаза вылезли из орбит, совсем как у лягушки, когда обжигаешь пальцами склизкое тело и давишь.

ТОГДА: Хадди

Я надел перчатки и схватился за какой-то садовый инструмент, кажется, вилы, но точно не уверен. Короче, схватил его и присоединился к Эдди и Джорджу. Несколько секундами позже (а может, прошла минута, не знаю, времени мы не замечали) повернулся

голову и увидел, что Ширли с нами. Она тоже натянула перчатки и взяла бур Арки. Волосы ее разметались. Мне показалось, что она превратилась в Зену, Королеву воинов.

Мы вспомнили, что надо надеть перчатки, но обезумели. Полностью. Вид этого чудовища, его пронзительные крики, раздающиеся в голове, вой и скрежет Мистера Диллона, все это свело нас с ума. Я забыл про перевернувшуюся цистерну с хлорином, про Джорджа Станковски, пытающегося вывезти детей из опасной зоны на школьном автобусе, про злобного парня, которого привезли Эдди и Джордж Морган. Думаю, забыл, что вне этого вонючего гаража существует целый мир. Я кричал, взмахивая вилами, вновь и вновь вонзая острия в чудовище. Остальные тоже кричали. Стояли кружком и били, резали, рубили чудовище на куски. Мы все кричали, требуя, чтобы оно умерло, а оно не умирало, казалось, никогда не умрет.

Если бы я мог забыть хоть что-то, хоть малую часть, я хотел забыть следующее: в самом конце, буквально перед тем как умереть, чудовище приподняло обрубок хобота, растущего из груди. На обрубке оставались глаза, некоторые висели на тонких блестящих нитях. Может, это были оптические нервы. Не знаю. Так или иначе, обрубок приподнялся, и в этот самый миг в голове я увидел себя. Увидел всех нас, стоящих кружком и смотрящих вниз, совсем как убийцы смотрят в могилу своей жертвы, и я осознал, какие мы странные и чужие. Какие ужасные. В этот момент я почувствовал замешательство чудовища. Не страх, потому что оно не боялось. Не невиновность, потому что не было оно невиновным. Или, раз уж на то пошло, виноватым. Именно замешательство. Знало ли чудовище, где находится? Думаю, нет. Знало, почему Мистер Диллон

атаковал его, а мы — убивали? Да, это знало. Мы делали это потому, что были совершенно другими, настолько другими и настолько ужасными, что глаза чудовища едва могли нас видеть, едва могли передавать наши образы мозгу, когда мы окружили его и принялись бить, рубить, резать. Наконец, оно перестало шевелиться. Обрубок хобота бессильно упал. Глаза больше не поблескивали, уставившись в никуда.

Эдди и Джордж, стоя бок о бок, тяжело дышали, мы с Ширли — по другую сторону чудовища, Мистер Д — позади нас, повизгивая.

Ширли выпустила бур из рук, и когда он покатился по бетонному полу, я заметил, что к шнеку прилепился кусок желтой кожи, словно комок грязи. Лицо ее стало мертвенно-бледным, если не считать ярких пятен румянца на щеках и еще одного, расцветшего на шее.

— Хадди, — прошептала она.

— Что? — Я едва мог говорить, так пересохло в горле.

— Хадди!

— Что, черт побери?

— Оно могло мыслить, — прошептала Ширли. Глаза ее стали огромными, наполнились слезами. В них застыл ужас. — Мы убили разумное существо. Это убийство.

— Это все чушь собачья, — прохрипел Джордж. — А если и не чушь, чего сейчас об этом говорить?

Повизгивая, но уже не так пронзительно, как раньше, Мистер Диллон протиснулся между мной и Ширли. На шее, спине и груди образовались залысины, словно у него шла линька. Одно ухо лишилось кончика. Он вытянул шею и понюхал труп чудовища, лежащий у сдвижных ворот.

— Надо увести его отсюда, — сказал Джордж.
— Ничего, он в порядке, — ответил я.

Нюхая неподвижные розовые отростки на голове чудовища, Мистер Д заскулил вновь. Потом поднял лапу и помочился на отрубленный кусок хобота. После чего попятился, подывая.

Я слышал слабое шипение. Запах тухлой капусты усилился, желтая кожа чудовища начала светлеть. Превращаясь в белую. Крошечные, едва видимые струйки пара поднимались над трупом. Именно из-за них усилилось зловоние. Чудовище начало разлагаться, как разлагались остальные трупы, появлявшиеся из багажника «бьюика».

— Ширли, иди на рабочее место, — нарушил я затянувшуюся паузу. — У тебя девяносто девять.

Она быстро-быстро заморгала, словно начала соображать, что к чему.

— Цистерна, — прошептала она. — Джордж Эс. Господи, я забыла.

— Возьми с собой собаку, — добавил я.
— Да, хорошо. — Она помолчала. — А как же?.. — Она указала на садовый инвентарь, валяющийся на бетонном полу, инструменты, которыми мы убили чудовище, лежащее у сдвижных ворот и совсем недавно кричащее у нас в головах. Кричащее о чем? Оно прошло пощады? Пощадило бы оно одного из нас, если бы мы поменялись местами? Я так не думаю... но, разумеется, и не могу думать, не так ли? Потому что предстояло пережить ночь, а потом — вторую, год ночей, десять лет. Потому что предстояло тушить свет и оставаться в темноте. И приходилось верить, что с тобой поступили бы точно так же. Нужно в это верить, иначе непонятно, как жить дальше.

— Не знаю, Ширли. — Внезапно навалилась усталость, а желудок начал проявлять первые признаки недовольства всей этой вонью. — Какая разница, не будет же ни суда, ни расследования, ни-че-го. Возвращайся на рабочее место. Твое дело — обеспечивать связь. Вот и обеспечивай.

Она кивнула.

— Пошли, Мистер Диллон.

Я сомневался, что пес пойдет с ней, но он пошел, чуть ли не тыкаясь носом в коричневые на низком каблуке туфли Ширли. Он продолжал скулить, а перед тем как выйти из двери, вдруг задрожал всем телом, словно его начал бить озноб.

— Мы тоже должны идти. — Джордж повернулся к Эдди. Хотел потереть глаза, понял, что на руках перчатки, сдернул их. — Надо же заняться арестованным.

Эдди посмотрел на него так же удивленно, как и Ширли — на меня, когда я напомнил ей про аварию в Поти́нвиле.

— Совершено забыл про этого болтливого мерзавца. Он сломал нос, Джордж... я слышал.

— Правда? — Джордж хмыкнул. — Какой кошмар.

Эдди заулыбался. Чувствовалось, что он хочет подавить улыбку, но она становилась все шире. Улыбка, она помогает. И в тяжелой ситуации тоже. Особенно в тяжелой ситуации.

— Идите, — кивнул я. — Позаботьтесь о нем.

— Пошли с нами. — Эдди мотнул головой в сторону двери. — Негоже тебе оставаться здесь одному.

— Почему? Чудовище мертвое, не так ли?

— А вот он — нет. — Эдди указал на «бьюик». — От этого чертова автомобиля можно ждать чего угодно, и он очень даже живой. Или ты не чувствуешь?

— Я что-то чувствую, — признал Джордж. — Может, это реакция на столкновение с этим... — он посмотрел на труп, — не знаю, как там его назвать.

— Нет, — возразил Эдди. — То, что ты чувствуешь, исходит от «бьюика», который совсем не покойник. Он дышит, вот что я думаю. Чем бы ни был этот автомобиль, он дышит. Не думаю, что здесь безопасно, Хад. Нам всем лучше уйти.

— Ты преувеличиваешь.

— Хрена с два. Он дышит. Он выдохнул это розоголовое страшилище, точно так же, как у тебя из носа может вылестеть сопля, когда ты чихаешь. А теперь он готовится вдохнуть. Говорю тебе, я это чувствую.

— Послушай, — ответил я, — мне нужна ровно минута, идет? Я только возьму тент и накрою... вот это. — Я указал на убитое существо. — А с остальным подождем до Тони и Керта. Они — эксперты.

Но Эдди стоял на своем. Не желал меня слушать.

— Нельзя тебе оставаться около этого псевдоавтомобиля, пока он не вдохнул. — Эдди злобно глянул на «бьюик». — И тебе тоже надо бы стоять на этом. Сержант захочет войти в гараж, Керт — еще больше, но ты не должен их пускать. Потому что...

— Я знаю, — прервал я его. — Потому что он готовится вдохнуть, ты это чувствуешь. Тебе пора заводить собственный телефонный номер, начинающийся с восьмисот, Эдди. Ты сможешь заработать кучу денег телефонным гаданием по ладони.

— Пожалуйста, смейся. Ты думаешь, Эннис Рафферти смеется там, где он сейчас? Я говорю тебе, что знаю, и мне без разницы, нравится тебе это или нет. Это дыхание. И так было всегда. На этот раз, когда он

вдохнет, вдох будет глубоким. Можешь мне поверить. Позволь нам с Джорджем помочь тебе с тентом. Мы накроем это чудище вместе и вместе выйдем из гаража.

Эта идея показалась мне не из лучших, хотя я и не мог понять почему.

— Эдди, я справлюсь. Клянусь Богом. Опять же, я хочу сделать несколько снимков мистера Инопланетянина, прежде чем он совсем разложится.

— Не будем об этом, — выдавил из себя Джордж. Он заметно позеленел.

— Извини. Я быстро, не волнуйтесь. Идите, парни, зайдитесь арестованным.

Эдди смотрел на «бьюик», застывший на больших, с белыми боковинами, шинах. Открытый багажник выглядел пастью крокодила.

— Как я его ненавижу. За два цента...

Джордж уже шел к двери, и Эдди последовал за ним, так и не сказав, что бы он сделал за два цента. С другой стороны, догадаться труда не составляло.

Запах разлагающегося чудовища с каждой секундой становился все отвратительнее, и я вспомнил про «пафф-пэк», надетую Кертисом, когда он пошел осматривать «лилию». Я подумал, что маска по-прежнему в будке. «Полароид» точно там лежал, не так давно я видел его собственными глазами.

С автомобильной стоянки до меня донесся голос Джорджа. Он спрашивал Ширли, в порядке ли она. Она крикнула в ответ, что да. А секундой или двумя позже Эдди гаркнул: «ТВОЮ МАТЬ!» Его услышали в соседнем окруже. По голосу чувствовалось, что он зол, как черт. Я решил, что арестованный, со сломанным носом, накачавшийся наркотиками, проблевался на заднем сиденье патрульной машины. Что с того? Вымывать блевотину — не самое худшее занятие. Од-

нажды я приехал на место столкновения трех автомобилей в Патчине и посадил пьяного водителя, виновника происшествия, на заднее сиденье своей патрульной машины. Чтобы он не сбежал, пока я ограждал место аварии. Вернувшись, я обнаружил, что этот гад снял рубашку и насрал в нее. А потом, используя один из рукавов как тюбик (чтобы понять, о чем я толкую, представьте себе кондитера, рисующего вензель на торте), написал свое имя на боковых стеклах. Пытаясь написать и на заднем, да только не хватило специальной коричневой «краски». Когда я спросил, с чего он сподобился на такую гадость, он, прищурившись, посмотрел на меня и ответил: «Это же гадкий мир, патрульный».

Так или иначе, я подумал, что не стоит обращать внимания на крик Эдди, и пошел к будке, не потрудившись взглянуть, что там у него произошло. Откровенно говоря, я не надеялся найти «пафф-пэк», однако она лежала на полке между коробкой с чистыми видеокассетами и стопкой журналов. Какая-то добрая душа даже положила ее в пакет для хранения вещественных доказательств, чтобы уберечь от пыли. Беря маску с полки, я вспомнил, каким смешным выглядел Керт в тот день, когда она впервые оказалась у него на шее, в фартуке парикмахера, синей резиновой шапочке для плавания, красных галошах. Тогда я ему еще крикнул: *Красавчик! Помаши рукой своим поклонникам.*

Я накрыл маской рот и нос, практически уверенный, что дышать будет невозможно, однако воздух оказался, конечно, не таким свежим, как после грозы, но вполне пригодный для дыхания. Все лучше, чем вонь в гараже. Схватил старый «Полароид» со стены, где он висел на гвозде, вышел из будки. И готов

признать, боковым зрением уловил какое-то движение. Может, только намек на движение. Не около гаража, на него я смотрел, а где-то на периферии поля зрения. Что-то на поле, которое начиналось за территорией базы. В высокой траве. Возможно, я подумал, что это Мистер Диллон катается по траве, чтобы очиститься от жуткого запаха. Насчет Мистера Диллона я ошибся. Он уже не мог кататься по траве. Потому что доживал последние минуты.

Я вернулся в гараж, дыша через маску. И хотя прежде я не воспринял, о чем говорил Эдди, на этот раз мне пришлось признать его правоту. Словно несколько минут, проведенных вне гаража, обострили восприятие, а может, «бьюик» настроился на меня. Он не полыхал вспышками, не светился, не гудел, стоял недвижимо, но в том, что он живой, сомнений быть не могло. Я ощущал это всем телом, кожей, будто легкий ветерок шевелил волосы на руках. И тут я подумал... безумная, конечно мысль, но она пришла мне в голову: *Что, если «бьюик» всего лишь другая разновидность маски, которая сейчас у меня на лице? Что, если он — все та же «тафф-пэк»? Что, если существо, которое пользуется этой маской, только что выдохнуло, освободило легкие, а через секунду-другую...*

Даже с маской от вони мертвого чудовища глаза начали слезиться. Брайан Коул и Джекки О'Хара, два наших мастера на все руки, годом раньше подвесили под потолком вентилятор, и я щелкнул выключателем, проходя мимо.

Сделал три снимка, на том кассета и закончилась: перед тем как выходить из будки, я не удосужился посмотреть на счетчик кадров. Сглупил. Сунул фотоснимки в задний карман, положил «Полароид» на пол и пошел за тентом. Когда наклонился и взялся за него,

до меня дошло, что я взял фотоаппарат, но прошел мимо бухты ярко-желтой веревки. А должен был взять ее, завязать петлей на талии, а другой конец закрепить на большом крюке, который стараниями Кертиса появился на стене гаража Б слева от двери. Но я этого не сделал. Веревка была слишком яркой, чтобы не попасться мне на глаза, но я умудрился ее не заметить. Забавно, не так ли? И я находился там, где не имел права появляться в одиночку, однако все же пришел. И без страховочного троса. Прошествовал мимо него, может, по одной простой причине: что-то хотелось, чтобы я прошествовал мимо? На полу лежал мертвый инопланетянин, а воздух наполняло ощущение, что рядом со мной есть что-то живое. Мелькнула новая мысль: если я исчезну, моя жена и сестра Энниса Рафферти могут объединить усилия. Кажется, я громко рассмеялся. Точно не помню, но я находил что-то забавное в абсурдности ситуации.

Чудовище, которое мы убили, полностью побелело. И парило, как сухой лед. Глаза на обрубке хобота вроде бы еще смотрели на меня, но они уже начали таять и вытекать. Я боялся как никогда в жизни, потому что смерть бродила рядом — и я это знал. Всем своим существом чувствовал: что-то собирается сделать вдох, набрать полные легкие воздуха. Ощущение было таким сильным, что по коже побежали мурашки. Но при этом я и улыбался. Улыбался во весь рот. Не смеялся, но был близок к этому. Я накрыл инопланетянина тентом и двинулся к двери. Напрочь забыл про «Полароид». Оставил на бетонном полу.

Уже подходил к двери, когда посмотрел на «бьюик». И какая-то сила потянула меня к нему. Уверен ли я, что его сила? Честно говоря, нет. Возможно, дело лишь в том, что несущее смерть всегда зачаровывает

людей: обрыв и пропасть за ним, дуло револьвера, смотрящее на нас, словно глаз, если развернуть оружие стволом к себе. Даже острье ножа выглядит иначе, когда час поздний, а все домочадцы уже спят.

Все это находилось глубже уровня мышления. На уровне мышления я лишь решил, что не могу уйти и оставить «бьюик» с поднятой крышкой багажника. Багажник тоже выглядел... ну, не знаю, словно готовился вдохнуть. Что-то в этом роде. Я все улыбался. Возможно, даже посмеивался.

Я сделал восемь шагов... может, и двенадцать, скорее двенадцать. Говорил себе: в том, что я делаю, никакой глупости нет, Эдди Джи — пугливая старушка, принимающая страхи за факты. Я протянул руку к крышке. Хотел захлопнуть ее и уйти (так я себе говорил), но заглянул внутрь, и с губ сорвалась фраза, которую произносят, сильно удивляясь. Возможно: *Это же надо или Чтоб я сдох!* Потому что в багажнике что-то лежало. На коричневой обивке. И напоминал этот предмет транзисторный радиоприемник конца пятидесятых или начала шестидесятых годов. Из него даже торчал блестящий штырь, прямо-таки антенна.

Я сунул руку в багажник, достал «приемник». Помселялся, глядя на него. Я был словно во сне или «улетел» на каких-то «колесах». И при этом знал, что «бьюик» все сильнее притягивает меня к себе, готовится к тому, чтобы заглотнуть. Понятия не имею, ощущал ли то же самое Эннис, но скорее всего да. Я стоял перед открытым багажником, без страховочной веревки, никто при необходимости не мог вытащить меня из гаража, и что-то намеревалось втянуть меня внутрь, вдохнуть, как сигаретный дым. Но я плевать на это хотел. Полностью сосредоточился на находке.

Возможно, я держал в руке средство связи, так этот предмет, во всяком случае, выглядел, возможно, он использовался совсем для других целей. Может, чудовище держало в нем прописанные ему лекарства, может, это был музыкальный инструмент, может, и оружие. Размером он не превышал пачку сигарет, но весил куда как больше. Больше транзисторного приемника и рации. На нем я не видел ни верньеров, ни кнопок, ни рычажков. По виду и на ощупь сработали его не из металла и не из пластика. Наружная поверхность явно имела органическое происхождение, напоминая хорошо выделанную кожу. Я коснулся блестящего штыря, и он ушел в отверстие в верхнем торце. Коснулся отверстия, и штырь выдвинулся наружу. Коснулся штыря, и ничего не изменилось. Ни тогда, ни потом. Хотя потом для «радиоприемника» продлилось недолго. Через неделю поверхность начала гнить и коррозировать. Хотя мы и положили его в пакет с герметизирующей полоской. Через месяц «радио» выглядело так, словно пролежало под ветром, дождем и солнцем восемьдесят лет. А к следующей весне от него осталось лишь несколько серых фрагментов, которые при прикосновении рассыпались в пыль. Антenna, или что-то еще, больше не двигалась ни на миллиметр.

Мне вспомнились слова Ширли: *Мы убили разумное существо*, и ответ Джорджа: *Чушь собачья*. Только Ширли несла не чушь. При «летучей мыши» и «рыбе» не нашлось предметов, напоминавших транзисторный радиоприемник, потому что они были животными. Сегодняшний наш гость, которого мы разорвали на куски садовыми инструментами, разительно отличался от них. Каким бы отвратительным он нам ни показался, какую бы ни вызывал

у нас ненависть, Ширли говорила правду: это было разумное существо. Мы тем не менее его убили, продолжали рвать и крошить, даже когда он лежал на полу, простирая к нам обрубленный хобот и прося о пощаде, хоть он и знал: мы его не пощадим. Не могли пощадить.

Но ужаснуло меня не это. Перед моим мысленным взором возникла прямо противоположная ситуация. Я увидел Энниса Рафферти, оказавшегося среди вот таких существ, с желтой кожей, розовыми отростками на голове, хоботом с глазами на груди, молящего о пощаде, задыхающегося в непривычном ему воздухе. И когда он лежал перед ними, мертвый и уже начавший разлагаться, достал ли кто-нибудь его револьвер из кобуры? Стояли они, глядя на револьвер под чужим небом неведомо какого цвета? Удивил их револьвер точно так же, как меня удивило «радио»? Сказал кто-нибудь: *Мы только что убили разумное существо*, на что другой ответил: *Чушь собачья?* И когда я думал об этом, в голове звучала другая мысль: я должен немедленно убраться отсюда. Если только мне на собственном опыте не хотелось получить ответы на мои же вопросы. И что произошло потом? Я никогда об этом не говорил, но теперь могу сказать: мне казалось глупым отступать, пройдя столь длинный путь.

Я решил залезть в багажник.

Видел, что такое возможно. Места в нем хватало. Вы знаете, какие большие багажники в этих старых автомобилях. Когда я был маленьким, мы говорили, что гангстеры отдают предпочтение «бьюикам», «кадиллакам» и «крайслерам», потому что в багажнике достаточно места для двух поляков или трех макарон-

ников. Места хватало. Старина Хадди Ройер мог влезть в багажник, лечь на бок, протянуть руку и закрыть крышку. Мягко, без стука. А потом лежал бы, дыша затхлым воздухом через «пафф-пэк», прижимая «радио» к груди. В маленьком баллоне оставалось не так уж много воздуха, но его хватило бы. Старина Хадди лежал бы, свернувшись, улыбаясь, а потом... очень скоро...

Произошло бы что-то очень интересное.

Я не думал об этом долгие годы, разве что во снах, которые не помнишь, когда просыпаешься, но знаешь, что тебе снились кошмары, по гулко бьющемуся сердцу, пересохшему горлу и отвратительному, будто кошки насыпали, вкусу во рту. Последний раз я осознанно вспоминал, как стоял перед багажником «бьюика-роудмастера», когда услышал, что Джордж Морган покончил с собой. Представил себе, как он сидел на полу в собственном гараже, может, слышал голоса детей, играющих в бейсбол на поле Макклурга в том же квартале, а потом пиво закончилось, он взял револьвер и пристально посмотрел на него. К тому времени мы все уже перешли на «беретты»*, но Джордж сохранил «ругер». Говорил, он лучше ложится на руку. Я буквально видел, как он вертит револьвер из стороны в сторону, потом смотрит ему в глаз. У каждого пистолета или револьвера есть глаз. Любой, кто смотрел в него, это знает. Вот он вставил ствол между зубами, возможно, коснулся мушкой нёба. Ощутил вкус масла. Может, даже лизнул дуло кончиком языка, как лижут мундштук трубы перед

* «Беретта» — пистолет итальянского производства, один из лучших в своем классе, в конце восьмидесятых годов принят на вооружение полицией США.

тем, как дунуть в нее. Сидел в углу гаража еще со вкусом пива во рту, к которому прибавился вкус машинного масла и стали, облизывая дыру в стволе — глаз, из которого пуля вылетает со скоростью, в два раза превосходящей скорость звука, подталкиваемая расширяющимися горячими пороховыми газами. Сидел в углу, ощущая запах травы, прилепившейся к днищу газонокосилки, и разлитого бензина. Слыша радостные крики детей на бейсбольном поле. Думая о том, что он почувствовал, когда патрульная машина весом в две тонны превратила старушку в кровавое месиво, когда кровь брызнула на ветровое стекло, а в решетке радиатора что-то застряло, как потом выяснилось, одна из ее туфель. Я живо себе это представил и знаю, именно так все и происходило, знаю, потому что сам пережил подобное. Я понимал, как ужасно все будет, но особо не тревожился: что-то в этом было и забавное. Я улыбался. Не хотел дать задний ход. Думаю, Джордж тоже не хотел. В конце концов решиться пойти на такое — все равно что влюбиться. Или жениться. Обратного пути нет. А решение я уже принял.

Спас меня не колокольный звон, а крик Ширли. Поначалу она издала громкий вопль, потом последовали слова: «*Помогите! Пожалуйста! Помогите мне! Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне!*»

Меня будто вывели из транса. Я отступил от багажника «бьюика» на пару шагов, шатаясь как пьяный, не в силах поверить, на грани чего оказался. Ширли закричала снова, а потом я услышал голос Эдди: «*Что с ним, Джордж? Что с ним случилось?*»

Я повернулся и побежал к двери гаража.

Да, спасенный криком. Это про меня.

ТОГДА: Эдди

Снаружи было лучше, намного лучше, и когда я спешил за Джорджем, случившееся в гараже Б уже казалось мне дурным сном. Конечно, не могло там быть монстров с розовыми отростками на голове, хоботом с глазами, волосатыми когтями. Реальность — это наш задержанный и находящийся на заднем сиденье патрульной машины номер 6 дебошир, поднимающий руку на женщину. Вот им, Брайаном Липпи, дамы и господа, нам и следовало заниматься. Я все еще боялся «бьюика», боялся, как никогда раньше или позже, и я знал, что на то у меня есть веская причина, хотя более не мог вспомнить, какая именно. И полагал сие за счастье.

Я прибавил шагу, чтобы догнать Джорджа.

— Послушай, я, наверное, не соображал, что делаю. Если я...

— Дерьмо, — вырвалось у него, и он так резко остановился, что я чуть не ткнулся ему в спину. Замер на краю автостоянки, уперев руки в бока.

— Ты только посмотри. — И тут же крикнул: — Ширли! Ты в порядке?

— Все нормально, — ответила она. — Но Мистер Д... извини, вызов по радио. Я должна ответить.

— Только этого нам и не хватало, — пробурчал Джордж.

Я шагнул в сторону и увидел, отчего он так расстроился.

Заднее окно нашей патрульной машины вышибли, безусловно, парой ковбойских сапог с крепкими каблуками. Двух или трех ударов на такое бы не хватило, даже и дюжины, но мы предоставили моему школьному «дружку» Брайану предостаточно време-

ни. Вот он им и воспользовался. Солнце отражалось от тысяч осколков, разбросанных по асфальту. Что же касается мсье Брайана Липпи, то его и след простыл.

— ТВОЮ МАТЬ! — крикнул я и потряс кулаками.

В округе Погус горела цистерна с химикалиями, в гараже Б лежало мертвое чудовище, теперь еще появился и беглец-неонацист. Плюс разбитое стекло патрульной машины. Ты, парень, можешь подумать, что это пустяк в сравнении с остальным, но лишь потому, что никогда не заполнял все бланки, начиная с формы 24-А-24, описания поврежденной собственности ПШП, и заканчивая «Полным отчетом об инциденте» (все в трех экземплярах), необходимые для замены стекла. И вот на какой вопрос я бы хотел услышать ответ: почему не бывает череды хороших дней, когда если и случается что-то плохое, то только одно? Почему-то в жизни все обстоит иначе. По личному опыту знаю, что дермо копится, копится, копится, чтобы разом выплеснуться в один из дней. Тот как раз таковым и оказался. Проявил себя во всей красе.

Джордж зашагал к патрульной машине 6. Я — рядом с ним. Он наклонился, достал из кармана на бедре рацию, резиновой антенной поводил среди осколков. Что-то поднял. Серьгу с распятием нашего приятеля. Должно быть, потерял, когда вылезал через разбитое окно.

— Твою мать, — повторил я уже не так громко. — И куда, по-твоему, он пошел?

— Во всяком случае, он не в здании с Ширли. И это хорошо. А куда его понесло? По дороге направо, по дороге налево, через дорогу, через поле и в лес. Вариантов много. Выбирай любой. — Он поднялся, посмотрел на пустое заднее сиденье. — Это плохо, Эдди. Очень плохо. Ты ведь понимаешь?

Побег задержанного — всегда неприятность, но Брайан Липпи не тянул на Джона Диллинджера*, о чем я и сказал Джорджу.

Джордж покачал головой, показывая, что я его не понял.

— Мы не знаем, что он видел. Не так ли?

— Ты о чем?

— Может, ничего. — Джордж шевельнул осколки носком ботинка. На некоторых краснели капли крови. — Может, он побежал в сторону от гаража. Но этот путь вывел бы его на шоссе, чего ему, конечно же, не хотелось — любой коп, попадись он ему на глаза, тут же остановил бы его и арестовал вновь: лицо в крови, в волосах осколки стекла, понимаешь?

После всего, что свалилось мне на голову, я соображал медленно и признался в этом. Может, еще не вышел из шокового состояния.

— Я никак не возьму в толк, о чем ты...

Джордж стоял, наклонив голову, сложив руки на груди. И шебуршал носком ботинка в осколках.

— Я бы направился к дальнему полю, за нашим зданием. Попытался бы лесом добраться до автострады, умылся бы в каком-нибудь ручье, потом поймал бы попутку. А вот если бы я убежал не сразу? Если бы, услышав крики и удары, доносящиеся из гаража, задержался на минуту-другую?

— Господи, — выдохнул я. — Ты же не думаешь, что он мог остановиться, чтобы понаблюдать за нами, правда?

* Диллинджер, Джон (1902–1934) — известный преступник, совершил серию убийств и ограблений банков. Был объявлен ФБР «врагом общества номер один». Несколько раз бежал из-под стражи. 22 июля 1934 г. в Чикаго, его застрелил агент ФБР.

— Скорее всего не остановился. Но такое возможно? Черт, конечно же. Любопытство легко могло перебороть страх.

С этим я спорить не стал. Какой смысл?

— Да, но кто ему поверит?

— Если об этом напишет «Американ», сестра Энниса может и поверить. И это будет только начало. Не так ли?

— Дерьмо, — буркнул я. Обдумал его слова. — Надо просить Ширли объявлять Брайана Липпи в розыск.

— Сначала нашим парням надо разобраться с Потинвилем. А потом, когда здесь появится сержант, мы ему все расскажем... и покажем, что осталось в гараже Б. Если Хадди сделает хорошие фото... — Он оглянулся. — Слушай, а где Хадди? Ему давно пора выйти из гаража. Господи Иисусе, надеюсь...

Его фразу оборвал крик Ширли: «Помогите! Пожалуйста! Помогите мне! Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне!»

Прежде чем мы успели шагнуть к зданию, Мистер Диллон появился в дыре, которую он проделал в сетчатой двери. Его качало из стороны в сторону как пьяного, шел он с опущенной головой. Шерсть дымилась. Голова — тоже, хотя я и не мог понять, откуда выходит дым. Мне показалось, отовсюду. Д поставил передние лапы на первую из трех ступеней, ведущих от черного хода к автомобильной стоянке, потерял равновесие, упал на бок. Несколько раз дернулся головой. Я видел, как точно так же дергали головой люди в старых немых фильмах. Из ноздрей двумя струйками выходил дым. Я подумал о женщине, сидевшей в кабине пикапа Липпи, и дыме ее сигареты, который исчезал, не успевая подняться до крыши. Дым шел

и из глаз, превратившихся в бельма. Мистера Диллона вырвало дымом с кровью, месивом из пищи и внутренностей, какими-то белыми треугольными камушками. Только через секунду-другую я понял, что это его собственные зубы.

ТОГДА: Ширли

В эфире шли активные переговоры, но базу никто не вызывал. Да и чего ее вызывать, если все, кто мог, или уже приехали к начальной школе Потинвиля, или направлялись туда. Джордж Станковски вывез детей из опасной зоны, это я по крайней мере поняла. Пожарная дружина Потинвиля, которой помогали расчеты из округа Стэтлер, тушили загоревшуюся траву. Да и вообще горело только дизельное топливо, растекшееся по негорючему хлорину. В том, что в цистерне хлорин, сомнений уже не было. Не так чтобы хорошо, но могло быть гораздо хуже.

Джордж кликнул меня с автостоянки, хотел знать, все ли у меня в порядке. Тронутая его заботой, я ответила, что да. А через секунду или две Эдди вдруг выругался, злобно. Все это время я чувствовала себя как-то странно, будто не я, а кто-то другой сидит за диспетчерским пультом, я же наблюдаю за всем со стороны.

В дверях коммуникационного центра возник Мистер Диллон. Стоял, наклонив голову, жалобно скучил. Я подумала, что болит обожженная кожа. Ожоги были и на морде. Подумала, что кто-то, скорее всего Орв Гарретт, должен отвезти его к ветеринару, когда уляжется вся эта суета. Конечно, придется выдумать какую-то легенду, чтобы объяснить такие ожоги.

— Хочешь попить, большой мальчик? — спросила я. — Готова спорить, что хочешь.

Он вновь завыл, будто говоря, что вода — очень хорошая идея. Я пошла на кухню, взяла его миску, наполнила водой из-под крана. Его когти клацали по линолеуму, так что я знала, что он идет за мной, но повернулась, лишь когда налила ему воды.

— А вот и твоя...

На том я и замолчала: глянула на него и выронила миску из рук, обрызгав ноги. Он дрожал всем телом... не так, как дрожат от холода: казалось, через него пропускают электрический ток. А из пасти с обеих сторон выступила пена.

У него бешенство, подумала я. Эта тварь заразила Ди бешенством.

Но выглядел он не бешеным, а очень несчастным. Его глаза умоляли помочь ему, вылечить. Действительно, к кому он мог обратиться за помощью, как не к человеку?

— Ди? — Я опустилась на одно колено, протянула к нему руку. Я знаю, мой поступок кажется глупым, опасным, но тогда я думала только об одном: как ему помочь? — Ди, что такое? Что с тобой? Бедненький мой, что с тобой?

Он двинулся ко мне, очень медленно, повизгивая и дрожа. И когда оказался совсем рядом, я увидела ужасное: ожоги на морде курились тоненькими струйками дыма. Дым поднимался и над ожогами на теле, шел из уголков глаз. Я увидела, как глаза его начали светлеть, словно изнутри их заполнял туман.

Я коснулась его головы. Когда почувствовала, какая она горячая, вскрикнула и отдернула руку, как бывает, когда подносишь ее к включенной горелке электроплиты, думая, что она не включена. Мистер Д дер-

нул головой, будто хотел меня цапнуть, но едва ли у него были такие намерения. Он просто не знал, что еще он может сделать. Потом повернулся и побрел к двери.

Я встала, на мгновение перед глазами у меня все поплыло.

Если бы не схватилась за стол, упала бы. Пошла за ним (меня немного качало), говоря: «Ди? Вернись, сладенький».

Он уже миновал половину дежурной части. Повернулся один раз на звук моего голоса, и я увидела... о, я увидела, что дым идет у него из пасти и из ноздрей. Да и из ушней тоже. Кожа с обеих сторон пасти оттянулась назад, с секунду казалось — он пытается мне улыбнуться, как делают собаки, когда счастливы. Потом его вырвало. Главным образом не пищей, а собственными внутренностями. И они дымились.

Вот тогда я и закричала: «Помогите! Пожалуйста! Помогите мне! Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне!»

Мистер Д отвернулся, словно все эти крики причиняли боль его горящим ушам, и двинулся дальше. Должно быть, увидел дыру в сетчатой двери, зрение еще окончательно не подвело его, потому что направился к ней и проскочил в нее. Я, крича, шла за ним.

ТОГДА: Эдди

— *Что с ним, Джордж?* — прокричал я. Мистер Диллон сумел вновь подняться на лапы. Медленно поворачивался вокруг оси, дым курился над ожогами, серыми клубами вырывался из пасти. — *Что с ним случилось?*

В дверях появилась Ширли, по щекам текли слезы.

— Помогите ему! — крикнула она. — Он горит! К нам присоединился Хадди, тяжело дыша, словно прибежал издалека.

— Что тут происходит?

И все увидел сам. Мистер Диллон повалился на асфальт. Мы осторожно подошли к нему с одной стороны. С другой Ширли спустилась по ступеням. Она была ближе и добралась до него первой.

— Не трогай! — предупредил Джордж.

Она проигнорировала его слова, положила руку на шею Д, но не смогла удержать. Посмотрела на нас, глаза блестели от слез.

— Он горит изнутри.

Скуля, Мистер Диллон опять попытался подняться. Ему удалось выпрямить передние лапы, он переступил ими в сторону дальнего конца автостоянки, где стояли «белэр» Керта и «тойота» Дикки-Дака Элиота. Но к тому моменту он, наверное, уже ослеп, глаза напоминали сваренный белок. Однако все тянул себя вперед передними лапами, таща по асфальту задние.

— Господи, — прошептал Хадди.

Слезы градом катились по лицу Ширли. Горло так перехватило, что я едва разобрал слова: «Пожалуйста, ради Бога, неужели ни один из вас не может ему помочь?»

Перед моим мысленным взором возник четкий, яркий образ. Я увидел, как достаю шланг, который Арки держал в специальном шкафчике у стены здания, поворачиваю кран, подбегаю к Мистеру Диллону, направляю струю воды ему в пасть, в горло. И вижу, как дыма становится все меньше и меньше.

Но Джордж уже направлялся к нашему умирающему псу, доставая на ходу револьвер. Д, ослепший, в облаке дыма, продолжал пытаться ползти к зазору

между «белэром» и «тойотой». Я подумал: а огонь вырвется наружу и охватит собаку, как буддийских монахов, сжигавших себя во время войны во Вьетнаме?

Джордж остановился, поднял револьвер, чтобы Ширли могла его видеть.

— Это единственное, чем можно ему помочь, дорогая. Понимаешь?

— Да, поторопись, — вырвалось у нее.

ТЕПЕРЬ: Ширли

Я повернулась к Неду, который сидел, опустив голову, волосы упали на лоб. Сунула руку ему под подбородок и подняла голову, чтобы он смотрел на меня.

— Ничего другого мы сделать не могли. Тебе это ясно?

С мгновение он молчал, и я испугалась. Потом кивнул.

Я повернулась к Сэнди Диаборну, но он смотрел не на меня, а на сына Кертиса, и такую тревогу на его лице мне доводилось видеть крайне редко.

Потом заговорил Эдди, и я стала слушать. Забавно, знаете ли, как близко от настоящего иной раз находится прошлое. Иногда кажется, что достаточно протянуть руку, чтобы прикоснуться к нему. Только...

Только кому в действительности этого хочется?

ТОГДА: Эдди

На том мелодрама и закончилась, остался патрульный в серой форме, в шляпе с широкими полями, бросающими тень на лицо, наклоняющийся и протяги-

вающий руку, словно собравшийся утешить плачущего ребенка. Когда ствол револьвера уперся в дымящуюся голову пса, Джордж нажал на спусковой крючок. «Бах» — и Мистер Диллон мертвым повалился на бок. Дым продолжал подниматься.

Джордж сунул «ругер» в кобуру, отступил на шаг. Закрыл лицо руками и что-то выкрикнул. Не знаю, что именно. Руки заглушили звук. Хадди и я подошли к нему. Ширли тоже. Обняли, все вместе. Стояли посреди автостоянки, патрульная машина 6 — позади, гараж Б — по правую руку, а наш взводный пес, который никому не причинял хлопот, лежал перед нами мертвый. Мы чувствовали запах его горящей плоти и, не сговариваясь, молча переместились вправо, из-под ветра, не отрывая ног от асфальта, потому что еще не могли расцепиться. Не разговаривали. Ждали, вспыхнет он или нет. Но, похоже, огонь не хотел разгораться, а может, не мог разгореться в мертвом теле. Он чуть раздулся, потом изнутри донесся какой-то звук, словно лопнул надутый бумажный пакет. Наверное, сложилось одно из легких. Как только это случилось, дым начал рассеиваться.

— Чудовище из «бьюика» отравило его, не так ли? — спросил Хадди. — Отравило, когда он его укусил.

— Отравило — мягко сказано, — ответил я. — Этот розововолосый членосос залил в него напалма. — Тут я вспомнил, что рядом Ширли, которая ругательств терпеть не могла. — Извини.

Она вроде бы меня и не слышала. Смотрела на Мистера Д.

— Что же нам теперь делать? — спросила она. — Есть идеи?

— У меня нет, — ответил я. — Ситуация полностью вышла из-под контроля.

— Может, и нет, — качнул головой Джордж. — Ты прикрыл его тентом, Хад?

— Да.

— Значит, первый шаг сделан. А как дела в Потинвиле, Ширли?

— Дети вне опасности. Водитель автобуса погибла, но учитывая, что поначалу... — Она замолчала, губы сжались с такой силой, что слились друг с другом. В горле забулькало. — Извините меня, парни. — На негнущихся ногах направилась к углу здания, прижимая руку ко рту. Держалась, пока не скрылась из виду, осталась только тень, а уж потом ее вывернуло наизнанку. Мы молча стояли рядом с дымящимся трупом собаки, и через несколько минут она вернулась, мертвенно-бледная, вытирая рот бумажной салфеткой. И продолжила разговор с того места, где он и оборвался, словно отвлекалась, чтобы откашляться или убить муху.

— ...казалось, что трупов будут десятки. Вопрос, сколько трупов у нас.

— Свяжись по радио с сержантом или Кертом, — предложил Джордж. — Лучше с Тони — когда речь идет о «бьюике», здравомыслия у него побольше. Вы, парни, со мной согласны?

Хадди и я кивнули. Ширли тоже.

— Скажи ему, что у нас код Д и мы хотим, чтобы он как можно скорее вернулся на базу. Он поймет, что ситуация не чрезвычайная, но чертовски близка к чрезвычайной. Также можешь сказать ему, что у нас Кубрик. — Это выражение (насколько я знаю) использовали только в нашем взводе. Кубрик — это «Одис-

сия 2001», а в ПШП кодом 2001 обозначался «сбежавший арестованный». Я его слышал, но сам никогда не пользовался.

— Кубрик, принято, — ответила Ширли. Она начала приходить в себя. Полученное конкретное задание тому способствовало. — Вы...

Что-то громыхнуло. Ширли вскрикнула, мы все повернулись к гаражу, схватившись за оружие. Потом Хадди рассмеялся. Ветер закрыл дверь гаража.

— Иди, Ширли, — продолжил Джордж. — Вызывай сержанта. Пора вводить его в курс дела.

— А Брайан Липпи? — спросил я. — В розыск его пока не объявлять?

Хадди вздохнул. Снял шляпу. Потер шею. Посмотрел на небо.

— Не знаю. Но объявлять его в розыск — не наше дело. Столь ответственное решение может принять только сержант. За это ему платят такие большие бабки.

— Логично, — согласился с ним Джордж. Понял, что теперь есть возможность переложить ответственность на других, и немного расслабился.

Ширли уже направилась к двери черного хода, но оглянулась.

— Прикройте его чем-нибудь, хорошо? Бедный Мистер Диллон. Прикройте его, пожалуйста. Когда я на него смотрю, у меня разрывается сердце.

— Хорошо, — ответил я и двинулся к гаражу.

— Эдди? — позвал меня Хадди.

— Да?

— В будке лежит кусок парусины, которого как раз хватит. Возьми его. В гараж не заходи.

— Почему?

— С «бьюиком» что-то происходит. Трудно сказать, что именно, но если ты войдешь в гараж, то, возможно, уже из него не выйдешь.

— Хорошо, — кивнул я. — Уговаривать меня не нужно.

В будке я нашел кусок парусины, почему-то синей, очень жесткой, вполне подходящего размера. По пути к трупу Д остановился у сдвижных ворот, посмотрел в окно, приложив руки к вискам, чтобы отсечь дневной свет. Хотелось взглянуть на термометр и убедиться, что мой «дружок» Брайан не слоняется по гаражу. Он не слонялся, а температура поднялась на градус-другой. В пейзаже изменилось только одно. Крышка багажника опустилась.

Крокодил захлопнул пасть.

ТЕПЕРЬ: Сэнди

Ширли, Хадди, Эдди: их голоса звучали для меня, как божественная музыка, они говорили, словно персонажи захватывающей пьесы. Эдди сказал о крокодиле, захлопнувшем пасть, я ожидал, кто-то продолжит, но все молчали, в том числе и Эдди. Я понял, что пьеса закончилась и занавес опустился. Я это знал, а вот Нед Уилкокс — нет. А может, тоже сообразил, что к чему, но не хотел в этом признаться.

— Ну? — В голосе слышалось едва скрываемое нетерпение.

Что случилось, когда вы вскрыли «летучую мышь»? Расскажите мне о «рыбе». Расскажите мне все. Но, что важно, расскажите мне историю, где есть начало, середина и конец, когда все объясняется. Потому что

я этого заслуживаю. И никакая неопределенность мне не нужна. Нет ей здесь места. Я ее отвергаю. Мне нужна история.

Частично такая позиция определялась его молодостью. Все-таки он столкнулся с чем-то таким, что не принадлежало этому миру, миру планеты Земля. Частично, но не все. А вот то, что оставалось, его не красило. Потому что я говорю об эгоизме. Он думал, что имел права на эту историю. Вы не замечали, мы очень многое позволяем скорбящим? И они к этому привыкают.

— Что «ну»? — спросил я очень холодно, ясно намекая: разговор окончен. Не помогло.

— Что случилось после того, как вернулись сержант Скундист и мой отец? Вы поймали Брайана Липпи? Он видел? Он кому-нибудь рассказал? Господи, ну нельзя же на этом остановиться!

Он ошибался, мы могли остановиться, где хотели, но я оставил эту мысль при себе (по крайней мере на тот момент) и ответил, что нет, мы так и не поймали Брайана Липпи. Брайан Липпи и по сей день оставался кодом Кубрик.

— А кто написал рапорт? — спросил Нед. — Вы, Эдди? Или патрульный Морган?

— Джордж, — ответил он с усмешкой. — С этим у него всегда получалось лучше. В колледже он изучал писательское мастерство. Говорил, что патрульный, если хочет стать настоящим специалистом, должен знать основы писательского мастерства. Когда в тот день мы начали терять голову, Джордж удержал нас от паники. Не так ли, Хадди?

Хадди кивнул.

Эдди поднялся, вскинул руки, потянулся. Мы услышали, как захрустели кости.

— Пора домой, парни. По пути, пожалуй, остановлюсь в «Тэпе». Пропущу кружку пива. Может, и две. После таких разговоров в горле совсем пересохло, а газировка жажду не утоляет.

Во взгляде Неда читались удивление, злость, упрек.

— Не можете вы вот так уйти! — воскликнул он. — Я хочу услышать все до конца!

А Эдди, который медленно проигрывал борьбу с собственным весом и все больше превращался в Толстого Эдди, ответил, как я и ожидал, как мы все знали. Ответил, глядя на Неда, и в его глазах не читалось дружелюбия:

— Ты уже все услышал, парень. Просто этого не знаешь.

Нед проводил его взглядом, потом повернулся к нам. Только Ширли смотрела на него с искренним сочувствием, я думаю, жалела парня лишь она.

— Что значит я все уже услышал?

— Если что и осталось, так несколько эпизодов, — ответил я, — которые ничего не меняют и не добавляют к общей картине. Они не более интересны, чем шелуха на дне миски с попкорном. А в рапорте Джордж написал, что «патрульные Морган и Джейкобю поговорили с задержанным и убедились, что он не находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Задержанный отрицал нанесение побоев своей подружке, и патрульный Джейкобю подтвердил, что подружка ни на что не жаловалась. Поэтому задержанного отпустили».

— Но Липпи сапогами выбил заднее окно патрульной машины!

— Правильно, но при сложившихся обстоятельствах Джордж и Эдди не могли подать заявку на компенсацию ущерба за счет полицейского управления.

— И что?

— Деньги на замену стекла пришлось брать из фонда непредвиденных расходов. Фонда непредвиденных расходов на «бьюик 8», если уж расставлять все точки над *i*. Мы держим его там же, где и тогда, в стеклянной банке из-под кофе на кухне.

— Да, деньги мы взяли оттуда, — кивнул Арки. — За эти годы бедной банке из-под кофе пришлось не раз и не два расплачиваться за «бьюик». — Он встал, тоже потянулся. — Должен идти, мальчики и девочки. В отличие от некоторых из вас у меня есть друзья... так говорят о личной жизни в дневных ток-шоу. Но прежде чем я уйду, хочу спросить тебя, Нед, может, ты хочешь узнать что-то еще? О том дне?

— Все, что вы мне расскажете.

— Они похоронили Ди. А рядом похоронили те инструменты, которыми убили существо, отравившее его. В том числе и бур, а на новый денег из фонда непредвиденных расходов мне не дали!

— Ты не заполнил форму Эс-эн один, вот почему и не получил денег, — вставила Ширли. — Я знаю, эти бумаги — головная боль, но... — Она пожала плечами, как бы говоря: «Но так уж устроен этот мир».

Арки нахмурился, подозрительно посмотрел на нее.

— Эс-эн один? Что это за форма?

— Список невезения, — ответила ему Ширли, вся из себя очень серьезная. — Ее заполняют раз в месяц и отсылают капеллану. Господи, никогда не видела такого твердолобого шведа. Тебя ничему не научили в армии?

Арки замахал на нее руками, но губы разошлись в улыбке. За долгие годы он привык к приколам.

— Издеваешься?

— Просто шутит. — Я тоже улыбался. Нед — нет. Нед не понимал, что все эти подшучивания — средства, с помощью которых мы возвращались из прошлого к настоящему. До него это не доходило.

— А где были вы, Арки? — спросил он. — Где в этот день были вы?

Эдди Джейкобю уже завел двигатель своего пика-па и включил фары.

— В отпуске, — ответил Арки. — На ферме брата в Висконсине. Так что убираться в гараже пришлось другим. — В голосе слышалось глубокое удовлетворение.

Эдди проехал мимо, помахав нам рукой. Мы, в том числе и Нед, отвестили тем же. Но с его лица не сходила тревога.

— Пожалуй, мне тоже пора. — Фил затушил окурок, поднялся, поправил ремень. — Парень, давай закончим вот на чем: твой отец был отличным патрульным, гордостью взвода Д.

— Но я хочу знать...

— Что ты хочешь знать, не важно, — мягко оборвал его Фил. — Он умер, ты — нет. И это факт, как любил говорить Джо Фрайди. Спокойной ночи, сержант.

— Спокойной ночи, — ответил я и проводил взглядом их обоих, Арки и Фила. Автомобильную стоянку уже заливал свет луны, и я отметил, что ни один даже не повернул головы в сторону гаража Б.

На скамье остались Хадди, Ширли и я. Плюс, разумеется, мальчишка. Сын Кертиса Уилкокса, который приходил, чтобы косить лужайку, сгребать опавшую листву и убирать снег в холодную погоду, когда Арки не хотелось выходить из дома; сын Керта, кото-

рый бросил футбол и вместо игр приходил сюда, чтобы подольше удержать память об отце. Я помнил, с какой гордостью он показывал письмо из Питсбургского университета, и стыдился своей злости на него, учитывая, что он пережил и кого потерял. Но, с другой стороны, не он один оставался без отца, и по крайней мере Керта Уилкокса похоронили с почестями, а его имя выбили на мемориальном камне перед зданием базы, рядом с именами капрала Брейди Поля, патрульного Альберта Риццо и патрульного Сэмюэля Стэмсона, который погиб в семидесятых. В ПШП его еще звали Помповиком. До смерти Стэмсона помповые ружья мы возили на специальной подставке, закрепленной под крышей патрульной машины: если требовался помповик, ты поднимал руку и брал его. В машину патрульного Стэмсона врезался сзади другой автомобиль, когда он стоял на разделительной полосе автострады, контролируя скорость движения. За рулем сидел пьяный, и мчался он со скоростью сто пять миль в час. Патрульную машину смяло в гармошку. Топливный бак не взорвался, но помповик в паре с подставкой снесли патрульному Стэмсону голову. С 1974 года мы закрепляем помповики под приборным щитком. С 1973-го на мемориальном камне выбито: «Сэм Стэмсон». «На камне», — говорим мы. Эннис Рафферти числится в пропавших без вести, поэтому на камне его нет. По официальной версии патрульный Джордж Морган погиб, когда чистил револьвер (тот самый «ругер», с помощью которого он оборвал страдания Мистера Диллона), а поскольку умер он не при исполнении служебных обязанностей, его имя и фамилию тоже не выбили на камне. «Ты не попадешь на камень, если умрешь в результате своей работы, — как-то раз сказал мне Тони, увидев, что

я засмотрелся на наш мемориал. — Возможно, это и хорошо. Иначе пришлось бы поставить дюжину камней».

Последним на камне значится Кертис К. Уилкокс. Июль 2001. Погиб, исполняя свой долг. Не очень приятно видеть имя своего отца, высеченное в граните, когда ты хочешь... когда тебе нужен живой отец, но это уже хоть что-то. Эннису Рафферти тоже самое место на камне, тогда бы его сучка-сестра могла приходить и смотреть на него. Но такой строки нет. И что в результате она имеет? Репутацию склонной старухи, из тех, кто, увидев, что ты горишь, даже не пописает на тебя, чтобы спасти. Она доставала нас многие годы, ни о какой любви не могло быть и речи, но мы поневоле жалели ее. Ей повезло гораздо меньше, чем этому пареньку, который хотя бы знал, что его отец умер, что он не войдет в дом со стыдливой улыбкой и не будет объяснять, почему карманы у него пустые, кожа желтая и ужасно больно мочиться.

Этот вечер ничем меня не порадовал. Я надеялся, что правда пойдет парню на пользу (кто сказал, что правда облегчает душу, должно быть, дурак), но у меня сложилось ощущение, что она не принесла ничего, кроме вреда. Да, любопытство надо удовлетворять, но на лице Неда Уилкокса не читалось никакой удовлетворенности. Только любопытство. Время от времени то же самое я видел и на лице Кертиса Уилкокса, особенно когда тот стоял у окна сдвижных ворот гаража Б в позе охранника городского мероприятия: ноги раздвинуты, лоб прижат к стеклу, глаза прищурены. Но ведь по наследству передаются самые крепкие звенья цепи, не так ли? Кто-то передает следующему поколению что-то хорошее, кто-то — плохое, а то и просто ужасное.

* * *

— Насколько всем известно, — продолжил я, — Брайан Липпи убежал через поле в лес. Возможно, так оно и было. Никто из нас не может утверждать обратное. Жалеть о нем не стали. А вот подружка Липпи, возможно, и осталась жива только благодаря его исчезновению.

— Я в этом сомневаюсь, — пробурчал Хадди. — Готов спорить, она тут же нашла другого Брайана Липпи, отличающегося лишь цветом волос. Они выбирают парней, которые бьют их, пока кто-то не ударит слишком сильно. Словно жизнь без синяков на руках и лице вовсе и не жизнь.

— Она не подала заявление о его исчезновении, — добавила Ширли. — Ничего такого я не видела, хотя через меня проходят списки пропавших без вести как по городу, так и по округу. Никто из его родственников тоже такого заявления не написал. Я не знаю, как потом сложилась ее жизнь, но у остальных его исчезновение вызвало разве что облегченный вздох.

— Но вы не верите, что он вышиб каблуками заднее стекло и убежал, да? — спросил Нед Хадди. — Вы же там были.

— Нет, не верю, — признал Хадди. — Но это не имеет ровно никакого значения. Главное в другом, и сержант целый вечер пытается вдолбить эту идею в твою голову: мы не знаем.

Мальчишка словно его и не слышал. Повернулся ко мне.

— А как насчет моего отца? Куда, по его мнению, подевался Брайан Липпи?

— Он и Тони не сомневались, что Брайан отправился вслед за Эннисом Рафферти и песчанкой Джим-

ми. Что же касается трупа существа, которое убили в тот день...

— Он очень быстро разложился. — Ширли явно хотелось побыстрее закрыть тему. — Есть фотографии, на них можно увидеть все что угодно, но по существу — ничего. Они не покажут тебе, как выглядело это чудовище, когда пыталось отскочить от Мистера Диллона. Как двигалось, как кричало. Они ничего тебе не покажут. И мы не можем рассказать тебе так, чтобы ты понял. Это видно по твоему лицу. Ты знаешь, почему прошлое — это прошлое, дорогой?

Нед покачал головой.

— Потому что его нельзя вернуть. — Она заглянула в свою пачку сигарет, должно быть, увиденное ее устроило, потому что она кивнула, убрала пачку в сумочку, встала. — Я еду домой. У меня две кошки, которых уже три часа как следовало покормить.

В этом была вся Ширли, настоящая американская герла, как говорил Керт, когда подшучивал над ней. Ни мужа (один был, едва она окончила среднюю школу), ни детей. Только две кошки и вполне приличное жалованье. Как и я, она связала свою жизнь с патрульным взводом Д. Расхожее клише, конечно, но, если вам это не нравится, придумайте что-то еще.

— Ширли?

Она повернулась на нотки мольбы в голосе Неда.

— Что, сладенький?

— Вам нравился мой отец?

Она положила руки ему на плечи, наклонилась, чмокнула в лоб.

— Я его любила, парень. И тебя люблю. Мы рассказали тебе все, что могли, и нам это далось нелегко. Надеюсь, тебе наш рассказ пойдет на пользу. Надеюсь, тебе этого хватит.

— Я тоже надеюсь, — ответил он.

Руки Ширли задержались на его плечах, сжали их. Потом она отпустила его и встала.

— Хадсон Ройер... проводите даму к ее автомобилю?

— С удовольствием. — Хадди взял ее под руку. — Завтра увидимся, Сэнди. У тебя дневная смена?

— Как и сегодня, — кивнул я. — Отработаем на все сто.

— Тогда тебе лучше поехать домой и выспаться.

— Так и сделаю.

Они с Ширли ушли. Нед и я сидели на скамье, наблюдая за ними. Помахали им, когда они проехали мимо в своих автомобилях, Хадди — в большом старом «뉴-йоркере», Ширли — в маленьком «субару» с наклейкой на бампере: «МОЯ КАРМА ПРАВИТ МОЕЙ ДОГМОЙ». Когда их задние огни скрылись за углом здания, я достал пачку сигарет, заглянул в нее. Осталась одна. *Выкурою ее и брошу*, подумал я. Это обещание я давал себе последние десять лет.

— Вам действительно больше нечего рассказать? — В голосе Неда слышалось разочарование.

— Нет. На пьесу не похоже, не так ли? Третьего действия нет. Тони и твой отец за следующие пять лет провели еще несколько экспериментов и наконец пригласили Биби Рота. Обычно твой отец пытался в чем-то убедить Тони, а я оказывался посередине. И должен сказать тебе правду: после исчезновения Брайана Липпи и смерти Мистера Диллона я стоял на том, чтобы ничего не делать с «бьюиком», только наблюдать и иногда молиться, чтобы он развалился или вернулся, откуда появился. И считал, что надо убивать все, что могло появиться из багажника и попыталось бы найти выход из гаража.

— Такое случилось?

— Ты про еще одного розовоголового инопланетянина? Нет.

— А Биби? Что он сказал?

— Он выслушал Тони и твоего отца, еще раз осмотрел «бьюик», а потом ушел. Сказал, что слишком стар, чтобы иметь дело с неведомым и необъяснимым законами того мира, в котором он привык жить. Сказал, что вычеркнет «бьюик» из памяти, и посоветовал Тони и Керту сделать то же самое.

— Не может быть! И этот человек — ученый? Господи, да ему бы прыгать от восторга!

— Ученым был твой отец, — ответил я. — Разумеется, не профессионалом — любителем, но настоящим ученым. Появляющиеся из «бьюика» существа и предметы, любопытство к самому «бьюику» — вот что превратило его в ученого. К примеру, вскрытие этой «летучей мыши». Безумие, конечно, но как тщательно он к этому готовился, совсем как братья Райт к полету своего первого аэроплана. А вот Биби Рот как раз был исполнителем, узким специалистом. И кстати, очень этим гордился. Ограничил себя рамками, никогда не выходил за них, но в означенных пределах знал все и вся. Исполнители ненавидят загадки. Ученые, даже любители, обожают их. В твоем отце уживались два человека. Как коп, загадки он тоже ненавидел. Как исследователь «роудмастера»... скажем так, тут он становился совсем другим.

— А какой из них вам нравился больше?

Я обдумал его вопрос.

— Знаешь, вот так ребенок спрашивает родителей, кого они любят больше — его или сестру. На такие вопросы честного ответа нет. Но Керт-ученый меня пугал. Где-то пугал и Тони.

Парнишка сидел, погруженный в собственные мысли.

— Что-то появлялось из «бьюика» и позже, — продолжил я. — В 1991 году птица с четырьмя крыльями.

— Четырьмя?..

— Совершенно верно. Немного полетала, ударила о стену и упала замертво. Осенью 1993-го багажник открылся после одного из светотрясений, наполовину наполненный землей. Керт хотел оставить ее в багажнике и посмотреть, что из этого выйдет, Тони согласился, но земля начала вонять. Я не знал, что земля может разлагаться, но, видать, все зависит от того, откуда она взялась. И мы... похоронили землю. Можешь в это поверить?

Он кивнул.

— И мой отец приглядывал за тем местом, где ее похоронили? Конечно, приглядывал. Чтобы посмотреть, что там вырастет.

— Думаю, он надеялся на лилии.

— Ему повезло?

— Сматря что считать везением. Ничего там не выросло, это точно. Землю из багажника похоронили недалеко от того места, где лежал Мистер Ди и садовые инструменты. Что же касается чудовища, то его остатки мы сожгли в мусоросжигательной машине. Участок, где поконится та земля, стоит голый. Каждую весну что-то там начинает расти, но быстро погибает. Со временем, возможно, что-то и переменится.

Я достал из пачки последнюю сигарету, закурил.

— Через полтора года после земли появилась еще одна красная ящерица-палка. Мертвая. И все. Там по-прежнему сейсмоопасная зона, но землю нынче трясет далеко не так сильно. Рядом с «бьюиком» не

следует терять бдительность, это тебе не старое ржавое ружье с забитым землей стволов, но при соответствующих мерах предосторожности он достаточно безопасен. И когда-нибудь — твой отец в это верил, Тони, да и я верю — старый автомобиль обязательно развалится. Весь и сразу, как одноконный фаэтон в стихотворении.

Он недоуменно взглянул на меня, и я понял, что он понятия не имеет, о каком стихотворении речь. Мы живем в эпоху невежества.

— Я могу это чувствовать.

Интонация его голоса потрясла меня, и я всмотрелся в него. Выглядел он моложе восемнадцати. Сосвем мальчишка, в кроссовках, с выбеленным лунным светом лицом.

— Можешь?

— Да. Разве вы не можете?

Полагаю, все патрульные, прошедшие через взвод Д за долгие годы, чувствовали притяжение «бьюика». Точно так же, как люди, живущие на побережье, чувствуют движение моря и без часов знают, когда начинается прилив или отлив. По большей части мы этого не замечали, как не замечаем своего носа, всегда маячящего на периферии поля зрения. Иногда, однако, притяжение становится сильнее, и вот тогда нам приходится на него реагировать.

— Хорошо, скажем так, чувствую. Хадди точно чувствовал. Что, по-твоему, с ним бы случилось, если он не услышал тот крик Ширли? Что бы с ним произошло, если он, как и собирался, забрался в багажник и захлопнул крышку?

— Вы действительно не слышали этой истории до сегодняшнего вечера, Сэнди?

Я покачал головой.

- Однако вы вроде бы не удивились.
- Когда речь идет о «бьюике», я ничему не удивляюсь.
- Вы думаете, он и впрямь собирался это сделать? Залезть в багажник и захлопнуть крышку?
- Только я не думаю, что желания самого Хадди имели к этому хоть малейшее отношение. Дело в притяжении «бьюика». Тогда оно было сильнее, но остается и теперь.

Он промолчал. Просто смотрел на гараж Б.

- Ты не ответил на мой вопрос, Нед. Что, по-твоему, случилось бы с ним, если б он забрался в багажник?

— Не знаю.

Разумный ответ, детский ответ, такое слышишь от них по десять раз в день, но он вызвал у меня раздражение. Парень ушел из футбольной команды, но, похоже, не забыл, чему его учили по части уверток и ложных маневров. Я затянулся дымом, запахом напоминавшим горящую солому, выдохнул.

- Ты не знаешь.
- Нет.
- После Энниса Рафферти, Джимми и, возможно, Брайана Липпи... не знаешь.

— Не все куда-то переправлялось, Сэнди. Возьмите, к примеру, вторую песчанку, Розали или Розалин, не помню.

Я вздохнул.

- Не буду с тобой спорить. Я еду в «Кантри уэй», хочу съесть чизбургер. С удовольствием возьму тебя с собой, при условии, что мы забудем о «бьюике» и поговорим о чем-то другом.

Он задумался, покачал головой.

- Пожалуй, поеду домой. Мне надо подумать.

— Хорошо, только не делись своими раздумьями с матерью.

Он вскинул на меня глаза, словно такая мысль шокировала его.

— Господи, как можно!

Я рассмеялся и хлопнул его по плечу. Тени ушли с его лица, с ними — вся злость на него. А насчет его вопросов и детской уверенности, что история должна чем-то заканчиваться и в конце обязательно найдется ответ, так об этом, я знал, позаботится время. Может, я сам ожидал слишком многих ответов. Выдуманная жизнь, которую мы видим по ти-ви и в кино, подводит нас к мысли, что человеческое существование состоит из откровений и резких перемен; и становясь взрослыми, мы на каком-то подсознательном уровне принимаем эту идею. Иногда такое, возможно, и случается, но думаю, что по большей части все идет по-другому. Перемены в жизни происходят медленно. Точно так же, как мой самый младший племянник дышит, когда крепко спит. Иной раз хочется положить руку ему на грудь, убедиться, что он живой. Если смотреть с этой колокольни, неуемное желание утолить любопытство просто абсурдно. Жизненные истории редко заканчиваются ответами на все вопросы. Если двадцать три года жизни рядом с «бьюиком 8» чему-то и научили меня, так именно этому. В этот момент на лице сына Керта я прочитал, что он может сделать шаг в правильном направлении. А то и два. И если я не сочту, что для одного вечера этого достаточно, значит, у меня проблемы с головой.

— Ты ведь завтра работаешь? — спросил я.

— С самого утра, сержант. Опять выполним свой долг.

— Тогда, может, тебе отложить раздумья на потом и вместо них немного поспать?

— Я, конечно, попытаюсь. — Он коснулся моей руки. — Спасибо, Сэнди.

— Пустяки.

— Если я слишком уж доставал вас насчет...

— Все нормально, — оборвал его я. Он, конечно, доставал, но ведь ничего не мог с собой поделать. И в его возрасте я наверняка повел бы себя точно так же, а то и хуже. Я наблюдал, как он идет к любовно восстановленному «белэру», доставшемуся ему от отца, автомобилю из тех же времен, что и стоящий в гараже Б «бьюик», но не столь красивому. Миновав половину автостоянки, он остановился, глядя на гараж Б, и я замер с дымящимся окурком в губах, гадая, что будет дальше.

Он направился к «белэру» — не к гаражу. Я облегченно выдохнул. Последний раз затянулся ароматной трубочкой смерти, подумал растереть окурок об асфальт, но нашел для него место в жестяной банке-пельнице, где уже лежало не меньше двух сотен окурков. Другие могли растирать окурки об асфальт, Арки бы все убрал, не сказав ни слова, но мне этого делать не следовало. В конце концов я — сержант, человек, который сидит в высоком кресле.

Я зашел в здание. Стефани Колуччи сидела в коммуникационном центре, пила колу, листала журнал. Увидев меня, поставила колу и разгладила юбку на коленях.

— Как дела, милая? — спросил я.

— Ничего особенного. Помехи уходят, но не так быстро, как бывает после... одного из этих. Так что связь достаточно устойчивая.

— И что творится в мире?

— Девятый сообщает о пожаре автомобиля на съезде 9 автострады 87. Мак говорит, что водитель — коммивояжер из Кливленда, зол, как черт, и отказывается пройти на месте проверку на алкоголь. Шестнадцатый заехал на фордовскую станцию техобслуживания в Стэтлере. Барахлит мотор. Джейфф Катлер в Стэтлеровской средней школе. Там взлом, сработала система охранной сигнализации. Но он, по сути, лишь наблюдает. Основную работу выполняет местная полиция.

— Что еще?

— У Пола Лоувинга 10—98, едет домой на патрульной машине, у сына приступ астмы.

— Вот об этом в рапорте можно и не упоминать.

Стеффи с упреком глянула на меня: мол, сама знаю.

— А что с гаражом Б? — спросила она.

— Ничего. — ответил я. — Ничего особенного. Ситуация нормализуется. Я ухожу. Если что-то случится, позвони... — Я замолчал, придя в ужас.

— Сэнди? — спросила она. — Что-то не так?

Если что-то случится, позвони Тони Скундисту. Вот что я хотел сказать, словно не прошло уже двадцать лет с тех пор, как я говорил эти слова Мэтту Бабицки и сержанта не поместили в Стэтлеровский дом престарелых.

— Все в порядке, — ответил я. — Но если что-то случится, позвони Френку Содербергу. Его очередь закрывать амбразуру.

— Хорошо, сэр. Спокойной ночи.

— Спасибо, Стефф. И тебе того же.

Когда я выходил из здания, «белэр» медленно катился к подъездной дорожке, из динамиков гремела песня одной из любимых групп Неда — то ли «Уил-

ко», то ли «Джейхоукс». Я помахал ему рукой, он — мне. Улыбнулся. Милой улыбкой. С трудом верилось, что я мог на него злиться.

Я подошел к гаражу и принял позу охранника, ноги на ширине плеч, руки за спиной, в которой каждый чувствует себя республиканцем, презирающим бездельников, живущих на пособие в своей стране, и иностранцев, жгущих американские флаги. Заглянул в окно. «Бьюик» спокойно стоял под горящей под потолком лампой, отбрасывая тень, словно настоящий, на больших, с белыми боковинами, покрышках. Видел я и огромное рулевое колесо. К краске не прилипала пыль, царапины сами по себе затягивались, теперь на это требовалось больше времени, чем раньше, но результат оставался неизменным. «С маслом порядок», — крикнул мужчина, прежде чем скрыться за углом автозаправочной станции, то были его последние слова касательно этого почти как «бьюика», и с тех пор он николько не изменился, совсем как *objet d'art*, каким-то образом оставшийся в закрывшейся галерее. По моим рукам побежали мурашки, я почувствовал, как сжало яйца. Во рту появилась горечь, так бывало, когда я вдруг понимал, что в полном дерьме. «С проблемами разобрался, теперь рассчитываю на джекпот», — любил говорить Эннис Рафферти. «Бьюик» не гудел, не светился, температура в гараже поднялась выше шестидесяти градусов, но я чувствовал, как он притягивает меня, шепотом предлагаю зайти и взглянуть на него поближе. «Я многое могу тебе показать, — нашептывал он, — особенно теперь, когда мы вдвоем». И когда я смотрел на него, мне открылась истина: я злился на Неда, потому что боялся за него. Ну конечно. И общение с «бьюиком», ощущение его притяжения в голове... и всем телом

тоже, позволило это осознать. «Бьюик» порождал чудовищ. Да. Но иногда все равно хотелось подойти к нему, точно так же, как хочется заглянуть за край высокого обрыва или в отверстие на срезе ствола пистолета или револьвера, чтобы увидеть, как оно превращается в глаз. Который смотрит на тебя, только на тебя и ни на кого больше. И в такие моменты не имеет смысла искать логику в своих поступках или пытаться понять привлекательность того, на что так и тянет взглянуть; наилучший выход из такой ситуации — отступить от обрыва, вернуть оружие в кобуру, уехать из расположения взвода. Подальше от гаража Б. Туда, где не слышино этого завлекающего шепотка. Случается, что бегство — оптимальная ответная реакция.

Я задержался еще на мгновение, чувствуя притяжение «бьюинка» головой и сердцем, глядя на его темно-синий капот, хищную радиаторную решетку. Потом отступил на шаг, набрал полную грудь свежего ночных воздуха и смотрел на луну, пока полностью не стал самим собой. После чего зашагал к автомобилю, сел за руль и уехал.

В «Кантри уэй» свободных столиков хватало. Нынче это обычное дело, даже вечером в пятницу и субботу. Рестораны в «Уол-Марте» и новом торговом комплексе Стэтлера выводят из игры аналогичные заведения в центральной части города точно так же, как новый многозальный кинотеатр на шоссе 32 вывел из игры «Джем тиэтрэ».

Как обычно, люди оборачивались, когда я вошел в зал. Только видели они, разумеется, форму. Два человека, один — помощник шерифа, второй — окружной прокурор, поздоровались и пожали мне руку. Прокурор спросил, не составлю ли я компанию ему и его жене, но я с благодарностью отказался, сослав-

вшись на то, что у меня деловая встреча. От мысли, что снова придется говорить, пусть и о пустяках, мне стало дурно.

Я сел в одну из кабинок у дальней стены, и Синтия Гаррис подошла, чтобы взять заказ. Симпатичная блондинка с огромными прекрасными глазами. Когда я вошел, она готовила кому-то сандей, и я заметил, что она успела расстегнуть верхнюю пуговицу блузки после того, как отдала мороженое и принесла мне меню, чтобы я мог полюбоваться маленьким серебряным сердечком у нее на шее. Меня это тронуло. Я очень надеялся, что сие — знак внимания ко мне, а не к моей форме.

— Эй, Сэнди, где ты бываешь в последнее время? В «Оливковом саду»? В «Прериях»? В «Макаронном гриле»? В одном из них? — Она пренебрежительно фыркнула.

— Нет, обычно ужинаю дома. Какое у нас блюдо дня?

— Тушеная курятинка с картофельным пюре, фаршированный перец с мясным соусом, и то и другое в столь поздний час, по моему разумению, тяжеловоато, и жареная треска. Плюс доллар, и ты ешь, сколько сможешь. Правила тебе известны.

— Думаю, я остановлюсь на чизбургере и бутылке «Айрон-Сити», чтобы протолкнуть его в горло.

Она что-то чиркнула в блокнотике, потом глянула на меня как на человека, а не клиента.

— Ты в порядке? Выглядишь очень усталым.

— Я действительно устал. В остальном — нет проблем. Видела вечером кого-нибудь из взвода Д?

— Чуть раньше заезжал Джордж Станковски. А потом ты, дорогой. Копов больше не было. Заходили, конечно, в форме, один вон и сейчас сидит, но... —

Она пожала плечами, показывая, что не считает их настоящими копами. В этом я с ней соглашался.

— Что ж, если появятся разбойники, справлюсь с ними в одиночку.

— Если они оставят пятнадцать процентов чаевых, Герой, пусть грабят, — ответила она. — Сейчас принесу тебе пиво. — И она ушла, чуть покачивая бедрами под белым нейлоном.

Пит Куинленд, первый владелец ресторана, давно ушел в мир иной, но в стенах кабинок остались установленные им музыкальные мини-автоматы. Страницы с названиями песен переворачивались специальными хромированными рычагами в верхней части автоматов. Сами доисторические мини-автоматы давно уже не работали, но руки сами тянулись к рычагам, чтобы переворачивать страницу за страницей и читать названия песен. Конечно же, половину из них исполнял обожаемый Питом Фрэнк Синатра, в том числе знаменитые «Колдовство» и «Как хорошо быть женщиной». **ФРЭНК СИНАТРА**, значилось на этих страницах, а чуть ниже и буквочками поменьше: **ОРКЕСТР НЕЛЬСОНА РИДДЛА**. Вторую половину составляли рок-н-ролльные песни, которые забывались, как только покидали чарты. Их не крутили на радиостанциях ретромузыки, хотя вроде бы местечко могло найтись и для них. В конце концов, сколько раз можно прослушать «Бренди (Ты — отличная девочка)», прежде чем начнешь выть от тоски? Я просматривал список песен, которые уже не мог озвучить четвертак. Оставалось только слушать мерную печальную поступь времени.

Что же касается самого «бьюика», если кто-то будет задавать вопросы насчет него, отвечайте, что он конфискован. Вот что сказал нам сержант, когда мы

собрались в банкетном зале. Официанток уже давно выставили за дверь, и мы перешли на самообслуживание, каждый вел свой счет и не ошибался даже на цент. Расчет на честность, но почему бы и нет? Мы были честными ребятами и выполняли свой долг. До сих пор остаемся такими. Мы же — сотрудники полиции штата Пенсильвания, так? *Истинные воины дорог*. Как говорил Эдди, когда был моложе и стройнее, это не просто работа, это гребаное приключение.

Я перевернул страничку. «Сердце из стекла» в исполнении «БЛОНДИ».

Ни слова на бумаге о «бьюике», и тогда вы никогда не напишете лишнего. Еще одна аксиома Тони Скундиста, высказанная в тот момент, когда под потолком уже собирались сизые облака сигаретного дыма. Тогда курили все, за исключением, может, Керта, и посмотрите, что с ним стало. Синатра пел «Еще стаканчик для моей крошки», голос его доносился из динамиков под потолком, а от гриля шел ароматный запах жареной свинины. Прежний сержант твердо верил, что «бьюик» не должен упоминаться ни в каких документах, пока его мозг не отправился в самоволку: клеточки уходили сначала взводами и по ночам, потом ротами, наконец, тронулась вся армия, ясным днем. *Чего нет на бумаге, повредить не может*, как-то сказал он мне, где-то в те дни, когда стало ясно: именно я зайду его место и буду сидеть в его кабинете, о дедушка, какое же высокое у тебя кресло! А вот сегодня я, пожалуй, сболтнул лишнего, хоть на бумагу не попало ни слова. Да уж, сболтнул так сболтнул. Открыл рот и вывалил все, от начала и до конца. И не один — с помощью друзей. Вывалили все мальчишке, который еще не отошел от шока, вызванного смертью отца. Который, несмотря на горе, проявил естествен-

ное для его возраста любопытство. Мы напрасно потратили время? Возможно. На ти-ви истории всегда заканчиваются счастливо, но я могу сказать вам, что жизнь в Стэтлере, штат Пенсильвания, не слишком схожа с открытками «Холлмарк»*. Я говорил себе, что знаю, на что иду, но теперь задавался вопросом: а знал ли? Потому что мы никогда не предпринимаем каких-либо действий, предвидя, что потерпим неудачу, не так ли? Нет, мы действуем, думая, что победа будет за нами, а в итоге в шести случаях из десяти наступает на грабли, лежащие в высокой траве, и получаем членком аккурат промеж глаз.

Расскажите мне, что случилось после того, как вы вскрыли «летучую мышь». Расскажите мне о «рыбе».

А вот и «Дарю мою любовь» в исполнении **ДЖОННИ ЭЙСА**.

Не говоря уже о всех моих усилиях, всех наших усилиях, навести на мысль, что мы не столько хотим просветить его, как побудить к действию. Просто удивительно, что он не зачитал нам права Миранды**. Происшедшее на скамье для курильщиков можно с тем же успехом назвать и допросом, и воспоминаниями о давно ушедших днях, когда его отец был жив. Жив и молод.

У меня скрутило живот. Я мог бы выпить пиво, которое обещала принести мне Синтия, пузырьки, наверное, помогли бы, но есть чизбургер? Я сомневался, что он полезет мне в глотку. С того вечера, как

* «Холлмарк» — приветственные и поздравительные открытки на все случаи жизни, выпускаемые крупнейшим производителем «Холлмарк кардс».

** Права Миранды — права лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно обладает при задержании и которые должны быть разъяснены ему при аресте и до начала допроса.

Кертис вскрыл «летучую мышь», прошло много лет, но я вдруг подумал об этом. *Любопытствующие хотят знать, и воткнул скальпель в глаз. Раздался хлопок. Глаз скокожился и целиком вытек из глазницы одной большой черной слезой. Тони и я тогда вскрикнули, и как, скажите на милость, я мог есть чизбургер, вспомнив это? Хватит, это бессмысленно, сказал я тогда Керту, но он же меня не послушал. Отец настойчивостью не уступал сыну. Давайте взглянем на нижнюю часть тела и на том закончим.* Так он сказал, да только не сделал. Он разглядывал, изучал, исследовал, и за все эти старания «бьюик» его и убил.

Я задался вопросом, а сообразил ли это мальчишка? Понял ли, что «бьюик-роудмастер 8» убил его отца, ведь это совершенно ясно, как нет сомнений, что Хадди, Джордж, Эдди, Ширли и Мистер Диллон убили кричавшее чудовище, появившееся из багажника этого автомобиля в 1988 году?

А вот и «Билли, не будь героем» в исполнении **БО ДОНАЛДСОНА И «ХЕЙВОДС»**. Песня, ушедшая из чартов и наших сердец.

Расскажите мне о «летучей мыши», расскажите мне о «рыбе», расскажите мне об инопланетянине с розовыми отростками вместо волос, о существе, которое могло думать, о существе, которое захватило с собой что-то похожее на радиоприемник. И еще расскажите мне о моем отце, потому что я должен примириться с тем, что его нет. Разумеется, должен, потому что вижу его жизнь в своем лице и его душу — в своих глазах всякий раз, когда встаю перед зеркалом, чтобы побриться. Расскажите мне все... только не говорите, что ответа нет. Не смейте. Я это отвергаю. Я с этим никогда не соглашусь.

— С маслом порядок, — пробормотал я и чуть быстрее заработал хромированными рукоятками. На лбу выступил пот. Живот крутило все сильнее. Хотелось бы верить, что у меня грипп, что чем-то отравился, да только я знал, что причина не в этом. — С маслом гребаный порядок.

А вот «Индиана ждет меня», «Зеленоглазая леди», «Любовь цвета неба». Песни, которые каким-то образом ускользнули в небытие. «Сэфир Джо» в исполнении «СЭФАРИС».

Расскажите мне все, дайте мне все ответы, дайте мне один ответ.

Парень и не скрывал, что хотел узнать, тут надо отдать ему должное. Вопросы задавал честно и искренне...

За исключением одного.

Уже начал спрашивать... а потом вдруг передумал. О чем же шла речь? Я вспоминал, вспоминал, но этот кусочек нашего разговора ускользал от меня. Когда такое случается, нет смысла насиливать память. Надобно дать задний ход, и тогда нужное само всплывет на поверхность.

Я вновь взялся за хромированные ручки. Страницы с названиями песен, которыми сломанный музикальный автомат не мог порадовать слух, летали взад-вперед. С розовыми наклейками, напоминавшими маленькие язычки.

«Полька для Энни» в исполнении ТОНИ ДЖО УАЙТА и Расскажите мне о годе Рыбы.

«Когда» в исполнении «КАЛИН ТУИНС» и Расскажите мне о той встрече, расскажите мне все, расскажите мне все, кроме одного, того самого, что может насторожить копа, подействовать на него, как красная тряпка на быка...

— Вот твое пиво... — начала Синтия Гаррис и ахнула.

Я оторвался от металлических рукояток (странички, летавшие взад-вперед за стеклом, гипнотизировали меня). Она же в ужасе смотрела на меня.

— Сэнди, дорогой, у тебя температура? Ты весь в поту.

И вот тут я вспомнил. Мы рассказывали ему о пикнике в День труда в 1979 году. *Чем больше мы говорили, тем больше пили*, сказал Фил Кандлтон. *Потом у меня два дня болела голова*.

— Сэнди? — Синтия стояла рядом с бутылкой «Айрон-Сити» и стаканом. Синтия, расстегнувшая верхнюю пуговицу блузки, чтобы показать мне свое сердце. Образно говоря. Стояла и не стояла. Потому что в тот момент нас разделяли годы.

Сплошь разговоры и ни одного вывода, сказал я, а потом разговор перешел на другое, среди прочего вспомнили инцидент на ферме братьев О’Дей, и вот тогда мальчишка спросил... начал спрашивать...

Сэнди, в тот день, когда вы устроили пикник, кто-нибудь предложил...

И не закончил фразы.

— Кто-нибудь предложил уничтожить его, — сказал я. — Вот вопрос, который он не задал. — Я посмотрел в испуганные, встревоженные глаза Синтии. — Начал спрашивать, но замолчал.

Думал ли я, что время вечерней сказки вышло и сын Керта отправился бай-бай? Что он так легко отступится? Я отъехал от базы примерно на милю, когда какой-то автомобиль, слепя фарами, проследовал в обратном направлении. На очень приличной, пусть и не превышающей разрешенную, скорости. Скры-

вался ли за ярким светом фар «белэр» Керта Уилкокса? Сидел ли за рулем его сын? Повернул назад, решив, что мы уже уехали?

На все эти вопросы ответ напрашивался один: да.

Я взял бугылку «Айрон-Сити» с подноса Синтии, наблюдая, словно со стороны, как вытягивается моя рука и пальцы сжимают запотевшее стекло. Почувствовал, как холодное горлышко скользит между губами, подумал о Джордже Моргане в его гараже, сидящем на полу и вдыхающем запах травы, оставшейся на газонокосилке. Приятный зеленый запах. Пиво я выпил все, до последней капли. Встал и положил десятку на поднос Синтии.

— Сэнди?

— Есть чизбургер некогда, — ответил я. — Кое-что забыл на базе.

В бардачке моего автомобиля лежала «мигалка», работающая от батареек. Я поставил ее на крышу, как только выехал из города, и разогнался до восьмидесяти миль, надеясь, что мигающий красный свет заставит едущих впереди прижиматься к обочине. Обгонять пришлось немногих. В Западной Пенсильвании по будням народ угомоняется рано. Наша база расположена лишь в четырех милях от города, но мне казалось, что поездка заняла не меньше часа. Я постоянно вспоминал, как у меня щемило сердце всякий раз, когда сестра Энниса, Драконша, приходила в расположение взвода, тряся копной огненно-рыжих, крашенных хной волос. *Уходи отсюда, ты слишком близко*, думал я. А ведь я ее терпеть не мог. Так что же будет, когда мне придется смотреть в глаза Мишель Уилкокс, особенно если она приведет с собой близняшек, маленьких Джи?

На подъездную дорожку я свернул слишком быстро, совсем как Эдди и Джордж на дюжину или около того лет раньше, стремясь избавиться от говорливого арестованного и поехать в Потинвиль, где, казалось, разверзся ад. В голове крутились названия старых песен: «Я встретилась с ним в воскресенье», «В ритме танца», «Сладкая моя». Пусть всеми забытых, но все лучше мыслей о том, что я буду делать, если найду «белэр» пустым, если окажется, что Нед Уилкокс исчез с лица земли.

«Белэр» я нашел на автостоянке, как и ожидал. Там, где чуть раньше стоял автомобиль Арки. В кабине никого. Я это увидел в свете своих фар. Названия песен тут же вылетели из головы. Их сменили хладнокровие и решительность. Какие приходят, когда рассчитывать приходится только на себя, плана дальнейших действий нет и остается только импровизировать на ходу.

Почти как «бьюик» зацепил на крючок сына Керта. И когда мы сидели рядом с ним, рассказывали об отце и пытались подружиться с сыном, «бьюик» уже забросил удочку и подцепил Неда на крючок. И если оставались хоть какие-то шансы на его спасение, мне не следовало уменьшать их долгими раздумьями.

Стефф, должно быть, обеспокоенная вспышками «мигалки», высунулась из-за двери черного хода.

— Кто здесь? Кто?

— Это я, Стефф. — Я вылез из кабины, оставив включенную «мигалку» на крыше над сиденьем водителя. Если бы кто-нибудь въехал на стоянку следом за мной, «мигалка» предупредила бы, задний бампер и багажник моего автомобиля остались бы целыми. — Иди к себе.

— Что случилось?

— Ничего.

— То же самое сказал и он. — Она указала на «белэра» и скрылась за дверью.

В пульсирующем свете «мигалки» я побежал к сдвижным воротам гаража Б: так много самых напряженных моментов моей жизни освещалось «мигалками». У Джона Кью на дороге пульсирующие огни всегда вызывают страх. Он понятия не имеет, что эти огни делают с нами. И что нам доводилось видеть под ними.

По ночам мы всегда оставляли свет в гараже, но он был ярче, чем это могла дать одна-единственная лампочка. Я увидел, что боковая дверь открыта. Уже повернулся к ней, но потом передумал. Решил сначала взглянуть на игровую площадку.

Больше всего я боялся, что увижу только «бьюик». Но меня ждало еще более жуткое зрелище. Мальчишка сидел за огромным рулевым колесом «роудмейстера» с раздавленной грудью. По рубашке расплылось кровавое пятно. Ноги у меня начали подгибаться, но тут до меня дошло: я вижу не кровь. Скорее всего не кровь. Очень уж ровные у пятна края. Верхний, чуть пониже круглого выреза на футбольке — прямая линия... и углы... ровные прямые углы...

Нет, не кровь.

Канистра, из которой Арки заливал бензин в газонокосилку.

Нед шевельнулся, и в поле моего зрения попала его рука. Движения медленные, как во сне. В руке — «беретта». Он хранил оружие отца в багажнике «белэра»? Может, даже в бардачке?

Я решил, что это не важно. Он сидел в ловушке с канистрой с бензином и пистолетом. *Умрет или вылечится*, мелькнуло в голове. Мне никогда не при-

ходило в голову, что первое и второе могли совместиться.

Он не видел меня. А должен был: моя белая испуганная физиономия отчетливо просматривалась сквозь стекло на фоне ночи. И он не мог не видеть вспышки «мигалки» на крыше моего автомобиля. Но не видел. Его загипнотизировали, точно так же, как Хадди Ройера, когда Хадди решил забраться в багажник «роудмастера» и захлопнуть крышку. Даже снаружи я чувствовал воздействие «бьюика». Бьющий в нем пульс. Исходящую из него энергию. Вроде бы он даже что-то и говорил. Может, насчет слов я себя накрутил, впрочем, значения они не имели: воздействовал на нас именно пульс, он бился в тех, кто служил во взводе Д в момент появления «бьюика». Некоторые, в том числе и отец мальчика, ощущали его сильнее, чем остальные.

Заходи или держись подальше, сказал голос, звучавший в моей голове, с леденящим душу безразличием. Я возьму одного или двоих, потом засну. Еще многое натворю, прежде чем угомонюсь навсегда. Один или двое, мне без разницы.

Я вскинул глаза на круглый термометр, подвешенный на потолочной балке. Когда я уезжал в «Кантри уэй», стрелка стояла на 61 градусе, теперь температура упала до 57*. Я буквально видел, как движется стрелка, и сразу вспомнил эпизод из прошлого, причем столь ярко, что даже испугался.

Случилось это на скамье для курильщиков. Я курил, Керт просто сидел. Скамья для курильщиков приобрела особый статус после введения запрета на курение в помещениях. Там мы обсуждали детали расследований, которые вели, утрясали конфликтные си-

* Соответственно 16,1 и 13,9 градуса.

туации, связанные с графиком выхода на службу, говорили, чем будем заниматься после выхода на пенсию, обсуждали варианты страховки и житейские дела. На этой скамье Карл Брандейдж рассказал мне, что от него уходит жена и забирает детей. Голос его не дрожал, но по щекам катились слезы. Тони сидел на этой скамье между мной и Кертом («Христос и два вора», — прокомментировал он с саркастической ухмылкой), когда сообщил нам, что, уходя в отставку, будет рекомендовать меня на свое место. Если, конечно, на то будет мое желание. Блеск в его глазах указывал, что о наличии у меня такого желания ему известно. Кертис и я тогда молча кивнули. И именно на скамье для курильщиков у нас с Кертом состоялся последний разговор о «бьюике 8». И как скоро после него Керт погиб? Внутри у меня все похолодело: в тот же день. Неудивительно, что это воспоминание повергло меня в ужас.

Он мыслит? — спросил Керт. Я помнил, как яркие лучи утреннего солнца били ему в лицо, и вроде бы бумажный стаканчик с кофе в руке. Он наблюдает и мыслит, выжидая, выбирая удобный момент?

*Я почти уверен, что нет, ответил тогда я и почему-то встревожился. Потому что слово *почти* охватывает очень многое, не так ли? Пожалуй, есть только одно слово, которое охватывает большую территорию — *если*.*

Он устроил самое эффектное шоу именно в тот момент, когда база практически пустовала, сказал тогда отец Неда. Задумчиво. Поставил стаканчик с кофе на скамью, чтобы повернуть в руках стетсон, по давней привычке. Если я не ошибся насчет дня, менее чем через пять часов этот самый стетсон, весь в крови, слетел с его головы и приземлился в придорожных

сорняках, где его и нашли среди оберточ от гамбургеров и пустых банок из-под колы. *Словно он знал. Словно способен думать. Наблюдать. Выжидать.*

Я рассмеялся. Есть, знаете ли, такой смех, в котором веселье отсутствует напрочь. Сказал ему, что он совсем свихнулся с этим «бьюиком». Добавил: *Ты еще скажи, что он выстрелил лучом или чем-то еще, чтобы заставить грузовик-цистерну «Норко» врезаться в тот день в школьный автобус.*

Он промолчал, но в глазах стоял вопрос: *Откуда ты знаешь, что не выстрелил?*

А потом я задал детский вопрос. Спросил...

Может, тебе следует найти подмогу, зашептал голос в голове. По звуку — мой голос, но я знал, что это не так. Может, в здании кто-то есть. На твоем месте я бы проверил. Мне-то в принципе это не важно. Главное для меня — напакостить, прежде чем заснуть. Все прочее меня не волнует. А почему? Потому что я могу напакостить... именно потому, что могу.

Подмогу... не такая уж и плохая идея. Видит Бог, меня трясло при мысли о том, что придется в одиночку входить в гараж Б и приближаться к «бьюику» в его теперешнем состоянии. Идти заставляло лишь осознание того, что я приложил к этому руку. Был среди тех, кто открыл ящик Пандоры.

Я побежал к будке, не остановился около распахнутой боковой двери, хотя учуял сильный запах только что разлитого бензина. Я знал, что он сделал. Осталось только понять, сколько именно бензина он вылил под автомобиль и сколько осталось в канистре.

На двери в будку висел замок. Многие годы мы его не запирали. Сцепляли лишь две металлические скобы, чтобы дверь не распахивало ветром. Замок не заперли и в эту ночь. Клянусь, это правда. Конечно,

было темно, все-таки не полдень, но лунного света хватало, чтобы я ясно видел замок. И когда потянулся к нему, свободный конец стальной дужки скользнул в отверстие и раздался едва слышный щелчок. Я увидел, как это произошло... и почувствовал. На мгновение пульсации в голове усилились и сфокусировались. Словно «бьюику» пришлось приложить дополнительное усилие.

Ключи я держу на двух кольцах: на одном — служебные, на другом — личные. На «служебном» кольце их штук двадцать, и я воспользовался приемом, которому научился у Тони Скундиста: положить ключи на ладонь и на ощупь, не глядя, найти нужный. Срабатывало не всегда, но на этот раз все получилось. Возможно, потому, что ключ от висячего замка меньше всех остальных, за исключением ключа от шкафчика в раздевалке, но тот с квадратной головкой.

И тут же я услышал гудение. Очень слабое, словно звук мотора, расположенного глубоко под землей, но оно появилось.

Я вставил ключ в замочную скважину, повернул — стальной стержень выскочил из гнезда. Я выдернул стержень из скоб, бросил замок на землю. Открыл дверь, вошел в будку.

Крохотное помещение встретило меня жарой, какая бывает на чердаках, в сарайах и чуланах, надолго оставленных закрытыми в жаркую погоду. Никто здесь давно уже не дежурил, вообще заходили сюда редко, но вещи, копившиеся годами (правда, горючие материалы, за исключением банок с краской и растворителем, мы убрали), лежали на прежних местах. В лунном свете я их хорошо видел. Стопки журналов, которые по большей части читают мужчины (женщины думают, что мы любим смотреть на голых

женщин, но, полагаю, куда больше нам нравятся автомобили и инструменты). Кухонный стул с полоской скотча на сиденье в том месте, где порвалась обивка. Дешевый радиоприемник, настроенный на полицейскую волну, из «Рэйдио-шэка»*. Видеокамера, несомненно, с давно разрядившейся батарейкой, на полке рядом с коробкой, где хранились чистые кассеты. Наклейка на бампер, которой украсили одну из стен: «ПОДДЕРЖИТЕ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ, ПРИГЛАСИТЕ АГЕНТА ФБР НА ЛЕНЧ». Пахло пылью. А в голове пульсация (она же голос «бьюика») усиливалась и усиливалась.

С потолка свисала лампочка, на стене был выключатель, но я даже не протянул к нему руки. Решил: лампочка наверняка перегорела, а если и нет, то щелчок выключателя приведет лишь к тому, что меня удриит током.

Дверь за моей спиной захлопнулась, отсекая лунный свет. Такого просто быть не могло, потому что предоставленная сама себе дверь всегда распахивалась до упора. Так уж ее навесили. Мы все это знали. Поэтому-то, собственно, и сцепляли скобы дужкой замка. В эту ночь, однако, невозможное ценилось дешево и предлагалось на каждом углу. Сила, обитающая в «бьюике», хотела оставить меня в темноте. Может, думала, что темнота заставит меня сбавить ход.

Не вышло. Я уже увидел то, что требовалось: бухту желтой веревки, висевшую на вбитом в стену гвозде под шутливой наклейкой, рядом с забытыми соединительными кабелями. Увидел я и кое-что еще. Некий предмет, который Керт Уилкокс поставил рядом с видеокамерой вскоре после того, как в гараже

* «Рэйдио-шэк» — сеть магазинов, специализирующихся на продаже бытовой электротехники и товаров для радиолюбителей.

появился инопланетянин с розовыми отростками на голове.

Я взял этот предмет, сунул в задний карман, схватил бухту веревки. Выскочил из будки. Передо мной возник темный силуэт, и я едва не закричал. На мгновение подумал, что вижу перед собой мужчину в черном пальто и шляпе, с деформированным ухом и акцентом Бориса Бадиноффа. Но заговорил силуэт с другим акцентом, Лоренса Уэлка.

— Этот чертов мальчишка уже вернулся, — прошептал Арки. — Я проехал полпути домой, а потом помчался назад. Знал, что так оно и будет. Сразу...

Я его оборвал, велел держаться подальше и побежал вокруг гаража Б с бухтой веревки на руке.

— Не входи туда, сержант. — Арки следовал за мной. Хотел, видно, закричать, но от испуга мог только шептать. — Он разлил бензин и у него пистолет, я видел.

Я остановился у боковой двери, сбросил веревку с руки, начал привязывать конец к крюку, потом передал всю бухту Арки.

— Сэнди, ты чувствуешь? — спросил он. — И радио опять не работает, статические помехи. Я слышал через окно, как ругалась Стефф.

— Не важно. Возьми конец веревки. Привяжи к крюку.

— Что?

— Ты меня слышал.

Я растянул петлю на другом конце, ступил в нее, поднял, затянул на талии. Узел палача завязывал еще Кертис, так что веревка скользила легко.

— Сержант, нельзя тебе этого делать. — Арки попытался схватить меня за плечо, но без особой настойчивости.

— Привяжи веревку к крюку и держи ее, — ответил я. — В гараж не входи ни при каких обстоятельствах. Если мы... — Я не стал говорить: *Если мы исчезнем*. Не хотелось слышать этих слов, слетающих со своих губ. — Если что-то случится, пусть Стефф передаст код Д, как только прекратятся помехи.

— Господи! — выдохнул Арки. — Ты что, сошел с ума? Неужто ничего не чувствуешь?

— Все я чувствую, — отрезал я и вошел в гараж. Постоянно тряс веревку, чтобы она не запуталась. Ощущал себя ныряльщиком, опускающимся в неведомые глубины, который тщательно следит за воздушным шлангом. Не потому, что шланг поможет, а чтобы чем-то занять себя, не думать о тварях, плавающих в темноте, там, куда он держит свой путь.

«Бьюик 8» замер на широких, с белыми боковинами шинах, наш маленький секрет, из глубин которого сейчас доносилось мерное гудение. Пульсация силой превосходила гудение, и я понял, что противостоящая мне сила оставила попытки удержать меня на расстоянии. Как только я вошел в гараж, невидимая рука более не отталкивала меня. Наоборот, тащила к себе.

Мальчишка сидел за огромным рулевым колесом, с канистрой у живота, щеки и лоб побелели, кожа натянулась, блестела от пота. Когда я направился к нему, голова медленно, будто он превратился в робота, повернулась, и он посмотрел на меня. Широко раскрытыми темными глазами. Взглядом человека, накачанного наркотиками или смертельно раненного. В его глазах читалось только фанатичное упрямство, юношеская уверенность, что ответ есть и он должен его узнать. Он имел право. Именно этим, ра-

зумеется, и воспользовался «бьюик». Чтобы завлечь его в гараж.

— Нед.

— На вашем месте я бы вышел отсюда, сержант, — говорил он медленно, четко произнося каждое слово. — Времени осталось немного. Оно идет. Я слышу его шаги.

Он говорил правду. Меня захлестнул ужас. Гудение напоминало работу какого-то агрегата. Пульсация представляла собой какую-то разновидность телепатии. Но имело место быть и что-то еще. Что-то третье.

И это что-то, приближаясь, нарастало.

— Нед, пожалуйста. Ты не понимаешь, с чем имеешь дело, и, уж конечно, не сможешь его уничтожить. Ты добьешься лишь одного: тебя засосет, как пылесос засасывает пыль. А в результате твоя мать и сестры останутся без мужской поддержки. Ты этого хочешь? Хочешь оставить их с тысячью вопросов, на которые никто не сможет ответить? Мне трудно поверить, что парень, который пришел сюда побольше узнать о своем отце, может быть таким эгоистом.

Что-то блеснуло в его глазах. Такой блеск иной раз можно увидеть в глазах сосредоточившегося на чем-то мужчины, когда он вдруг слышит шум в соседнем квартале. Но затем глаза снова потемнели.

— Этот чертов автомобиль убил моего отца, — ответил он. Спокойно. Терпеливо объясняя свои мотивы.

Я, разумеется, не собирался с ним спорить.

— Хорошо, может, и убил. Может, в том, что случилось с твоим отцом, нужно винить не только Брэдли Роуча, но и «бьюик». Сие означает, что он может убить и тебя. Так, Нед? Говори, не стесняйся.

— Я собираюсь уничтожить его. — И наконец что-то прорвало темную пелену его глаз. Нет, не злость. Как мне показалось, безумие. Он поднял руки. Одна сжимала пистолет, вторая — бутановую зажигалку. — Прежде чем он засосет меня, я подожгу этот чертов телепортер*. Навсегда закрою дверь с этой стороны. Это будет первый этап. — Он говорил с абсолютной уверенностью юности, нисколько не сомневаясь, что до него эта мысль никому в голову не приходила. — И если переживу переход в другой мир, я собираюсь убить того, кто будет дожидаться меня на той стороне. Это будет второй этап.

— Того, кто будет дожидаться тебя? — Меня поразил масштаб его допущений. — О Нед! Господи, да что ты несешь?

Пульсация усиливалась. Так же, как и гудение. Я кожей чувствовал, что в гараже становится все холоднее, как бывало в периоды активности «бьюика». И увидел сияние, зародившееся чуть выше огромного рулевого колеса и начавшее растекаться по ободу. Что-то шло. Приближалось. Десять лет тому назад уже достигло бы цели. Может, даже пять. Теперь на это уходило чуть больше времени.

— Ты думаешь, тебя ждет торжественная встреча, Нед? Полагаешь, что они пришлют президента Желтокожих розововолосых гуманоидов или императора Альтернативной вселенной, чтобы поприветствовать тебя и вручить ключи от города? Думаешь, они расстараются? Ради кого? Мальчишки, который не может начать жить собственной жизнью, потому что никак не смиряется, что его отец погиб?

* Если телепортация — способ мгновенного переноса материи из одной точки пространства в другую, то телепортер — устройство для обеспечения переноса.

- Замолчите!
- Знаешь, что я думаю?
- *Мне без разницы, что вы думаете!*
- Я думаю, ты не увидишь ничего, кроме пустоты перед тем, как задохнешься тамошним воздухом.

Сомнение вновь мелькнуло в глазах. Одна его часть хотела действовать в духе Джорджа Моргана и поставить жирную точку. Но была и другая часть, ее особо не волновала перспектива учебы в Питсбургском университете, но она хотела жить. А обе эти части, сверху, снизу, со всех сторон окружали, обволакивали пульсация и тихий призывный голос. Они даже не соблазняли. Просто тянули к себе.

— Сержант, выходи оттуда! — позвал Арки.

Я молчал, не отрывая глаз от сына Кертиса.

— Нед, используй голову по назначению. *Пожалуйста.* — Я не кричал на него, лишь повысил голос, чтобы перекрыть гудение. И одновременно взялся за ту вещь, которую сунул в задний карман. — Автомобиль, в котором ты сидишь, возможно, и живой, но он все равно не стоит того, чтобы ты тратил на него жизнь. Он ничем не отличается от липучки для мух или саррации*, неужели ты этого не понимаешь? Ты не сможешь ему отомстить, во всяком случае, он это не поймет. Он безмозглый.

Губы Неда задрожали. Уже прогресс, но мне очень хотелось, чтобы он положил пистолет на сиденье или хотя бы опустил его. А ведь еще была и бутановая зажигалка. Не столь опасная, как автоматический пистолет, но тоже грозное оружие, учитывая разлитый бензин: пока я стоял у водительской дверцы «бьюи-

* Саррации — род насекомоядных многолетних трав. На дне кувшинообразных листьев находится жидкость, в которой гибнут, а потом перевариваются попавшие туда насекомые.

ка», подошвы туфель пропитались им, а от паров резало глаза. Тем временем сияние выбросило ниточки света на макет приборного щитка, начало заполнять циферблат спидометра, превращая его в пузырек воздуха в плотницком уровнемере.

— Он убил моего отца! — детским голосом прокричал Нед, но кричал он не мне. Не мог найти того, кому хотел бросить в лицо эти слова, и это выводило его из себя, убивало.

— Нет, Нед. Послушай, если бы эта штуковина могла смеяться, она бы сейчас смеялась. Она не смогла заполучить твоего отца, как ей хотелось, тем же путем, что Энниса и Брайана Липпи, но теперь у нее появился отличный шанс заполучить сына. Если Керт знает, если Керт видит, он, должно быть, кричит в могиле. Потому что сейчас происходит именно то, чего он боялся, именно то, что пытался предотвратить. С его собственным сыном.

— Прекратите, прекратите. — Глаза Неда наполнились слезами.

Я наклонился, сунул голову в разгорающееся сияние, в колодезный холод. Чуть не уткнулся лицом в лицо Неда, который наконец-то дал слабину. И еще один удар мог стать решающим. Я уже вытащил баллончик, который взял в будке, из заднего кармана и теперь прижимал его к ноге.

— Он, должно быть, слышит этот смех, Нед, он, должно быть, знает, что уже слишком поздно...

— Нет!

— ...и он ничего не может изменить. Ничего.

Нед поднял руки, закрывая уши, левую — с пистолетом, правую — с бутановой зажигалкой, канистра осталась на бедрах, ноги выступали из лавандового тумана, пока державшегося чуть пониже голеней:

сияние поднималось, как вода в скважине, и мне это очень не нравилось. Я еще не вывел его из гипноза, как мне этого ни хотелось, но не оставалось ничего другого, как довольствоваться тем, что есть. Большим пальцем я сбросил колпачок с аэрозольного баллончика, на мгновение задался вопросом, а сохранилось ли в нем избыточное давление после стольких лет лежания на полке, а потом пустил струю «мейса» ему в лицо.

Нед завопил от изумления и боли, когда слезоточивый газ ударил в глаза и нос. Палец нажал на спусковой крючок отцовской «беретты». Грохот ударил по барабанным перепонкам.

— ЧЕРТ ПОБЕРИ! — сквозь звон в ушах донесся до меня голос Арки.

Я схватился за рукоятку, и в этот самый момент маленькая стопорная кнопочка опустилась, как стержень дужки висячего замка на двери будки. Я сунул руку в открытое окно, сжал пальцы в кулак, ударил по канистре с бензином. Она свалилась с бедер мальчишки, упала в лавандовый туман, поднимающийся от пола, и исчезла. И на мгновение у меня возникло ощущение, что улетела она далеко-далеко, в глубокую пропасть. Вновь грохнул выстрел, и я почувствовал ветерок от пули. Она не просвистела рядом, стрелял он вслепую, возможно, даже не осознавал, что стреляет, но, когда ощущаешь движение воздуха, вызванное пулей, всегда кажется, что пролетела она чертовски близко.

Я заселозил рукой по внутренней поверхности дверцы, нашел рукоятку, потянул. Она не пошла на верх, как я и ожидал, и я уж не знал, что делать дальше: габариты Неда не позволяли выдернуть его через окно, но тут рукоятка подалась и дверца открылась.

В этот самый момент на полу кабины «роудмастера» полыхнула первая вспышка, крышка багажника распахнулась, и нас начало засасывать в «бьюик». *Засосет, как пыль в пылесос*, чуть раньше сказал я, но угадал лишь частично. Пульсация в голове резко усилилась, увеличилась частота. Давление снаружи словно снизилось, а в теле — возросло, отчего глаза начали вылезать из орбит, а кожа — отрываться от лица. И при этом ни волосок не качнулся на голове.

Нед закричал. Руки его внезапно упали, будто кто-то заранее привязал к ним веревки, а теперь потянул вниз. Он начал уходить в сиденье, которое больше таковым не являлось. Оно исчезало, растворялось в поднимающемся снизу яростном свете. Я схватил Неда под руки, дернул, отступил на шаг, потом на два. Борясь с невероятной силой, которая затягивала меня в световую воронку, образовавшуюся в кабине «бьюика». Я повалился назад, на спину, прижимая Неда к себе. Бензин промочил брючины.

— Тяни! — крикнул я Арки. Заработал ногами, пытаясь оттолкнуться от пола, уползти подальше от «бьюика» и льющегося из него света. Ноги не находили опоры. Скользили по залитому бензином бетону.

Неда рвануло из моих рук, рвануло к открытой водительской дверце, рвануло так сильно, что я едва не отпустил его. Одновременно я почувствовал, как натянулась веревка. Нас потащило назад, и я перехватил руки, сцепил пальцы на груди Неда. Он все еще держал пистолет; на моих глазах его рука вытянулась в сторону «бьюика», пистолет выскользнул из нее и пульсирующий в кабине свет проглотил его. Вроде бы я услышал, как он выстрелил дважды, сам по себе, и исчез. В этот самый момент сила, затягивающая нас в кабину «бьюика», чуть ослабла. У меня затеплилась

надежда, что нам все-таки удастся выбраться из западни.

- Тяни! — крикнул я Арки.
- Босс, я тяну изо всех сил...
- Тяни сильнее!

Последовал яростный рывок. Петля на талии едва не разорвала меня пополам. К этому времени мне удалось подняться на ноги, и я уже пытаясь, прижимая к себе мальчишку. Он тяжело дышал, глаза у него заплыли, как у боксера, которого колошматили все двенадцать раундов. Думаю, он так и не увидел, что произошло в следующий момент.

Интерьер кабины «бьюика» исчез, растворившись в лиловом свете. Передо мной открылось окно. Окно в другой мир. Я, должно быть, на какие-то мгновения застыл, и этих мгновений хватило, чтобы меня с прежней силой потянуло к «бьюику», потянуло нас обоих, но Арки уже кричал, громко и пронзительно: «*Помоги мне, Стефф! Ради Бога! Скорее сюда! Помоги!*» И она через секунду-другую помогла. Неда и меня дернуло назад, как парочку крепко сидящих на крючке рыбин.

Я опять повалился на спину, ударился головой, осознавая, что пульсация и гудение слились воедино, превратившись в вой, который, словно бур, просверливал дыру в моих мозгах. «Бьюик» заполыхал, как неоновая вывеска, жуки с зелеными спинками посыпались из сияющего багажника. Падали на пол, удалялись, умирали. Всасывающая сила нарастила, нас вновь потащило к «бьюику». Мы будто попали в мощный водоворот. Буксир, а в нашем случае веревка, пытался тянуть нас в одну сторону, течение сносило в противоположную.

— *Помогай мне!* — крикнул я Неду в ухо. — *Ты должен мне помочь, или нам конец!*

Но в тот момент я думал, что нам конец, независимо, поможет он мне или нет.

Он ослеп, но не оглох, и решил, что все-таки хочет жить. Уперся кроссовками в бетонный пол, начал отталкиваться изо всей силы.

Рубчатые подошвы не так скользили по бензину, как мои туфли.

Одновременно Арки и Стефф как следует рванули веревку. Нас отнесло к двери футов на пять, но потом вновь сказалось течение. Мне удалось набросить провисшую веревку на грудь Неда, привязать его к себе — пусть нас постигнет одна участь. Нас потащило назад, «бьюик» отыграл потерянные футы и продолжал тянуть нас к себе. Медленно, но неумолимо. Мне сдавило грудь. Частично — веревкой, частично — огромной невидимой рукой. Я не хотел отправляться в то место, которое увидел по другую сторону «окна», но поскольку расстояние до «бьюика» неуклонно уменьшалось, мне, похоже, все-таки предстояло попасть туда. Нам предстояло. С приближением к «бьюику» сила, которая нас тащила, нарастила. Я знал, что скоро она оборвет желтую нейлоновую веревку. И тогда мы оба улетим в тартарары. Нырнем в лиловую глотку и вынырнем незнамо где.

— *Последний шанс!* — закричал я. — *Тянем на счет три! Один... два... ТРИ-И-И-И!*

Арки и Стефания, стоявшие за дверью плечом к плечу, потянули веревку что было сил. Нед и я оттолкнулись ногами. И попытка удалась, нас отнесло практически до двери, прежде чем неведомая сила опять ухватила нас и потянула к себе, как магнит — железные опилки.

Я перекатился на бок.

— Нед, дверной косяк! *Хватайся за дверной косяк!*

Он, ничего не видя, вытянул вперед левую руку. Его пальцы хватали пустоту.

— Справа от тебя, парень! — крикнула Стефф. — Справа!

Пальцы нашли дверной косяк, схватились за него. А позади «бьюик» полыхнул гигантской вспышкой, и я почувствовал, что сила вновь взросла. Словно появился новый источник гравитации. Веревка превратилась в стальную струну, не давала вздохнуть. Я чувствовал, как глаза вылезают из орбит, а зубы вибрируют в деснах. Желудок, казалось, пытался вывернуться через горло. Пульсация заполняла мозг, выжигая все осознанные мысли. Я заскользил к «бьюику», каблуки царапали бетон. Чувствовал, что скорость скольжения увеличивается, еще немного, и я полечу, меня засосет в «бьюик», как птицу засасывает в воздухозаборник реактивного двигателя. И когда я полечу, мальчишка составит мне компанию, с занозами от дверного косяка под ногтями. Ему придется составить мне компанию. Моя метафора о звенях цепи становилась жизненной реальностью.

— Сэнди, хватайся за мою руку!

Я изогнул шею и не очень-то удивился, увидев Хадди Ройера... а за его спиной — Эдди. Они вернулись. Им потребовалось чуть больше времени, чем Арки, чтобы сообразить, что к чему, но они вернулись. Не потому, что Стефф радиорадала им: «Код Д». Они уехали на личных автомобилях и статические помехи на какое-то время вывели из строя радиосвязь. Нет, они просто... вернулись.

Хадди стоял у двери на коленях, уперевшись одной рукой в дверной косяк, чтобы его не затянуло в гараж. Его волосы не растрепались, рубашка не раздулась, но он качался взад-вперед, словно стоял на

сильном ветру. Эдди маячил за спиной Хадди, заглядывая через его левое плечо. Должно быть, держал Хадди за ремень, хоть я этого видеть не мог. Вторая рука Хадди тянулась ко мне, и я схватился за нее, как утопающий. Собственно, я и чувствовал себя утопающим.

— А теперь тяните, черт побери, — прорычал Хадди Арки, Эдди и Стефф Колуччи. «Бьюик» ответил очередной вспышкой. — Тяните изо всех сил!

Они так и потянули, и мы вылетели из двери, как пробка из бутылки, приземлившись на Хадди. Нед тяжело дышал, уткнувшись лицом мне в шею, щека и лоб жгли меня, как угли. И я чувствовал влагу его слез.

— Сержант, Господи, убери локоть с моего носа, — яростно просипел снизу Хадди.

— Захлопните дверь! — крикнула Стефф. — Побыстрее, пока оттуда не вышло что-то ужасное.

В гараже никого не осталось, за исключением дохлых жуков, лежащих на зеленых спинках, но тем не менее она была права. Потому что страх нагонял даже свет. Эти яркие вспышки.

Мы все еще лежали на асфальте, с руками, переплетенными коленями, ногами, придавленными телом. Эдди, каким-то образом запутавшийся в веревке, как и Нед, кричал Арки, что она задушит его, Стефф, стоявшая рядом с ним на коленях, пыталась подсунуть пальцы под желтое кольцо, охватившее шею Эдди, Нед всхлипывал, куда-то рвался. Никто не мог закрыть дверь, но она сама захлопнулась, и я, выгнув шею под углом, какие возможны только при панике, вдруг подумал, что это был один из них, прошедший невидимым и теперь выбравшийся из гаража, чтобы отомстить за такого же, как он, — чудовище, убитое нами много лет назад. И я его увидел — тень на выкрашенной белой краской стене сарайя. Потом тень

сдвинулась, ее хозяин шагнул вперед, и в полумраке я увидел очертания женской груди и бедер.

— Проехала полдороги, и у меня вдруг появилось это чувство. — Голос Ширли дрожал. — Предчувствие дурного. Я решила, что кошки еще немного подождут. Прекрати дергаться, Нед, ты только затягиваешь узлы.

Нед тут же замер. Ширли наклонилась и точным, выверенным движением освободила шею Эдди. «Вот так, крошка». — и тут колени у нее подогнулись. Ширли Пастернак плюхнулась на асфальт и расплакалась.

Мы отвели Неда на кухню, промыли глаза водой. Кожа вокруг опухла и покраснела, белки налились кровью, но он сказал, что все видит. Когда Хадди показал ему два пальца, мальчишка сказал, что их два. Когда четыре — четыре.

— Извините меня. — Голос у него заметно сел. — Не знаю, почему я это сделал. То есть я, конечно, хотел, собирался, но не сегодня... не в этот вечер...

— Ш-ш-ш. — Ширли набрала из-под крана пригоршню воды и вновь промыла ему глаза. — Ничего не говори.

Но он не мог остановиться.

— Я собирался поехать домой. Все обдумать, как я и сказал. — Его опухшие, налитые кровью глаза повернулись ко мне, потом исчезли под ладонью Ширли с теплой водой. — И вдруг очнулся уже здесь, на автостоянке, а в голове только одна мысль: «Я должен сделать это сегодня, покончить с этим раз и навсегда». А потом...

Только он не знал, не помнил, что случилось потом. Все ушло в туман. Он не мог прямо сказать об этом, да и не нужно было. Мне даже не пришлось читать об этом в его недоумевающих глазах. Я же видел,

как он сидел за рулем «роудмастера» с канистрой бензина у живота, смертельно бледный, будто накачавшийся наркотиками, потерянный для реальности.

— Тебя позвал «бьюик», — объяснил я. — Каким-то образом он связан со всеми нами, только никогда не использовал свою силу, как в твоем случае. Но когда он позвал тебя, мы все это услышали. Каждый по-своему. В любом случае это не твоя вина, Нед. Если уж и надо кого-то винить, так это меня.

Он оторвался от раковины, выпрямился, взял меня за руки. Вода капала с подбородка, мокрые волосы прилипли ко лбу. По правде говоря, выглядел он таким смешным. Словно после крещения.

Стефф, которая следила за гаражом у двери черного хода, подошла к нам.

— Вспышки все реже. Светопреставление заканчивается.

Я кивнул.

— Он упустил свой шанс. Возможно, последний.

— Напакостить, — добавил Нед. — Вот чего он хотел. Я слышал это в голове. Но, может, мне только почудилось. Не знаю...

— Если почудилось тебе, то и мне тоже, — ответил я. — Но сегодня могло случиться нечто более ужасное, чем обычная пакость.

Прежде чем я успел продолжить, Хадди вышел из ванной с аптечкой первой помощи. Поставил на стол, открыл, достал баночку с мазью.

— Помажь вокруг глаз, Нед. Если что-то попадет в глаза, ничего страшного. Ты даже не заметишь, щипать не будет.

Мы стояли, наблюдая, как он наносит мазь на воспалившуюся кожу. Мазь поблескивала под светом флюоресцентных ламп. Когда он все смазал, Ширли спросила, лучше ли ему. Он кивнул.

— Тогда пойдем на скамью, — сказал я. — Мне нужно рассказать тебе еще об одном эпизоде. Следовало рассказать раньше, но, честно говоря, я вспомнил его, лишь когда увидел тебя за рулем этого чертова автомобиля. Должно быть, испытанный мною шок взбодрил память.

Ширли, сдвинув брови, посмотрела на меня. Детей у нее не было, но во взгляде читалась материнская суровость.

— Не сегодня. Неужели ты не видишь, что мальчик уже сам не свой? Один из нас отвезет его домой и придумает какую-нибудь историю для матери. Она всегда верила Кертису, думаю, поверит и нам, если мы придумаем что-нибудь складное, а потом уложит его в постель.

— Извини, — ответил я, — но думаю, что в данном случае откладывать нельзя.

Она всмотрелась в мое лицо и, должно быть, увидела, что я говорю правду, а потому мы все потянулись к скамье для курильщиков, и, наблюдая за последними вспышками, второе шоу за ночь, пусть уже и очень слабенькое, я рассказал Неду еще одну историю давних дней. Я видел ее, как мизансцену в пьесе, два персонажа на практически пустой сцене, два персонажа, освещенные ярким прожектором, двое мужчин, сидящих...

ТОГДА: Кертис

Двое мужчин сидят на скамье для курильщиков под ярким летним солнцем, и одному из них предстоит умереть в самое ближайшее время: когда речь идет о человеческой жизни, каждая цепочка заканчивается пет-

лей, и Кертис Уилкокс практически до нее добрался. Ленч станет для него последней трапезой, но ни один из них этого еще не знает. Обреченный на смерть наблюдает, как его собеседник закуривает, и мечтает о том же, но курить он бросил. Во-первых, цена сигарет резко пошла вверх, на что не раз и не два жаловалась Мишель, но главное, ему хочется увидеть, как вырастут его дети. Хочется побывать на их выпускных вечерах, хочется погладить по головке внуков. У него есть планы на будущее, когда он выйдет в отставку, они с Мишель уже все продумали. Купят «шиннибаг» и уедут на запад, где и обоснуются. Но он уйдет со службы раньше, и в одиночку. Что же касается курения, мужчине не следовало отказываться от этой вредной, но приятной привычки, но ведь он понятия не имеет, что его ждет столь скорая смерть. Пока же летнее солнце приятно согревает лицо. Позже день станет жарким, да, он умрет в жаркий день, но пока солнце не обжигает, лишь греет, и почти как «бьюик» спокойно стоит в гараже. Таким спокойным он остается все более долгие периоды. Светотрясения, если слышатся, уже не столь сильные. «Он «сдувается», — думает обреченный на смерть патрульный. Но Кертис чувствует идущую от автомобиля пульсацию, слышит его зов и знает, что с ним надо держать ухо востро. Это его работа. Он несколько раз отказывался от повышения по службе лишь ради того, чтобы выполнять ее. «Бьюик 8» «сожрал» его напарника, но при этом, и Кертис Уилкокс это осознает, забрал и большую часть его самого. Он никогда не забирался в багажник автомобиля, как едва не забрался Хадди Ройер в 1988 году, и автомобиль не заглотил его живьем, как Брайана Липпи, но Кертис знает, что никуда ему от «бьюика» не деться. Последний постоянно присутствует в его мыслях. Он слышит шепот

«бьюика», как рыбак, спящий в своем доме, слышит шепот моря. Даже во сне. И шепот — это голос, а вещь с голосом может...

Кертис поворачивается к Сэнди Диаборну и спрашивает:

— Он мыслит? Наблюдает, мыслит, выжидает, выбирая удобный момент?

Диаборну, старослужащие за спиной называют его новым сержантом, нет нужды спрашивать, о чем говорит его друг. Когда речь заходит о стоящем в гараже Б почти как «бьюике», они сразу это понимают, они все, и иногда Кертис думает, что зов «бьюику» чувствуют даже те, кого перевели в другие подразделения, и те, кто уже уволился из ПШП. Иногда он думает, что «бьюик» пометил их всех, как метят амишей черные одежды и повозки, или как священник метит твой лоб грязью в среду, с которой начинается Великий пост, или как сковывают одной цепью заключенных, роющих бесконечную канаву.

— Я почти уверен, что нет, — отвечает новый сержант.

— Но он устроил самое эффектное шоу именно в тот момент, когда база практически пустовала, — говорит мужчина, который бросил курить, чтобы увидеть, как вырастут его дети, и дождаться внуков. — Словно знал. Словно способен думать. Наблюдать. И выжидать.

Новый сержант смеется, весело, с едва заметной ноткой пренебрежения.

— Ты совсем свихнулся с этим «бьюиком», Керт. Еще скажи, что он выстрелил лучом или чем-то еще, чтобы заставить грузовик-цистерну столкнуться со школьным автобусом.

Патрульный Уилкокс уже поставил бумажный стаканчик с кофе на скамью, чтобы снять с головы шляпу.

Начинает вертеть ее в руках по давней привычке. Дики-ки-Дак подъезжает к бензоколонке и начинает заправлять свою патрульную машину Д-12 (скоро их всех лишат этого удовольствия). Замечает нового сержанта и Керта, сидящих на скамье для курильщиков, и машет им рукой. Они отвечают тем же, но мужчина со шляпой в руках, серым форменным стетсоном, который закончит службу в этот же день, оказавшись в придорожных сорняках среди оберток от гамбургеров и банок из-под колы, сразу же поворачивается к новому сержанту. Его глаза спрашивают, смогут ли они получить ответ на этот вопрос, смогут ли они получить ответ хотя бы на один вопрос.

Взгляд этот раздражает сержанта.

— Почему бы нам не покончить с этим? Не уничтожить его, поставив на этом точку? Давай отбуксируем его на пустырь, зальем бензином, пока он не потечет из окон, и подожжем. Что скажешь?

Кертис и не пытается скрыть ужаса, вызванного у него таким предложением.

— Возможно, это самая ужасная ошибка, которую мы можем совершить. А ты не думаешь, что именно этого он от нас и добивается? Что его оставили здесь, чтобы спровоцировать нас? Сколько детей остались без пальцев, потому что находили в траве что-то непонятное, не знали, что это взрыватель, и начинали колотить по нему камнем?

— Это не одно и то же.

— Откуда ты знаешь? С чего тебе это известно?

И новый сержант, который потом подумает: «Лучше бы моя шляпа укатилась с дороги», — не находится с ответом. Возражать бессмысленно, действительно, кто знает? Возможно, Керт и прав. Дети остаются без пальцев, потому что колотят камнями по взыва-

телям, и убивают своих младших братьев из оружия, которое находят в ящиках столов, и сжигают дома бенгальскими огнями, которые взрослые оставляют в гараже. Потому что не понимают, какая игрушка попала им в руки.

— Предположим, — говорит человек со стетсоном в руках, — что «бьюик 8» — некий клапан. Вроде того, что установлен в регуляторе, какими пользуются аквалангисты. Он может и впускать воздух, и выпускать, выдавать и принимать, в зависимости от воли пользователя. Но все ограничено пропускной способностью клапана.

— Да, но...

— Или посмотрим на это с другой стороны. Допустим, он дышит, как человек, лежащий на дне и использующий соломинку, чтобы его не было видно.

— Все понятно, но...

— В любом случае воздух входит и выходит маленькими дозами, они и должны быть маленькими, потому что мало сечение пропускного канала. Может, это нечто, с чем мы имеем дело, вынуждено использовать клапан или соломинку, чтобы сохранять себя в «замороженном» состоянии, вроде летаргического сна, чтобы ему хватало такого малого количества воздуха. А теперь представь себе, что приходит какой-то идиот, бросает в болото достаточно динамита, чтобы осушить его, и необходимость в соломинке отпадает. Или, если говорить о клапане, взрывает его. Ты готов пойти на такой риск? Рискнешь дать этому нечто столько чертова воздуха, сколько оно сможет вдохнуть?

— Нет, — едва слышно отвечает новый сержант.

— Только Бак Фландерс и Энди Колуччи именно на это и нацелились.

— Что ты мелешь?

— Да ничего, — отвечает Кертис. — Энди сказал, если пара патрульных не может выйти сухими из воды, организовав поджог, они должны уходить со службы. У них даже есть план. Они намерены сослаться на то, что воспламенились краска и растворитель в будке. Воспламенились сами по себе, от жары, трах-бах, и готово. А кроме того, как сказал Бак, кто вообще будет посыпать за пожарной командой? Это всего лишь старый гараж, в котором стоит старый «бьюик». Такие вот дела.

Новый сержант не может выполнить ни слова, до того поражен услышанным.

— Я думаю, тебе следует с ними поговорить, — продолжает Керт.

— Поговорить. — Сержант вроде бы пытается понять, что сие означает. — Поговорить с ними.

— Вот-вот. — Керт надевает шляпу, они всегда называли ее большой шляпой, штрапкали назад, как положено в теплую погоду, вновь обращается к давнему другу: — Можешь ты сказать, что он никогда с тобой не говорил, Сэнди?

Новый сержант раскрывает рот, чтобы ответить: «Разумеется, нет», — но Керт не отрывается от него взгляда и глаза его серьезны. В итоге сержант предпочитает промолчать.

— Не можешь. Потому что он говорит. С тобой, со мной, со всеми нами. Громче всего он говорил с Хадди в день, когда появился розововолосый монстр, но мы слышим его, даже когда он шепчет. Не так ли? И он говорит постоянно. Даже когда спит. Поэтому так важно его не слушать.

Керт встает.

— Просто наблюдать. Вот наша работа, теперь я точно это знаю. Если ему придется достаточно дол-

го дышать через клапан, или через соломинку, как ни назови, рано или поздно оно задохнется. Загнется. Отключится. Может, оно особо и не возражает. Может, оно более или менее уже готово умереть во сне. Если, конечно, никто его не потревожит. И сие означает, что мы должны держаться от него на расстоянии, чтобы оно не заглотило никого из нас. И конечно, мы должны оставить его в покое.

Он поворачивается, последние секунды его жизни бегут быстро, как песок сквозь пальцы, но они оба этого не знают: собирается уйти, но вновь смотрит на своего друга. На службу они пришли порознь, но проработали бок о бок не один год и оба стали патрульными до мозга костей. Однажды, выпив, старый сержант сказал, что сотрудники правоохранительных органов — хорошие люди, нашедшие себе плохое занятие.

— Сэнди.

Сэнди вопросительно вскидывает на него глаза.

— Мой сын в этом году играет за «Легион», я тебе говорил?

— Не больше двадцати раз.

— У тренера маленький мальчик, годика три, не больше. И как-то на прошлой неделе, приехав за Недом, я увидел, как он, опустившись на колено, бросает мальчишке мяч. И снова влюбился в своего сына, Сэнди. Испытал ту же любовь, как и много лет назад, когда впервые взял его на руки, завернутого в одеяльце. Забавно, правда?

Сэнди не находит в этом ничего забавного. Он думает: это главное, что должно быть в мужчине.

— Тренер раздал им форму, Нед надел свою, стоял на одном колене, бросал мяч малышу, и, клянусь, никогда в жизни я не видел ничего более прекрасного. А потом он говорит...

ТЕПЕРЬ: Сэнди

В гараже полыхнуло, совсем слабо, чуть подсветив окна. Вспышка сменилась темнотой... еще одной вспышкой... темнотой... которую уже ничто не нарушило.

— Все закончилось? — спросил Хадди и сам же ответил: — Да, думаю, что да.

Нед проигнорировал его слова.

— Что? — спросил он меня. — Что он потом сказал?

— То, что говорит любой мужчина, у которого дома все хорошо, — ответил я. — Сказал, что он — счастливый человек.

Стефф ушла в коммуникационный центр, к микрофону и компьютеру, но остальные остались. Нед, однако, никого не замечал. Его опухшие покрасневшие глаза не отрывались от меня.

— Он сказал что-то еще?

— Сказал, что на прошлой неделе ты сделал две круговые пробежки в игре с «Роксбургскими железнодорожниками» и помахал ему рукой после второй, когда пошел на третью. Ему это понравилось, рассказывал он, смеясь. Сказал, что в свой самый неудачный день ты видишь мяч лучше, чем он — в свой самый удачный. Также сказал, что ты должен уделить больше внимания мячам, брошенным низом, если ты хочешь добиться успехов в игре.

Юноша уставил себя под ноги, плечи его затряслись. Мы, конечно, отвернулись, дав ему возможность побыть наедине с собой. Наконец услышали его голос:

— Он говорил мне, никогда не сдавайся, а с этим автомобилем именно так и поступил. С этим гребаным «бьюиком». Сдался.

— Он сделал выбор. В этом вся разница.

Нед посидел, обдумывая мои слова, потом кивнул:

— Пожалуй.

— На этот раз мне действительно пора домой, — подал голос Арки. Но прежде чем уйти, сильно удивил меня: наклонился и поцеловал припухшую щеку Неда. Такая нежность с его стороны меня просто потрясла. — Спокойной ночи, парень.

— Спокойной ночи, Арки.

Мы наблюдали, как он отъезжает, потом Хадди сказал:

— Я отвезу Неда домой в его «шеви». Кто поедет за мной, чтобы привезти обратно?

— Я, — ответил Эдди. — Только подожду в машине. Если Мишель Уилкокс взорвется, я хочу остаться в безопасной зоне.

— Все будет в порядке, — пообещал ему Нед. — Я скажу, что увидел на полке баллончик, взял посмотреть, что в нем, и случайно прыснул в лицо «мейсом».

Идея мне понравилась. Она обладала важным достоинством — простотой. Точно такую отговорку придумал бы и его отец.

Нед вздохнул.

— Завтра утром я буду сидеть не в коммуникационном центре, а в кабинете окулиста в Стэтлер-Виллидж.

— От тебя не убудет, — ответила Ширли и тоже поцеловала его, в уголок рта. — Спокойной ночи, мальчики. На этот раз все уезжают и никто не возвращается.

— Аминь, — улыбнулся Хадди, и мы проводили ее взглядами. И в ее сорок пять посмотреть было на что. Особенно сзади и в движении. Даже при лунном свете (именно при лунном свете).

Она села за руль, проехала мимо, мигнув фарами, и нам осталось смотреть только на задние огни.

Гараж Б окутала темнота. Никаких задних огней. И никаких фейерверков. В этот вечер все закончилось, а когда-нибудь закончится навсегда. Но не сегодня. Я по-прежнему ощущал, как что-то пульсирует в голове, очень медленно, сонно, какой-то шепот, который мог обернуться словами, если тебе того хотелось.

Что же я увидел?

Что увидел, когда держал мальчишку в руках, предварительно ослепив его спреем?

— Поедешь с нами, Сэнди? — спросил Хадди.

— Нет, пожалуй, что нет. Посижу немного, потом поеду домой. Если возникнут проблемы с Мишель, пусть она позвонит мне. Сюда или домой, без разницы.

— С мамой никаких проблем не возникнет, — заверил меня Нед.

— А как насчет тебя? — спросил я. — С тобой у нас будут проблемы?

Он замялся, прежде чем ответить: «Не знаю».

Я подумал, что это лучший ответ, который он мог дать.

Потому что ответил честно.

Они ушли, Хадди и Нед направились к «белэру», Эдди — к своему автомобилю. Я задержался у своего, чтобы снять «мигалку», выключить и бросить на переднее сиденье.

Нед остановился у заднего бампера «белэра», посмотрел на меня.

— Сэнди?

— Да?

— Он высказывал какие-то предположения насчет того, откуда взялся этот «бьюик»? Что он собой

представляет? Кем был тот мужчина в черном пальто? Кто-нибудь из вас высказывал?

— Скорее нет, чем да. Конечно, какие-то предположения высказывались, но ничего путного никто так и не придумал. Джекки О'Хара, наверное, попал в десятку, когда сказал, что «бьюик» — элемент пазла, который никуда не вставляется. Ты пытаешься его вставить, вертишь и так, и этак, но видишь, что он — красный, тогда как остальные элементы — зеленые. Понимаешь, о чём я?

— Нет, — признал он.

— Вот и подумай об этом, — посоветовал я, — потому что тебе придется с этим жить.

— И как же у меня это получится? — Злости в его голосе не было. Злость сгорела дотла. Теперь ему требовались инструкции. Наконец-то.

— Ты ведь не знаешь, откуда пришел и куда идешь, не так ли? — спросил я. — Но живешь с этим. Так что не трать на «бьюик» много времени. Тряси кулаками, вознесеннымы к небу, и проклиной Бога не больше часа в день.

— Но...

— «Бьюинки» есть везде, — подвел я черту.

Когда все разъехались, Стефф подошла к скамье для курильщиков и предложила мне чашку кофе. Я поблагодарил, но отказался. Спросил, нет ли у нее сигареты. Она отшатнулась, чуть ли не в ужасе посмотрела на меня... и напомнила, что не курит.

— Собираетесь домой? — спросила она.

— Скоро.

Она ушла. Я остался один на скамье для курильщиков. В моей машине, в бардачке, лежала едва начатая пачка, но встать не было сил, во всяком случае,

в тот момент. Если уж встаешь, всегда думал я, то не для того, чтобы тут же снова сесть. Покурить я мог по пути домой, там съесть «телеужин»... «Кантри уэй» уже закрылся, да и сомневался я, что Синтия Гаррис обрадуется, вновь и так скоро увидев мою физиономию. Я сильно напугал ее чуть раньше, но страх Синтии не шел ни в какое сравнение с моим, когда все сложилось и до меня дошло, что задумал Нед. И тот мой страх был лишь жалкой тенью ужаса, охватившего меня, когда я смотрел в разрастающееся сияние, обхватив руками ослепленного мной мальчика, а в ушах, словно приближающиеся шаги, раздавались гулкие удары. Я смотрел вниз, как в колодец, и одновременно на поднимающийся склон, словно мое зрение раздвоилось какой-то призмой. Будто я пристроился к перископу с подсветкой. И очень ясно и четко увидел что-то невообразимо чужое... увидел, и не забуду до конца своих дней. Желтая трава с бурыми кончиками покрывала каменистый склон, который поднимался передо мной, а потом резко обрывался. Жуки с зелеными спинками копошились в траве, с одной стороны росли те самые лилии. Сам обрыв и его подножие находились вне поля моего зрения, но я видел небо. Пурпурное, в облаках, сверкающее молниями. Совершенно чужое небо. В нем, сбившись в стаи, летали какие-то существа. Возможно, птицы. А может, летучие мыши, вроде той, которую вскрыл Керт. Они находились слишком далеко, чтобы я мог их хорошенько рассмотреть. И не забывайте, произошло все очень быстро. Я думаю, у подножия обрыва был океан, но не знаю, с чего у меня взялось такое предположение. Возможно, из-за рыбы, которая однажды исторглась из багажника «бьюика». Или запаха соли и гниющих водорослей. Вокруг «роудмастера» всегда стоял этот запах.

На желтой траве, у края моего окна (если это было окно), лежало серебряное украшение на цепочке: свастика Брайана Липпи. За годы, проведенные под чужим небом, свастика заметно потемнела. А чуть дальше я увидел ковбойский сапог, расшитый, с наборным каблуком. Большую часть кожи покрывала черно-серая плесень. Боковина сапога прорвалась, и через дыру виднелась желтоватая кость. Никакой плоти: едкий воздух за более чем десять лет уничтожил ее, хотя я и сомневался, что отсутствие плоти можно списать только на ее естественное разложение. Почему-то я подумал, что школьного приятеля Эдди Джи съели. Возможно, даже живым. И кричащим, если, конечно, он мог дышать этим воздухом.

Увидел я еще две знакомые мне вещи, также лежащие на траве, но в стороне от свастики. Во-первых, шляпу с широкими полями, тоже всю в черно-серой плесени. Не совсем такую, как сейчас носили мы, в семидесятых годах форма поменялась, но точно стетсон ПШП. Большая шляпа. Ее не сдуло ветром, потому что кто-то пригвоздил шляпу к земле деревянной палкой. Словно убийца Энниса Рафферти боялся инопланетного пришельца даже после его смерти и «убил» самую необычную часть его одежды, дабы гарантировать, что он не встанет и не будет шагать в ночи, как голодный вампир.

Рядом со шляпой, проржавевшее, почти скрытое травой, лежало оружие Энниса. Не автоматический пистолет «беретта», какие мы носим сейчас, а «гругер». Тот самый, каким Джордж Морган отправил себя в мир иной. Эннис воспользовался револьвером, чтобы покончить с собой? Или увидел приближающихся врагов и погиб, защищаясь? Да и стрелял ли он вообще?

Эти вопросы так и остались без ответов: прежде чем я смог приглядеться повнимательнее, Арки позвал Стефф, чтобы она помогла ему, и меня отдернули назад, вместе с Недом, которого я держал в руках, как большую куклу. Я больше ничего не увидел, но на один вопрос ответ все-таки получил. «Бьюик» заглотил их обоих, Энниса Рафферти и Брайана Липпи, все так.

И исторг из себя неведомо где.

Я поднялся со скамьи и в последний на сегодня раз подошел к гаражу. Он стоял на привычном месте, темно-синий, почти как «бьюик», отбрасывая тень, как настоящий автомобиль. «С маслом порядок», — крикнул мужчина в черном пальто Брэдли Роучу, а потом исчез, оставив эту странную визитную карточку.

В какой-то момент последнего светопреставления багажник захлопнулся. На полу валялся десяток дохлых зеленых жуков. Убрать их мы могли и завтра. Спасать не имело смысла, как и фотографироваться или проделывать с ними какие-то другие манипуляции. Нас это больше не волновало. Их ждала мусоросжигательная установка. Завтра я поручу эту работу двум парням. Раздавать поручения — это по моей части, не зря же я сижу в высоком кресле, да и приятное это дело. Кому-то достается дермо, кому-то сладенько. Могут они жаловаться? Ни в коем разе. Могут заполнить бланк Эс-эн и отнести капеллану? Безусловно. Только какой прок?

— Мы тебя пересидим, — сказал я почти как «бьюику». — Нам это по силам.

Он спокойно стоял на широких, с белыми боковинами колесах, а глубоко в голове пропульсировало: «Возможно».

...а может, и нет.

ПОТОМ

Некрологи обычно сдержаные, не так ли? Рубашка всегда аккуратно заткнута за пояс, юбка одернута ниже колен. *Безвременная внезапная кончина*. За этим может скрываться все что угодно, от инфаркта во время футбольного матча до удара ножом грабителя в собственной спальне. Да и не всегда хочется знать причину смерти, особенно если умирает кто-то из своих, но узнаешь, деваться некуда. Потому что в большинстве случаев мы приезжаем первыми, с включенными «мигалками» и потрескивающими рациями на ремне, которые издают звуки, кажущиеся Джону Кью чистой белибердой. Для большинства людей, умирающих внезапно, мы — первые, кого не могут увидеть их глаза.

Когда Тони Скундист сказал нам, что собирается на пенсию, я, помнится, подумал: *Хорошо, он уже засиделся в своем кресле. И соображает не так быстро, как хотелось бы*. Теперь, в 2006 году, уже я готовлюсь к выходу на пенсию, и, должно быть, кое-кто из молодых думает, что я засиделся и соображаю не так быстро, как им бы хотелось. Но по большому счету, знаете ли, я чувствую себя таким же, как и прежде, энергия из меня так и прет, я готов работать хоть по две смены каждый день. Очень часто, увидев в зеркале, что седых волос уже больше, чем черных, и от лба линия волос значительно отступила, я думаю, что это ошибка, канцелярская опечатка, которая будет обязательно исправлена, попав на глаза компетентному специалисту. Невозможно, думаю я, чтобы человек, чувствующий себя на двадцать пять, выглядел на пятьдесят пять. Но потом выпадает череда плохих дней, и я понимаю, что никакой ошибки нет, просто время

сначала бежало, потом перешло на шаг, а теперь еле тащится, волоча ноги. Но был ли в моей жизни миг еще худший, чем когда я увидел Неда за рулем «бьюика-роудмастера 8»?

Да. Один.

Ширли сидела за диспетчерским пультом, когда поступило сообщение об аварии на шоссе 32, неподалеку от пересечения с Гумбольдт-роуд. Другими словами, рядом с тем местом, где раньше стояла автозаправочная станция «Дженни». Лицо Ширли посерело, когда она подошла к моему кабинету и стала у открытой двери.

— В чем дело? — спросил я. — Что с тобой?

— Сэнди... человек, который позвонил, сказал, что разбился старый «шевроле», красно-белый. Он говорит, что водитель мертв. — Она шумно слглотнула слюну. — Его смяло в лепешку. Так он сказал.

На эти слова я особого внимания не обратил, хотя потом пришлось, когда приехал на место аварии, чтобы посмотреть на труп. На него.

— «Шевроле»... какой модели?

— Я не спросила, Сэнди. Не смогла. — В ее глазах стояли слезы. — Не решилась. Но как много красно-белых старых «шевроле» в округе Стэтлер?

Я выехал на место аварии с Филом Кандлтоном, моля Бога, чтобы разбившийся «шеви» занесло в наш округ из Малибу или Бискайна, только бы это не был «белэр» с номерным знаком «MY57». Но Бог не услышал мои молитвы.

— Черт, — вырвалось у Фила.

Он врезался в высокий бетонный бордюр моста, переброшенного через Редферн-стрим менее чем в пяти минутах ходьбы от того места, где впервые по-

явился «бьюик» и где погиб Кертис. В «белэр» были ремни безопасности, но водитель своим не воспользовался. Не осталось на асфальте и следов заноса.

— Матерь Божья, — пробурчал Фил. — Напрасно он так.

Конечно, напрасно, поскольку о случайности речь идти не могла. Но в некрологе, где рубашка аккуратно затыкается за пояс, а юбка одергивается ниже колена, появились лишь слова о внезапной, безвременной кончине. И это правда. Безусловно.

К этому времени уже начали подтягиваться зеваки. Проезжающие автомобили сбивали ход, водители хотели посмотреть, что это лежит на узкой пешеходной дорожке. Думаю, какой-то мерзавец даже сфотографировал труп. Мне хотелось побежать следом, догнать, отобрать фотоаппарат и засунуть ему в глотку.

— Поставь знаки объезда, — приказал я Филу. — Ты и Карл. Пусть едут по Каунти-роуд. Я его чем-нибудь прикрою. Господи, его же просто размазало по асфальту! Господи! И кто скажет его матери?

Фил даже не посмотрел на меня. Мы оба знали, кому придется говорить с его матерью. В тот же день, чуть позже, я выполнил эту ужасную миссию, которая входит в обязанности сидящего в высоком кресле. Вечером отправился в «Кантри уэй» с Ширли, Хадди, Филом и Джорджем Станковски. Не знаю, как они, а я в тот вечер крепко набрался.

И из всего вечера в памяти сохранились только два эпизода. Первый — мои попытки объяснить Ширли, какие необычные стояли в «Кантри уэй» музыкальные мини-автоматы и какие странные вкусы были у первого хозяина ресторана: песни, подобранные им, давно забыты, их не крутили даже радиостан-

ции, специализирующиеся на ретро. Кажется, она меня не поняла.

Второй — как я пошел в туалет, чтобы проблеваться. Потом, плескнув в лицо холодной водой, я взглянул на свое отражение в зеркале. И полностью осознал, что глянувшее на меня состарившееся лицо — никакая не ошибка. Ошибка состояла в том, что я верил, будто двадцатипятилетний мужчина, вроде бы живший в моем мозгу, — настоящий.

Я вспомнил, как Хадди крикнул: «Сэнди, хватай меня за руку», — а потом мы оба, Нед и я, спасенные, повалились на асфальт вместе с остальными. Думая об этом, я заплакал.

Внезапная безвременная кончина — это дерньмо для «Кантри американ», но копы знают правду. Мы убираем человечину и всегда знаем правду.

Естественно, все патрульные, свободные от службы, пошли на похороны. Когда гроб опустили в могилу и засыпали землей, Джордж Станковски повез его мать и обеих сестер домой, а я вернулся на базу с Ширли. Спросил, пойдет ли она на поминки, но она покачала головой.

— Я их терпеть не могу.

Поэтому мы выкурили по сигарете на скамье для курильщиков, наблюдая за молодым патрульным, не отрывавшим глаз от «бьюика». Стоял, понятное дело, расставив ноги, в привычной для нас всех позе, которую мы принимали, прежде чем приникнуть к одному из окон гаража Б. Столетие сменилось, но в остальном жизнь более или менее оставалась прежней.

— Это несправедливо, — вздохнула Ширли. — Такой молодой...

— О чём ты говоришь? — удивился я. — Эдди Джи было под пятьдесят, если не больше. Я думаю, обеим его сестрам около шестидесяти. А матери восемьдесят!

— Ты знаешь, о чём я. Он был слишком молод, чтобы пойти на такое.

— Как и Джордж Морган, — напомнил я.

— Причина в?.. — Она мотнула головой в сторону гаража Б.

— Не думаю. Так уж сложилась жизнь. Он честно пытался бросить, но не вышло. Случилось это аккурат после того, как он купил у Неда старый «белэр» Керта. Эдди всегда нравился этот автомобиль, ты знаешь, а Нед не мог взять его с собой в Питсбург, во всяком случае, на первом курсе. Не хотелось оставлять его и на подъездной дорожке у дома...

— ...и к тому же Неду требовались деньги.

— Естественно. Мать ему материально помогать не могла, так что на счету был каждый цент. Поэтому, когда Эдди обратился к нему с такой просьбой, Нед согласился. Эдди заплатил три с половиной тысячи...

— Три двести, — поправила меня Ширли с уверенностью человека, который знает.

— Три двести, три пятьсот, какая разница. Главное, что Эдди увидел в «белэре» возможность перевернуть страницу и начать жизнь с чистого листа. Он перестал ходить в «Тэп», начал посещать собрания «Анонимных алкоголиков». Эдди двинулся в правильном направлении. Жаль только, свернул с него два года спустя.

Патрульный, стоявший у ворот гаража Б по ту сторону автостоянки, заметил нас и направился к скамье

для курильщиков. Я почувствовал, как по коже побежали мурочки: в серой форме мальчик (конечно, уже не мальчик) удивительно напоминал своего погибшего отца. *Ничего странного в этом нет*, подумал я. *Обычная генетика, наследственные признаки*. Что действительно удивляло, так это шляпа. Он нес ее в руках и крутил.

— Эдди сбился с пути истинного примерно в то же время, когда этот парнишка решил, что колледж не для него, — заметил я.

Нед Уилкокс уехал из Питсбурга и вернулся в Стэллер. Год выполнял работу Арки, который уже вышел на пенсию и переехал в Мичиган, где все говорили с таким же акцентом, что и он (какой ужас). Когда Неду исполнился двадцать один год, он подал заявление и сдал экзамены в полицейской школе. И вот, в двадцать два, служил у нас. Пока ходил в новобранцах.

Миновав полпути, сын Керта остановился, посмотрел на гараж Б, не прекращая вертеть шляпу в руках.

— Он отлично смотрится, не так ли? — прошептала Ширли.

Я сухово глянул на нее.

— Это с какой стороны посмотреть. Ширли, ты хоть можешь представить себе, какой скандал закатила его мать, когда узнала, что он задумал?

Ширли рассмеялась и затушила окурок.

— Она скандалила куда больше, узнав, что он решил продать «белэр» отца Эдди Джейкобю. Так, во всяком случае, говорил мне Нед. Я хочу сказать, Сэнди, она знала, к чему все идет. Не могла не знать. Всегда вышла замуж за копа, не так ли? И она, возможно, понимала, что его место здесь. А вот Эдди, где было его место? Почему он не смог бросить пить? Раз и навсегда?

— Это вопрос всех времен и народов, — ответил я. — Говорят, это болезнь, как диабет или рак. Возможно, так оно и есть.

Эдди начал появляться на службе с запахом спиртного, и никто покрывать его не стал: слишком серьезными могли быть последствия. Когда он отказался от помощи психолога и от четырехнедельного курса в наркологической клинике за счет ПШП, ему предложили выбор: тихий уход по собственному желанию или увольнение с треском. Эдди написал заявление и получил пенсионный пакет в два раза меньшее, чем прослужил он еще три года: основные блага сыплются на нас в конце службы. И я не мог его понять, так же, как и Ширли. Почему он не бросил пить? Почему не смог сказать себе: *Еще три года я промучаюсь жаждой, зато потом буду пить, сколько пожелает душа?* Ответа у меня нет.

«Тэп» действительно стал домом Эдди Джи вне дома. Наряду с «белэром». Он вылизывал автомобиль как снаружи, так и внутри до того самого дня, когда въехал на нем в высокий бордюрный камень на мосту через Редферн-стрим на скорости восемьдесят миль в час. Для этого у него было достаточно причин, никто бы не смог сказать, что он — счастливый человек, но я не мог не задаваться вопросом: а вдруг настоящая причина не имела отношения к жизни? У меня не могла не возникнуть мысль, а не услышал ли он шепот у себя в голове, не насоветовал ли ему этот шепот вывернуть руль «белэра»?

Сделай это, Эдди, давай, почему нет? Впереди у тебя ничего не осталось, так? Остальное пришло. Так чего тянуть? Надави как следует на педаль газа, а потом крутни руль вправо. Сделай это. Давай. Заодно и напакостишь. Чтобы твоим дружкам было что убирать.

Я подумал о вечере, проведенном на этой самой скамье, когда молодой человек, на которого я сейчас смотрел, был четырьмя годами моложе. Он сидел рядом со мной и слушал рассказ Эдди Джейкобю, как они остановили большой пикап Брайана Липпи. Мальчишка слушал, а Эдди рассказывал о своих попытках уговорить подружку Липпи что-нибудь сделать до того, как тот изувечит или убьет ее. А ведь вышло-то все наоборот. Эдди мы похоронили, и девушка с окровавленным лицом осталась единственной живой участницей того дорожного инцидента. Да, она по-прежнему обретается в наших краях. Не то чтобы постоянно на виду, но время от времени ее фамилия и фотография попадают ко мне на стол в сводках происшествий. От молодости, конечно, ничего не осталось, нос ей давно сломали, и она все больше напоминает шлюху, которая дает за пачку сигарет. Собственно, такой она и станет, если, конечно, не произойдет чуда. Физиономию ей разукрашивали неоднократно, а однажды она надолго загремела в больницу со сломанными рукой и бедром. Как я полагаю, кто-то, как две капли воды похожий на Брайана Липпи, скинул ее с лестницы. Потому что такие, как она, всегда выбирают одинаковых парней. У нее двое или трое детей, которые живут в приемных семьях. Так что она все еще топчет землю, но живет ли? Если вы ответите «да», тогда должен сказать вам, что Джордж Морган и Эдди Джи, возможно, приняли правильное решение.

— Я, пожалуй, пойду. — Ширли поднялась. — День выдался трудным. Что-то устала. Ты ничего?

— Да.

— Он ведь вернулся в ту ночь, правда? Почувствовал.

Она могла не вдаваться в подробности. Я кивнул, улыбнулся.

— Эдди был хорошим парнем, — продолжила Ширли. — Может, не смог в одиночку бросить пить, но у него было добрейшее сердце.

Нет, подумал я, наблюдая, как она идет к Неду, наблюдая, как они о чем-то говорят. Я думаю, что добрейшее сердце у тебя, Ширли.

Она чмокнула Неда в щеку, для этого ей пришлось положить руку ему на плечо и подняться на цыпочки, потом направилась к своей машине. Нед подошел, занял ее место.

- Вы в порядке?
- Да, все хорошо.
- А похороны...

— Черт, похороны как похороны. Мне доводилось видеть и похуже, и получше. Хорошо, что гроб не открывали.

— Сэнди, могу я вам кое-что показать? Вон там. — Он показал на гараж Б.

— Конечно. — Я встал. — Температура начала опускаться? — Если да, это тянуло на событие. Прошло уже два года, как температура падала больше чем на пять градусов в сравнении с наружной. Шестнадцать месяцев с последнего светопреставления, да и оно состояло из восьми или девяти слабеньких вспышек.

- Нет.
- Открылся багажник?
- Плотно закрыт.
- Тогда что?
- Лучше я вам покажу.

Я пристально посмотрел на него, и вот тут до меня дошло, что он очень взволнован. Не говоря ни слова,

я решительно пошел к гаражу следом за сыном моего давнего друга. Из любопытства и предчувствия дурного. Он встал в позе охранника у одного окна, я — у другого.

Поначалу подумал, что смотреть не на что: «бьюик» на привычном месте, которое занимал двадцать пять последних лет. Никаких вспышек, на бетонном полу ничего экзотического. Стрелка термометра — на семидесяти трех градусах*.

— И что? — спросил я.

Нед радостно рассмеялся.

— Вы смотрите, но не видите! Потрясающе! Я сначала тоже не увидел. Знал, что-то изменилось, но не мог понять, что именно.

— О чем ты говоришь?

Он покачал головой, улыбаясь во весь рот.

— Нет, сэр. Я в это не верю. Вы — босс, вы — один из трех оставшихся копов, которые служили здесь, когда появился этот «бьюик», и служат до сих пор. Все перед вами, смотрите внимательнее.

Я посмотрел снова, сначала прищурившись, потом приложив руки к вискам, чтобы отсечь дневной свет. В чем-то помогло, но на что я смотрел? На что-то маячившее прямо перед моими глазами, но на что именно? Что изменилось?

Я вспомнил вечер в «Кантри уэй», когда пролистывал странички с названиями песен, которые когда-то мог проиграть давно сломавшийся музикальный мини-автомат, и старался выделить самый важный вопрос, который Нед не решился задать. Вопрос этот как будто всплыval на поверхность, но в последний момент вновь нырял в глубины памяти. Ко-

* 22,8 градуса.

гда такое случалось, не имело смысла переть напролом. Такая мысль пришла мне в голову и тогда, и сейчас.

Вместо того чтобы всматриваться в «бьюик 8», я прошелся взглядом по гаражу, переключился на другое. Начал вспоминать названия песен, которые забылись, как только вылетели из чартов. «Дитя общества», «Спичечные мужчины», «Шустрый Джой Смолл»...

...и тут же увидел, что изменилось. Потому что, как он и сказал, все было у меня перед глазами. На мгновение у меня перехватило дыхание.

Узкая серебряная трещина извивалась на стекле со стороны водителя.

Нед хлопнул меня по плечу.

— Молодец, Шерлок, я знал, что вы расколете этот орешек. В конце концов вы же смотрели на нее.

Я повернулся к нему, хотел что-то сказать, вновь повернулся к окну, чтобы убедиться, что у меня нет галлюцинации. Нет, по стеклу извивалась трещина.

— Когда это произошло? — спросил я. — Ты знаешь?

— Я фотографирую его на «Полароид» раз в сорок восемь часов, — ответил он. — Конечно, проверю, но готов спорить, что на прошлом снимке трещины нет. Значит, она появилась между вечером среды и... — он глянул на часы, потом одарил меня широкой улыбкой, — четырьмя пополудни пятницы.

— Может, даже во время похорон Эдди, — предположил я.

— Да, вполне возможно.

Какое-то время мы молча смотрели на «бьюик». Первым заговорил Нед:

— Я прочитал стихотворение, которые вы упоминали. «Чудесный однолошадный фаэтон»*.

— Правда?

— Да. Хорошее стихотворение. Такое забавное.

Я отступил от окна, повернулся к нему.

— Все произойдет быстро, как в стихотворении.

Следующей разорвется покрышка... или отвалится глушитель... или хромированная накладка. Вам приходилось стоять на берегу замерзшего озера в конце марта или начале апреля и слушать, как трещит лед?

Я кивнул.

— У нас будет то же самое. — Его глаза сверкали, и я вдруг подумал, что впервые после смерти отца вижу Неда Уилкокса счастливым.

— Ты считаешь?

— Да, только вместо треска льда услышим скрежет ломающихся болтов и звон разбивающегося стекла. Копы снова выстроятся у окон, словно в прежние дни... только на этот раз они будут наблюдать, как гнется и корежится металл и отваливаются детали. Пока, наконец, автомобиль не превратится в груду никому не нужного железа. Они будут гадать: порадует ли их «бьюик» еще одним световым шоу, последним, вроде китайского «Огненного цветка» в конце фейерверка на Четвертое июля?

— Ты полагаешь, порадует?

— Я полагаю, светопреставления закончились.

Думаю, мы услышим, как что-то громко заскрежещет,

* Стихотворение (другое название «Шедевр декана») написано в 1858 г. Оливером Уэнделлом Холмсом (1809–1894), врачом-физиологом, острогловом, поэтом, эссеистом, писателем. Выпускник Гарвардского университета, он стал профессором, потом деканом медицинского факультета. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Налоги — цена, которую мы платим за возможность жить в цивилизованном обществе».

после чего сможем вывезти то, что останется, на автомобильную свалку.

— Ты уверен?

— Нет. — Он улыбнулся. — С этим «бьюиком» никакой уверенности нет и быть не может. Я научился этому у вас, Ширли, Фила, Арки и Хадди. — Он помолчал. — И Эдди Джи. Но я буду наблюдать. И рано или поздно... — Он поднял руку, посмотрел на нее, сжал пальцы в кулак, повернулся к окну. — Рано или поздно.

Я пристроился к своему окну, приставил руки к вискам, чтобы отсечь дневной свет. Всмотрелся в почти как «бьюик-роудмастер 8». Устами Неда глаголила истина.

Рано или поздно.

Бангор, Мэн

Бостон, Массачусетс

Наплес, Флорида

Ловелл, Мэн

Оспри, Флорида

3 апреля 1999 г. — 20 марта 2002 г.

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Идеи времени от времени сваливаются мне на колени, думаю, под этими словами может подписатьсь любой писатель, но с романом «Почти как «бьюик» все вышло с точностью до наоборот: это тот случай, когда я свалился на идею. Я думаю, об этом стоит рассказать подробнее, поскольку история может показаться интересной не только мне.

Зиму 1999 года мы с женой провели на Лонгбру-ут-Ки во Флориде, где я правил окончательный вариант повести («Девочка, которая любила Тома Гордона») и практически ничего не писал. Собственно, и не собирался писать до весны.

В конце марта Тэбби улетела из Флориды в Мэн. Я поехал на машине. Ненавижу летать, люблю ездить, а кроме того, хватало и багажа: мебель, книги, гитары, компьютерное оборудование, одежда, бумаги. Второй или третий день моего путешествия застал меня в Западной Пенсильвании. Бензин в баке заканчивался, и я свернул с автострады 87 на какую-то сельскую дорогу. Где и наткнулся на автозаправочную станцию «Коноко» (не «Дженни»). И работавший на

ней мужчина действительно сам заправлял автомобили бензином. Даже соизволил переброситься со мной несколькими словами, не взяв за это денег.

Я оставил его рядом со своим автомобилем, а сам пошел в туалет, поскольку возникла такая необходимость. Облегчившись, обошел станцию сзади. Там обнаружил склон, усеянный ржавыми автомобильными деталями, и ревущий внизу поток. На земле грязными комками лежали остатки снега. Чуть спустился по склону, чтобы получше рассмотреть речушку, и тут земля ушла у меня из-под ног. Я проскользил футов десять, пока не схватился за ржавую ось грузовика. Если бы промахнулся, очутился бы в воде. И что потом? На этот счет лучший ответ: «Одному Богу известно».

Я заплатил заправщику (как я понял, не подозревающему, что со мной приключилось) и вернулся на автостраду. По пути размышлял о своем падении, о том, что могло бы произойти, упали я в воду (по слу-чаю весеннего паводка ее в речушке хватало). И сколько времениостоял бы мой автомобиль, нагруженный флоридской мебелью и яркой флоридской одеждой, рядом с бензоколонкой, прежде чем заправщик начал бы нервничать? Кому бы позвонил? Через сколько часов они сумели бы найти мое тело, если бы я утонул?

Этот маленький инцидент имел место быть в десять утра. Во второй половине дня я приехал в Нью-Йорк. И к тому времени история, которую вы только что дочитали, уже сложилась у меня в голове. Раньше я писал, что первые варианты романа — только голый сюжет. Содержанием он наполняется позже, роман как бы вырастает из себя. Эта история, как я полагаю, — размышления о необъяснимости событий, с которыми сталкивает нас жизнь, о том, что невоз-

можно найти в этих событиях логической последовательности. Первый вариант я набросал за два месяца. К тому времени понял, что приобрел целый букет проблем, начав писать, о чем совершенно не знаю: о Западной Пенсильвании и полиции штата Пенсильвания. Не успев разобраться и с первым, и со вторым, сам попал в аварию, и моя жизнь радикально изменилась. Когда заканчивалось лето 99-го, я радовался, что вообще остался в живых. Прошел год, прежде чем я вновь подумал об этой истории, не говоря уж о работе над ней.

Совпадение, что я начал писать роман о дорожной полиции аккурат перед тем, как сам угодил под автомобиль, не осталось незамеченным мною, но я постарался не придавать ему особого значения. И уж конечно, я не думаю, что есть какие-то параллели между тем, что произошло с Кертисом Уилкоксом в романе «Почти как «бьюик» и мною в реальной жизни (прежде всего я остался в живых). Честно признаюсь, большая часть описания гибели Кертиса — плод моей фантазии, но вот монеты высыпались из моих карманов и часы слетели с руки, как и у Кертиса. Бейсболку, которая в тот момент была у меня на голове, нашли в лесу, более чем в двадцати ярдах от места наезда. Но я ничего не поменял в моем романе с тем, чтобы отразить случившееся со мной. Не было необходимости. Воображение — мощное оружие.

У меня ни разу не возникла мысль перенести действие романа «Почти как «бьюик» в Мэн, хотя этот штат я знаю (и люблю) больше остальных. Я заехал на автозаправочную станцию в Пенсильвании, приземлился на задницу в Пенсильвании, идея романа возникла у меня в Пенсильвании. Следовательно, решил я, и события, описываемые в романе, должны

происходить в Пенсильвании, пусть для меня это со-пряжено с определенными трудностями. Мое решение имело и плюсы: к примеру, я разместил воображаемый город Стэтлер на дороге к Роксбергу, в котором жили и работали персонажи замечательных романов К. К. Константина* о начальнике полиции маленького городка Марио Бальзике. Если вы никогда не читали этих романов, доставьте себе удовольствие. История чифа Бальзика и его семьи позволит вам взглянуть на жизнь глазами слуги закона. Опять же, Западная Пенсильвания — родной дом амишей, об образе жизни которых мне давно хотелось узнать.

Этот роман мне бы не удалось закончить без помощи патрульного Люсбена Саутарда, который служит в полиции штата Пенсильвания. Лу прочитал рукопись, постарался не умереть от смеха над моими ляпами и написал мне восемь страниц замечаний, которые можно без стеснения публиковать в записных книжках любого писателя (отмечу, что патрульного Саутарда обучали писать большими, легко читаемыми печатными буквами). В его компании я побывал в расположении трех патрульных взводов ПШП, познакомился с тремя операторами средств коммуникации, которые настолько прониклись ко мне, что показали, что они делают и как (прежде всего «пробили» по компьютеру мой «додж» и выяснили, что он не в угоне и за хозяином не числятся неоплаченные штрафы), и продемонстрировали работу средств связи, используемых полицией штата.

Что более важно, Лу и его коллеги пригласили меня на ленч в ресторан в краю амишей, где мыели

* К. К. Константин — псевдоним современного американского писателя, работающего в жанре детектива. Известно о нем только одно: его среднее имя — Константин.

огромные сандвичи и пили ледяной чай под их рассказы о жизни патрульных. Иные — смешные, иные — ужасные, а в некоторых переплеталось и то, и другое. Не все попали в роман «Почти как «бьюик», но часть их вы здесь найдете, разумеется, измененными в соответствии с сюжетом. Меня принимали очень хорошо, никто никуда не бежал, что мне было только на руку. В то время я еще не расставался с костылем.

Спасибо тебе, Лу... и спасибо всем патрульным, работающим в полицейском управлении Батлера, за вашу помощь, позволившую удержать мою книгу о Пенсильвании в Пенсильвании. Особо хочу поблагодарить вас за то, что вы помогли мне понять, чем именно занимаются патрульные.

И какую они платят цену.

СК
Ноябрь 2001 г.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

ПОЧТИ КАК «БЫОИК»

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Художественный редактор *Е. Фрей*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жүлдөздөн гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 белгіле
Білдін электрондық мекенжайлымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Казахстан Республикасында дистрибутор
жөнө енни бойынша арна-тапташтырылғанын
екелі «РДЦ-Алматы» ЖШС. Алматы қ., Домбровский квн., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 ви. 107;
E-mail: RDC-Almaty@ekato.kz

Өнімнің жарнамалық мерзімі шектелмеген.

Өңдірген мемлекет: Ресей
Сертификация «Карастырылмаган»

Подписано в печать 10.10.2017. Формат 76х100 $\frac{1}{2}$ —
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,7.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 9542.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-093037-1

9 785170 930371>

...Это началось почти двадцать лет назад, когда в полицейском участке маленького городка появился конфискованный «при загадочных обстоятельствах» черный «бьюик»...

...Это продолжалось долгие годы — потому что почти все копы, связанные с историей «бьюика», погибли — и погибли скверно.

Теперь в полицейский участок городка приезжает новый стажер — мальчишка, готовый на все, чтобы разгадать тайну смерти своего отца — и черного «бьюика»...

Помочь ему способен только последний из оставшихся в живых...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-093037-1

9 785170 930371

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...